

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

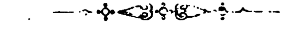
ВЪ ЛѢСАХЪ.

ВЪ ЛѢСАХЪ.

РАЗСКАЗАНО

АНДРЕЕМЪ ПЕЧЕРСКИМЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1875.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

Государю Наслѣднику

ЦЕСАРЕВИЧУ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

съ благоговѣніемъ посвящаетъ

вѣрноподданный

Павелъ Мельниковъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Верховое Заволжье — край привольный. Тамъ народъ досужій, бойкій, смышленый, и ловкій. Таково Заволжье съ верху отъ Рыбинска въ низъ до устья Ке́рженца. Ниже не то: пойдетъ лѣсная глушь, Луговая Черемиса, Чуваши, Татары. А еще ниже, за Камой, степи раскинулись, народъ тамъ другой: хоть русскій, но не таковъ какъ въ Верховьѣ. Тамъ новое заселенье, а въ заволжскомъ Верховьѣ Русь изстари усѣлась по лѣсамъ и болотамъ. — Судя по людскому нарѣчному говору — Новгородцы въ давнія Рюриковы времена тамъ поселились. Преданья о Батыевомъ разгромѣ тамъ свѣжи. Укажутъ и „тропу Батыеву“ — и мѣсто невидимаго града Китижа на озерѣ Свѣтломъ Ярѣ. Цѣлъ тотъ городъ до сихъ поръ — съ бѣлокаменными стѣнами, златоверхими церквами, съ честными монастырями, съ княженецкими узорчатыми теремами, съ боярскими каменными палаты, съ рублеными изъ кондо́ваго, негніющаго лѣса домами. Цѣлъ градъ, но неви́димъ. Не видать грѣшнымъ людямъ славнаго Китижа. Сокрылся онъ чудесно, Божьимъ повелѣньемъ, когда безбожный царь Батый, разоривъ Русь суздальскую, пошелъ воевать Русь китижскую. Подошелъ татарскій царь ко граду

Великому Китижу, восхотѣлъ домà огнемъ спалить, мужей избить либо въ полонъ угнать, женъ и дѣвицъ въ наложницы взять. Не допустилъ Господь басурманскаго поруганья надъ святыней христіанскою. Десять дней, десять ночей Батыевы полчища искали града Китижа, и не могли сыскать, ослѣпленные. И досель тотъ градъ не види́мъ стоитъ, — откроется передъ страшнымъ Христовымъ судилищемъ. А на озерѣ Свѣтломъ Ярѣ, тихимъ, лѣтнимъ вечеромъ виднѣются отраженныя въ водѣ стѣны, церкви, монастыри, терема княженецкіе, хоромы боярскіе, дворы посадскихъ людей. И слышится по ночамъ глухой, заунывный звонъ колоколовъ китижскихъ.

Такъ говорятъ за Волгой. Старая тамъ Русь, исконная, кондо́вая. Съ той поры какъ зачиналась земля Русская, тамъ чуждыхъ насельниковъ не бывало. Тамъ Русь съ изстари на чистотѣ стоитъ — какова была при прадѣдахъ, такова хранится до нашихъ дней. Добрая сторона, хоть и смотритъ сердито на чужа́нина.

Въ лѣсистомъ Верховомъ Заволжьѣ деревни малыя, за то частыя, одна отъ другой нà версту, нà двѣ. Земля холодна, неродима, своего хлѣба мужику развѣ до Масленой хватитъ, и то въ урожайный годъ. Какъ ни бейся на надѣльной полосѣ, сколько страды надъ ней не принимай, круглый годъ трудовымъ хлѣбомъ себя не прокормишь. Такова сторона!

Другой на мѣстѣ Заволжанина давно бы съ голоду померъ, но онъ не лежебокъ, человѣкъ досужій. Чего земля не дала, умѣньемъ за дѣло взяться беретъ. Не побрёлъ заволжскій мужикъ на за́работки въ чужу-дальню сторону, какъ сосѣдъ его Вязниковецъ, чтò съ пуговками, съ тесемочками и другимъ товаромъ кустарнаго промысла шагаетъ на край свѣта семьѣ хлѣбъ добывать. Не побрелъ Заволжанинъ по бѣлу́ свѣту плотничать, какъ

другой сосѣдъ его Галка *). Нѣтъ. И дома сумѣлъ онъ приняться за выгодный промыселъ. Вареги началъ вязать, поярокъ валять, шляпы да сапоги изъ него дѣлать, шапки шить, топоры да гвозди ковать, вѣсовыя коромысла чуть не на всю Россію дѣлать. А коромысла-то какія! Хоть въ аптеку бери—сдѣланы вѣрно.

Лѣсà Заволжáнина кормятъ. Ложки, плошки, чашки, блюда Заволжáнинъ точи́тъ да краси́тъ; гребни, донца, веретена, и другой щепной товаръ работáетъ, ведры, ушаты, кадки, лопаты, корóбья, весла, лейки, ковши, все, чтò изъ лѣсу можно добыть, рукъ его не минуетъ. И смолу съ дегтемъ сидитъ, а заплативъ попенныя, рубитъ лѣсъ въ казенныхъ дачахъ и сгоняетъ по Волгѣ до Астрахани бревна, брусья, шесты, дрючки, слеги́ и всякій другой лѣсной товаръ. Волга пóдъ бокомъ, но Заволжанинъ въ бурлáки не хаживалъ. Послѣднее дѣло въ бурлаки идти! По Заволжью такъ думаютъ: „честнѣй подъ óконьемъ Христовымъ именемъ кормиться чѣмъ бурлацкую лямку тянуть". И правда.

Живетъ Заволжáнинъ хоть въ трудѣ, да въ достаткѣ. Съ изстари за Волгой мужики въ сапогахъ, бабы въ котахъ. Лаптей видòмъ не видано, хоть слыхòмъ про нихъ и слыхано. Лѣсу вдоволь, лыко непочемъ, а въ рѣдкомъ домѣ кочедыкъ найдешь. Развѣ гдѣ такой дѣдушка есть, чтò съ печки ужь лѣтъ пятокъ не слѣзаетъ, такъ онъ, скуки ради лапотки иной разъ ковыряетъ, нищей братьѣ подать, либо самому обуться, какъ станутъ его въ домовину обряжать. Таковъ обычай: лѣтомъ въ сапогáхъ, зимой въ валенкахъ, на тотъ свѣтъ въ лапоткахъ....

Заволжáнинъ безъ горячаго спать не ложится, по воскреснымъ днямъ хлѣбаетъ мясное, изба у него пятистѣнная, печь съ трубой; о черныхъ избахъ да соломенныхъ крышахъ

*) Крестьяне Галицкаго и другихъ уѣздовъ Костромской губерніи.

онъ только слыхалъ, что есть такія гдѣ-то „на Горахъ“. * А чистота какая въ заволжскихъ домахъ!... Славятъ Нѣмцевъ за чистоту, Русскаго корятъ за грязь и неряшество. Побывать бы за Волгой тѣмъ славильщикамъ, не то бы сказали. Кто знакомъ только съ нашими степными да черноземными деревнями, въ голову тому не придетъ какъ чисто, опрятно живутъ Заволжáне.

Волга рукой подать. Чтò мужикъ въ недѣлю наработаетъ, тóтчасъ на пристань везетъ, а полѣнился—на сосѣдній базаръ. Большихъ барышей ему не нажить; и за Волгой не всякъ въ тысячники вылѣзетъ, за то, какъ ни плоха работа, какъ работниковъ въ семьѣ ни мало, Заволжáнинъ вѣкъ свой сытъ, одѣтъ, обутъ, и податныя за нимъ не стоятъ. Чего жь еще?... И за то слава Тѣ Господи!... Не всѣмъ же въ золотѣ ходить, въ рукахъ сéребро носить, хоть и каждому русскому человѣку такую судьбу мамки да няньки напѣваютъ, когда еще онъ въ колыбели лежитъ.

Не мало за Волгой и тысячниковъ. И даже очень не мало. Плохо про нихъ знаютъ по дальнимъ мѣстамъ потому что Заволжáнинъ про себя не кричитъ, а если деньжонокъ малу толику скопитъ, не въ банкъ кладетъ ее, не въ акціи, а въ родительску кубышку, да въ подпольѣ и зароетъ. Милліонщиковъ за Волгой нѣтъ, тысячниковъ много. Они по Волгѣ своими пароходами ходятъ, на своихъ паровыхъ мельницахъ сотни тысячъ четвертей хлѣба перемалываютъ. Много за Волгой такихъ, что десятками тысячъ капиталы считаютъ. Они больше скупкой „горянщины“ ** да деревянной посуды промышляютъ. Накупятъ того, другаго у сосѣдей, да и плавятъ весной въ Понѝ-

* „Горами“ зовутъ правую сторону Волги.

** Горянщиной называется крупный щепной товаръ: обручи, дуги, лопаты, оглобли и т. п.

зовье. Барыши хорошіе! На иныхъ акціяхъ, пожалуй, столько не получишь.

Одинъ изъ самыхъ крупныхъ „тысячниковъ“ жилъ за Волгой въ деревнѣ Осиповкѣ. Звали его Патапомъ Максимычемъ, прозывали Чапуринымъ. И отецъ такъ звался, и дѣдушка. За Волгой и у крестьянъ родовыя прозванья ведутся и даже свои родословныя есть, хотя ни въ шестыхъ, ни въ другихъ книгахъ онѣ и неписаны. Край старорусскій, кондо́вой, коренной, тамъ родословныя прозвища встарь бывали, и теперь въ обиходѣ.

Большой, недавно построенный домъ Чапурина стоялъ середь небольшой деревушки. Домъ въ два жилья, съ лѣтней свѣтлицей на вышкѣ, съ четырьмя боковушами, двумя свѣтлицами по сторонамъ, съ моленной въ особой горницѣ. Ставленъ на каменномъ фундаментѣ, окна створчатыя, стекла чистыя, бѣлыя, въ каждомъ окнѣ занавѣска миткалевая съ красной бумажной бахромкой. На улицу шесть оконъ выходило. Бревна лицевой стѣны охрой на олифѣ крашены, крыша краснымъ червлякомъ. На свѣсахъ ея и надъ окнами узорчатая прорѣзь выдѣлана, на воротахъ двѣ маленькія расшивы и одинъ пароходъ ради красы поставлены. Въ домѣ прибрано все на купецкую руку. Полъ крашеный, — олифа своя, не занимать стать; печи-голландки кафельныя съ горячими лежанками; по стѣнамъ, въ рамкахъ краснаго дерева, два зеркала да съ полдюжины картинъ за стекломъ повѣшено. Стулья и огромный диванъ краснаго дерева, крыты малиновымъ трипомъ, три клѣтки съ канарейками у оконъ, а въ углу заботливо укрыты платками клѣтки: тамъ курскіе пѣвуны — соловьи; до нихъ хозяинъ охотникъ, денегъ за нихъ не жалѣетъ.

По краямъ дома пристроены свѣтелки. Тамъ хозяйскія дочери проживали, молодыя дѣвушки. Въ передней поло-

винѣ горница хозяина была, въ задней моленная съ иконостасомъ въ три тя́бла. Канонница съ Керженца при той моленной жила, по родителямъ „негасимую“ читала. Внизу стряпущая, подклѣтъ да покои работниковъ и работницъ.

У Патапа Максимыча по рѣчкамъ Шишинкѣ и Чернушкѣ восемь токарень стояло. Посуду круглую: чашки, плошки, блюда въ Заволжьѣ на станкахъ точа́тъ — одинъ работникъ колесо вертитъ, другой то́читъ. Къ такому станку много рукъ надо, но смышленый Заволжа́нинъ придумалъ какъ дѣлу помочь. Его сторона мѣсто ровное, лѣсное, болотное, рѣчекъ многое множество. Большихъ нѣтъ, да нѣтъ и такихъ, что „на Горахъ“ водятся: весной корабли пускай, въ межень курица не напьется. Въ песчаныхъ ложахъ заволжскихъ рѣчекъ воды круглый годъ вдо́сталь, есть такія, что зимой не мерзнутъ:—лѣтомъ въ нихъ вода студеная, рука не терпитъ, зимой паръ отъ нея. На такихъ-то рѣчкахъ и настроили заволжскіе мужики токаренъ: поставитъ у воды избенку вѣнцовъ въ пять въ шесть, запрудитъ рѣченку, водоливное колесо приладитъ, приводъ веревочный пристегнетъ, и вертитъ себѣ такая меленка три-четыре токарныхъ станка за́разъ. Работа не въ примѣръ спорѣе. Такихъ токаренъ у осиповскаго „тысячника“ было восемь, на нихъ тридцать станковъ стояло; да кромѣ того, дома у него, въ Осиповкѣ, десятка полтора ручныхъ станковъ работа́ло. Была своя красильня посуду краси́ть, на пять печей; чуть не круглый годъ дѣло дѣлала. Работниковъ по сороку и больше Патапъ Максимычъ держалъ, да по деревнямъ еще скупалъ крашоную и некрашоную посуду. Горянщиной самъ въ Городцѣ торговалъ. Двѣ крупчатки у него въ Красной Рамени было, одна о восьми, другая о шести поставахъ. Расшивы свои по Волгѣ ходили, изъ Балакова да изъ Новодѣвичья пшеницу возили, на краснораменскихъ круп-

чаткахъ Чапуринъ ее перемалывалъ. Мукой въ Верховьѣ онъ торговалъ: славная мука у него бывала — чистая ровно пухъ; покупатели много довольны ей оставались.

У Макарья Патапъ Максимычъ двѣ лавки снималъ, одну въ щепяномъ, другую въ мучномъ ряду. Вотъ ужъ тридцать лѣтъ, какъ онъ каждый годъ выправляетъ торговое свидѣтельство и давно слыветъ „тысячникомъ“. Денегъ въ мошнѣ у него никто не считалъ, а намолвка въ народѣ ходила, что не одна сотня тысячъ есть у него. И въ казенны подряды пускался Чапуринъ, но большаго припену отъ нихъ не видалъ. Говаривалъ подчасъ пріятелямъ: „радъ бы бросилъ окаянные эти подряды, да больно ужъ я затянулся; а помирать Богъ приведетъ, крѣпко-нá-крѣпко дочерямъ закажу, ни впредь, ни послѣ съ казной не вязались бы, а то не будь на нихъ родительскаго моего благословенья.“

Почетъ Патапу Максимычу ото всѣхъ былъ великій. По Заволжью никто его безъ поклона не миновалъ; окольные мужики, у которыхъ Чапуринъ посуду скупалъ, въ глаза и за глаза звали его „нашъ хозяинъ“. Довѣріе имѣлъ не въ одномъ крестьянствѣ, но и въ купеческомъ обществѣ. Да вотъ какой случай разъ приключился. Мостилъ Чапуринъ въ городѣ мостовую, подрядъ не малый, одного залогу десять тысячъ было представлено имъ. Кончилъ работу, сдалъ какъ слѣдуетъ, и поѣхалъ въ городъ заработанную плату да залоги получать. Дорогой узнаетъ, что на завтра торги на перевозку казенной соли въ Рыбинскъ назначены. Посчиталъ, посчиталъ, раскинулъ умомъ-разумомъ, видитъ, — пóставка будетъ съ руки: расшива безъ дѣла, бурлаки не дóроги, паводокъ девять четвертей. Пріѣхалъ въ городъ, прямо на торги. Соляные чиновники такъ и ахнули, увидавъ Патапа Максимыча, — знали его. „Вотъ чортъ принесъ незваннаго-непрошóннаго“, тихонько

межь собой поговориваютъ, — а дѣло-то у нихъ съ другими было полажено. Провѣдали однакожь соляные, что денегъ у Чапурина въ наличности нѣтъ, упросили пріятелей въ строительной коммиссіи залоговъ ему не выдавать, пока на́ соль переторжка не кончится. Пошли въ строительной водить Патапа Максимыча за́ носъ, водятъ день, водятъ другой: ни отказу, ни приказу: „завтра да завтра, то да сё, подожди, да повремени; надо въ ту книгу вписать, да изъ того стола справку забрать.“ Извѣстно дѣло!... Чапурину не въ терпежъ... Дотянули строительные до того, что часъ одинъ до переторжки остается, а денегъ не выдаютъ. Смекнулъ Чапуринъ каверзы; видитъ, хотятъ его въ дураки оплести. „Такъ врешь же баринъ“, думаетъ себѣ „ты у меня погоди“. Да отвѣсивъ поклонъ строительнымъ, вонъ изъ присутствія. Тѣ: „куда, да зачѣмъ, да постой“; а онъ ломитъ себѣ, да прямо въ гостиный дворъ. Тамъ короткой рѣчью сказалъ рядовичамъ въ чемъ дѣло, да разсказавши, снялъ шапку, посмотрѣлъ на всѣ четыре стороны и молвилъ: „порадѣйте, господа купцы, выручите!“ Получа́са не прошло, семь тысячъ въ шапку ему накидали. „Будетъ, будетъ“!.. кричитъ Патапъ Максимычъ, „спаси васъ Христосъ“. Духу не переводя, поскакалъ на переторжку. Тамъ ему первымъ словомъ:

— Залоги?

— Вотъ они! молвилъ Патапъ Максимычъ.

Отдалъ деньги, и пошелъ цѣну сносить. Снесъ, чуть не половину, а четыре копѣйки нажилъ на рубль. Очень недовольны соляные остались.

Патапъ Максимычъ съ семьей старинки придерживался, раскольничалъ, но закоснѣлымъ изувѣромъ никогда не бывалъ. Не держался правила: „съ бритоусомъ, съ табашникомъ, щепотникомъ и со всякимъ скобленымъ рыломъ не

молись, не водись, не дружись, не бранись". И раскольничалъ-то Патапъ Максимычъ потому больше что за Волгой издавна такой обычай велся, отъ людей отставать ему не приходилось. Притомъ же у него расколомъ дружба и знакомство съ богатыми купцами держались, кредиту отъ раскола больше было. Да кромѣ того, во время отлучекъ изъ дому, по чужимъ мѣстамъ жить въ раскольничьихъ домахъ бывало ему привольнѣй и спокойнѣй. На Низъ ли поѣдетъ, въ Верховы ли города, въ Москву ли, въ Питеръ ли, вездѣ и къ мало знакомому раскольнику идетъ онъ какъ къ родному. Всячески его успокоятъ, все приберегутъ, все сохранятъ и всѣмъ угодятъ. И то льстило Патапу Максимычу, что послѣ родителя, былъ онъ попечителемъ Городецкой часовни, да не такимъ, что только по книгамъ значатся, для видимости полиціи, а „истовымъ", кореннымъ. Отъ часовеннаго общества за то ему почетъ былъ великій. А почетъ Чапуринъ любилъ.

Семья была у него небольшая, самъ съ женой да двѣ дочери. Богоданная дочка была еще, Груня-сиротка съ измáльства Чапуринымъ призрѣнная — та ужь за мужъ выдана была въ деревню Вихорево за тысячника. Родныя дочери тоже на возрастѣ были: старшей, Настасьѣ, восмнадцать минуло, другая, Прасковья, годомъ была помоложе. Только что воротились онѣ въ родительскій домъ отъ тетки родной, матери Манееы, игуменьи одной изъ Комаровскихъ обителей. Гостили дѣвушки у тетки безъ мала пять годовъ, обучались божественному писанію и скитскимъ рукодѣльямъ: бисерны лѣстовки вязать, шелковы кошельки да пояски ткать, по канвѣ шерстью, да синелью вышивать, и всякому другому бѣлоручному мастерству Отецъ „тысячникъ" выдастъ замужъ въ домà богатые, не у квашни стоять, не у печки дѣвицамъ возиться, на то будутъ работницы; оттого на бѣлой работѣ да на книгахъ больше

онѣ и сидѣли. Настя да Параша въ обители матушки Манефы и „Часовникъ“, и всѣ двадцать каѳизмъ „Псалтыря“ наизусть затвердили, отеческія книги читали бойко, безъ запинки, могли справлять уставную службу по „Минеи Мѣсячной“, пѣть по крюкамъ, даже „разводъ демественному и ключевому знамени“ разумѣли. Выучились уставомъ писать, и живя въ скиту, не мало „Цвѣтниковъ“ да „Сборниковъ“ переписали и передъ великими праздниками посылали ихъ родителямъ въ подаренье. А Патапъ Максимычъ любилъ на досугѣ душеспасительныхъ книгъ почитать и куда какъ любо было сердцу его родительскому перечитывать „Златоструи“ и другія сказанья, съ золотомъ и киноварью переписанныя руками дочерей-мастерицъ. Какія „заставки“ рисовала Настя въ началѣ „Цвѣтниковъ“, какіе „финики“ по бокамъ золотомъ выводила—любо-дорого посмотрѣть!

Настя съ Парашей, воротясь къ отцу, къ матери, расположились въ свѣтлицахъ своихъ, а разукрасить ихъ отецъ не поскупился. Вечеркомъ, какъ онѣ убрали́сь, пришелъ къ дочерямъ Патапъ Максимычъ поглядѣть на ихъ новоселье, и взялъ рукописную тетрадку, лежавшую у Насти на столикѣ. Тутъ были „стихи объ Іоасафѣ царевичѣ“, „объ Алексѣѣ Божьемъ человѣкѣ“, „Древянъ гробъ сосновый“ и рядомъ съ этой пса́льмой „Похвала пустыни“. Она начиналась словами:

Я въ пустыню удаляюсь
Отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ.
Сколько горести напрасно
Я въ разлукѣ съ милымъ должна снесть.....

Перевернулъ Патапъ Максимычъ листокъ, тамъ другая пса́льма:

Сизенькій голубчикъ,
Армейскій поручикъ.

Поморщился Патапъ Максимычъ, сунулъ тетрадку въ карманъ, и ни слова не сказавъ дочерямъ, пошелъ въ свою горницу. Говоритъ женѣ:

— Ты, Аксинья, за дочерьми-то приглядывай.

— Чего за ними Максимычъ, приглядывать? Дѣвки тихія, озорства никакого нѣтъ, отвѣчала хозяйка, глядя удивленными глазами на мужа.

— Не про озорство говорю, сказалъ Патапъ Максимычъ,—а про то, что дѣвки на возрастѣ, стало-быть, отъ грѣха на вершокъ.

— Что ты, Максимычъ! Бога не боишься, про родныхъ дочерей что городишь! И въ головоньку имъ такого мотыжничества не приходило; птенчики еще, какъ есть слетышки!

— Гляди имъ въ зубы-то! Нашла слетышковъ! Настасьѣ-то девятнадцатый годъ, глянь-ка ей въ глаза-то—такъ мужа и просятъ.

— Полно грѣшить-то, Максимычъ, возвысила голосъ Аксинья Захаровна. — Чтойто ты? Родныхъ дочерей забижать!... Клеплешь на дѣвку!... Какой ей мужъ?... Обѣ ничегохонько прò эти дѣла не разумѣютъ.

— Держи карманъ!... Не разумѣютъ!... Въ Комаровѣ-то поди, всякіе виды видали. Въ скитахъ завсегда грѣхъ со спáсеньемъ пососѣдски живутъ.

— Да полно жь грѣшить-то тебѣ!.. еще больше возвысила голосъ Аксинья Захаровна. Какъ возможно, про честныхъ старицъ такую рѣчь молвить? У матушки Манеѳы въ обители споконъ вѣку худаго ничего не бывало.

— Много ты знаешь!... А мы видали виды.... Зачѣмъ исправникъ-отъ въ Комаровъ кажду недѣлю наѣзжаетъ.... Даромъ что ли?... Въ Московкиной обители съ бѣлицами-то онъ отъ писанья что ли бесѣдуетъ?... А Домнѣ

головщицѣ за что шелковы платки даритъ?... А купчики московскіе зачѣмъ къ Глафиринымъ ѣздятъ?... А?...

— Полно тебѣ, старый хрѣнъ, хульныя словеса нести, съ озлобленьемъ вскричала Аксинья Захаровна. — Слушать-то грѣхъ!... Совсѣмъ обмірщился!... Аль забылъ, что всяко праздно слово на послѣднемъ судѣ взыщется?... Повелся съ табашниками-то!... Вотъ и скружился. На святыя обители хулу нести!... А?... Бога-то видно въ тебѣ не стало... Знамо дѣло, зачѣмъ въ Комаровъ люди ѣздятъ: на могилку къ честнòму отцу Іонѣ отъ зубной скорби помолиться, на поклоненье могилкѣ матушки Маргариты. Мало ль въ Комаровѣ святыни!... Ей христіане и пріѣзжаютъ поклоняться?... А пò лѣсу сколько святыхъ мѣстъ на старыхъ скитахъ, разоренныхъ?

— Ужь исправникъ-отъ не тѣмъ ли святымъ мѣстамъ ѣздитъ поклоняться? усмѣхаясь спросилъ жену Патапъ Максимычъ. — Домашка головщица что ли ему въ лѣсу-то каноны читаетъ?... Аль за тѣ каноны Семенъ-отъ Петровичъ шелковы платки ей даритъ?

Не вытерпѣла Аксинья Захаровна, плюнула и вонъ пошла. Сама за Чапурина изъ скитовъ „уходомъ“ бѣжала, и къ келейницамъ сердце у ней лежало всегда.

Поспорь эдакъ Аксинья Захаровна съ сожителемъ о мірскомъ, былъ бы ей окрикъ, пожалуй и волосникъ бы у ней Патапъ Максимычъ поправилъ. А насчетъ скитовъ да лѣсовъ и всего эдакого духовнаго — статья иная, тутъ не мужъ, а жена голова. Тутъ Аксиньина воля; за хульныя словеса можетъ и лѣстовкой мужа отстегать.

Такъ изстари ведется. Расколъ бабами держится, и въ этомъ дѣлѣ баба голова, потому что въ какомъ-то писаніи сказано: „мужъ за жену не умолитъ, а жена зá мужа умолитъ“.

Сѣлъ за столъ Патапъ Максимычъ. Хотѣлъ счеты за

годъ подводить, но счеты не шли на умъ. Про дочерей раздумывалъ.

„Хоть и жаль разставаться, а лучше къ мѣсту скорѣй, думалъ онъ. — Дочь чужое сокровище: пой, корми, холь, разуму учи, потомъ въ чужи люди отдай. Лучше скорѣй тѣмъ дѣломъ повернуть. Для чего засиживаться?... Мнѣ же Данило Тихонычъ намедни насчетъ сына загадку загануль... Что жь?... Домъ хорошій, люди богобоязные, достатокъ есть.... Отчего не породниться?... Настасья съ Прасковьей не безприданницы; съ радостью возьмутъ. Женихъ, кажись, малый складный: и рѣчистъ, и уменъ, дѣло изъ рукъ у него не валится... На Крещенскомъ базарѣ потолкуемъ, и Богъ дастъ порѣшимъ... А долго дѣвокъ дома не держать... Долго ль до грѣха?"

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Вечеръ Крещенскаго Сочельника ясный былъ и морозный. За околицей Осиповки молодыя бабы и дѣвки сбирали въ кринки чистый „крещенскій снѣжокъ" холсты бѣлить да отъ сорока недуговъ лѣчить. Поглядывая на ярко блиставшія звѣзды, молодицы заключали, что новый годъ бѣлыхъ ярокъ породитъ, а дѣвушки межъ себя толковали: „звѣзды къ гороху горятъ, да къ ягодамъ; вдоволь уродится, то-то загуляемъ въ лѣсахъ, да въ горохахъ!"

Стары старухи и пожилыя бабы домовничали; съ молитвой клали онѣ мѣломъ кресты надъ дверьми и надъ окнами ради отогнанія нечистаго и такую думу держали: „батюшка Микола милостивый, какъ бы къ утрею-то оттеплѣло, да туманъ бы палъ на святую Ердань, хлѣбушка бы тогда вдоволь намъ уродилось!" Мужики вкругъ лошадей возились: извѣстно,

кто въ Крещенскій Сочельникъ у коня копыты почиститъ, у того конь весь годъ не будетъ хромать и не случится съ нимъ иной болѣсти. Но вѣря своей примѣтѣ, мужики, не довѣряли бабьимъ обрядамъ, и ворча себѣ подъ носъ, копались середь дворовъ въ навозѣ, глядя, не осталось ли тамъ огня послѣ того какъ съ вечера старухи пуки лучины тутъ жгли, чтобъ на томъ свѣтѣ родителямъ было теплѣе. Въ избахъ у краснаго угла толпились ребятишки. Притаивъ дыханье, глазъ не спускали они съ чашки, наполненной водою и поставленной у божницы: какъ наступитъ Христово Крещенье, сама собой вода колыхнётся, и небо растворится; глянь въ раскрытое на единъ мигъ небо и помолись Богу: чего у Него ни попросишь, все подастъ.

— Пусти насъ, мамынька, съ дѣвицами снѣжокъ пополоть, просилась меньшая дочь у Аксиньи Захаровны.

— Въ умѣ ль ты, Паранька? строго отвѣтила мать набожно кладя надъ окнами мѣломъ кресты. — Пріѣдетъ отецъ да узнаетъ, что̀ тогда?

— Да вѣдь мы не однѣ! Всѣ дѣвицы за околицей... И мы бы пошли, замѣтила старшая, Настасья.

— Пущу я васъ ночью, съ дѣвками!.. Какъ же!.. Съ ума своротила, Настёнка! Ваше ль дѣло гулять за околицей?

— Другія пошли же.

— Другія пошли, а вамъ не слѣдъ. Худой славы что ли захотѣла?...

— Какой же славы, мамынька? приставала Параша.

— А вотъ какъ возьму лѣстовку, — да ради Христова праздника, отстегаю тебя, съ притворнымъ негодованьемъ сказала Аксинья Захаровна, такъ и будешь знать какая слава!... Ишь что̀ вздумала!.. Пусти ихъ снѣгъ полоть за околицу!.. Да теперь, поди чай, парней-то туда что навалило: и своихъ, и изъ Шишинки, изъ Назаровой!... Долго ль

до грѣха?... Дѣвки вы молодыя, дочери отецкія: слѣдъ ли вамъ по ночамъ хвосты мочить?

— Да пошли же другія, настаивала Настя. Очень ей хотѣлось поиграть съ дѣвицами за околицей.

— Коли пошли, такъ туда имъ и дорога, отвѣтила мать.— А вамъ съ деревенскими дѣвками себя на ряду считать не доводится.

— Отчего жь это мамынька?.. Чѣмъ жь мы лучше ихъ?.. спросила Настасья.

— Тѣмъ и лучше, что хорошаго отца дочери, сказала Аксинья Захаровна.—Связываться съ тѣми не слѣдъ. Сядьтека лучше, да „Псалтирь“ ради праздника Христова почитайте. Отецъ скоро съ базара пріѣдетъ, утреню будемъ стоять; помогли бы лучше Евпраксеюшкѣ моленну прибрать... Дѣло-то не въ примѣръ будетъ праведнѣе чѣмъ за околицу бѣгать. Такъ-то.

— Да, мамынька.... заговорила-было Настя, — намъ бы къ дѣвушками посмѣятся, на морозцѣ поиграть.

— Сказано не пущу, крикнула Аксинья Захаровна. — Изъ головы выбрось снѣгъ полоть!.. Ступай, ступай въ моленну, прибирайте къ утрени!... Эки безстыжія, эки вольныя стали — матери не слушаютъ!... Нѣтъ, дѣвки, приберу васъ къ рукамъ.... Чтò выдумали!... За околицу!.. Да отецъ-отъ съѣстъ меня какъ узнаетъ, что я за околицу васъ ночью пустила.... Пошли, пошли въ моленную!

Помялись дѣвушки, и со слезами пошли въ моленную.

— Ишь чтò баловницы выдумали!... ворчала Аксинья Захаровна, оставшись одна и кладя мѣловые кресты надъ входами и выходами: — Ишь чтò выдумали—снѣгъ полоть!... Статочно ли дѣло?... Свѣдаютъ что Патапа Максимыча дочери по ночамъ за околицу бѣгаютъ, чтò въ городу скажутъ по купечеству?.. Срамъ одинъ... Просто срамъ... Долго ль дѣвкамъ нá вѣкъ ославиться?... Много недоб-

рыхъ-то людей... Какъ пить дадутъ—наплетутъ, намочалятъ не вѣсть чего!... И что̀ имъ, глупымъ, захотѣлось за околицу?... Чего не видали?... Снѣгъ полоть, холсты бѣлить!... Да придется развѣ имъ холсты-то бѣлить?... Слава Богу, всего припасено, не безприданницы.... А теперь, поди, у дѣвокъ за околицей смѣху-то, бало́ванья-то что!... Была и я молода, хаживала и я подъ Крещенье снѣжокъ полоть.... Точимъ балясы до вторыхъ пѣтуховъ; парни придутъ съ балалайками... Прибаутками со́ смѣху такъ и морятъ... И чего то, чего не бывало!... Охъ, согрѣшила я, грѣшница!... А хочется дѣвонькамъ за околицу... Ну, да имъ нельзя, хорошаго отца дѣти; нельзя!... Охъ дѣвичья пора!... Веселья все хочется, воли... Дѣвоньки, мои дѣвоньки!... и пустила бъ я васъ, да какъ самъ-отъ пріѣдетъ, какъ самъ-отъ узнаетъ.... Тогда что?...

Въ то время гурьба молодежи валила мимо двора Патапа Максимыча съ кринками, полными набраннаго снѣгу. Раздалась веселая пѣсня подъ окнами. Пѣли „авсе́нь“, величая хозяйскихъ дочерей:

Середи Москвы
Ворота пестры,
Ворота пестры,
Вереи красны.
  Ой Авсень, Таусень!

У Патапа на дворѣ,
У Максимыча въ дому
Два теремышка стоятъ,
Золотые терема.
  Ой Авсень, Таусень!...

Какъ во тѣхъ во теремахъ
Красны дѣвицы сидятъ,
Свѣтъ душа Настасьюшка.
Свѣтъ душа Прасковьюшка.
  Ой Авсень, Таусень!...

— О, чтобъ васъ тутъ, непутные!... вздрогнувъ отъ первыхъ звуковъ пѣсни, заворчала Аксинья Захаровна, хоть величанье дочерей и было ей по̀ сердцу. По старому обычаю, это не малый почетъ. — О, чтобъ васъ тутъ!... И святъ вечеръ не почитаютъ грѣховодники!... Вечоръ нечистаго изъ деревни гоняли, сегодня опять за пѣсни... Страху-то нѣтъ на васъ, окаянные!

Гурьба парней и дѣвокъ провалила. Какой-то отстало́й хриплымъ, нестройнымъ, голосомъ запѣлъ подъ окнами:

Я тетерьку гоню,
Полевую гоню;
Она подъ кустъ,
А я за хвостъ!
Авсень, Таусень!
Дома ли хозяинъ?

— Мать Пресвята Богородица! всплеснувъ руками, всклик-нула Аксинья Захаровна. — Микешка безпутный!... Его голосъ!... Господи! Да что̀ жь это такое?...

Пьяный голосъ слышенъ былъ у воротъ. Кто-то стучался. Сбѣжавъ въ подклѣтъ, Аксинья Захаровна наказывала работникамъ не пускать на дворъ Микешку.

— Хоть замерзни, въ домъ не пущу. Не пущу, не пущу! кричала она.

Заскрипѣлъ снѣгъ подъ полозьями. Стали сани у двора Патапа Максимыча.

— Пріѣхалъ, весело молвила Аксинья Захаровна, и засуетилась.— Матренушка, Матренушка!... сбирай поскорѣй самоварчикъ!... Патапъ Максимычъ пріѣхалъ!

Въ горницу хозяинъ вошелъ. Жена торопливо стала распоясывать кушакъ, повязанный по его лисьей шубѣ. Прибѣжала Настя, стала отряхать заиндевѣлую отцовскую шапку, межъ тѣмъ Параша снимала вязанный изъ шерсти

шарфъ съ шеи Патапа Максимыча. Ровно кошечки, ластились къ отцу дочери, спрашивали:

— Привезъ, гостинцу съ базару, тятенька?

— Тебѣ, Параня, два привезъ, шутилъ Патапъ Максимычъ,— одну плетку ременную, другу шелковую... Котору прежде пробовать?

— Нѣтъ, тятенька, ты не шути, ты правду скажи.

— Правду и говорю, отвѣчалъ улыбаясь отецъ.—А ты, Параня, пока плеткой я тебя не отхлысталъ, поди-ка вели работницѣ чайку собрать.

— Сказано, ужь сказано, перебила Аксинья Захаровна и пошла было въ угловую горницу.

— Ты, Аксинья, погоди, молвилъ Патапъ Максимычъ.— Руки у тебя чисты?

— Чисты. А чтò?

— То-то. На, прими, сказалъ онъ, подавая женѣ закрытый буракъ, но увидя входившую канонницу, отдалъ ей, примолвивъ:—Ей лучше принять, она святъ человѣкъ. Возьми-ка, Евпраксеюшка, воду богоявленскую.

Аксинья Захаровна съ дочерьми и канонница Евпраксія съ утра не ѣли, дожидаясь святой воды. Положили началъ, прочитали тропарь, и наливъ въ чайную чашку воды, испили понемножку. Послѣ того Евпраксія, еще три раза перекрестясь, взяла буракъ и понесла въ моленну.

— Въ часовнѣ, аль на дому у кого воду-то святили? садясь на диванъ спросила у мужа Аксинья Захаровна.

— У Михайла Петровича у Галкина, въ деревни Столбовой, отвѣтилъ Патапъ Максимычъ.

— Кто святилъ? Отецъ Аѳанасій, чтò ли? спросила Аксинья Захаровна?

— Изъ острога что ли придетъ? молвилъ Патапъ Максимычь? Чай не пустятъ?... Новый попъ святилъ.

— Какой же новый попъ? съ любопытствомъ спросила Аксинья Захаровна?

— Матвѣя Корягу знаешь?

— Какъ не знать Матвѣя Корягу? Начитанный старикъ, силу въ писаніи знаетъ.

— Онъ самый и святилъ.

— Какъ же святить ему, Максимычъ? съ удивленьемъ спросила Аксинья Захаровна.

— Какъ святятъ, такъ и святилъ. На Николинъ день Коряга въ попы поставленъ. Великимъ постомъ пожалуй и къ намъ пожалуетъ... „Исправляться" у Коряги станемъ, въ моленной обѣдню отслужитъ, съ легкой усмѣшкой говорилъ Патапъ Максимычъ.

— Ума не приложу, Максимычъ, что̀ ты говоришь. Право ужь я и не знаю, разводя руками и вставая съ дивана, сказала Аксинья Захаровна. — Кто жь это Корягу въ попы-то поставилъ?

— Епископъ. Развѣ не слыхала, что у насъ свои архіереи завелись? сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Австрійскіе-то, что ли? Сумнительны они, Максимычъ. Обливанцы, слышь, молвила Аксинья Захаровна.

— Пустаго не мели. Ты что̀ ли ихъ обливала?... сказалъ Патапъ Максимычъ.

— У насъ въ Комаровѣ иныя обители австрійскихъ готовы принять, вмѣшалась въ разговоръ Настя:—Глафирины только сумнѣваются, да еще Игнатьевы, Анфисины, Трифинины, а другія обители всѣ готовы принять; и Оленевскія, и въ Улáнгерѣ, и въ Чернухѣ — вездѣ, вездѣ по скитамъ.

— Изъ Москвы, изъ Хвалыни, изъ Казани пишутъ про епископа, что онъ какъ есть совсѣмъ правильный, молвилъ Патапъ Максимычъ.—Всѣ мои покупатели ему послѣдуютъ. Не ссориться съ ними изъ-за такихъ пустяковъ.... Какъ

они, такъ и мы. А что̀ есть у иныхъ сумнѣніе, такъ это правда, точно есть. И въ Городцѣ не хотятъ Матвѣя въ часовню пускать, зазоренъ дескать, за деньги что̀ хочешь сдѣлаетъ. Про епископа Софронія то же толкуютъ.... Кто ихъ разберетъ?... Ну ихъ къ Богу—чайку бы поскорѣй...

Какъ утка переваливаясь, толстая работница Матрена втащила ведерный самоваръ и поставила его на прибранный Настей и Парашей столъ. Семья усѣлась чайничать. Позвали и канонницу Евпраксію. Пили чай съ изюмомъ, потому что Сочельникъ, а сахаръ скороменъ; въ него-де кровь бычачью кладутъ.

Патапъ Максимычъ дѣла свои на базарѣ кончилъ ладно. Новый заказъ, и большой заказъ, на посуду онъ получилъ, чтобъ къ веснѣ непремѣнно выставить на пристань тысячъ на пять рублей посуды, кромѣ прежде заказанной; долгъ ему отдали, про который и думать забылъ; письма изъ Балакова получилъ: прикащикъ тамъ сходно пшеницу купилъ, будутъ барыши хорошіе;—вечерню выстоялъ, новаго попа въ служеніи видѣлъ, со Снѣжковымъ встрѣтился, насчетъ Настиной судьбы толковалъ; дѣло, почитай, совсѣмъ порѣшили. Такой ладный денекъ выпалъ, что рѣдко бываетъ.

Удачно проведя день, Чапуринъ былъ въ духѣ, и за чаемъ, шутки шутилъ съ домашними. По этому одному видно было, что съѣздилъ онъ по-добру по-здорову, на базарѣ сдѣлалъ оборотъ хорошій, и все у него клеилось, шло какъ по маслу.

— Ты, Аксинья, къ себѣ на именины жди дорогихъ гостей. Обѣщались пироги ѣсть у именинницы.

— Кого звалъ? вскинувъ на мужа глазами, спросила Аксинья Захаровна.

— Скорняковъ Михайло Василичъ съ хозяйкой обѣща-

лись, кумъ Иванъ Григорьичъ съ Груней, Данило Тихонычъ съ сыномъ, Снѣжковъ прозывается.

— Не знаю такого. Чтò за Снѣжковъ? сказала Аксинья Захаровна.

— Не знала, такъ узнаешь, молвилъ Патапъ Максимычъ.—Пріятель мой, дружище, одно дѣльце съ нимъ заведено: подай Господи хорошаго совершенья.

— Откуда самъ-отъ?

— Самарскій.— Мужикъ богатый: свои гурты изъ стéпи гоняетъ, салотопленый заводъ у него въ Самарѣ большущій, въ Питеръ сало поставляетъ. Капиталу ста четыре тысячъ цѣлковыхъ, а не то и больше; купецъ, съ медалью; хорошій человѣкъ. Сегодня вмѣстѣ и вечерню стояли.

— Такъ онъ изъ нашихъ, изъ христіанъ? спросила Аксинья Захаровна.

— Извѣстно. Чужаго развѣ пустилъ бы Михаилъ Петровичъ на освященье воды? Старинные старообрядцы: и дѣды, и прадѣды жили по древлему благочестію... Съ сыномъ Данило Тихонычъ пріѣдетъ; сынъ парень умный, изъ себя видный, двадцать другой годъ только пошелъ, а отцу ужь помощь большая. Вотъ и теперь посылаетъ его въ Питеръ по салу, недѣли черезъ двѣ воротится, какъ разъ къ твоимъ именинамъ. Хорошенько надо изготовиться; не ударь лицомъ въ грязь на угощеньѣ. Ну-ка, дѣвки-грамотейницы, книжныя келейницы, смекните, въ какой день материны именины придутся? Въ скоромный, аль въ постный?

— Хоть въ середу, да на сплошной, отвѣтила Настя.

— Ну, и ладно. Мяснымъ, стало-быть потчивать станемъ. А рыбки все-таки надо подать. Безъ рыбы нельзя. Изъ скитовъ ждешь кого?

— Матушка Манеѳа обѣщалась, отвѣтила Аксинья Захаровна.

— Значитъ, и мясное надо, и рыбное. Стряпка одна не управится? Пошли въ Ключову за Никитишной, знатно стряпаетъ, что твой Московскій трактиръ. Подруги, чай, тоже пріѣдутъ изъ Комарова къ дѣвкамъ-то?

— Марья Гавриловна обѣщалась, сказала Аксинья Захаровна,—да еще Фленушка.

— Эту бы, пожалуй, и не надо. Больно озорна.

— Ахъ, тятенька, что̀ это ты? Фленушка дѣвица во всемъ самая распрекрасная, вступилась за пріятельницу Настя.

— Ладно, знаемъ и мы что-нибудь, молвилъ Патапъ Максимычъ.—Слухомъ земля полнится.

— Полно, батько, постыдись, вступилась Аксинья Захаровна. — Про Фленушку ничего худаго не слышно. Да и стала бы развѣ матушка Манееа съ недоброй славой ее въ такой любви, въ такомъ приближеньи держать? Мало ль чего не мелятъ пустые языки! Всѣхъ рѣчей не переслушаешь; а тебѣ, старому человѣку, дѣвицу обижать грѣхъ: у самого дочери ростутъ.

— Да я ничего, молвилъ Патапъ Максимычъ.—Пусть ее пріѣзжаетъ. Только ужь, спорь ты, Аксинья, не спорь, — а келейницей Фленушка не глядитъ.

— А по-твоему дѣвицамъ бирюкомъ надо глядѣть, слова ни съ кѣмъ не смѣть вымолвить? Чай вѣдь и онѣ тоже живой человѣкъ, не деревянныя, вступилась Аксинья Захаровна.

— Ну, ты ужь зачнешь, сказалъ Патапъ Максимычъ.— Дай только волю. Лучше бъ еще по чашечкѣ налила.

— Кушай, батюшка, на здоровье, кушай, воды въ самоварѣ много. Свѣженькаго не засыпать ли? молвила Аксинья Захаровна.

— Засыпь, пожалуй, сказалъ Патапъ Максимычъ.—А къ именинамъ надо будетъ въ городѣ цвѣточнаго взять, рублевъ этакъ отъ шести. Важный чай!

— Отъ ярманки шестирублеваго-то осталось, сказала Аксинья Захаровна.

— Свѣжаго купимъ. Гости хорошіе, надо чтобъ все по гостямъ было. Таковы у насъ съ тобой, Аксинья, будутъ гости, что не токмо цвѣточнаго чаю, дѣтища роднаго для нихъ не пожалѣю. Любую дѣвку отдамъ! Вотъ оно какъ!

Дѣвушки переглянулись межь собой и съ матерью. Канонница глаза потупила.

— Ужь что̀ ни скажешь ты, Максимычъ, сказала Аксинья Захаровна. — Про родныхъ дочерей неподобныя слова говоришь! Бога-то побоялся бы, да людей постыдился бы.

— Что̀ сказалъ то и сдѣлаю, когда захочу, рѣшительно молвилъ Патапъ Максимычъ. — Перечить мнѣ не смѣетъ никто.

Настя, ласкаясь къ отцу, съ притворнымъ страхомъ спросила.

— Что̀ жь ты съ нами подѣлаешь, тятенька?

— Тебя ожарить велю, сказалъ смѣясь Патапъ Максимычъ, — а Параша тебя пожирнѣй, ее во щи. И стану вами гостей угощать!

— Пожалѣешь, тятенька, не изжаришь.

— А вотъ увидишь.

— Полно-ка вамъ вздоръ-отъ молоть, принимаясь убирать чайную посуду, сказала Аксинья Захаровна. — Не пора ль начинать утреню? Ты бы, Евпраксеюшка, зажигала покамѣстъ свѣчи въ моленной-то. А вы, дѣвицы, ступайте-ка помогите ей.

Канонница съ хозяйскими дочерьми вышла. Аксинья Захаровна мыла и прибирала чашки. Патапъ Максимычъ зачалъ ходить взадъ и впередъ по горницѣ, заложивъ руки за спину.

— Братецъ-отъ любезный, Никифоръ-отъ Захарычъ, опять въ нашихъ мѣстахъ объявился, сказалъ онъ въ полголоса.

— Объявился, батюшка Патапъ Максимычъ, точно что объявился, горькимъ голосомъ отвѣтила Аксинья Захаровна...—Слышала я давеча подъ окнами голосъ его непутный... Охъ грѣхи, грѣхи мои!... продолжала она, вскидывая на́ мужа полные слезами глаза.

— Пѣснями у воротъ меня встрѣтилъ, молвилъ Патапъ Максимычъ.—Кому Сочельникъ, а ему все еще Святки.

— И не говори, батюшка!... Что̀ мнѣ съ нимъ дѣлать-то?... Ума не приложу.... Не братъ, а врагъ онъ мнѣ... Вѣкъ бы его не видала. Околѣлъ бы гдѣ-нибудь, прости Господи, подъ оврагомъ.

— Пустаго не мели, отрѣзалъ Патапъ Максимычъ. — Мало пути въ Никифорѣ, а пожалуй и вовсе нѣтъ, да все же тебѣ братъ. Своя кровь — и́зъ роду не выкинешь.

— Охъ, ужь эта родня!... Одна сухота, плачущимъ голосомъ говорила Аксинья Захаровна.—Навязался мнѣ на шею!.. Одна остуда въ домѣ. Хоть бы ты его хорошенько поначалилъ, Максимычъ.

— Не училъ отецъ смо̀лоду, зятю не научить, какъ въ коломенску версту онъ вытянулся, сказалъ на то Патапъ Максимычъ.—Мало я возился съ нимъ? Ну, да что̀ поминать про старое? Приглядывать только надо, опять бы чего въ кабакъ со двора не стащилъ.

— Батюшка ты мой!... Сама буду глядѣть, и работникамъ закажу чтобъ глядѣли, вопила Аксинья Захаровна.—А ужь лучше бы, кормилецъ, заказалъ ты ему путь къ нашему дому. Иди, молъ, откуда пришелъ.

— Не дѣло говоришь, Захаровна. Великъ передъ Богомъ грѣхъ: роднаго человѣка изъ дому выгнать, молвилъ Патапъ Максимычъ.—Отъ людей зазорно, роду-племени покоръ! У добрыхъ людей такъ не водится. Славу Богу, насъ не объѣстъ. Лишь бы не дурилъ да хмѣльнымъ дѣломъ по-

меньше зашибался. Парень онъ не дуракъ, руки золотыя, рыло-то на бѣду погано. По нашимъ мѣстамъ, думаю я, Никифору въ жизнь не справиться, славы много; одно то, что „волкомъ“ былъ; всѣ знаютъ его вдоль и поперегъ, ни отъ кого вѣры нѣтъ ему на полушку. А вотъ послушай-ка, Аксинья, что я вздумалъ: сегодня у меня на базарѣ дѣльце выгорѣло — пшеницу на Низу въ годы беру; землю, то-есть, казенную на сроки хочу нанимать. Старые пріятели Зубковы, сняли нá годы въ Узеняхъ казенны земли, пшеницу сѣять. Набрали дѣла черезъ силу, хочу я у нихъ хутора два годовъ на шесть взять. По веснѣ пожалуй самому сплыть туда придется, осмотрѣть все, хозяйство завести. Кого прикащикомъ послать—придумано. У того прикащика на другомъ хуторѣ будетъ ему подначальный. И пало мнѣ на умъ: въ подначальные то Никифора. Отъ того хутора, гдѣ думаю посадить его, кабака кругомъ верстъ на сорокъ нѣтъ. А Никифоръ, какъ не пьетъ, золото. Такъ я и рѣшилъ его въ Узени. Чтò скажешь на это?

— Что тебѣ, Максимычъ, слушать глупыя рѣчи мои? молвила на то Аксинья Захаровна.—Ты голова. Знаю, что ради меня, не ради его непутнаго, Микешку жалѣешь. Да сколь же еще изъ-за него паскуднаго мнѣ слезъ принимать, глядя на твои къ нему милости? Ничто ему, пьяницѣ, ни въ прокъ, ни въ толкъ нейдетъ. Совсѣмъ, отятой, сбился съ пути. Охъ, Патапушка, голубчикъ ты мой, кормилецъ ты нашъ, не кори за Микешку меня горемычную. Возрадовалась бы я во гробу его видючи, въ бѣломъ саванѣ...

— Нишкни. Пустыхъ рѣчей не умножай. Грѣхъ! Кто тебя, глупую, коритъ? такъ заговорилъ Патапъ Максимычъ.—Эхъ Аксинья, Аксиньюшка! Не знаешь развѣ, что за брата сестра не отвѣтчица?... Хоть и пьяница Ники-

оръ, хоть и воромъ приличился, хоть „волкомъ“ по деревнямъ водили его, все же онъ тебѣ братъ. Чтò ни дѣлай, изъ родни не выкинешь. Значитъ, не чужу остуду на себя беру, своего рода сухоту на плéча кладу. Лишняго толковать нечего; пошлемъ его въ Узени. Все хорошей рукой облажу; и толковать про то больше не станемъ.... А я тебѣ, Аксиньюшка, вотъ какое еще слово молвлю: не даромъ дѣвкамъ-то загадку я загануль, что ради гостя дорогаго любой изъ нихъ не пожалѣю. Съ Данилой Тихонычемъ Снѣжковымъ мы совсѣмъ, почитай, рѣшили.

— Чтò рѣшили? спросила Аксинья Захаровна, пристально глядя на мужа.

Онъ остановился передъ ней у стола и сказалъ:

— Насчетъ судьбы Настиной.

У Аксиньи руки опустились. Жаль ей было разставаться съ дочерями, и не разъ говаривала она мужу, что Настя съ Парашей не перестарки, годика три-четыре могутъ еще въ дѣвкахъ посидѣть.

— Не раненько ль задумалъ, Максимычъ? сказала.— Надоѣла что ль тебѣ Настасья али объѣла насъ?

— Пустаго не говори, а что не рано я дѣло задумалъ, такъ помни, что дѣвкѣ пошелъ девятнадцатый, сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Пожалѣй ты ее голубушку! молила Аксинья Захаровна.

— Чего жалѣть-то! Худа что ли отецъ-отъ ей хочетъ? рѣзко и громко сказалъ Патапъ Максимычъ. Слушай: у Данилы Тихоныча четыреста тысячъ на серебро капиталу, опричь домовъ, заводовъ и пароходовъ. Два сына у него, да три ли, четыре ли дочери, двѣ-то замужемъ за казанскими купцами, за богатыми. Старшему сыну Михайлѣ Данилычу, жениху-то, отецъ капиталъ отдѣляетъ и домъ даетъ, хочешь съ отцомъ живи, хочешь свое

хозяйство правь. Стало-быть, Настасьѣ ни свекрови со свекромъ, ни золовокъ съ деверьями бояться нечего. Захочетъ, сама себѣ хозяйкой заживетъ. А Михайло Данилычъ — парень добрый, разсудливый, смышленый, хмелемъ не зашибается, художествъ никакихъ за нимъ нѣтъ. А изъ себя видный, шадровитъ маленько, оспа побила, да съ мужнина лица Настасьѣ не воду пить: мужъ-отъ приглядится, Богъ дастъ, какъ поживетъ съ нимъ годикъ-другой....

— Охъ, батюшка Патапъ Максимычъ, повремени хоть маленько, твердила свое Аксинья Захаровна. — Скорбно мнѣ разставаться съ Настёнкой. Повремени, кормилецъ!

— И повременю, молвилъ Патапъ Максимычъ.—Въ нынѣшнемъ мясоѣдѣ свадьбы сыграть не успѣть, а съ весны во все лѣто, до осенней Казанской, Снѣжковымъ некогда да и мнѣ недосугъ. Раньше Михайлова дня свадьбы сыграть нельзя, а это чуть не черезъ годъ.

— Такъ зачѣмъ же сговоромъ-то торопишься? Время бы не ушло, сказала Аксинья Захаровна.

— Кто тебѣ про сговоръ сказалъ? отвѣтилъ Патапъ Максимычъ.—И на разумъ мнѣ того не приходило. Прiѣдутъ въ гости къ именинницѣ—вотъ и все. Ни смотринъ, ни сговора не будетъ; и про то чтобъ невѣсту пропить не будетъ рѣчи. Поглядятъ другъ на дружку, повидаются, поговорятъ кой о чемъ, и ознакомятся, оно все-таки лучше. Ты покамѣстъ Настасьѣ ничего не говори.

Узнавъ, что не близка разлука съ дочерью, Аксинья Захаровна успокоилась, и прибравъ чайную посуду, пошла въ моленну утреню слушать.

Патапъ Максимычъ взялъ счеты и долго клалъ на нихъ.

„Работниковъ пятнадцать надо принанять, — а то не управишься“, подумалъ онъ, кладя на полку счеты.

Потомъ взялъ свѣчу и пошелъ на заднюю половину

Богу молиться. Едва вышелъ въ сѣни, повалился ему въ ноги какой-то человѣкъ.

— Не оставь ты меня паскуднаго отеческой своей милостью, батюшка ты мой, Патапъ Максимычъ!... Какъ Богъ, такъ и ты — дай теплый уголъ; дай кусокъ хлѣба!... Такъ говорилъ тотъ человѣкъ хриплымъ голосомъ.

Онъ былъ въ оборванной шубенкѣ, въ истоптанныхъ валенкахъ, голова всклокочена.

— Встань, Никифоръ, встань! Полно валяться, строго сказалъ ему Патапъ Максимычъ.

Никифоръ поднялся. Красное отъ пьянства лицо было все въ синякахъ.

— Гдѣ, непутный, шатался? спросилъ Чапуринъ.

— Гдѣ ночь, гдѣ день, батюшка, Патапъ Максимычъ, И самъ не помню, отвѣчалъ Никифоръ.

— Ахъ ты непутный, непутный! качая головой, укорялъ шурина Патапъ Максимычъ.—Гляди-ка рожу-то какъ тебѣ отдѣлали!... Ступай, проспись... Изъ дому не гоню съ уговоромъ, брось ты, пустой человѣкъ, это проклятое винище, будь ты хорошимъ человѣкомъ.

— Кину, батюшка, Патапъ Максимычъ, кину, безпремѣнно кину, сталъ увѣрять зятя Никифоръ.—Зарокъ дамъ... Не оставь только меня своей милостью. Чего вѣдь я не натерпѣлся—и холодно... и голодно....

— Ладно, хорошо. Ступай покамѣсть въ подклѣтъ, проспись хорошенько, завтра приходи—потолкуемъ. Можетъ статься, пригодишься, молвилъ Чапуринъ.

— Радъ тебѣ по гробъ жизни служить, кормилецъ ты мой!... заплакалъ Никифоръ.—Только вотъ—сестра лиходѣйка... Заѣстъ меня...

— Ну, ступай, ступай — проспись... Да ступай же!.. прикрикнулъ Патапъ Максимычъ, замѣтивъ, что Никифоръ и не думаетъ выходить изъ сѣней.

Мыча что-то подъносъ, слегка покачиваясь пошелъ Никифоръ въ подклѣтъ, а Патапъ Максимычъ въ моленну къ богоявленской заутрени. За нимъ туда же пошли жившіе у него работники и работницы, потомъ старики со старухами, да изъ молодыхъ богомольные. Сошлись они изъ Осиповки и сосѣднихъ деревень. Чапуринъ на большіе праздники пускалъ къ себѣ въ моленну и постороннихъ. На то онъ попечитель Городецкой часовни, значитъ, ревнитель. Когда собрались богомольцы, и канонница, замолитвовавъ, стала съ хозяйскими дочерьми править по „Минеи" утреню, Аксинья Захаровна торопливо вышла изъ моленной и въ сѣняхъ подозвавъ дюжаго работника старика Пантелея, что̀ смотрѣлъ за дворомъ и за всѣми живущими по найму, тревожно спросила его:

— Заперъ ли, Пантелеюшка, воро́та-то? Поставилъ ли на задахъ караульныхъ-то?

— Не безпокойся, матушка, Аксинья Захаровна, отвѣчалъ Пантелей.—Все сдѣлано какъ слѣдуетъ—не впервые. Слава тѣ Господи, пятнадцать лѣтъ живу у вашей милости, порядки знаю. Да и бояться теперь, матушка, нечего. Кто посмѣетъ тревожить хозяина, коли самъ губернаторъ знаетъ сго?

— Не говори, Пантелеюшка, возразила Аксинья Захаровна.—„Не надѣйтеся на князи и сыны человѣческіе". Безпремѣнно надо сто̀рожкимъ быть... Долго ль до грѣха?... Ну какъ насъ на службѣ-то накроютъ... Суды пойдутъ, расходы. Сохрани, Господи, и помилуй!

— Ничего такого статься не можетъ, Аксинья Захаровна, успокоивалъ ее Пантелей. — Никакого вреда не будетъ. Сама посуди: кто накроетъ?... Исправникъ, аль становой?... Свои люди. — Невыгодно имъ, матушка, трогать Патапа Максимыча.

— Нѣтъ, Пантелеюшка, не говори этого, ро́димой, воз-

разила хозяйка, и понизивъ голосъ, за тайну стала передавать ему.—Свибловскій попъ, приходскій-то здѣшній, Сушилу знаешь?—больно сталъ злобствовать на Патапа Максимыча. Безпремѣнно, говоритъ, накрою Чапурина въ моленной на службѣ, нонѣ-де старовѣрамъ воля отошла; поѣду, говоритъ, въ городъ и докажу, что у Чапуриныхъ въ деревнѣ Осиповкѣ молснна, посторонни люди въ нее на богомолье сходятся. Накроютъ-де, потачки не дадутъ. Пускай-дескать Чапуринъ поминаетъ шелковый сарафанъ, да парчевый холодникъ!

— Какой сарафанъ, какой холодникъ? спросилъ Пантелей.

— А видишь ли, Пантелеюшка, отвѣчала хозяйка.—Прошлымъ лѣтомъ Патапъ Максимычъ къ Макарью на ярманку ѣхалъ, и попадись ему попъ Сушило на дорогѣ. Слово зá слово, говоритъ попъ Максимычу: „Ѣдешь ты, говоритъ, къ Макарью — привези моей попадьѣ шелковый, гарнитуровый сарафанъ да хорошій парчевый холодникъ.“ А хозяинъ и отвѣтъ ему:—„Не жирно ли, батько, будетъ? Тебѣ и то съ меня не мало идетъ уговорнаго; со всего прихода столько тебѣ не набрать.“ — Осерчалъ Сушило, пригрозилъ хозяину: „Помни, говоритъ, ты это слово, Патапъ Максимычъ, а я его не забуду, — такое дѣло состряпаю, что бархатный салопъ на собольемъ мѣху станешь дарить попадьѣ, да ужъ поздно будетъ, не возьму.“ Съ той поры онъ и злобится. „Безпремѣнно, говоритъ, накрою на моленьи Чапуриныхъ. Въ острогъ засажу“, говоритъ.

— Въ острóгъ-отъ не засадитъ, съ усмѣшкой молвилъ Пантелей, — а покрѣпче приглядывать не мѣшаетъ. Потому — можетъ напугать, помѣшать.... Пойду-ка я двоихъ на задахъ-то поставлю.

— Ступай, Пантелеюшка, поставь двоихъ, а не то и

троихъ, голубчикъ, вѣрнѣе будетъ, говорила Аксинья Захаровна. — А нашъ-отъ хозяинъ больно ужъ безстрашенъ. Смѣется надъ Сушилой да надъ сарафаномъ съ холодникомъ. А долго ль до грѣха? Самъ посуди. Захочетъ Сушило, проймётъ не мытьемъ, такъ ка́таньемъ!

— Это такъ. Это отъ него можетъ статься, замѣтилъ Пантелей, и направляясь къ лѣстницѣ, молвилъ: — троихъ поставлю.

— Поставь, поставь, Пантелеюшка, подтвердила Аксинья Захаровна, и медленною поступью пошла въ моленную.

Тревога была напрасна. Помолились за утреней какъ слѣдуетъ, и часы, не расходясь, прочитали. Патапъ Максимычъ много доволенъ остался пѣніемъ дочерей, и потомъ чуть не цѣлый день заставлялъ ихъ пѣть тропари Богоявленью.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Верстахъ въ пяти отъ Осиповки, середи болотъ и перелѣсковъ, стоитъ маленькая, дворовъ въ десятокъ, деревушка Поромово. Проживалъ тамъ удѣльный крестьянинъ Трифонъ Михайловъ, прозвищемъ Лохматый. Исправный мужикъ былъ: промыселъ шелъ у него ладно, залежныя деньжонки водились. По другимъ мѣстамъ за богатѣя пошелъ бы, но за Волгой много такихъ.

Было у Трифона двое сыновей, одинъ работникъ матёрой, другой только что вышелъ изъ подростковъ, дочерей двѣ дѣвки. Хоть разумомъ тѣ дѣвки отъ другихъ и отстали, хоть болтали про нихъ непригожія рѣчи, однакожь онѣ не послѣдними невѣстами считались. Въ любой домъ съ радостью бъ взяли такихъ спорыхъ, проворныхъ работницъ. Дѣвки молодыя, сильныя, здоровенныя: на жнитвѣ,

на сѣнокосѣ, въ токарнѣ, на овинѣ, аль въ избѣ за гребнемъ, либо за тканьемъ, дѣло у нихъ такъ и горитъ; одна за двухъ работàетъ. Лохматый замужъ дѣвокъ отдавать не торопился, самому нужны были. „Не перестарки", думалъ онъ, „пусть годъ, другой за родительскій хлѣбъ на свою семью работàютъ. Успѣютъ въ чужихъ сéмьяхъ нажиться".

Старшій сынъ Трифона, звали Алексѣемъ, парень былъ лѣтъ двадцати съ небольшимъ, слылъ за перваго искусника по токарной части. И красавецъ былъ изъ себя. Росту чуть не въ косую сажень, стоитъ бывало середь мужиковъ на базарѣ, всѣхъ выше головой; здоровый, бѣлолицый, румянецъ во всю щеку такъ и горитъ, а кудрявые темнорусые волосы такъ и вьются. Такимъ молодцомъ смотрѣлъ, что не только крестьянскія дѣвки, поповны на него заглядывались. Да чтò поповны! Была у становаго свояченица, и та по Алешѣ Лохматомъ встосковалась... Да такъ встосковалась, что любовную записочку къ нему написала. Ту записку становой перехватилъ, свояченицу до грѣха, въ другой уѣздъ, къ теткѣ отправилъ, Трифону грозилъ:

— Быть твоему Алёшкѣ подъ красной шапкой, не миновать, подлецу, бритаго лба.

— Да за чтò жь это, ваше благородіе? спросилъ Трифонъ Лохматый. — Кажись, зá сыномъ дурныхъ дѣлъ не видится.

— Хоть дурныхъ дѣлъ не видится, да не по себѣ онъ дерево клонитъ, — говорилъ становой.

Не разгадалъ Трифонъ загадки, а становой больше и говорить не сталъ. И злобился послѣ того на Лохматыхъ, и быть бы худу, да по скорости, его подъ судъ упекли.

Бывало, по осени, какъ супрядки начнутся, деревенскія дѣвки ждутъ не дождутся Алёши Лохматаго; безъ него и пѣсенъ не играютъ, безъ него и веселья нѣтъ. И уменъ же Алёша былъ, разсудливъ не по годамъ, каждо дѣло по

крестьянству не хуже стариковъ могъ разсудить, къ тому же грамотой Господь его умудрилъ. Хоть за Волгой грамотеи издáвна не въ диковину, но такихъ какъ Алексѣй Лохматый и тамъ водится немного: опричь божественныхъ книгъ, читалъ гражданскія и до нихъ большой былъ охотникъ. Деньгу любилъ, а любилъ ее потому что хотѣлось въ довольствѣ, въ богатствѣ, во всемъ изобильи пожить, славы, почета хотѣлось... Не говаривалъ онъ про то ни отцу, съ матерью, ни другу пріятелю; одинъ съ собой думу такую держалъ.

Жилъ старый Трифонъ Лохматый да Бога благодарилъ. Тихо жилъ, смирно, съ сосѣдями въ любви да въ совѣтѣ добрая слава шла про него далекò. Обиды отъ Лохматаго никто не видалъ, каждому человѣку онъ по силѣ своей радъ былъ сдѣлать добро. Пуще всего не любилъ мірскихъ пересудовъ. Терпѣть не могъ, какъ иной разъ дочери, набравшись вѣстей на супрядкахъ аль у колодца, зачнутъ языками косточки кому-нибудь перемывать.

— Расшумѣлись, какъ воробьи къ дождю? крикнетъ бывало на нихъ.—Люди врутъ, а вы вранье разносить?... Потараторьте-ка еще у меня, сороки, сниму плеть съ колка, научу уму-разуму.

Дѣвки ни гугу. И никогда, бывало, ни единой сплетни или пересудовъ изъ Трифоновой избы не выносилось.

Безъ горя, безъ напасти человѣку вѣка не прожить. И надъ Трифономъ Лохматымъ сбылось то слово, стряслась и надъ нимъ бѣда, налетѣла напасть нежданно, негаданно. На самое Вздвиженье токарня у него сгорѣла съ готовой посудой ста на два рублей. Работали въ токарнѣ до сумерекъ, огня и въ зáводяхъ не было. Въ самую пóлночь вспыхнула. Стояла токарня на рѣчкѣ, въ полуверстѣ отъ деревни—покуда проснулись, покуда прибѣжали—вся въ огнѣ. Въ одно слово рѣшили мужики, что лихой че-

ловѣкъ Трифону краснаго пѣтуха пустилъ. Долго Лохматый умомъ-разумомъ по̀ міру раскидывалъ, долго гадалъ кто бы таковъ былъ лиходѣй, что его обездолилъ. Никого, кажись, Трифонъ не прогнѣвалъ, со всѣми жилъ въ ладу да въ добромъ совѣтѣ, а токарню подпалили. Гадалъ, гадалъ Трифонъ Михайлычъ, не надумалъ ни на кого, и гадать пересталъ.

— Подавай становому объявленье, говорилъ ему удѣльнаго приказа писарь Карпъ Алексѣичъ Морковкинъ.— Произведутъ слѣдствіе, сыщутъ злодѣя.

Ни слова Трифонъ не молвилъ на отвѣтъ писарю. На міру потомъ такую рѣчь говорилъ:

— Ни за что̀ на свѣтѣ не подамъ объявленія, ни за что̀ на свѣтѣ не наведу суда на деревню. Судъ наѣдетъ, не одну мою копѣйку потянетъ, а міру и безъ того туго приходится. Лучше жь я какъ-нибудь, съ Божьей помощью, перебьюсь. Сколочусь по времени съ деньжонками, нову токарню поставлю. А злодѣю, что̀ меня обездолилъ,—суди Богъ на страшномъ Христовомъ судищѣ.

Любовно принялъ міръ слово Трифоново. Урядили, положили старики, если объявится лиходѣй, что̀ у Лохматаго токарню спалилъ, потачки ему, вору, не давать: изъ лѣтъ не вышелъ — въ рекруты, вышелъ изъ лѣтъ—въ Сибирь на поселенье. Такъ старики порѣшили.

Съ одной бѣдой трудовому человѣку небольно хитро̀ справиться. Одну бѣду заспать можно, можно и съ хлѣбомъ съѣсть. Но бѣда не живетъ одна. Такъ и съ Лохматымъ случилось. Съ самаго пожару пошелъ ходить по бѣдамъ: на Покровъ пару лошадей угнали, на Казанскую воры въ клѣть залѣзли. Разбили злодѣи укладку у Трифона, хорошу одёжу всю выкрали, все годами припасенное дочерямъ приданое да триста цѣлковыхъ наличными, на которыя думалъ Трифонъ къ веснѣ токарню поставить. Обобрали

бѣднягу, какъ малинку, согнуло горе старика, не глядѣлъ бы на вольный свѣтъ, бѣжалъ бы куда изъ дому: жена воетъ не своимъ голосомъ, убивается; дочери ревутъ, причитаютъ надъ покраденными сарафанами, ровно по покойникамъ. Сыновья какъ ночь ходятъ. Чтò дѣлать, какъ бѣдѣ пособить? Денегъ нѣтъ, перехватить развѣ у кого-нибудь? Но Трифонъ въ жизнь свою ни у кого не займовалъ, зналъ, что деньги занять—остуду принять.

— Прихвати, Михайлычъ, сколько ни-на-есть деньжонокъ, говорила жена его, Ѳекла, баба тихая, смиренняя, внезапнымъ горемъ совсѣмъ почти убитая.—И токарню вѣдь надо ставить, и безъ лошадокъ нельзя....

— Радъ бы прихватилъ, Абрамовна, да негдѣ прихватить-то; ни у котораго человѣка теперь денегъ для чужаго кошеля не найдешь. Хоть проси, хоть нѣтъ—все едино.

— Да вотъ хоть бы у писаря, у него деньги завсегда водются, подхватила Ѳекла,—покучиться бы тебѣ у Карпа Алексѣича. Дастъ.

Молчитъ Трифонъ, лучину щеплетъ, Ѳекла свое.

— Чтò жь, Михайлычъ? Заемъ дѣло вольное, любовное: безчестья тутъ никакого нѣтъ, а намъ, самъ ты знаешь, безъ токарни да безъ лошадокъ не прожить. Подь, покланяйся писарю, говорила Ѳекла мужу, утирая рукавомъ слезы.

— Не пойду, отрывисто, съ сердцемъ молвилъ Трифонъ и нахмурился.—И не говори ты мнѣ, старуха, про этого міроѣда, прибавилъ онъ, возвысивъ голосъ, — не вороти ты душу мою... Отъ него, отъ паскуднаго, весь міръ сохнетъ. Знаться съ писарями мнѣ не рука.

— Да чтò же не знаться-то?... Чтò ты за „тысячникъ" такой?... Ишь гордыня какая налѣзла, говорила Ѳекла.— Чѣмъ Карпъ Алексѣичъ не человѣкъ? И денегъ въ волю, и начальство его знаетъ. Глянь-ка на него, человѣкъ моло-

дой, мірскимъ захребетникомъ былъ, а теперь передъ нимъ всякъ шапку ломитъ.

— Ну и пусть ихъ ломятъ, а я, сказано, не пойду, такъ и не пойду, молвилъ Трифонъ Лохматый.

— А я чтò говорилā тебѣ, то и теперь скажу, продолжала Ѳекла. — Какъ бы вотъ не горе-то наше великое, какъ бы не наше разоренье-то, онъ бы сватовъ къ Паранькѣ заслалъ. Давно про нее заговаривалъ. А теперь, знамо дѣло, безприданница, побрезгуетъ...

Прасковья, старшая дочь Трифона, залилась слезами и начала причитать.

— Плети захотѣла? крикнулъ отецъ.

Смолкла Прасковья, оглядываясь и будто говоря: „да вѣдь я такъ, я пожалуй и не стану ревѣть“. Вспомнила что корову доить пора и пошла изъ избы, а меньшая сестра слѣдомъ за ней. Ѳекла ни гугу, перемываетъ у печи горшки, да Іисусову молитву творитъ.

Нащепавъ лучины, обратился Трифонъ къ старшему сыну, чтò во все время родительской перебранки молча въ углу сидѣлъ, оттачивая токарный снарядъ.

— Алёха! Неча, парень, дѣлать, надо въ чужи люди идти, въ работники. Сказываютъ, Патапъ Максимычъ Чапуринъ большой подрядъ на посуду снялъ. Самому, слышь, управиться сила не беретъ, такъ онъ токарей пріискиваетъ. Порядись съ нимъ на лѣто, аль до зимняго Николы. Десятковъ пять, шесть Богъ дастъ заработаешь, къ тому жь и съ харчей долой. У Чапурина можно и впередъ денегъ взять, не откажетъ; на эти деньги токарню по веснѣ справили бы, на первое время хоть не больно мудрящую. А Саввушку, думаю я, Ѳекла, въ Хвостиково послать, онъ мастеръ ложкарить. Заработаетъ сколько-нибудь. А сами, Богъ милостивъ, какъ-нибудь перебьемся.

— Я, батюшка, всей душой радъ послужить, за твою

родительскую хлѣбъ-соль заработать, сколько силы да умѣнья хватитъ, и дома радёхонекъ, и на сторонѣ — гдѣ прикажешь, сказалъ красавецъ Алексѣй.

— Спасибо, парень. Руки у тебя золотыя, добывай отцу, молвилъ Трифонъ.— Саввушка, а Саввушка! крикнулъ онъ, отворивъ дверь въ сѣни, гдѣ младшій сынъ рѣзалъ изъ баклушъ ложки.

— Чего, тятенька? весело, тряхнувъ кудрями, спросилъ красивый подростокъ, лѣтъ пятнадцати, входя въ избу.

— Избнымъ тепломъ, сидя возлѣ материна сарафана, уменъ не будешь, Саввушка. Знаешь ты это? спросилъ его отецъ.

— Знаю, бойко отвѣтилъ Саввушка, вопросительно глядя на отца.

— Поживя въ чужихъ людяхъ, умнѣе будешь. Такъ али нѣтъ?

— Ты, тятя, лучше меня знаешь, отвѣчалъ Саввушка, ясно и любовно глядя на отца.

Бросила горшки свои Ѳекла; сѣла на лавку, и ухватясь руками за колѣна, вся вытянулась впередъ, зорко глядя на сыновей. И вдругъ стала такая блѣдная, чтò краше во гробъ кладутъ. Чужимъ тепломъ Трифоновы дѣти не грѣлись, чужаго куска не ѣдали, родительскаго дома отродясь не покидали. И никогда у отца съ матерью на мысли того не бывало, чтобъ когда-нибудь ихъ сыновьямъ довелось на чужой сторонѣ хлѣбъ добывать. Горько бѣдной Ѳеклѣ. Глядѣла, глядѣла старуха на своихъ соколиковъ, и заревѣла въ источный голосъ.

— Чего завыла? Не покойниковъ провожаешь? сердито попрекнулъ ей Трифонъ, но въ суровыхъ словахъ его слышалось что-то плачевное, горестное. А не задать бабѣ окрику нельзя, не плакать же мужику, не бабиться.—Ѳекла, сказалъ Трифонъ женѣ поласковѣй, — подь-ка помолись.

И Θекла покорно пошла въ заднюю, гдѣ была у нихъ небольшая моленна. Взявши въ руку лѣстовку, стала за налой. Читая канонъ Богородицѣ, хотѣлось ей забыть новое, самое тяжкое изо всѣхъ постигшихъ ее горе.

— Ужь вы порадѣйте, ребятки, пособите отцу, говорилъ Трифонъ. — Пустилъ ли бы я васъ въ чужіе люди, какъ бы не бѣда наша, не послѣднее дому раззоренье? Ужь вы порадѣйте. А живите въ людяхъ умненько, не балу́йте, работа́йте путемъ. Не знаю какъ въ Хвостиковѣ у ложкарей, Саввушка, а у Чапурина въ Осиповкѣ такое заведенье, что если который работникъ, окромѣ положенной работы, лишковъ наработаетъ, за тѣ лишки особая плата ему сверхъ ряженой. Чапуринъ — человѣкъ добрый, обиды никому не сдѣлаетъ. Служи ему, Алексѣй, какъ родному отцу; онъ тебя и впередъ не покинетъ. Порадѣй же хорошенько, Алексѣюшка, постарайся побольше денегъ заработать. Справиться бы намъ поскорѣе! Тебѣ же подходитъ пора и законъ совершить, такъ надо тебѣ, Алексѣй, объ отцѣ съ матерью порадѣть.

Долго толковалъ Трифонъ съ сыновьями какъ имъ работу искать. Порѣшили Алексѣю завтра жь идти въ Осиповку рядиться къ Патапу Максимычу, а въ середу, какъ на сосѣдній базаръ хвостиковскіе ложкари пріѣдутъ порядить и Саввушку.

Спать улеглись, а Θекла все еще клала въ моленной земные поклоны. Кончивъ молитву, вошла она въ избу и стала на колѣна у лавки, гдѣ, разметавшись, крѣпкимъ сномъ спалъ любимецъ ея Саввушка. Бережно взяла она въ руки сыновнюю голову, припала къ ней и долго, чуть слышно рыдала.

Рано поутру, еще до свѣту, на другой день Алексѣй собрался въ Осиповку. Это было какъ разъ черезъ недѣлю послѣ Крещенья. Помолившись со всею семьей Богу,

простившись съ отцомъ, съ матерью, съ братомъ и сестрами, пошелъ онъ рядиться. Къ вечеру надо было ему назадъ къ отцу въ Поромово придти, повѣстить на чемъ въ рядѣ сошлись. Былъ слухъ, что Чапуринъ цѣны даетъ хорошiя, что дѣло у него нá спѣхъ, самъ де не знаетъ, успѣетъ ли къ сроку заподряженный товаръ поставить. Всѣ работники, чтò были по околотку, нанялись ужь къ нему; кромѣ того, много работы роздано было по домамъ, и задатки розданы хорошiе.

Свѣтало, когда Алексѣй, напутствуемый наставленьями отца и тихимъ плачемъ матери, пошелъ изъ дому. Выйдя за ворóта, перекрестился онъ на всѣ стороны, и поникнувъ головой, пошелъ по узенькой дорожкѣ, проложенной межь сугробовъ. Не легко человѣку впервые оставлять теплое семейное гнѣздо, идти въ чужи люди хлѣбъ зарабатывать. Много было передумано Алексѣемъ во время медленнаго пути. Думалъ онъ, чтò-то ждетъ его въ чужомъ дому, ласковы ль будутъ хозяева, каковы то будутъ до него товарищи, не было бъ отъ кого обиды какой, не нажить бы ему чьей злобы своей простотой; чужбина вѣдь не податлива,—ума прибавитъ, да и горя набавитъ.

Патапъ Максимычъ выходилъ изъ токарнаго завода, чтò стоялъ черезъ улицу òтъ дома, за амбарами, когда изъ-за околицы показался Алексѣй Лохматый. Не доходя шаговъ десяти, снялъ онъ шапку и низко поклонился „тысячнику“. Чапуринъ окликалъ его:

— Здорово, парень! Куда Богъ несетъ?

— До вашей милости, Патапъ Максимычъ, не надѣвая шапки, отвѣчалъ Алексѣй.

— Чтò надо, парень? Да ты шапку-то надѣвай, студено. Да пойдемъ-ка лучше въ избу, тамъ потеплѣй будетъ намъ разговаривать. Скажи-ка родной, какъ отецъ - отъ у васъ

справляется? Слышалъ я про ваши бѣды; жалко мнѣ васъ... Шутка ли, какъ злодѣи-то васъ обидѣли!..

— Въ раззоръ раззорили, Патапъ Максимычъ, совсѣмъ доконали. Какъ есть совсѣмъ, отвѣчалъ Алексѣй.

— Богу надо молиться, дружокъ, да рукъ не покладывать, и Господь все сызнова пошлетъ, сказалъ Патапъ Максимычъ.—Ты вѣдь, слыхалъ я, грамотей, книгочей.

— Читаемъ помаленьку, молвилъ Алексѣй.

— А челъ ли ты книгу про Іева многострадальнаго, про того что̀ на гноищи лежалъ? Побогаче твоего отца былъ, да всего лишился. И на Бога не возропталъ. Не возропталъ, прибавилъ Патапъ Максимычъ, возвыся голосъ.

— Это я знаю, читалъ, отвѣтилъ Алексѣй. — Зачѣмъ на Бога роптать, Патапъ Максимычъ? Это не годится; Богъ лучше знаетъ, чему надо быть; любя насъ наказуетъ...

— Это ты хорошо говоришь, дружокъ, по-Божьему, ласково взявъ Алексѣя за плечо сказалъ Патапъ Максимычъ.—Господь пошлетъ; поминай чаще Іева на гноищи. Да... все имѣлъ, всего лишился, а на Бога не возропталъ; за то и подалъ ему Богъ больше прежняго. Такъ и ваше дѣло—на Бога не ропщите, рукъ не жалѣйте, да съ Богомъ работайте, Господь не оставитъ васъ — пошлетъ больше прежняго.

Разговаривая такимъ образомъ, Патапъ Максимычъ вошелъ съ Алексѣемъ въ подклѣтъ; тамъ сильно олифой пахло: крашенная посуда въ печи сидѣла для просухи.

— По какимъ дѣламъ ко мнѣ пришелъ? спросилъ Патапъ Максимычъ, скидая тулупъ и обтирая сапоги о брошенную у порога рогожку.

— Слышно, ваша милость работниковъ наймуете... робкимъ голосомъ молвилъ Алексѣй.

— Наймуемъ. Работники мнѣ нужны, сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Такъ я бы...

Патапъ Максимычъ улыбнулся.

Самый первый токарь, которымъ весь околотокъ не нахвалится, пришелъ наниматься не званый, не прошеный!... Не разъ подумывалъ Чапуринъ спосылать въ Поромово къ старику Лохматому — не отпуститъ ли онъ, при бѣдовыхъ дѣлахъ, старшаго сына въ работу, да все отдумывалъ... „Ну, а какъ не пуститъ, да еще послѣ насмѣется, вѣдь онъ говорятъ мужикъ крутой и заносливый"... Привыкнувъ жить въ славѣ и почетѣ, боялся Патапъ Максимычъ пóсмѣху отъ какого ни на есть мужика.

— Въ работники хочешь? сказалъ онъ Алексѣю. — Что же? Милости просимъ. Про тебя слава идетъ добрая, да и самъ я знаю работу твою: знаю, что руки у тебя золото... Да чтò жь это, парень? Неужли у васъ до того дошло, что отецъ тебя въ чужи люди посылаетъ? Вѣдь ты говоришь, отецъ прислалъ. Не своей волей ты рядиться пришелъ?

— Какъ же можно безъ родительской воли, Патапъ Максимычъ? Этого никакъ нельзя, сказалъ Алексѣй.

— Такъ сами-то вы развѣ ужь и подняться не можете?

— Не можемъ, Патапъ Максимычъ; совсѣмъ злые люди насъ обездолили; надо будетъ съ годокъ въ людяхъ поработать, отвѣчалъ Алексѣй.—Родители и меньшаго брата къ ложкарямъ посылаютъ; знатно рѣжетъ ложки: всякую, какую хошь, и касатую, и тонкую, и бóскую и межеумокъ, и крестовую рѣжетъ. Къ пальмѣ даже пріученъ — вотъ какъ бы хозяинъ ему такой достался, чтобы пальму точить...

— Доброе дѣло, перебилъ Алексѣя Патапъ Максимычъ. — Да ты про себя-то говори. Какъ же ты?

— Да какъ вашей милости будетъ угодно, отвѣчалъ Алексѣй. — Я бы до Михайлова дня, а коли милость будетъ, такъ до Николы...

— До Николы такъ до Николы. До зимняго значитъ? сказалъ Патапъ Максимычъ?

— Извѣстно, до зимняго подтвердилъ Алексѣй.

— А насчетъ ряды, какъ думаешь? спросилъ Чапуринъ.

— Да ужь это какѣ вашей милости будетъ угодно, сказалъ Алексѣй. — По вашей добродѣтели бѣднаго человѣка вы не обидите, а я радъ стараться сколько силы хватитъ.

Такое слово любо было Патапу Максимычу. Онъ назначилъ Алексѣю хорошую плату и больше половины выдалъ впередъ, чтобъ можно было Лохматымъ по-маленьку справляться по хозяйству.

— Молви отцу, говорилъ онъ, давая деньги, — коли нужно ему на обзаведенье, шелъ бы ко мнѣ — сотню другу-третью съ радостью дамъ. Разживетесь, отдадите, аль по времени ты заработаешь. Ну, а когда же работать начнешь у меня?

— Да по мнѣ хоть завтра же, Патапъ Максимычъ, отвѣчалъ Алексѣй.—Сегодня домой схожу, деньги снесу, въ банѣ выпарюсь, а завтра съ утра къ вашей милости.

— Ну ладно, хорошо. Приходи...

Алексѣй хотѣлъ идти изъ подклѣта, какъ дверь широко распахнулась, и вошла Настя. Въ голубомъ ситцевомъ сарафанѣ съ бѣлыми рукавами и широкимъ бѣлымъ передникомъ, съ алымъ шелковымъ платочкомъ на головѣ, пышная, красивая, стала она у двери, и взглянувъ на красавца Алексѣя, потупилась.

— Тятенька, самоваръ принесли, сказала отцу.

И голосъ у ней оборвался.

— Ладно, молвилъ Патапъ Максимычъ. — Такъ завтра приходи. Какъ бишь звать-то тебя? Алексѣемъ никакъ?

— Такъ точно, Патапъ Максимычъ.

— Молви отцу-то, Алексѣюшка,—нужны деньги, приходилъ бы. Радъ помочь въ нуждѣ.

Помолился Алексѣй, поклонился хозяину, потомъ Настѣ и пошелъ изъ подклѣта. Отдавая поклонъ, Настя зардѣлась какъ маковъ цвѣтъ. Идя въ верхнія горницы, она, перебирая передникъ и потупивъ глаза, вполголоса спросила отца, чтò это за человѣкъ такой былъ у него?

— Въ работники нанялся, равнодушно отвѣтилъ отецъ.

Возвращаясь въ Поромово, не о томъ думалъ Алексѣй, какъ обрадуетъ отца съ матерью, принеся нежданныя деньги и сказавъ про обѣщанье Чапурина дать взаймы рублевъ триста на разживу, не о томъ мыслилъ, что завтра придется ему прощаться съ домомъ родительскимъ. Настя мерещилась. Одно онъ думалъ, одно передумывалъ, шагая крупными шагами по узенькой снѣжной дорожкѣ: „Зародилась же на свѣтѣ такая красота!"

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Къ именинамъ Аксиньи Захаровны пріѣхала въ Осиповку золовка ея, комаровская игуменья, мать Манеѳа. Привезла она съ собой двухъ пóслушницъ: Фленушку, да Анафролію. Марья Гавриловна, купеческая вдова изъ богатаго московскаго дома, своимъ коштомъ жившая въ Манеѳиной обители и всѣми уважаемая за богатство и строгую жизнь, не поѣхала въ гости къ Чапуринымъ. Это немного смутило Патапа Максимыча; пріязнью Марьи Гавриловны онъ дорожилъ, родственники ея люди были первостатейные, лестно было ему знакомство ихъ. И по торговлѣ имѣлъ съ ними дѣла.

Молодая, красивая, живая какъ огонь Фленушка, пріятельница дочерей Патапа Максимыча, была дѣвица-бѣлоручка, любимица игуменьи, обительская баловница. Она взросла въ обители, будучи отдана туда ребенкомъ. Вы-

училась въ скиту Фленушка грамотѣ, рукодѣльямъ, церковной службѣ, и хоть ничѣмъ не похожа была на монахиню, а приводилось ей безродной сиротѣ вѣкъ оставаться въ обители. Изъ скитовъ замужъ въявь не выходятъ — позоромъ пало бы это на обитель, но свадьбы „уходомъ“ и тамъ порой-временемъ случаются. Слюбится съ молодцомъ бѣлица, выдастъ ему свою одёжу и убѣжитъ вѣнчаться въ православную церковь; раскольничій попъ такую чету ни за что̀ не повѣнчаетъ. Матери засуетятся, забѣгаютъ, погони разошлютъ, но дѣла поправить нельзя. Посердятся на бѣглянку съ полгода, иногда и цѣлый годъ, а послѣ смирятся. Бѣглянка послѣ мировой поча́сту гоститъ въ обители, живетъ тамъ какъ въ родной семьѣ, получаетъ отъ матерей вспоможеніе, дочерей отдаетъ къ нимъ же на воспитаніе, а если овдовѣетъ, воротится на старое пепелище, въ старицы пострижется и станетъ вѣкъ свой доживать въ обители. Такихъ примѣровъ много бывало и Фленушка, поминая эти примѣры, думала было обвѣнчаться „уходомъ“ съ молодымъ казанскимъ купчикомъ Петрушей Самоквасовымъ, но матушки Манеѳы было жалко ей — убило бы это ея воспитательницу...

Другая по́слушница, привезенная Манеѳой въ Осиповку, Анафролія, была простая крестьянская дѣвка. Въ келарнѣ больше жила, помогая матушкѣ-келарю кушанье на обитель стряпать и исправляя черныя работы въ кельяхъ самой игуменьи Манеѳы. Это была изъ себя больно некра́сивая, рябая, неуклюжая какъ ступа, за то, здоровенная дѣвка, работала за четверыхъ и ни о чемъ другомъ не помышляла, только бы сытно пообѣдать да вечеромъ, поужина́въ вплотную, выспаться хорошенько. Въ обители дурой считали ее, но любили за то, что сильная была работница и куда ни пошли, что ей ни вели, все

живой рукой обдѣлаетъ безо всякаго ворчанья. Безотвѣтна была, голосу ея мало кто слыхалъ.

Мать Манеѳу Аксинья Захаровна помѣстила въ задней горницѣ, возлѣ моленной, вмѣстѣ съ домашней канонницей Евпраксіей, да съ Анафроліей. Манеѳа, напившись чайку съ изюмомъ, — была великая постница, сахаръ почитала скоромнымъ и съ роду не употребляла его, — отправилась въ свою комнату и тамъ стала разспрашивать Евпраксію о порядкахъ въ братниномъ домѣ: усердно ли Богу молятся, строго ли посты соблюдаютъ, по скольку каѳизмъ въ день она прочитываетъ; каждый ли праздникъ службу правятъ, приходятъ ли за службу сторонніе, и затѣмъ свела рѣчь на то, что у нихъ въ скиту большое разстройство идетъ изъ-за австрійскаго священства: однѣ обители желаютъ принять епископа Софронія, а другія считаютъ новыхъ архіереевъ обли́ванцами и слышать про нихъ не хотятъ.

— На прошлой недѣлѣ, Евпраксеюшка, грѣхъ-то какой случился. Не знаю какъ и замолятъ его. Матушка Клеопатра, изъ Жжениной обители, пришла къ Глафиринымъ и стала про австрійское священство толковать, оно-де правильно, надо-де всѣмъ принять его, чтобъ съ Москвой не разорваться, потому-де что съ Рогожскаго пишутъ, по Москвѣ-де всѣ епископа приняли. Измарагдушка заспорила: обли́ванцы, говоритъ, они — архіереи то. Спорили матери, спорили, да о́бѣ горячія, слово за слово, ругаться зачали, другъ съ дружки иночество сорвали, въ косы. Такой грѣхъ — на силу розняли! И пошли съ той поры ссоры да свары промежь обителей, другъ съ дружкой не кланяются, другъ дружку еретицами обзываютъ, изъ одного колодца воду брать перестали. Грѣхъ да и только!

— А вы какъ, матушка, насчетъ австрійскаго священства располагаете? робко спросила Евпраксія.

— Мы бы пожалуй и приняли, сказала Манеѳа.—Какъ не принять, Евпраксеюшка, когда Москва приняла? Чѣмъ станемъ кормиться какъ съ Москвой разорвемся? Ко мнѣ же самъ батюшка Иванъ Матвѣичъ съ Рогожскаго писалъ: принимай дескать, матушка Манеѳа, безо всякаго сумнѣнья. Какъ же духовнаго отца ослушаться?.. Какъ наши-то располагаютъ, на чемъ рѣшаются?.. По моему и имъ бы надо принять, потому что въ Москвѣ, и въ Казани, на Низу и во всѣхъ городахъ приняли. Раззориться Патапушка можетъ коль не приметъ новаго священства. Никто дѣлъ не захочетъ вести съ нимъ; кредиту не будетъ, разорвется съ покупателями. Такъ-то!

— Патапъ Максимычъ, кажется мнѣ, пріемлетъ, отвѣчала Евпраксія.

— Думала я поговорить съ нимъ насчетъ этого да не знаю кякъ приступиться, сказала Манеѳа.—Крутенекъ. Не знаешь какъ и подойти. Прямой медвѣдь.

— Онъ всему послѣдуетъ, чему самарскіе, замѣтила Евпраксія.—А въ Самарѣ епископа сказываютъ приняли. Аксинья Захаровна сумлѣвалась съ первоначала, а теперь кажется и она готова принять, потому что самъ велѣлъ. Я вотъ ужь другу недѣлю поминаю на службѣ и епископа, и отца Михаила; сама Аксинья Захаровна сказала чтобъ поминать.

— Какого это отца Михаила? съ любопытствомъ взглянувъ на канонницу, спросила мать Манеѳа.

— Михайлу Корягу изъ Колоскова, сказала канонница.— Вѣдь онъ въ попы ставленъ.

— Коряга! Михайло Коряга! сказала Манеѳа, съ сомнѣньемъ покачивая головой.—И нашимъ сказывали, что въ попы ставленъ, да вѣры неймется. Больно до денегъ охочъ. Стяжатель! Какъ такого поставить?

— Поставили, матушка, истинно что поставили, гово-

рила Евпраксія.—На Богоявленье въ Городцѣ воду святилъ, самъ Патапъ Максимычъ за вечерней стоялъ и воды богоявленской домой привезъ. Вонъ буракъ-отъ у святыхъ стоитъ. Великимъ постомъ Коряга пожалуй сюда наѣдетъ, исправлять станетъ, обѣдню служить. Ему, слышь, епископъ-отъ полотняную церковь пожаловалъ и одиконъ, рѣкше путевой престолъ Господа Бога и Спаса нашего...

— Коряга! Михайло Коряга! Попомъ! Да что жь это такое! въ раздумьѣ говорила мать Манеѳа, покачивая головой и не слушая рѣчей Евпраксіи.—А впрочемъ и самъ-отъ Софроній такой же стяжатель — благодатью Духа Святаго торгуетъ... Если инаго епископа, благочестиваго и Бога боящагося не поставятъ — Софронія я не приму... Ни за чтò не приму!...

Межь тѣмъ въ дѣви́чьей свѣтлицѣ у Насти съ Фленушкой шелъ другой разговоръ. Настя разспрашивала про скитскихъ пріятельницъ и знакомыхъ, гостья чуть успѣвала отвѣты давать. Про всѣхъ переговорили, про всѣ новости бойкая, говорливая Фленушка разсказала. Разспросамъ Насти не было конца—хотѣлось ей узнать какая бѣлица сарафанъ къ праздникамъ сшила, дошила ль Марья головщица канвовую подушку, отослала ль ту падушку матушка Манеѳа въ Казань, получили ли дѣвицы новые бисерà изъ Москвы, выучилась ли Устинья Московка шелковы пояски съ молитвами изъ золота ткать? Освѣдомившись обо всемъ, стала Настя Фленушку разспрашивать какъ поживала она послѣ отъѣзда ихъ изъ обители?

— Что моя жизнь! желчно смѣясь отвѣтила Фленушка.— Извѣстно какая! Тоска и больше ничего; встанешь, чайку попьешь,—за часы пойдешь, пообѣдаешь—потомъ къ правильнымъ канонамъ, къ вечернѣ. Ну, вечеркомъ, извѣстно на супрядки сбѣгаешь, придешь домой, матушка, какъ водится, началить зачнетъ, зачѣмъ дескать на супрядки

ходила; ну, до ужина дѣло-то такъ и проволочишь. Поужинаешь и на боковую. И слава тѣ, Христе, что день прошелъ.

— А къ заутрени будютъ?

— Перестали. Отбилась. Лѣнива вѣдь я, Настасья Патаповна, Богу-то молиться. Какъ прежде, такъ и теперь, смѣялась Фленушка.

— А супрядки нонѣшнюю зиму бывали? спросила ее Настя.

— Какъ же! У Жжениныхъ въ обители кажду середу попрежнему. Завела было игуменья у Жжениныхъ такое новшество: на супрядкахъ „Прологъ“ читать, „Житія“ святыхъ того дня. Мало ихъ въ моленной-то читаютъ! Три середы читали, игуменья сама съ дѣвицами сидѣла, чтобы, знаешь, слушали, не баловались. А дѣвицы не промахъ. „Прологъ-отъ“ скрали, да въ подпольѣ и закопали. Смѣху-то что было!.. У Бояркиныхъ по пятницамъ сходились, у Московкиной по вторникамъ, только не кажду недѣлю; а въ нашей обители, какъ и при васъ, бывало,— по четвергамъ. Только матушка Манеѳа съ той поры, какъ вы уѣхали, все грозитъ разогнать наши бесѣды и келарню по вечерамъ запирать, чтобы не смѣли, говоритъ, сбираться дѣвицы изъ чужихъ обителей. А пѣсенку спѣть либо игру затѣять, — безъ васъ, и думать не смѣй; пой Алексѣя человѣка Божьяго. Какъ племянницы, говоритъ матушка, жили, да Дуня Смолокурова, такъ я баловала ихъ для́ того, что дѣвицы онѣ мірскія, черной ризы имъ не надѣть, а вы, говоритъ, должны о Богѣ думать, чтобъ сподобиться честное иночество принять.... Да вѣдь это она такъ только пугаетъ. Каждый разъ поворчитъ, поворчитъ, да и пошлетъ мать Софію, что̀ въ ключахъ у ней ходитъ, въ кладовую за гостинцами дѣвицамъ на угощенье. Иной разъ и сама придетъ въ келарню. Ну, при ней,

извѣстно дѣло, все чинно, да стройно: стихиры запоемъ, и не едина дѣвица не улыбнется, а только за́ дверь матушка, дымъ коромысломъ. Смотришь, анъ бѣлицы и „Гусара“ запѣли....

И увлекшись воспоминаньями о скитскихъ су́прядкахъ, Фленушка вполголоса запѣла:

Гусаръ, на саблю опираясь....

давно уже проникшій на дѣвичьи беседы въ раскольничьи скиты.

— А у Глафириныхъ су́прядковъ развѣ не было? спросила Настя.

— Какъ не бывать! молвила Фленушка.—Самыя развеселыя были бесѣды, парни съ деревень прихаживали... Съ гармоніями.... Да нашимъ туда теперь ходу не стало.

— Какъ такъ? удивилась Настя.

— Да всё изъ-за этого австрійскаго священства! сказала Фленушка.—Мы, видишь ты, задумали принимать, а Глафирины не пріемлютъ, Игнатьевы тоже не пріемлютъ. Ну и разорвались во всемъ: другъ съ дружкой не видятся, общенія не имѣютъ, клянутъ другъ друга. Намедни Клеопатра отъ Жжениныхъ къ Глафиринымъ пришла, да какъ сцѣпится съ кривой Измарагдой; бранились, бранились, да въ поволочку! Такая теперь промежь обителей злоба, что смѣхъ и горе. Да вѣдь это однѣ только матери сварятся, мы-то потихоньку видаемся.

— Гдѣ жь веселѣй бывало на су́прядкахъ? спрашивала Настя.

— У Бояркиныхъ отвѣтила Фленушка.—Насчетъ угощенія бѣдно́, больно бѣдно́, за то парни завсегда почти. Ну бывали и пріѣзжіе.

— Откудова? спросила Настя.

— Изъ Москвы купчикъ наѣзжалъ, матушки Таисѣи

сродственникъ; деньги въ раздачу привозилъ; развеселый такой. Больно его честили; келейница матушки Таисѣи,— помнишь Дуняшу изъ Кинешмы?—совсѣмъ съ ума сошла по немъ; какъ уѣхалъ, такъ въ прорубь кинуться хотѣла, руки на себя наложить. Еще Александръ Михайлычъ бывалъ, становаго письмоводитель, — этотъ по прежнему больше все съ Серафимушкой; матушка Таисѣя грозитъ ужь ее изъ обители погнать.

— А изъ Казани гости бывали? съ улыбкой спросила Фленушку Настя.

— Были изъ Казани, да не тѣ на кого думаешь, сказала Фленушка.

— Петръ Степанычъ развѣ не бывалъ? спросила Настя.

— Не былъ, сухо отвѣтила Фленушка и примолвила: — бросить хочу его, Настенька.

— Что такъ?

— Тоска только одна!... Ну его... Другаго полюблю!

— Зачѣмъ же другаго? Это нехорошо, сказала Настя,— надо одного ужь держаться.

— Вотъ еще! Одного! вспыхнула Фленушка.—Онъ станетъ насмѣхаться, а ты его люби. Да ни за что̀ на свѣтѣ! Ваську Шибаева полюблю — такъ вотъ онъ и знай, съ лукавой усмѣшкой, глядя на пріятельницу, бойко молвила Фленушка.

— Какой Шибаевъ? Откудова?

— Эге-ге! вскрикнула Фленушка, и захохотала. — Память-то какая у тебя короткая стала, Настасья Патаповна! Аль забыла того кто изъ Москвы конфеты въ бумажныхъ коробкахъ съ золотомъ привозилъ? Ай да Настя, ай да Настасья Патаповна! Можно чести приписать! Видно у тебя съ глазъ долой, такъ изъ думы вонъ. Такъ что ли?... А?...

— Ничего тутъ не было, потупясь и глухимъ шепотомъ сказала Настя.

— Какъ ничего? быстро спросила Фленушка.

— Глупости однѣ, съ недовольной улыбкой отвѣтила Настя. — Ты же же все затѣвала.

— Ну, ладно, ладно, пущай я причиной всему, сказала Фленушка.—А все-таки скажу что память у тебя коротка стала. Съ чего бы это?... Аль кого полюбила?...

Настя вся вспыхнула. Сама ни слова.

— Что? Зазнобушка завелась? приставала къ ней Фленушка, крѣпко обнявъ подругу.—А?... Да говори же скорѣй — сора изъ избы не вынесемъ... Аль не знаешь меня? Чтò сказано, то во мнѣ умерло.

Какъ кумачъ красная, Настя молчала. На глазахъ слезы выступили, и дрожь ее схватывала.

— Да говори, говори же! приставала Фленушка. — Скажи!... Право, легче будетъ. Увидишь!...

Настя тяжело дышала, но крѣпилась, молчала. Не могла однако слезъ сдержать, — такъ и полились онѣ по щекамъ ея. Утерла глаза Настя передникомъ и прижалась къ плечу Фленушки.

— Полюбила... Впрямь полюбила? допрашивала та. — Да говори же, Настенька, говори скорѣй. — Облегчи свою душеньку... Ей-Богу, легче станетъ какъ скажешь... Отъ сердца тягость такъ и отвалитъ. Полюбила?

— Да, едва слышно прошептала Настя.

— Кого же?... Кого?... допытывалась Фленушка. — Скажи кого? Право легче будетъ... Ну, хоть зовутъ-то какъ?

Молчала Настя и плакала.

— Говорятъ тебѣ, скажи, какъ зовутъ?... Какъ только имя его вымолвишь, такъ и облегчишься.—Разомъ другая станешь. Какъ же звать-то?

— Алексѣемъ! шепотомъ промолвила Настя и зарыдавъ прижалась къ плечу Фленушки...

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Ведется обычай у заволжскихъ тысячниковъ народу „столы строить". За такими столами угощаютъ они окольныхъ крестьянъ сытнымъ обѣдомъ, пивомъ похмѣльнымъ, виномъ зеленымъ, чтобъ „къ себѣ прикормить", чтобъ работники изъ ближнихъ деревень домашней работы другимъ скупщикамъ не сбывали, а коль понадобятся тысячнику работники нá спѣхъ, шли бы къ нему по первому зову. У Патапа Максимыча столы строили дважды въ году: передъ Троицей, да по осени, когда изъ Низовья хозяинъ домой возвращался. Угощенье у него бывало на широкую руку, мужикъ былъ богатый и тороватый, любилъ народъ угостить, и любилъ тѣмъ повеличаться. Ста по полутора за столами у него кормилось; да не одни работники, бабы съ дѣвками и подростки въ Осиповку къ нему пить-ѣсть приходили.

На радостяхъ, что на крещенскомъ базарѣ по торгамъ удача выпала, а больше по тому что сватовство съ богатымъ купцомъ наклевалось, Патапъ Максимычъ задумалъ построить столы не въ очередь. И то у него на умѣ было, что забравъ черезчуръ подрядной работы, много тысячъ посуды надо ему по домамъ заказать. Для того и не мѣшало ему прикормить заранѣ работниковъ. Но главный замыселъ не тотъ былъ: хотѣлось ему будущимъ сватушкѣ да зятьку показать, каковъ онъ человѣкъ за Волгой, какую силу въ народѣ имѣетъ. „Пускай посмотритъ," раздумывалъ онъ, заложивъ руки за спину и расхаживая взадъ и впередъ по горницѣ, „пускай поглядитъ Данило Тихонычъ, каково Патапъ Чапуринъ въ своемъ околоткѣ живетъ, какъ подначальныхъ „крестьянъ" хлѣбомъ-солью чествуетъ, и въ какомъ почетѣ міръ-народъ его держитъ."

Въ той сторонѣ помѣщичьи крестьяне хоть изстари бывали, но помѣщиковъ никогда въ глаза не видали. Заволжскія помѣстья принадлежатъ лицамъ знатнымъ, что живя въ столицѣ, либо въ чужихъ кра́яхъ, никогда въ наслѣдственные лѣса и болота не заглядываютъ. И Нѣмцевъ управляющихъ не знавалъ тамъ народъ. Миловалъ Господь. Земля холодная, песчаная, неродимая, запашку заводить нѣтъ разсчета. Отъ того помѣщики и не сажали въ свои заволжскія вотчины Нѣмцевъ-управляющихъ, отъ того и спасъ Господь милостивый Заволжскій край отъ той саранчи, что̀ русской сельщинѣ-деревенщинѣ во времена крѣпостнаго права приходилась не легче татарщины, ляхолѣтья и длиннаго ряда недородовъ, пожаровъ и моровыхъ повѣтрій. Всѣ крестьяне по Заволжью были оброчные, пользовались всей землей сполна и управлялись излюбленными міромъ старостами. При отсутствіи помѣщиковъ и управляющихъ, такъ-называемые тысячники пользовались большимъ значеньемъ. Вся промышленность въ ихъ рукахъ, всѣ рядовые крестьяне зависятъ отъ нихъ и никакъ изъ воли ихъ выйдти не могутъ. Такой тысячникъ, какъ Патапъ Максимычъ, — а работало на него до двадцати окольныхъ деревень, — жилъ настоящимъ бариномъ. Его воля — законъ, его ласка — милость, его гнѣвъ — бѣда великая... Силенъ человѣкъ: захочетъ, всякаго можетъ въ разоръ разорить.

„Ну-ка, Данило Тихонычъ, погляди на мое житье-бытье“, продолжалъ раздумывать самъ съ собою Патапъ Максимычъ. „Спознай мою силу надъ „моими“ деревнями, и не моги забирать себѣ въ голову, что честь мнѣ великую дѣлаешь, сватая за́ сына Настю. Нѣтъ, сватушка дорогой, сами не хуже кого другаго, даромъ что не пишемся почетными гражданами и купцами первой гильдіи, а только государственными крестьянами.“

Поутрў на другой день вся семья за ведернымъ самоваромъ сидѣла. Толковалъ Патапъ Максимычъ съ хозяйкой о томъ, какъ и чѣмъ гостей потчивать.

— Безпремѣнно за Никитишной надо подводу гнать, говорилъ онъ. — Надо чтобъ кума такой столъ состряпала, какіе только у самыхъ нȁбольшихъ генераловъ бываютъ.

— Справится ли она, Максимычъ? молвила Аксинья Захаровна. — Мастерица-то мастерица, да прихварываетъ, силы у ней противъ прежняго въ половину нѣтъ. Какъ въ послѣдній разъ гостила у насъ, повозится-повозится ў печи, да и приляжетъ на лавочкѣ. Скажешь „полно, кумушка, не утруждайся“, не слушается. Насчетъ стряпни съ ней сладить никакъ невозможно: только пріѣхала, и за стряпню, и хоть самой не можется, стряпка къ печи не смѣй подходить.

— Помаленьку, какъ-нибудь справится, отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Никитишнѣ изъ праздниковъ праздникъ какъ столъ урядить ее позовутъ. Вотъ чтȍ я сдѣлаю: поѣду за покупками въ городъ, заверну въ Ключову, позову куму и на счетъ того потолкую съ ней, чтȍ искупить, а воротясь домой, подводу за ней пошлю. Да вотъ еще чтȍ, Аксиньюшка: не запамятуй послѣзавтра спосылать Пантелея въ Захлыстино, стягъ свѣжины на базарѣ купилъ бы, да двѣ либо три свиныя туши, баранины, солонины....

— На чтȍ такая пропасть, Максимычъ? спросила Аксинья Захаровна.

— Стóлы хочу строить, отвѣтилъ онъ. — Пусть Данило Тихонычъ поглядитъ на наши порядки, пущай посмотритъ какъ у насъ, за Волгой, народъ угощаютъ. Вѣдь по ихнимъ мѣстамъ, на Низу, такого заведенья нѣтъ.

— Не напрасно ли задумалъ, Максимычъ? сказала

Аксинья Захаровна.—На Михайловъ день столы строили. Развѣ не станешь на Троицу?

— Осень—осенью, Троица—Троицей, а теперь само по себѣ.—Не въ счетъ, не въ урядъ... Сказано: хочу, и дѣлу конецъ—толковать попусту нечего, прибавилъ онъ, возвыся нѣсколько голосъ.

— Слышу, Максимычъ, слышу, покорно сказала Аксинья Захаровна.—Дѣлай какъ знаешь, воля твоя.

— Безъ тебя знаю, что моя! слегка нахмурясь, молвилъ Патапъ Максимычъ.—Захочу, не одну тысячу народу сгоню кормиться... Захочу, всю улицу столами загорожу, и все это будетъ не твоего бабьяго ума дѣло. Ваше бабье дѣло молчать, да слушать, что̀ большакъ приказываетъ!... Вотъ тебѣ... сказъ!

— Да чтой-то, родной, ты ни съ того, ни съ сего расходился? тихо и смиренно вмѣшалась въ разговоръ мужа съ женой мать Манеѳа.—И слова сказать нельзя тебѣ, такъ и закипишь.

— А тебѣ тоже бы молчать, спасённая душа, отвѣчалъ Патапъ Максимычъ сестрѣ, взглянувъ на нее изъподлобья.—Промежъ мужа да жены совѣтницъ не надо. Не люблю, терпѣть не могу!... Слушай же, Аксинья Захаровна, продолжалъ онъ, смягчая голосъ:—скажи стряпухѣ Аринѣ, взяла бы двухъ бабъ на подмогу. Коли нѣтъ изъ нашихъ работницъ ловкихъ на стряпню, на деревняхъ поискала бы. Да вотъ Анафролью можно прихватить. Вѣдь она у тебя больше при келарнѣ? обратился онъ къ Манеѳѣ.

— Келарничаетъ, отвѣчала Манеѳа:—только вѣдь кушанья-то у насъ самыя простыя, да постныя.

— Пускай поможетъ; авось не осквернитъ рукъ скоромятиной. Аль грѣхъ по-вашему?

— Какой же грѣхъ, сказала мать Манеѳа,—лишь бы

было заповѣданное. И у насъ порой на мірскихъ людей мясное стряпаютъ, бѣлицамъ тоже ину пору. Спроси дочерей, садились ли онѣ у меня за обѣдъ безъ курочки, аль безъ говядины во дни положённые.

— Не бойсь, спасёна душа, шутливо сказалъ Патапъ Максимычъ,—ни зайцевъ, ни давленыхъ тетерекъ на столъ не поставлю; христіане будутъ обѣдать. Значитъ, твоя Анафролья не осквернится.

— Ужь какъ ты пойдешь, такъ только слушай тебя, промолвила мать Манеѳа.—Налей-ка, сестрица, еще чайку-то, прибавила она, протягивая чашку къ сидѣвшей за самоваромъ Аксиньѣ Захаровнѣ.

— Слушай же, Аксинья, продолжалъ Патапъ Максимычъ, — народу чтобъ вдоволь было всего: студень съ хрѣномъ, солонина, щи со свѣжиной, лапша со свининой, пироги съ говядиной, баранина съ кашей. Все чтобъ было сготовлено хорошо и всего было бы вдосталь. За виномъ спосылать, ренскаго непьющимъ бабамъ купить. Пантелей обдѣлаетъ. — Заѣдокъ дѣвкамъ да подросткамъ купить: рожковъ, орѣховъ кедровыхъ, жемковъ, пряниковъ городецкихъ. Съ завтрашняго дня брагу варить, да сыченые квасы ставить.

— Пряниковъ-то да рожковъ и дома найдется, посылать не для чего. Отъ Михайлова дня много осталось, сказала Аксинья Захаровна.

— Коли дома есть, такъ и ладно. Только смотри у меня, чтобы не было въ чемъ недостачи. Не осрами, сказалъ Патапъ Максимычъ. — Не то, знаешь меня — гости со двора, я за расправу.

— Не впервые, батько, столы-то намъ строить, порядки знаемъ, отвѣчала Аксинья Захаровна.

— То-то держи ухо востро, ласково улыбаясь, продолжалъ Патапъ Максимычъ.—На славу твои именины спра-

нимъ. Танцы заведемъ, ты плясать пойдешь. Такъ али нѣтъ? прибавилъ онъ, весело хлопнувъ жену по плечу.

— Никакъ ошалѣлъ ты, Максимычъ! вскрикнула Аксинья Захаровна. — Съ ума что ли спятилъ?... Не молоденькій, батько, заигрывать... Прошло наше время... Убирайся прочь, непутный!

— Ничего, сударыня, Аксинья Захаровна, говорилъ, смѣясь, Патапъ Максимычъ. — Это мы такъ, шутку, значитъ, шутимъ. Авось плечо-то у тебя не отломится.

— Нашелъ время шутки шутить, продолжала ворчать Аксинья Захаровна. — Точно я молоденькая. Вонъ дочери выросли. Хоть бы при нихъ-то постыдился на старости лѣтъ безчинничать.

— Чего ихъ стыдиться-то? молвилъ Патапъ Максимычъ. — Обожди маленько, и съ ними мужья станутъ заигрывать еще не по-нашему. Подь-ка сюда, Настасья!

— Чтò, тятенька? сказала Настя, подойдя къ отцу.

— Станешь серчать, коли мужъ заигрывать станетъ? А? спросилъ у нея Патапъ Максимычъ.

— Не будетъ у меня мужа, сдержанно и сухо отвѣтила Настя, перебирая конецъ передника.

— Анъ вотъ не угадала, весело сказалъ ей Патапъ Максимычъ.—У меня женишокъ припасенъ. Любо-дорого посмотрѣть!.. Вотъ на материныхъ имянинахъ увидишь... первый сортъ. Просимъ, Настасья Патаповна, любить его да жаловать.

— Не пойду за него, сквозь зубы проговорила Настя. Краска на щекахъ у ней и выступила.

— Знамо, не сама пойдешь, спокойно отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.—Отецъ съ матерью вживѣ,—выдадутъ. Не вѣкъ же тебѣ въ дѣвкахъ сидѣть... Вамъ съ Параськой не хлѣбъ-соль родительскую отрабатывать,—засиживаться нечего. Эка, подумаешь, дѣвичье-то дѣло какое, прибавилъ онъ,

обращаясь къ женѣ и къ матери Манеѳѣ:—у самой только и на умѣ, какъ бы замужъ, а на рѣчахъ: „не хочу“ да „не пойду“.

— Не приставай къ Настасьѣ, Максимычъ, вступилась Аксинья Захаровна.—И безъ того дѣвкѣ плохо можется. Погляди-ка на нее хорошенько, ишь какая стала, совсѣмъ извелась въ эти дни. Безъ малаго недѣля, бродитъ какъ очумѣлая. Отъ ѣды откинуло, невеселая такая.

— Кровь въ дѣвкѣ ходитъ, и вся недолга, замѣтилъ Патапъ Максимычъ,—увидитъ жениха, хворь какъ рукой сниметъ.

— Да полно жь тебѣ, Максимычъ, мучить ее понапрасну, сказала Аксинья Захаровна.—Ты вотъ послушай-ка что̀ я скажу тебѣ, только не серчай, коли молвится слово не по тебѣ. Ты всему голова, твоя воля, дѣлай какъ разумѣешь, а по моему глупому разумѣнью, деньги-то, что̀ на столы изойдутъ, нищей бы братіи раздать, ну, хоть ради Настина здоровья да счастья. Доходна до Бога молитва нищаго, Максимычъ. Самъ ты лучше меня знаешь.

— Развѣ заказано тебѣ одѣлять нищую братію? Нищіе нищими, столы столами, сказалъ Патапъ Максимычъ.—Слава Богу, у насъ съ тобой достатковъ на это хватитъ. Подавай за Настю, пожалуй, чтобъ Господь послалъ ей хорошаго мужа.

— Заладилъ себѣ, какъ сорока Якова: мужъ да мужъ, молвила на то Аксинья Захаровна.—Только и рѣчей у тебя. Хоть бы пожалѣлъ маленько дѣвку-то.—Ты бы лучше вотъ послушалъ, что̀ матушка Манеѳа про скитскихъ „сиротъ“ говоритъ. Про тѣхъ что̀ межь обителей особнякомъ по своимъ кельямъ живутъ. Старухи старыя, хворыя; пить-ѣсть хотятъ, а взять не откуда.

— Да, вступилась мать Манеѳа,—въ нынѣшнее время куда какъ тяжко приходится жить сиротамъ. Дороговизна!..

Съ каждымъ днемъ все дороже да дороже становится, а подаянья сиротамъ, почитай, нѣтъ никакого. Масленица на дворѣ—ни гречневой мучки на блины, ни маслица достать имъ негдѣ. Такая бѣдность, такая скудость, что единъ только Господь знаетъ какъ онѣ держатся.

— Сколько у васъ сиротскихъ дворовъ? спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Тридцать пять, отвѣчала Манеѳа.

— Вотъ тебѣ тридцать пять рублевъ, молвилъ тысячникъ, вынимая десятирублевую и отдавая ее Манеѳѣ.— Деньги счелъ по старинѣ, на ассигнаціи. Раздай по рублю на дворъ,—примолвилъ сестрѣ.

— Спаси тя Христосъ, сказала Манеѳа, перекрестясь и завязывая бумажку въ уголокъ носоваго платка.

— Ну, вотъ и слава Богу, весело проговорила Аксинья Захаровна.—Будутъ сироты съ блинами на Масленицѣ. А какъ же бѣдныя-то обители, Максимычъ? продолжала она, обращаясь къ мужу.—И тамошнимъ старицамъ блинковъ тоже захочется.

— За нихъ, сударыня моя, не бойся, съ голоду не помрутъ, сказалъ Патапъ Максимычъ.—Блины-то у нихъ маслянѣй нашихъ будутъ. Пришипились только эти матери, копни ихъ хорошенько, пошарь въ сундукахъ, сколь золота да серебра сыщешь. Нищатся только, лицемѣрятъ. Такое ужь у нихъ заведеніе.

— Ахъ, нѣтъ. Празднаго слова, братецъ, не говори, вступилась Манеѳа. — Въ достаточныхъ обителяхъ точно — деньжонки кой-какія водятся, говорить про то нечего, а по бѣднымъ не богаче сиротъ живутъ. Вотъ хоть у насъ въ Комаровѣ взять: на лицо осталось двѣнадцать обителей, въ семи-то, дай богъ здоровья благодѣтелямъ, нужды не терпимъ, грѣхъ на Бога роптать. А въ пяти остальныхъ такая, братецъ, скудость, такая нищета, что—

вѣрь ты не вѣрь моему слову—ничѣмъ не лучше сиротскихъ дворовъ. Напольныхъ взять, Мареиныхъ, Зарѣчныхъ, покойницы матушки Солоникеи, Разсохиныхъ... Чѣмъ питаются, единъ Господь вѣдаетъ. Совсѣмъ не стало имъ теперь подаянія. Оскудѣла рука христіанъ, стали больше о суетѣ думать, чѣмъ о душеспа́сеньѣ. Такъ-то, родной. Съ тѣхъ какъ на Керженцѣ у Тарасія да въ Осиновскомъ у Трифины старцы да старицы отъ старой вѣры отшатнулись, благодѣющая рука христіанъ стала неразогбенна. Зачали, слышь ты, на Москвѣ всѣ наши заволжскія обители въ подозрѣньи держать, всѣ-де мы за Керженцомъ да за Осинками въ это единовѣріе послѣдуемъ. Заподозрили и присылать перестали. Вотъ оно что̀, а ты еще говоришь: лицемѣрятъ. Какое тутъ лицемѣріе, какъ ѣсть-то нечего. Хоть нашу обитель взять. Ты не оставляешь, въ Москвѣ и въ Питерѣ есть благодѣтели, десять канонницъ по разнымъ мѣстамъ негасиму читаютъ, три сборщицы по городамъ ѣздятъ, ну, покуда Богъ грѣхамъ терпитъ, живемъ и молимся за благодѣтелей Бояркины тоже, Жженины, Глафирины, Игнатьевы, Московкины, Таисеины, всѣ благодѣтелями не оставлены. А другія совсѣмъ до конца дошли. Говорю тебѣ: пить-ѣсть нечего. Разсохиныхъ взять; совсѣмъ захудала обитель, а какая въ стары годы была богатая. Матушка Досиеея, ихня игуменья, съ горя да съ заботъ въ разсудкѣ инда стала мѣшаться...

— Запо́емъ, слышь, пьетъ, замѣтилъ Патапъ Максимычъ.

— Не грѣши напрасно, братецъ, возразила Манеѳа.— Мало ль чего люди не наплетутъ! Какое питье, когда жевать нечего, одѣться не во что̀!

— Зачала Лазаря! сказалъ, смѣясь, Патапъ Максимычъ.— Ужь и Разсохинымъ нечего ѣсть! Эко слово, спасёная душа, ты молвила!... Да у нихъ, я тебѣ скажу, денегъ куча; лопатами, чай, гребутъ. Обитель-то ихняя первыми бога-

чами строена. У васъ въ Комаровѣ они и хоронились, и постригались, и какихъ за то вкладовъ не надавали! Пошарь-ка у Досиѳеи въ сундукахъ, много тысячъ найдешь.

— Оно точно, братецъ, въ прежнее время Разсохиныхъ обитель была богатая, это правда и по всему христіанству извѣстно, сказала Манеѳа.—Однѣхъ инокинь бывало у нихъ по пятидесяти, а бѣлицъ по сотнѣ и больше. До пожару часовня ихняя по всѣмъ скитамъ была первая; своихъ поповъ держали, на Иргизъ за каждаго попа сотъ по пяти платили. Да вѣдь такое пространное житіе было еще при старикахъ Разсохиныхъ. А теперь самъ ты знаешь, каковы молодые-то стали. Стару вѣру покинули, возлюбили новую, брады побрили, вышли въ господа и забыли отчіе да дѣдніе гробы. Какъ есть одна копѣйка, и той отъ нихъ на родительску обитель не бывало. Слава міра обуяла Разсохиныхъ; про обитель Комаровскую, про строенье своихъ родителей, и слышать не хотятъ, гнушаются... Ну, и захудала обитель: бѣднѣть да бѣднѣть зачала. Къ тому жь Господь дважды посѣтилъ ее—горѣли.

— Сундуки-то чать повытаскали? спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Не успѣли, молвила Манеѳа.—Въ чемъ спали, въ томъ и выскочили. Съ той поры и началось Разсохинымъ житье горе горькое. Больше половины обители врозь разбрелось. Остались однѣ старыя старухи и до того дошли, сердечныя, что лампадки на большой праздникъ нечѣмъ затеплить, масла нѣтъ. Намедни, въ Рождественскій Сочельникъ, Спасову звѣзду безъ сочива встрѣчали. Вотъ до чего дошли!

Патапъ Максимычъ подумалъ немного. Молча досталъ бумажникъ, вынулъ четвертную * и отдавая Манеѳѣ сказалъ:

* Двадцатипятирублевый кредитный билетъ.

— Получай. Дѣли поровну: на пять обителей по пяти цѣлковыхъ. Пускай ихъ ѣдятъ блины на Масленицѣ. Подлей чайку-то, Захаровна. А ты, Фленушка, что не пьешь? Пей, сударыня: не хмѣльное, не вредитъ.

— Много благодарна, Патапъ Максимычъ, съ ужимочкой отвѣтила Фленушка. — Я ужь очень довольна, пойду теперь за работу.

— За какую это работу? спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Пелену шью, отвѣтила Фленушка.—Матушка приказала синелью да шерстями пелену вышить, къ Масленицѣ надо кончить ее безпремѣнно. Для того съ собой и пяльцы захватила.

— Ступай-ка въ самомъ дѣлѣ, Фленушка, сказала мать Манеѳа, — пошей. Времени-то немного остается: на Сырной недѣлѣ оказія будетъ въ Москву, надо безпремѣнно отослать. На Рогожское хочу пелену-то послать, продолжала она, обращаясь къ Патапу Максимычу.—Да еще хочу къ матушкѣ Пульхеріи отписать, благословитъ ли она епископу омофоръ вышивать да подушку на чемъ ему въ службѣ сидѣть. Рылась я, братецъ, въ книгахъ, искала на то правила, подобаетъ ли въ шитомъ шерстями да синелью омофорѣ епископу дѣйствовать,—не нашла. Хоть бы единое слово въ правилахъ про то было сказано. Остаюсь въ сумнѣньи парчевые ли только омофоры слѣдуетъ дѣлать, али можно и шитые. Вотъ и отписываю, — матушка Пульхерія знаетъ объ этомъ доподлинно.

Фленушка пошла изъ горницы, слѣдомъ за ней Параша. Настя осталась. Какъ въ воду опущенная, молча сидѣла она у окна, не слушая разговоровъ про сиротскіе дворы и бѣдныя обители. Отцовскія рѣчи про жениха глубоко запали ей на́ сердце. Теперь знала она что Патапъ Максимычъ въ самомъ дѣлѣ задумалъ выдать ее за кого-то́ незнаемаго. Каждое слово отцовское какъ ножомъ ее по́

сердцу рѣзало. Только о томъ теперь и думаетъ Настя, какъ бы избыть грозящую бѣду.

— А тебѣ, Настасья, видно, и въ самомъ дѣлѣ не можется? спросилъ ее отецъ.—Подь-ка сюда.

Опустя голову и перебирая уголъ передника, подошла Настя къ дивану, гдѣ сидѣлъ Патапъ Максимычъ.

— Совсѣмъ дѣвка зачала изводиться, вступилась Манееа.—Какъ жили онѣ въ обители, какъ маковъ цвѣтъ цвѣла, а въ родительскомъ дому и румянéцъ съ лица сбѣжалъ. Чудно́е дѣло!

— Ужь пытала я, пытала у ней, замѣтила Аксинья Захаровна,—скажи, молъ, Настя, что̀ болитъ у тебя? „Ничего, говоритъ, не болитъ"... И ни единаго слова не могла отъ нея добиться.

— Сядь-ка рядкомъ, потолкуемъ ладкомъ, сказалъ Патапъ Максимычъ, сажая Настю ря̀домъ съ собой и обнимая рукою станъ ея.—Что̀, дѣвка, раскручинилась? Молви отцу. Можетъ, что̀ и присовѣтуетъ.

Не отвѣчала Настя. То въ жаръ, то въ ознобъ кидало ее, на глазахъ слезы выступили.

— Чего молчишь? Изропи словечко. Скажи хоть на ушко, продолжалъ Патапъ Максимычъ, наклоняя къ себѣ Настину голову.

— Тошнехонько мнѣ, тятя, въ полголоса сказала Настя.—Пусти ты меня, въ свѣтлицу пойду.

— Эту тошноту мы вылѣчимъ, говорилъ Патапъ Максимычъ, ласково приглаживая у дочери волосы.. Не плачь, радость скажу. Не хотѣлъ говорить до поры до времени, да ужь такъ и быть скажу теперь. Жениха жди, Настасья Патаповна. Прикатитъ къ матери на именины... Слышишь?... Славный такой, молодой да здоровéнный, а богачъ какой!... Изъ первыхъ... Будешь въ славѣ, въ почетѣ жить, во всякомъ удовольствіи... Чего молчишь?.. Рада?..

У Насти въ три ручья слезы хлынули.

— Не пойду за него... молвила, рыдая и припавъ къ отцовскому плечу. — Не губи меня, голубчикъ тятенька... не пойду....

— Отецъ велитъ, пойдешь, нахмурясь строгимъ голосомъ сказалъ Патапъ Максимычъ, отстраняя Настю.

Она встала, и закрывъ лицо передникомъ, горько заплакала. Аксинья Захаровна бросила перемывать чашки, и сказала, подойдя къ дочери:

— Полно, Настенька, не плачь, не томи себя. Отецъ вѣдь любитъ тебя, добра тебѣ желаетъ. Полно же, пригожая моя, перестань.

Настя отерла слезы передникомъ и отняла его отъ лица. Изумились отецъ съ матерью, взглянувъ на нее. Точно не Настя, другая какая-то дѣвушка стала передъ ними. Гордо поднявъ голову, величаво подошла она къ отцу и ровнымъ, твердымъ, сдержаннымъ голосомъ, какъ бы отчеканивая каждое слово, сказала:

— Слушай, тятя! За того жениха, чтò сыскалъ ты, я не пойду.... Рѣжь меня, чтò хочешь дѣлай.... Есть у меня другой женихъ.... Сама его выбрала, за другаго не пойду... Слышишь?

— Что-о-о? закричалъ Патапъ Максимычъ, вскакивая съ дивана. — Женихъ?... Такъ ты такъ-то!.. Да я разражу тебя! Говори сейчасъ, негодница, какой у тебя женихъ завелся?... Я ему задамъ....

Аксинья Захаровна такъ и обомлѣла на мѣстѣ. Матушка Манеѳа, сидя, перебирала лѣстовку и творила молитву.

— Не достанешь, тятя, моего жениха, съ улыбкой молвила Настя.

— Кто таковъ?... Сказывай покамѣсть цѣла, — въ неистовствѣ кричалъ Патапъ Максимычъ, поднимая кулаки.

— Христосъ, Царь Небесный, отступая назадъ, отвѣчала Настя.—Ему обѣщалась.... Я въ кельи, тятя, иду, иночество приму.

Патапъ Максимычъ на сестру накинулся.

— Твои дѣла, спасенница?... Твои дѣла?... Ты ей въ голову такія мысли набила?

— Никогда я Настасьѣ про иночество слова не говаривала, спокойно и холодно отвѣчала Манеѳа,—бесѣды у меня съ ней о томъ никогда не бывало. И нѣтъ ей моего совѣта, нѣтъ благословенія идти въ скиты. — Молода еще, голубушка,—не снесешь... Да у насъ такихъ молодыхъ и не постригаютъ.

— А коль я къ воротáмъ твоимъ, тетенька, босая приду, да стоя у вереи въ одной рубахѣ, громко, именемъ Христовымъ, зачну молить, чтобы допустили меня къ Жениху моему?... Прогонишь?... Запрешь ворóта?... А?...

— Нѣтъ, не могу воротъ запереть, отвѣчала игуменья.— Нельзя... Господь сказалъ: „грядущаго ко Мнѣ не изжену"... Должна буду принять.

— Такъ слушай же ты, спасённая твоя душа, закричалъ Патапъ Максимычъ, сестрѣ.—Твоя обитель мной только и дышетъ.... Такъ али нѣтъ?

— Такъ точно, отвѣчала Манеѳа.

— Знаешь ты, какіе строгіе наказы изъ Питера насланы?... Всѣ скиты въ конецъ хотятъ порѣшить, праху чтобъ ихняго не осталось, всѣхъ старицъ да бѣлицъ за карауломъ по своимъ мѣстамъ разослать.,.. Слыхала про это?

— Какъ не слыхать! спокойно сказала Манеѳа.

— А кто отъ васъ эту бѣду до поры до времени, покуда сила да мочь есть, отводитъ? продолжалъ Патапъ Максимычъ.—Кто за васъ у начальства хлопочетъ?... Знаешь?...

— Знаю, что ты нашъ заступникъ. Тобой держимся, молвила Манеѳа.

— Такъ помни же мое слово и всѣмъ игуменьямъ повѣсти, кипя гнѣвомъ сказалъ Патапъ Максимычъ:— если Настасья уходомъ уйдетъ въ какой-нибудь скитъ, и твоей обители, и всѣмъ вашимъ скитамъ конецъ.... Слово мое крѣпко... А ты, Настасья, прибавилъ онъ, понизивъ голосъ,—дурь изъ головы выкинь... Слышишь?... Ишь какая невѣста Христова проявилась!... Чтобъ я не слыхалъ такихъ рѣчей....

Сказавъ это, Патапъ Максимычъ вышелъ изъ горницы и крѣпко хлопнулъ за собой дверью....

—

На другой день послѣ того у Чапуриныхъ баню топили. Хоть дѣло было и не въ субботу, но какъ же прiѣхавшихъ изъ Комарова гостей въ банькѣ не попарить? Не по-русски будетъ, не по старому завѣту. Да и самъ Патапъ Максимычъ такой охотникъ былъ париться, что ему хоть каждый день баню топи.

Баня стояла въ ряду прочихъ крестьянскихъ бань за деревней, на берегу Шишинки, для безопасности отъ пожару, и чтобы лѣтомъ, выпарившись въ банѣ, близко было окунуться въ холодную воду рѣчки. Любитъ русскiй человѣкъ, выпарившись, зимой на снѣгу поваляться, лѣтомъ въ студеной водѣ искупаться. Передъ сумерками пошла париться Аксинья Захаровна съ дочерьми и съ Фленушкой, Матрена работница шла съ ними для послуги. Изъ дому въ баню надо идти мимо токарень, отъ нихъ узенькая тропинка пролегала середи сугробовъ къ Чапуринской банѣ. Высокая, бѣлая *, свѣтлая, просторная, она и снаружи

* Бѣлою называется баня съ дымовою трубой, а не курная, которую зовутъ обыкновенно черною.

смотрѣла дворянскою, а внутри все было чисто и хорошо прибрано. Липовые полкѝ, лавки и самый полъ, по нѣскольку разъ въ году строгались скобелемъ, окна въ банѣ были большія, со стеклами, и чистый передбанникъ прирубленъ былъ.

Фленушка вышла изъ дому послѣдняя, и когда вошла въ передбанникъ, Аксинья Захаровна съ Парашей ужъ раздѣлись и ушли въ баню, гдѣ Матрена полкѝ и лавки подмывала. Настя еще раздѣвалась.

— Сейчасъ узнала, въ которой токарнѣ чей-то милый дружокъ работа̀етъ, вполголоса сказала ей вошедшая Фленушка,—вторая съ краю, отъ нея тропинка къ банѣ проложена.

— Зачѣмъ узнавала, Фленушка? спросила Настя.

— Да такъ, на всякій случай. Можетъ-быть, пригодится, отвѣчала Фленушка.—Ну, къ примѣру сказать, вѣсточку какую велишь передать, такъ я ужъ и знаю куда нести.

— Какія вѣсточки? Съ ума ты что ли сошла?

— Да развѣ сохнуть тебѣ? сказала Фленушка.—Надо же васъ свести, жива быть не хочу, коль не сведу. Надо и его пожалѣть. Пожалуй, совсѣмъ ума рѣшится, тебя не видаючи.

— Можетъ-быть, онъ и думать-то про меня не хочетъ, сказала Настя.

— Дуракъ онъ что̀ ли? отвѣчала Фленушка.—Кто отъ эдакой красоты отворотится? Смотри-ка какая!... прибавила она, глядя на раздѣвшуюся дѣвушку. — Жизнь бы свою Алешка отдалъ, глазкомъ бы только взглянуть теперь на свою сударушку. Ишь какая пышная, сдобная, бѣлая!... Точно атласъ на пуху.

И принялась щекотать Настю.

— Да полно же тебѣ, безумная! крикнула Настя и побѣжала въ баню.

Часа через полтора настали сумерки. Въ токарняхъ зашабашили. Алексѣй остался въ своей, чтобы маленько поизладить станокъ, онъ подводилъ къ нему новый ремень. Провозился онъ съ этимъ дѣломъ долго, всѣ токари по своимъ мѣстамъ разошлись, и токарни были на запорѣ. Когда вышелъ онъ и сталъ запирать свою токарню, почти совсѣмъ уже стемнѣло. Кругомъ ни души. Оглянувшись назадъ, увидѣлъ Алексѣй, что по тропинкѣ изъ бани идетъ какая-то женщина въ шубкѣ, укрытая съ головы большимъ шерстянымъ платкомъ, и съ вѣникомъ подъ мышкой. Когда она подошла поближе, онъ узналъ Фленушку. Аксинья Захаровна съ дочерьми давно ужь домой прошла.

— Здоровенько ль поживаешь, Алексѣй Трифонычъ? сказала Фленушка, поровнявшись съ нимъ.

— Слава Богу, живемъ помаленьку, отвѣчалъ онъ, снимая шапку.

— Кланяться тебѣ велѣли, сказала она.

— Кто велѣлъ кланяться? спросилъ Алексѣй.

— Ишь какой недогадливый! засмѣясь, отвѣчала Фленушка. — Самъ кашу заварилъ, нагналъ на дѣвку сухоту, да еше спрашиваетъ: кто?... Ровно не его дѣло... Безстыжій ты эдакой!... На осину бы тебя!...

— Да про кого ты говоришь? Мнѣ не въ домекъ, сказалъ Алексѣй, а у самого сердце такъ и забилось. Догадался.

— Некогда мнѣ съ тобой балясы точить, молвила Фленушка.—Пожалуй еще Матрена изъ бани пойдетъ, да увидитъ насъ съ тобой, либо въ горницахъ меня хватятся.... Настасья Патаповна кланяться велѣла. Вотъ кто... Она по тебѣ сокрушается... Полюбила съ перваго взгляда.... Вишь глаза-то у тебя долговязаго какіе непутные, только взглянулъ на дѣвку тотчасъ и приворожилъ.... Велишь что ли кланяться?

— Поклонись, Флена Васильевна, сказалъ Алексѣй, съ жаромъ схвативъ ее за руку.—Самъ я ночи не сплю, самъ отъ ѣды отбился, только и думы, что про ея красоту неописанную.

— Ну, ладно, молвила Фленушка.—Повидаемся надняхъ; улучу времячко. Молчи у меня, безпремѣнно сведу васъ.

— Сведи, Флена Васильевна, сведи, радостно вскрикнулъ Алексѣй.—Вѣкъ стану за тебя Богу молиться!

Фленушка ушла. У Алексѣя на душѣ стало такъ свѣтло, такъ радостно, что онъ даже не зналъ куда дѣваться. На мѣстѣ не сидѣлось ему: то въ избѣ побудетъ, то на улицу выбѣжитъ, то за околицу пойдетъ и зальется тамъ громкою пѣсней. Въ домѣ пѣть онъ не смѣлъ, не ровенъ часъ: осерчаетъ Патапъ Максимычъ.

—

Послѣ этого Алексѣй нѣсколько разъ видался съ Фленушкой. И каждый разъ передавала она ему поклоны отъ Насти и каждый разъ увѣряла его, что Настя дó вѣку его не разлюбитъ, и кромѣ его ни за кого замужъ не пойдетъ.

— Не отдадутъ ея за меня, грустно сказалъ Алексѣй Фленушкѣ, когда заговорила она о свадьбѣ.—У насъ съ Настасьей Патаповной ровна любовь, да не ровны обычаи. Патапъ Максимычъ и богатъ и спѣсивъ: не отдастъ дѣтище за бѣднаго работника, чтò у него же въ кабалѣ живетъ... Вѣдь я въ кабалѣ у него, Флена Васильевна, на цѣлый годъ закабаленъ... Деньги отцу моему онъ выдалъ напередъ, чтобы намъ домомъ поправиться: вѣдь сожгли насъ, обокрали, можетъ-быть слыхала?.. А ты сама знаешь, закабаленный тотъ же барскій?.. А какой баринъ за холоповъ дочерей своихъ выдаетъ? Такъ и тутъ: все едино...

Да и захочетъ ли еще Настасья Патаповна себя потерять, выйдя за меня?

— Ради милаго и безъ вѣнца нашей сестрѣ не жаль себя потерять! сказала Фленушка. — Не тужи... Не удастся свадьба „честью“, „уходомъ“ ее справимъ... Будь спокоенъ, я за дѣло берусь, значитъ, будетъ вѣрно.... Вотъ подожди, придетъ лѣто: бѣжимъ и окрутимъ тебя съ Настасьей... У нея положено, коль не за тебя, ни за кого нейдти... И женихъ пріѣдетъ во дворъ, да поворотитъ оглобли какъ несолоно хлебалъ... Не вѣшай головы, молодéцъ, наше отъ насъ не уйдетъ!

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

По приказу Патапа Максимыча зачали у него брагу варить и сыченые квасы изъ разныхъ солодовъ ставить. Вари большія: ведеръ пó сороку. Слухъ, что Чапуринъ на Аксинью-полухлѣбницу работному народу задумалъ столы рядить, тóтчасъ разнесся по окольнымъ деревнямъ. Всѣ деревенскіе, особенно бабы, не мало раздумывали, не мало языкомъ работáли, стараясь разгадать, какихъ ради причинъ Патапъ Максимычъ не въ урочное время хочетъ народъ кормить.

Въ самый тотъ день какъ у Чапуриныхъ брагу заварили, въ деревнѣ Ежовѣ, чтò стоитъ на рѣчкѣ Шишинкѣ въ полутора верстахъ отъ Осиповки, собрались мужики у клѣтей на улицѣ и толковали межъ собой про столы Чапуринскіе. Кто говорилъ, что видно Патапу Максимычу въ волостныхъ головахъ захотѣлось сидѣть, такъ онъ передъ выборами міръ задабриваетъ, кто полагалъ, не будетъ ли у него въ тотъ день какой-нибудь „пóмочи“. *

* „Пóмочью“ иначе „тóлокой“ называется угощенье за работу.

Но все это нескладно-неладно придуманное тутъ же ежовскимъ міромъ и осмѣивалось. И въ самомъ дѣлѣ: захотѣлось бы Патапу Максимычу въ головы, давнымъ бы давно безо всякихъ угощеньевъ его цѣлой волостью выбрали, да не того онъ хочетъ; не разъ откупался, ставя на сходѣ ведеръ по пяти зелена́ вина для угощенья выборщиковъ. На „то́локу" народъ собирать ему тоже не стать: мужикъ богатый, къ тому же тороватый, гордъ, спѣсивъ, любитъ по́четъ: захочетъ ли міромъ одолжаться?... На что̀ ему „помочь", когда въ карманѣ чистоганъ не переводится. Съ добрый часъ протолковали ежовскіе мужики, стоя кучкой у клѣтей, но ничего на дѣло похожаго не придумали. Баба дѣло рѣшила, да такъ мѣтко, будто у Чапурина въ головѣ сидѣла и мысли его читала.

Шла по́ воду тетка Акулина, десятника жена. Поровнявшись съ мужиками, поставила ведра на земь. Какъ не послушать бабѣ про что̀ мужики говорятъ.

— Эхъ вы, умныя головы, крикнула она, вслушавшись въ мірскія рѣчи, — толкуютъ, что воду толкутъ, а догадаться не могутъ. Кто что̀ ни скажетъ, не подъ тотъ уголъ клинъ забиваетъ.... Слушать даже тошно.

На бабу, какъ водится, накинулись, осмѣяли, кто-то выругалъ, а мужъ, тутъ же стоявшій, велѣлъ ей идти куда шла и зря не соваться куда не спрашиваютъ.

— Да что вы, лѣшіе, безъ пути зубы-то скалите? крик-

Хозяинъ, желающій какое-нибудь дѣло справить разомъ въ одинъ день, созываетъ къ себѣ сосѣдей на работу и ставитъ за нее сытный обѣдъ съ пивомъ и виномъ. „Помоча́не" работаютъ и утромъ и послѣ обѣда, и въ одинъ день управляются съ дѣломъ. На „по́мочи" сзываютъ большей частью крестьяне недостаточные, у которыхъ въ семьѣ мало рабочихъ. Люди богатые, тысячники, не дѣлаютъ „помоче́й". У сельскихъ поповъ полевыя работы все больше „то́локой" справляются.

нула Акулина. — Стоятъ, изъ пустаго въ порожнее перекладываютъ, а разгадать ума не хватаетъ. Знаю къ чему Чапурины пиры затѣваютъ.

— Ну, сказывай, коли знаешь! заговорили мужики.

— У Патапа Максимыча дочери-то заневѣстились, сказала Акулина, — вотъ и сзываетъ онъ купцовъ товаръ показать. — Смотрины будутъ.

— Ай да тетка Акулина! Разсказала какъ размазала! заголосили мужики.

— А баба-то, пожалуй, и правдой обмолвилась, сказалъ тотъ, чтò постарше былъ. — Намедни „хозяинъ" при мнѣ на базарѣ самарскаго купца Снѣжкова звалъ въ гости, а у того Снѣжкова сынъ есть, парень молодой, холостой; въ Городцѣ частенько бываетъ. Пожалуй и въ самомъ дѣлѣ не свадьба ль у нихъ затѣвается.

Акулина посмѣялась надъ мужиками и пошла своей дорогой къ колодцу. Тутъ по всѣмъ дворамъ бабамъ ровно повѣстку дали; всѣ къ колодцу съ ведрами сбѣжались и зачали съ Акулиной про Чапуринскую свадьбу растабарывать. Молодица изъ деревни Шишкина случилась тутъ. Выслушавъ въ чемъ дѣло, не заходя къ теткѣ, къ которой было изъ-за двухъ верстъ приходила покланяться, чтобъ та ей разбитую кринку берестой обмотала, побѣжала домой безъ оглядки, точно съ краденымъ. Какъ прибѣжала, такъ всѣхъ шишкинскихъ бабъ повѣстила, что у Чапуриныхъ смотрины будутъ. Изъ Шишкина бабы, подымя хвосты, по другимъ деревнямъ побѣжали кумушкамъ новость разсказать. И пошелъ говоръ про смотрины по всѣмъ деревнямъ. Вездѣ про Настю рѣчь вели, потому что не статочное, необычное вышло бы дѣло, еслибъ меньшая сестра впередъ старшей пошла подъ вѣнецъ.

Пущенныя Акулиной вѣсти дошли до Осиповки. Въ одномъ изъ мшенниковъ, чтò цѣлымъ рядомъ стояли про-

тивъ дома Чапурина, точили посуду три токаря, въ томъ числѣ Алексѣй. Четвертый колесо вертѣлъ.

— Слышалъ, Петруха, у хозяевъ-то брагу варятъ, говорилъ коренастый рыжеватый парень, стоя за станкомъ и оттачивая ставешокъ.

— Какъ не слыхать! отвѣтилъ Петруха, весело вертя колесо, двигавшее три станка. — Столы, слышно, хозяинъ строить задумалъ. Пантелея Прохорыча завтра въ Захлыстино на базаръ посылаютъ свѣжину да вино искупать. Угощенье, слышь, будетъ богатое. Ста полтора либо два народу будутъ кормить.

— Гдѣ жь столы-то рядить? спросилъ токарь Матвѣй.— Я, парень, что-то не слыхивалъ, чтобъ зимой столы ставили. На снѣгу да на морозѣ что за столованье! Закрутитъ морозъ, такъ на волѣ-то варево смерзнетъ.

— Мало развѣ у хозяина избъ да подклѣтокъ! замѣтилъ Петруха.

— Все жь полутора стамъ не усѣсться, молвилъ третій работникъ, Мокеемъ звали—прозвищемъ Чалый.

— Очередь станутъ держать, по-скитски, какъ по обителямъ въ келарняхъ странныхъ угощаютъ, отвѣчалъ Матвѣй. — Одни покормятся и вонъ изъ-за столовъ, на ихъ мѣсто другіе.

— Развѣ что такъ, молвилъ Петруха, соглашаясь съ Матвѣемъ.—Городовые купцы, слышь, наѣдутъ, прибавилъ онъ.

— Пиръ готовятъ зазвонистый, сказалъ Мокей. — Рукобитье будетъ, хозяинъ-отъ старшую дочь пропивать станетъ.

Ровно ножомъ полоснуло Алексѣю пó-сердцу. Хоть говорила ему Фленушка, что опричь его Настя ни за кого не пойдетъ, но нежданная новость его ошеломила.

— Въ домъ что ли зятя-то берутъ? спросилъ Петруха.

— Куда, чай, въ домъ! отозвался Чалый.—Пойдетъ такой богачъ къ мужику въ зятьяхъ жить! Нашъ хозяинъ, хоть и тысячникъ, да все же крестьянинъ. А женихъ-отъ мало того что изъ стараго купецкаго рода, почетный гражданинъ. У отца у его, слышь, медалей на шеѣ-то что навѣшано, въ городскихъ головахъ сидѣлъ, въ Питеръ ѣздилъ; у царя во дворцѣ бывалъ. Нашъ-отъ хоть и спѣсивъ, да Снѣжковымъ въ версту не будетъ.

— Снѣжковыхъ развѣ женихъ-отъ? спросилъ Матвѣй.— Не самарскій ли?

— Самарскіе, по всей Волгѣ купцы извѣстные, отвѣчалъ Чалый.

— Куда жь ему въ зятья къ мужику идти, сказалъ Матвѣй,—у него, братецъ ты мой, заводы какіе въ Самарѣ, домà, самъ я видѣлъ; былъ вѣдь я въ тѣхъ мѣстахъ въ позапрошломъ году. Пароходовъ своихъ четыре ли, пять ли. Не пойдетъ такой зять къ тестю въ домъ. Своимъ хозяйствомъ поди заживутъ. Чтò за находка ему съ молодой женой, да еще съ такой раскрасавицей, въ нашихъ лѣсахъ да въ болотахъ жить!

Сильнѣй и сильнѣй напиралъ Алексѣй острымъ рѣзцомъ на чашку, которую дотачивалъ. Въ глазахъ у него зелень ходенемъ заходила, ровно угорѣлъ, въ ушахъ шумъ стоитъ, сердце такъ и замираетъ. Тогда только и опомнился, какъ рѣзцомъ сквозь чашку прошелъ.

— Чтò это ты, Алексѣй? съ усмѣшкой спросилъ его вертельщикъ Петруха — Сквозь прорѣзалъ.

— Сорвалось! сквозь зубы молвилъ Алексѣй и бросилъ испорченную чашку въ сторону. Никогда съ нимъ такого грѣха не бывало, даже и тогда не бывало, какъ подросткомъ будучи токарному дѣлу учился. Стыдно стало ему передъ токарями. По всему околотку первымъ мастеромъ считается, а тутъ гляди-ка дѣло какое.

Зашабашили къ обѣду. Алѣксѣю не до ѣды. Пошелъ было въ подклѣтъ, гдѣ посуду красятъ, но повернулъ къ лѣстницѣ, что̀ ведетъ въ верхнее жилье дома, и на нижнихъ ступеняхъ остановился. Ждалъ онъ тутъ съ четверть часа, видѣлъ какъ пробрела по̀ верху черезъ сѣни матушка Манеѳа, слышалъ громкій топотъ сапоговъ Патапа Максимыча, заслышалъ наконецъ голосъ Фленушки, выходившей изъ Настиной свѣтлицы. Уходя она говорила: „Сейчасъ приду, Настенька!“

— Флена Васильевна, отозвался съ лѣстницы Алексѣй.

Она взглянула внизъ, опершись грудью о перила и свѣсивъ голову.

— Что̀ ты какой? спросила она въ полголоса — Самъ на себя не похожъ.

— Сойди на минуточку, сказалъ Алексѣй. —Здѣсь въ подклѣтѣ нѣтъ никого — всѣ обѣдаютъ.

Фленушка сбѣжала въ подклѣтъ.

— Богъ тебѣ судья, Флена Васильевна, сказалъ Алексѣй.—За что̀ же ты надо мной насмѣялась?... Вѣдь этакъ человѣка не долго уморить!

— Съ ума что ли спятилъ? спросила Фленушка.—Чѣмъ я надъ тобой насмѣялась?

— Какія рѣчи ты отъ Настасьи Патаповны мнѣ переносила?... Какія слова говорила?.... Зачѣмъ же было душу мою мутить? Теперь не знаю что̀ и дѣлать съ собой — хоть камень на шею, да въ воду.

— Да ты бѣлены объѣлся, али спьяну мелешь самъ не знаешь что̀? сказала Фленушка. — Да какъ ты только подумать могъ, что я тебя обманываю?... Ахъ ты, безстыжая твоя рожа!.... За него хлопочутъ, а отъ него вотъ благодарность какая!... Такъ ты думаешь, что и Настя облыжныя рѣчи говорила.... А?....

— Отъ Настасьи Патаповны доселѣва я никакихъ рѣ-

чей не слыхивалъ, молвилъ Алексѣй. — Съ тобой у меня разговоры бывали!... Вспомни-ка что̀ ты мнѣ говорила, а вотъ—готовятъ пиры, жениха изъ Самары ждутъ.

— Только-то? сказала Фленушка и залилась громкимъ хохотомъ. — Ну этихъ пировъ не бойся, молодецъ. Рукобытью на нихъ не бывать! Пусть ихъ теперь праздничаютъ, — а лѣто придетъ, мы запразднуемъ: тогда на нашей улицѣ праздникъ будетъ.... Слушай: брагу для гостей не доварятъ, я тебя сведу съ Настасьей. Какъ отъ самой отъ ней услышишь тѣ же рѣчи, что̀ я переносила, повѣришь тогда?... А?...

— Повѣрю, потупясь отвѣчалъ Алексѣй.

— Меня попрекать, да обманщицей обзывать не станешь?

— Не буду, проговорилъ онъ.

— То-то же. Ступай теперь. Выкинь печаль изъ головы, не томи понапрасну себя, а дѣвицу красну въ пу̀щу тоску не вгоняй.

Мало успокоили Фленушкины слова Алексѣя. Сильно его волновало, и не зналъ онъ что̀ дѣлать: то на улицу выйдетъ, у воротъ посидитъ, то въ избу придетъ, за работу возьмется, работа изъ рукъ валится, на палати полѣзетъ, опять долой. Такъ до сумерекъ пробился, въ токарню не пошелъ, сказалъ старику Пантелею,что по у̀тру угорѣлъ въ красильнѣ.

— Долго ли въ красильнѣ угорѣть, отвѣчалъ Пантелей. — Ты бы по морозцу безъ шапки походилъ — облегчитъ.

— И впрямь пойду на морозъ, сказалъ Алексѣй, и надѣвъ полушубокъ, пошелъ за околицу. Выйдя на дорогу, крупными шагами зашагалъ онъ, понуривъ голову. Прошелъ версту, прошелъ другую, видитъ мостъ черезъ оврагъ, за мостомъ дорога на двѣ стороны расходится. Оглядѣлся Алексѣй, опозналъ мѣсто, и въ раздумьѣ по-

стоявъ на мосту, своротилъ налѣво въ свою деревню Поромово.

Громко раздавалась по крытому снѣгомъ полю Алексѣева пѣсня:

Охъ ты горе мое, горе гореваньице,
Ты печаль моя, тоска лютая,
Загубила ты добра-молодца,
Красна дѣвица, дочь отецкая.

Въ каждомъ звукѣ пѣсни слышались слезы и страшная боль тоскующей души.

—

Послѣ крупнаго разговора съ отцомъ, когда Настя объявила ему о желаньи надѣть черную рясу, она ушла въ свою свѣтелку и заперлась на́ крюкъ. Не одинъ разъ подходила къ двери Аксинья Захаровна; и стучалась, и громко оклика́ла дочь, похныкала даже маленько, авось дескать материны слезы не образумятъ ли дѣвку, но дверь не отмыкалась, и въ свѣтлицѣ было тихо, какъ въ гробу.

„Уснула,“ подумала Аксинья Захаровна.—„Пускай ее отдохнетъ.... Эка бѣда стряслась, и не чаяла я такой!... Гляди-ко-сь, въ черницы захотѣла, и что̀ ей это въ головоньку втемяшилось?... На то ли я ее родила да выростила?... А все Максимычъ!... Лѣзетъ со своимъ женихомъ!...“

Пошла Аксинья Захаровна въ другую боковушу, къ Парашѣ. Тамъ Фленушка сидѣла за пяльцами, вышивая пелену, а Параша на мотовилѣ шерсть разматывала. Фленушка пѣла скитскую пѣсню, Параша ей подтягивала:

Изъ пустыни старецъ
Въ царскій домъ приходитъ,
Онъ принесъ съ собою,
Онъ принесъ съ собою

Прекрасный камень,
Толь прекрасный, прелюбезный,
Предрагій.

Іосафъ царевичъ,
Сынъ царя индѣйскаго,
Проситъ купца-старца:
„Покажи мнѣ каменёкъ,
Покажи мнѣ дорогой,
Я увижу и спознаю
Ему цѣну.“

—„Когда ты возможешь
Небеса измѣрить,
Небеса измѣрить,
Всѣ моря и зе́мли
Въ ѓорсть свою схватить,
А все противъ камня
Ровно ничего.“

—„А! купецъ премудрый,
Говоритъ царевичъ,
Скажи свою тайну,
Какъ на свѣтъ явился,
Какъ на свѣтъ явился,
Гдѣ теперь хранится
Камень тотъ драгой?“

Отвѣчаетъ старецъ,
Видъ купца пріявшій,
Преподобный Варлаамъ:
—„Камень не хранится,
Камень не хранится,
Съ нами пребываетъ
Онъ завсегда.

„Пречистая дѣва
Родила сей камень,
Въ ясли положила,
Грудью воскормила,
Грудью воскормила
Бога-человѣка,
Спасителя.

„Онъ нынѣ пребываетъ
Выше звѣздъ небесныхъ,
Солнца со звѣздами,
А земля съ морями,
А земля съ морями
Непрестанно славятъ
Его завсегда."

— Заперлась, грустно сказала Аксинья Захаровна, обращаясь къ Фленушкѣ. — И окликáла ее, и стучалась къ ней, нишкнетъ голубушка.... А ты чтò, Параня, какъ смотришь?... Аль не жалко сестры-то?... прибавила она, замѣтивъ, что та усмѣхается, поглядывая на Фленушку. Но Фленушка была спокойна и даже тоскливо смотрѣла на Аксинью Захаровну. Она ужь и Парашу кое-чему научила: какъ говорить съ отцомъ съ матерью, но той и супротивничать-то лѣнь была.—Спать бы только ей да валяться на мягкомъ пуховикѣ—другой отрады не знавала Параша.

— Не о чемъ ей убиваться-то, мамынька, молвила Параша. — Чтò въ самомъ дѣлѣ дурь-то на себя накидываетъ?... Какъ бы мнѣ тятя привезъ жениха, а бы, кажись, за околицу навстрѣчу къ нему....

— Ахъ ты срамница, бсзстыдница! крикнула Аксинья Захаровна.—Гдѣ ты этому научилась, гдѣ такихъ словъ набралась, безпутная голова твоя?... Навстрѣчу!... За околицу!... А вотъ я тебя дубцомъ!... *

— Да чтò жь, мамынька? Коли Настѣ тятенькинъ женихъ не по мысли, отдай мнѣ его, съ радостью пойду.

— Ахъ ты безстыжая!... Ахъ ты безумная! продолжала началить Парашу Аксинья Захаровна.—А я еще распиналась за васъ передъ отцомъ, говорила, что обѣ вы еще птенчики!... Ахъ непутная, непутная!... Погоди ты у меня, вотъ отцу скажу.... Онъ тѣ шкуру-то спуститъ.

* Дубецъ—розга.

— Не спуститъ. Не за чтò, отвѣчала Параша.

Насилу уняла Парашу Аксинья Захаровна.

— Фленушка, сказала она, — отомкнется Настя, перейди ты къ ней въ свѣтелку, родная. У ней свѣтелка большая, двоимъ вамъ не будетъ тѣсно. И пяльцы перенеси, и ночуй съ ней. Одну ее теперь нельзя оставлять, мало ли чтò можетъ приключиться... Такъ ты ужь, пожалуста, пригляди за ней... А къ тебѣ, Прасковья, я Анафролью пришлю чтобъ и ты не одна была... Да у меня дурь-то изъ головы выкинь, не то смотри!... Перейди же туда, Фленушка.

— Слушаю, Аксинья Захаровна, молвила въ отвѣтъ Фленушка. — Какъ отомкнется, тóтчасъ переберусь. Тамъ же мнѣ и вышивать свѣтлѣе, óкна-то нá полдень.

— Поразговори ты ее, говорила Аксинья Захаровна,— развесели хоть крошечку. Вѣдь ты бойкая Фленушка, шустрая, и мертваго разсмѣшишь какъ захочешь... Больно боюсь я, родная... Чтò такое это съ ней подѣлалось — ума не могу приложить.

— Ничего, Аксинья Захаровна, молвила въ отвѣтъ Фленушка. — Не безпокойтесь: все минетъ, все пройдетъ.

— Дай-ка Богъ, дай-ка Богъ, вздохнула Аксинья Захаровна и пошла изъ Парашиной боковуши.

Фленушка, подойдя къ Настиной свѣтелкѣ, постучалась и, точно въ кельяхъ, громко прочитала молитву Іисусову. Услышавъ Фленушкинъ голосъ, Настя отомкнулась.

— Я къ тебѣ ровно къ старицѣ въ келью, съ молитвой, смѣясь сказала Фленушка.— Творить ли метанія передъ честнóю йнокиней, просить ли прощенья и благословенья?

— Тебѣ, Фленушка, смѣхи́ да шутки, упрекнула ее, обливаясь слезами, Настя.—А у меня сердце на части разрывается. Привезутъ жениха, разлучатъ меня....

— Ну, это еще посмотримъ, разлучатъ ли тебя, нѣтъ ли съ Алешкой, молвила Фленушка.—Всѣхъ проведемъ, всѣхъ

одурачимъ, свадьбу уходомъ сыграемъ. Надѣйся на меня, да слушайся, все по хотѣнью нашему сбудется.

— Ахъ, Фленушка, Фленушка!... и хотѣлось бы вѣрить, да не вѣрится, отирая слезы, сказала Настя. — Вонъ тятенька-то какъ осерчалъ, какъ я по твоему наученью свысока поговорила съ нимъ. Не вышло ничего, осерчалъ только пуще....

— А зачѣмъ черной рясой пугала? возразила Фленушка. — Нашла чѣмъ пригрозить!... Скитомъ да Небеснымъ Женихомъ!... Эка!... Такъ вотъ онъ и испугался!... Какъ же!... Властенъ онъ надъ скитами, особенно надъ нашей обителью. Въ скиту отъ него не схоронишься. Изо всякой обители выйметъ, ни одна игуменья прекословить не посмѣетъ. Всѣ ему покоряются, потому что — сила.

— И сама не знаю какъ на умъ мнѣ взошло про черничество молвить, сказала Настя.

— А ты вотъ что̀ скажи ему, чтобы дѣло поправить, говорила Фленушка.—Только слезъ у тебя и слѣдовъ чтобы не было... Коли самъ не зачнетъ говорить, сама зачинай, пригрози ему да не черной рясой, не иночествомъ....

— Чѣмъ же? спросила Настя.

— Сначала рѣчь про кельи поведи, не замѣтилъ бы что мысли мѣняешь. Не то твоимъ словамъ вѣры не будетъ, говорила Фленушка.—Скажи: если, молъ, ты меня въ обитель не пустишь, я, молъ, себя не пожалѣю: либо руки на себя наложу; либо какого ни на есть парня возьму въ полюбовники; да „уходомъ“ за него и уйду... Увидишь какой тихонькій послѣ такихъ рѣчей будетъ... Только ты скрѣпи себя, что̀ бъ онъ ни дѣлалъ. Не ровно и ударитъ: не сробѣй, смѣло говори да строго, свысока.

— Хорошо, сказала Настя, — хоть и жалко мнѣ его, тятеньку-то. Вѣдь онъ добрый, Фленушка.

— А Алешку-то развѣ не жалко? прищуривъ глаза, лукаво спросила Фленушка.

— Ахъ, Фленушка!... И его мнѣ жалко... Рада жизнь отдать за него, сказала Настя.

— То-то и есть, молвила Фленушка.—Коль отца пуще его жалѣешь, выходи за припасеннаго жениха.

— Нѣтъ, нѣтъ, ни зá что на свѣтѣ!... съ жаромъ заговорила Настя. — Удавлюсь, либо камень на шею да въ воду, а за тѣмъ женихомъ, чтò тятя на базарѣ сыскалъ, я небуду....

— Такъ и отцу говори, молвила Фленушка, ободрительно покачивая головою.—Этими самыми словами и говори, да опричь того „уходомъ“ пугни его. Больно вѣдь не любятъ эти тысячники, какъ имъ дочери такія слова выговариваютъ... Спѣсивы, горды́ они... Только ты не кипятись, тихимъ словомъ говори. Но смѣло и строго... Какъ разъ проймешь, струситъ... Увидишь.

— Сдѣлаю по-твоему, Фленушка, сказала Настя. — Сегодня же сдѣлаю. А его видѣла? прибавила она, понизивъ голосъ.

— Алексѣя-то?

— Да, полушепотомъ промолвила Настя.

— Видѣла. И онъ тѣмъ же женихомъ безпокоится, сказала Фленушка.—Какъ хочешь, Настенька, а вамъ надо безпремѣнно повидаться, обо всемъ промежь себя переговорить. Да я сведу васъ. Аксинья-то Захаровна велѣла мнѣ въ твою свѣтелку перебраться.

— Въ самомъ дѣлѣ? радостно воскликнула Настя. — То-то наговоримся....

— Не въ томъ дѣло, отвѣчала Фленушка.—То хорошо, что живучи съ тобой, легче мнѣ будетъ свести васъ. Вотъ я маленько подумаю да все и спроворю.

И прищелкивая пальцами, весело запѣла:

Я у батюшки дочка была, я у тысячника,
У тысячника.

Приневоливалъ меня родной батюшка,
Приговаривала матушка
Замужъ дѣвушкѣ идти,
Да идти да и замужъ
Дѣвушкѣ идти.

Во всѣ грѣхи тяжкіе,
Грѣхи тяжки поступить,
Тяжки поступить.

Да дождусь я, дѣвка, темной ночи,
Во полночи уйду въ темный лѣсъ,
Да и въ лѣсъ.

За обѣдомъ Патапъ Максимычъ былъ въ добромъ расположеніи духа, шутки шутилъ даже съ матушкой Манеѳой. Передъ обѣдомъ долго говорилъ съ ней, и та успѣла убѣдить брата, что никогда не совѣтовала она племянницѣ принимать иночество. Больше всего Патапъ Максимычъ надъ Фленушкой подшучивалъ, но та сама зубаста была и при всей покорности въ долгу не оставалась. Настя молчала.

Отобѣдали, по своимъ мѣстамъ разошлись. Патапъ Максимычъ прошелъ въ Настину свѣтелку и сказалъ Фленушкѣ, чтобъ она подождала, покуда онъ станетъ съ дочерью говорить, не входила бъ въ свѣтелку.

— Я нарочно пришелъ къ тебѣ, Настя, добрымъ порядкомъ толковать, началъ Патапъ Максимычъ, садясь на дочернину кравать.—Ты не кручинься, не серчай. Давеча я пошумѣлъ, ты къ сердцу отцовскихъ рѣчей не примай. Хочешь бусы хороши куплю?

— Не надо мнѣ, тятенька, подарковъ твоихъ, сухо отвѣтила Настя.—И безъ того много довольна. Не дари меня, только не отнимай воли дѣвичьей.

— Какая это воля дѣвичья? спросилъ улыбаясь Патапъ Максимычъ. — Шестой десятокъ на свѣтѣ доживаю, про

такую волю не слыхивалъ. И при отцахъ нашихъ, и при дѣдахъ про дѣвичью волю не было слышно. Чтò жь это за воля такая нонѣ проявилась? Скажи-ка!

— А вотъ какая это воля, тятенька, отвѣтила Настя.— Примѣромъ сказать хоть про жениха, чтò ты мнѣ на базарѣ гдѣ-то сыскалъ, Снѣжковъ, что ли, онъ тамъ прозывается. Не лежитъ у меня къ нему сердце, и я за него не пойду. Въ томъ и есть воля дѣвичья. Кого полюблю, за того отдавай, а воли моей не ломай.

— Да вѣдь ты еще не видала Снѣжкова, сказалъ Патапъ Максимычъ.—Можетъ, приглянется. Парень молодой, разумный.

— Что молодъ, про то спорить не стану, не видала, молвила Настя. — А разуменъ ли, не знаю.

— Я тебѣ сказываю что разуменъ, возразилъ Патапъ Максимычъ.— Аль не вѣришь отцу?

— Вѣрю, тятя, молвила Настя.—Только вотъ чтò скажи ты мнѣ: гдѣ жь у него былъ разумъ, какъ онъ сваталъ меня? Не видавши ни разу,—вѣдь не знаетъ же онъ какова я изъ себя, пригожа али нѣтъ,—не слыхавши рѣчей моихъ,—не знаетъ, разумна я, или дура какая-нибудь. Знаетъ одно что у богатаго отца молодыя дочери есть, ну и давай свататься. Самъ, тятя, посуди, можно ли мнѣ отъ такого мужа счастья ждать?

— Да онъ не самъ сватался, сказалъ Патапъ Максимычъ.—Мы съ его родителемъ ладили дѣло.

— А! Старики рѣшили, значитъ! улыбаясь, сказала Настя.—Пускай, дескать, дѣтки живутъ какъ себѣ знаютъ... А скажи-ка мнѣ, тятя, какъ у васъ рѣчь про свадьбу зашла. Ты зачалъ, али Снѣжковъ?

Промолчалъ Патапъ Максимычъ.

— Вѣдь не ты же, тятя, первый зачалъ, продолжала Настя. —Не станешь же ты у богатыхъ купцовъ своимъ

дочерямъ жениховъ вымаливать. Не такой ты человѣкъ, дочерей не продашь.

Совѣстно стало Чапурину. Всталъ онъ съ кровати и зачалъ крупными шагами сновать взадъ и впередъ по свѣтлицѣ.

— Несодѣянное говоришь! зачалъ онъ.— Чтò за рѣчи у тебя стали!.. Стану я дочерей продавать!.. Слушай, до самаго Рождества Христова единаго словечка про свадьбу тебѣ не молвлю... Цѣлый годъ — одумаешься тѣмъ временемъ. А тамъ поглядимъ да посмотримъ... Не кручинься же, голубка, продолжалъ Патапъ Максимычъ, лаская дочь.— Вѣдь ты у меня умница.

— Прости меня, тятя, голубчикъ, что давеча я тебя на гнѣвъ навела, склонивъ головку на отцовскую грудь, молвила Настя.

— Ну, и меня прости, сказалъ Патапъ Максимычъ, поглаживая волосы Насти и цѣлуя ее въ глаза.

— Только попомни, тятя, мое слово, рѣшительно и твердо проговорила Настя.—Коли вздумаешь меня силой замужъ отдать, я надъ собой что-нибудь сдѣлаю.

— Чтò сдѣлаешь? вызывающимъ голосомъ спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Въ скитъ уйду, черну рясу надѣну, сказала Настя.— А возьмешь изъ обители,—потеряю себя.

— Экъ чтò вздумала! воскликнулъ тревожно Чапуринъ.

— Руки наложу на себя: камень на шею, да въ воду, сверкая очами, молвила Настя.—А не то еще хуже надѣлаю! Замужъ уходомъ уйду!.. За перваго парня, чтò на глаза подвернется, будь онъ хоть барскій!.. Погоней отобьешь — гулять зачну.

— Чтò ты, Настасья? смутясь отъ словъ дочери и понизивъ голосъ, сказалъ Патапъ Максимычъ.— Въ умѣ ли?.. Да какъ у тебя языкъ повернулся такое слово сказать?

— Къ слову только сказала, сдержанно отвѣтила Настя.

— Не забирай же въ голову пустяковъ, строго, но тихо промолвилъ Чапуринъ, уходя изъ свѣтелки. — Покуда прощай.

Патапъ Максимычъ ушелъ въ свою заднюю, прилегъ уснуть, но сонъ не бралъ его. Настины слова изъ ума не выходили. „Дѣвка съ норовомъ, думалъ онъ... Съ виду тихоней смотритъ, а гляди-ка какая!.. Уходомъ!.. Нѣтъ, ни окрикомъ, ни плетью такую не проймешь!.. Хуже, начудитъ... Лаской надо, дѣлать нечего... Уходомъ!.. Эко слово сказала!..“

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

„Свадьба уходомъ“ — въ большомъ обыкновеньи у заволжскихъ раскольниковъ. Это — похищеніе дѣвушки изъ родительскаго дома и тайное вѣнчанье съ нею у раскольничьяго попа, а чаще въ православной церкви, чтобъ дѣло покрѣпче связано было. Вѣнчанье у раскольничьяго попа поди еще доказывай, а въ церкви хотя не по-старому вѣнчаны, хоть не пòсолонь вкругъ налоя вожены, да дѣло выходитъ не въ примѣръ крѣпче: повѣнчаннаго въ великороссійской съ женой не развѣнчаешь, хоть что̀ хочешь дѣлай. Отъ того при „свадьбахъ уходомъ“ раскольники больше и бѣгаютъ къ церковному попу, особенно если бѣдняку удастся подхватить дочь тысячника.

Обычай „крутить свадьбы уходомъ“ изстари за Волгой ведется, а держится больше отъ того, что въ тамошнемъ крестьянскомъ быту каждая дѣвка, живучи у родителей, несетъ долю не радостную. Дѣвкой въ семьѣ дорожатъ какъ даровою работницей и замужъ „честью“ ее отдаютъ неохотно. Надо, говорятъ, дѣвкѣ родительскую хлѣбъ-соль

отработать; заработаешь, — иди куда хочешь. А срокъ дочернинымхъ заработковъ длиненъ: до тридцати лѣтъ и больше она повинна у отца съ матерью въ работницахъ жить.

Дѣвки не бойкія, особенно тѣ, кого Богъ красотой обдѣлилъ, засиживаются и старѣютъ въ родительскомъ дому за деннонощной работой. — Минетъ тридцать лѣтъ—куда ей дѣваться? Рѣдко выищется такой человѣкъ, чтобы взялъ за себя старую; развѣ иная за вдовца-старика на большую семью пойдетъ. Старой дѣвкѣ середь молодыхъ ужь и мѣста нѣтъ—всѣ ея чуждаются... Ни на супрядки зимой, ни въ хороводы лѣтомъ... Молодые парни въ глаза смѣются надъ перестаркой.... Куда дѣваться, къ чему себя пристроить, а умретъ отецъ съ матерью, куда приклонить голову?... И принимается дѣвка за „душеспасенье:“ въ скитъ пойдетъ, либо выпроситъ у отца кельенку поставить на задворицѣ, и въ ней, надѣвъ черный сарафанъ и покрывъ чернымъ платкомъ голову, въ знакъ отреченья отъ міра, станетъ за Псалтырь заказные сорокоусты читать, да деревенскихъ мальчишекъ грамотѣ обучать,—тѣмъ и кормится. По времени въ келейку ея три-четыре такихъ же старыхъ дѣвокъ наберется, заведутъ онѣ „общежитіе“,— смотришь маленькій скитокъ въ деревнѣ завелся: и моленная въ немъ, и служба вседневная, покуда полиція, провѣдавъ про богомолокъ, не разгонитъ ихъ по своимъ мѣстамъ, откуда которая пришла.

Дѣвка побойчѣй да покрасивѣй не такъ дѣлаетъ. Спознается на супрядкахъ, либо въ хороводѣ съ молодымъ парнемъ, непремѣнно изъ другой деревни, полюбятъ они другъ дружку и станутъ раздумывать, отдадутъ родители дѣвицу „честью“, аль придется свадьбу „уходомъ“ играть. Нѣтъ надежды на согласье, дѣвушка тихонько сберетъ приданое и всю одёжу, какая есть у ней, передастъ воз-

любленному, а потомъ и сама на условное мѣсто придетъ. Женихъ кидаетъ невѣсту въ сани и съ товарищами мчится во весь опоръ къ попу. Родители, узнавъ про уходъ дочери, тотчасъ лошадей запрягать, въ погоню скакать, родныхъ, сосѣдей на ноги поднимутъ, разсыплются по всѣмъ сторонамъ бѣглецовъ искать. Случается, что настигаютъ. И тогда зачнутъ у поѣзжанъ „отбивать невѣсту"... Иной разъ тутъ дѣло до крови доходитъ. Но не всегда такъ бываетъ, обыкновенно женихъ съ невѣстой успѣваютъ доскакать до попа и обвѣнчаться. Затѣмъ мужъ везетъ молодую жену къ своимъ родителямъ, тѣ ужь дожидаются — знаютъ, что сынъ поѣхалъ сноху имъ выкрасть, новую даровую работницу въ домъ привезти, съ радостью встрѣчаютъ они новобрачныхъ. На другой, либо на третій день новобрачный, съ женой, отправляется къ тестю прощенья просить. Тамъ принимаютъ его съ бранью, дочь съ проклятьями. Вся деревня сбѣжится смотрѣть, какъ молодые, поклонясь въ землю, лежатъ, не шелохнувшись, ницъ передъ отцомъ, передъ матерью, выпрашивая прощенья, а отецъ съ матерью ругаютъ ихъ ругательски и клянутъ, и ногами въ головы пихаютъ, а послѣ того и колотить примутся: отецъ плетью, мать сковородникомъ. Наконецъ уходится сердце родительское. За побоями, да за бранью мировая слѣдуетъ, но ужь кромѣ того что успѣла невѣста жениху передъ уходомъ передать, никакого приданаго ей не дается. Не бываетъ при свадьбѣ уходомъ ни „горнаго стола", ни подарковъ, все оканчивается двумя обѣдами родителей однихъ у другихъ. Случается, и это бываетъ нерѣдко, что родители жениха и невѣсты, если не изъ богатыхъ, тайкомъ отъ людей, даже отъ близкой родни, столкуются межь себя про свадьбу дѣтей и рѣшатъ не играть свадьбы „честью", во избѣжанье расходовъ на пиры и дары. А велятъ дѣт-

камъ самимъ справлять свадьбу какъ знаютъ. При этомъ однакожь весь обрядъ чинъ чиномъ соблюдается: и погоня во всѣ стороны, и брань съ проклятьями при встрѣчѣ, и топанье ногами, и битье плетью и ухватомъ на глазахъ сбѣжавшейся деревни: все какъ слѣдуетъ. Но когда родительское сердце утолится, и руки колотить новобрачныхъ устануть, мирятся, и тѣмъ же ухватомъ, что мать дочку свою колотила, принимается она изъ печки горшки вынимать, чтобы нарочно состряпаннымъ кушаньемъ любезнаго зятюшку потчивать.

—

Крѣпко было слово сказанное Настей. Патапъ Максимычъ не уснулъ отъ него послѣ обѣда. А этого съ нимъ лѣтъ съ пять не случалось, съ тѣхъ самыхъ поръ какъ, прослышавъ про сгорѣвшія на Волгѣ, подъ Свіяжскомъ, барки, долго находился онъ въ неизвѣстности: не его ли горянщина погорѣла.

Сказавъ женѣ какое слово молвила ему Настя, Патапъ Максимычъ строго-на-строго наказалъ ей глядѣть за дочерью въ оба, чтобъ дѣвка въ самомъ дѣлѣ, забравъ дурь въ голову, бѣдъ не натворила.

— Особенно по веснѣ, какъ дома меня не будетъ, говорилъ онъ, — смотри ты, Аксинья, за ней хорошенько. Лѣтомъ до грѣха не долго. По грибы аль по ягоды чтобъ обѣ онѣ и думать не смѣли ходить, за околицу однѣхъ не пускай, всяко можетъ случиться.

— Стану глядѣть, Максимычъ, отвѣчала Аксинья. — Какъ не смотрѣть за молодыми дѣвицами! Только по моему глупому разуму, напрасно ты про Настю думаешь, чтобъ она такое дѣло сдѣлала... Скоръ ты больно нá рѣчи-то, Максимычъ!... Давеча дѣвку на смерть напугалъ.

А съ испугу мало ль какое слово иной разъ сорвется. По глупости, спросту сказала.

— Спросту!... Какъ же!... возразилъ Патапъ Максимычъ. — Нѣтъ, у ней что-нибудь да сидитъ на умѣ. Ты бы изъ нея повыпытывала, можетъ промолвится. Только не бранью, смотри, не попреками. Видишь какая нравная дѣвка стала, тутъ грозой ничего не подѣлаешь.... Ужь не затѣяно ли у ней съ кѣмъ въ скиту?

— Не грѣши попусту, Максимычъ, сказала Аксинья Захаровна. — Не мало я сегодня пытала у матушки Манеѳы: не видала ль Настасья кого изъ наѣзжихъ, не приглянулся ли кто. „Нѣтъ, говоритъ, не видывали никого ни Настя, ни Параня.“ Въ строгости вѣдь она держала ихъ. И Фленушка тоже говоритъ.

— Да что̀ Фленушка! замѣтилъ Патапъ Максимычъ.— Фленушка хоть и знала бы что̀, такъ покроетъ, а Манеѳа на старости ничего не видитъ. Ты бы другихъ разспросила.

— Спрошу, Максимычъ. Вотъ хоть Анафрольюшку.

— Да умненько спрашивай, стороной, да обинякамп, шутками больше, дѣвку бы не срамить.

—

Лишь только вышелъ Патапъ Максимычъ изъ Настиной свѣтлицы, вбѣжала туда Фленушка.

— Ну вотъ, умница, сказала она, взявши руками раскраснѣвшіяся отъ подавляемаго волненья Настины щеки.— Молодецъ дѣвка! можно чести приписать!... Важно отца отдѣлала!... До послѣдняго словечка все слышала, у двери все время стояла... Говорила я тебѣ, что струситъ... Помоему вышло...

— Жалко мнѣ тятеньку, Фленушка, совѣстно передъ нимъ, отвѣчала Настя.

— Ужь ты зачнешь хныкать! сказала Фленушка.—Ну, ступай прощенья просить, „прости, молъ, тятенька, Христа ради, ни впредь, ни послѣ не буду и сейчасъ съ самарскимъ женихомъ подъ вѣнецъ пойду...“ Не дури, Настасья Патаповна... Благо отсрочку далъ.

— Чтò жь изъ того, что отсрочка дана?... Потомъ-то чтò?... сказала Настя.

— Алешкиной женой будешь, молвила Фленушка.

— Какъ же такъ?

— Уходомъ. Ты, Настя, молчи, слезъ не рони, бѣла лица не томи: все живой рукой обдѣлаемъ. Смотри только, построже съ отцомъ разговаривай, а слезъ чтобъ въ заводѣ при немъ не бывало. Слышишь?

— Слышу, сказала Настя.

— Бодрѣй да смѣлѣй держи себя. Сама не увидишь какъ верхъ надъ отцомъ возьмешь. Про мать нечего говорить, ея дѣло хныкать. Слезами ее пронимай.

— Добрая она у насъ, Фленушка, и смиренная, даромъ что покричитъ иной разъ, сказала Настя. — Силъ моихъ не станетъ супротивъ мамыньки идти... Такъ и подмываетъ меня, Фленушка, всю правду ей разсказать.... что я.... ну да про него....

— Сохрани тебя Господи и помилуй!... возразила Фленушка.—Говорила тебѣ и теперь говорю, чтобъ про это дѣло, кромѣ меня, никто не зналъ. Не то быть бѣдѣ на твоей головѣ.

Вечеромъ, послѣ ужина, Настя съ Фленушкой заперлись въ свѣтелкѣ.

— Тошнехонько мнѣ, Фленушка, говорила Настя, въ утомленьи ложась на кровать не раздѣтая. — Болитъ мое сердечушко, всю душеньку поворотило. Сама не знаю чтò со мной дѣлается.

— А я знаю!... бойко подхватила Фленушка. — Да про-

валиться мнѣ на семъ мѣстѣ, коли завтра жъ тебя я не вылѣчу, прибавила.

— Нѣтъ, Фленушка, совсѣмъ истосковалась я, сказала Настя.— Чтò ни день, то хуже да хуже мнѣ. Мысли даже въ головѣ мѣшаются. Хочу о томъ, о другомъ пораздумать; задумаю, умъ ровно туманомъ такъ и застелетъ.

— Про долговязаго, поди, все думаешь? сказала Фленушка....

— Да... едва слышно молвила Настя, кинувшись лицомъ въ подушку.

— Повидаться надо, маленько покалякать, сказала Фленушка. —Давеча опять я съ нимъ видѣлась, говорила... Поклонъ отъ тебя сказала.

— Чтò жъ онъ? съ живостью спросила Настя, вскочивъ на кровати.—Да говори же!

— Не стòитъ говорить, молвила Фленушка.

— Да нѣтъ, скажи, пожалуста. Милая, голубушка, скажи, приставала Настя, горячо обнимая и порывисто цѣлуя Фленушку.

— Да отстань же, Настя!... Полно!... Ну, будетъ, будетъ, говорила Фленушка, отстраняясь отъ ея ласкъ и поцѣлуевъ.—Да отстань же, говорятъ тебѣ... Ишь привязалась, совсѣмъ задушила!

— Да чтò жъ говорилъ онъ? умоляла Фленушку Настя. — Не мучь!... И безъ того тошно... Скажи поскорѣй.

— Говорилъ чтò въ такихъ дѣлахъ говорится, отвѣчала Фленушка. — Что ему безъ тебя весь свѣтъ постылъ, что изсушила ты его, что съ горя да тоски дѣваться не знаетъ куда, и что очень боится онъ самарскаго жениха. Какъ я ни увѣряла, что опричь его ни за кого не пойдешь, — не вѣритъ. Тебѣ бы самой надо сказать ему.

— Да какъ же это, Фленушка? потупясь, спросила Настя.

— А вотъ какъ, немножко подумавъ, молвила Фленушка. — Завтра я его сюда приведу.

— Обезумѣла ты!.... А тятенька-то?...

— А какъ самъ тятенька Алешку въ свѣтлицу къ тебѣ пошлетъ?... съ усмѣшкой молвила Фленушка.

— Чего только ты не вздумаешь!... Только послушать тебя, сказала Настя. — Статочно ли дѣло, чтобъ тятенька его сюда прислалъ?

— Да помереть мнѣ, съ мѣста не вставши, коли такого дѣльца я не состряпаю, весело вскликнула Фленушка. — А ты, Настенька, какъ Алешка придетъ къ тебѣ, прибавила она, садясь на кровать возлѣ Насти, — говори съ нимъ умненько, да хорошенько, парня не запугивай... Смотри не обидь его... И безъ того чуть живъ ходитъ.

— Ты все шутки шутишь, Фленушка, а мнѣ не до нихъ, тяжело вздыхая, сказала Настя. — Какъ подумаю, чтò будетъ впереди, сердце такъ и замретъ... Научила ты меня какъ съ тятенькой говорить... Ну, смиловался, годъ не хочетъ про свадьбу поминать... А черезъ годъ-отъ чтò будетъ?

— Дó году долго ждать, отвѣчала Фленушка. — Весной повѣнчаетесь.

— Не мели пустяковъ, молвила Настя. — И безъ того тошно!

— Какъ отцу сказано, такъ и сдѣлаемъ,—уходомъ, отвѣчала Фленушка.—Это ужь моихъ рукъ дѣло, слушайся только меня да не мѣшай. Ты вотъ чтò дѣлай: пріѣдетъ женихъ не прячься, не бѣгай, говори съ нимъ какъ водится, да словечко какъ-нибудь и вверни, что я, молъ, въ скитахъ выросла, изъ дѣтства, молъ, желаніе возымѣла Богу послужить, черну рясу надѣть.... А потомъ просись у отца на лѣто къ намъ въ обитель гостить, не то матушку Манеѳу упроси, чтобъ она оставила у васъ меня. Это еще лучше будетъ.

— Чтò жь изъ того будетъ? спросила Настя.

— А то и выйдетъ, что лѣтомъ какъ тятенька твой на Низъ уѣдетъ, мы свадебку и скрутимъ. Алексѣй — не робкаго десятка, не побоится.

— Боязно, Фленушка, молвила Настя. — Сердце такъ и замретъ, только про это я вздумаю. Нѣтъ, лучше выберу я времечко, какъ тятенька ласковъ до меня будетъ, повалюсь ему въ ноги, покаюсь во всемъ, стану просить чтобъ выдалъ меня за Алешу.... Тятя добрый, пожалѣетъ, не стерпитъ моихъ слезъ.

— Чтобъ отецъ твоихъ слезъ не видалъ, повелительно сказала Фленушка. — Онъ крутъ, такъ и съ нимъ надо быть крутой. Дѣло на хорошей дорогѣ, не испорть. А про Алексѣя отцу сказать и думать не моги.

— Отчего же? спросила Настя

— Развѣ не слыхала, что теперь по всѣмъ деревнямъ вой идетъ? спросила Фленушка.

— Сказывалъ тятенька, что съ Великаго поста рекрутовъ брать зачнутъ, отвѣчала Настя.

— То-то же. Алексѣй-отъ удѣльный вѣдь? спросила Фленушка.

— Да.

— А головой удѣльнымъ кто?

— Михайло Васильичъ.

— Отцу-то пріятель?

— Пріятель.

— Такъ Патапу Максимычу слово стóитъ сказать ему — „убери, молъ, подальше Алешку Лохматаго“, — какъ разъ забрѣетъ, сказала Фленушка.

— И въ самомъ дѣлѣ, молвила Настя.—Навела ты меня на разумъ... Ну какъ бы я погубила его!

— То-то же. Говорю тебѣ, безъ моего совѣта слова не молви, шагу не ступи, продолжала Фленушка. — Станешь

слушаться, — все хорошо будетъ; по своему затѣешь — и себя, и его сгубишь.... А ужь жива быть не хочу, коли лѣтомъ не будешь ты женой Алексѣевой, прибавила она, бойко притопнувъ ногой.

— А какъ онъ не захочетъ? понизивъ голосъ, спросила Настя.

— Кто не захочетъ?

— Да онъ....

— Алексѣй-отъ? сказала Фленушка и захохотала. — Экъ чтò выдумала!... Отъ этакой крали откажется!... Не бойсь — губа-то у него не дура.... Ишь какую красоту приворожилъ!... А имѣнья-то чтò!... На голы-то зубы ему твои сундуки не лишними будутъ. Да и Патапъ Максимычъ, посерчаетъ, посерчаетъ, да и смилуется. Не ты первая, не ты послѣдняя свадьбу уходомъ справишь. Извѣстно, сначала взбѣленится, а мѣсяцъ, другой пройдутъ, спѣсь-то и свалится, возьметъ зятя въ домъ, и заживете вы въ добромъ ладу и совѣтѣ. Что расхныкалась? спросила Фленушка, увидя, что Настя, уткнувшись лицомъ въ подушку, опять принялась всхлипывать.

— Не на счастье, не на радость уродилась я, причитала Настя, — сча́стливыхъ дней на роду мнѣ не писано. Изною я, горемычная, загинуть мнѣ въ горѣ-тоскѣ.

— Да полно же ты! ободряла ее Фленушка. — Чего расплакалась!... Не покойникъ на столѣ!... Не хнычь, не́ объ чемъ....

И ставъ передъ Настиной постелей, подперла развеселая Фленушка руки въ боки, и притопывая босой ногой, запѣла:

Охъ ты, Настя, дѣвка красна,
Не рони слезы напрасно,
Слезы ронишь — глаза портишь,
Мила дружка отворотишь,
Отворотится — забудетъ,
Ину дѣвицу полюбитъ.

— Не робѣй, Настасья Патаповна, готовь платки да ручники. Да, бишь, я и забыла, что свадьбу-то безъ даровъ придется играть. А ужь сидѣть завтра здѣсь Алешкѣ Лохматому, цѣловать долговязому красну дѣвицу....

— Полно, Фленушка.

— И въ самомъ дѣлѣ: полно, сказала Фленушка. — Спать пора, кочета * полночь пѣли. Прощай, покойной ночи, пріятный сонъ. Чтò во снѣ тебѣ увидать?..

— Ничего не хочу, отвѣтила Настя.

— Не обманешь, Настасья Патаповна, сказала, ложась въ постель, Фленушка: — Алешку хочется. Ну, увидишь, увидишь.... Прощай.

—

На другой день, по утру, сидѣлъ Патапъ Максимычъ въ подклѣтѣ, съ полу до потолка заставленномъ готовою на продажу посудой. Тутъ были разныхъ сортовъ чашки, отъ крошечныхъ, чтò рукой охватить, до большихъ въ полведра и даже чуть не въ цѣлое ведро, по лавкамъ стояли ставешки, блюда, расписные жбаны и всякая другая деревянная утварь. У входа въ подклѣтѣ старый Пантелей бережно укладывалъ разобранную посуду по щепянымъ коробáмъ, въ какихъ обыкновенно возятъ ее по дорогамъ и на судахъ. Алексѣй также въ подклѣтѣ былъ. Онъ помогалъ хозяину разбирать по сортамъ посуду, и на завязанныхъ Пантелеемъ коробахъ писалъ помазкомъ счетъ посуды и какого она сорта. Сортировка деревянной посуды самое важное дѣло для торговца. Тутъ нужны и вниманье, и вѣрный, опытный глазъ, а главное — точность; безъ того торговецъ какъ разъ можетъ ославиться. Облóжится какъ-нибудь — и пронесутъ худое слово по

* Пѣтухи.

пристанямъ и базарамъ: у такого-то де скупщика въ первый сортъ всяку дрянь ва́лятъ.

Прежде Патапу Максимычу въ этомъ дѣлѣ старикъ Савельичъ помогалъ. Прожилъ онъ у него въ дому, не мало, не много, двадцать годовъ и по токарной части во всемъ замѣнялъ хозяина. Вѣрный былъ человѣкъ, хозяйское добро берегъ пуще глаза, работники у него по стрункѣ ходили, на его рукахъ и токарни были, и красильни, иной разъ замѣсто Патапа Максимыча и на торги ѣзжалъ. Души въ немъ не чаялъ Чапуринъ, и въ семьѣ его Савельичъ былъ свой человѣкъ. Да вотъ передъ самымъ Рождествомъ надо же быть такому грѣху, бодрый еще и здоровый, захирѣлъ ни съ того, ни съ сего, да поболѣвъ недѣли три, Богу душу и о́тдалъ. Много тужилъ по немъ Патапъ Максимычъ, много думалъ кѣмъ замѣстить ему Савельича, но придумать не могъ. Народъ, что́ у него работалъ, не сподручёнъ къ такому дѣлу: иной и вѣренъ былъ и человѣкъ постоянный, да по посуденной части толку не смыслитъ, а у другаго и толкъ былъ въ головѣ, да положиться на него было боязно. Замѣтивъ, что Алексѣй Лохматый мало что точитъ посуду какъ никому другому не выточить, но и въ сортировкѣ толкъ знаетъ, Патапъ Максимычъ позвалъ его къ себѣ на подмогу и очень доволенъ остался работой его. Такъ у Алексѣя дѣло спорилось, что пожалуй не лучше ли чѣмъ при покойникѣ Савельичѣ.

Разборка кончалась. Оставалось сотни три-четыре блюдъ перебрать, остальное было разобрано, Пантелеемъ уложено, и работниками вытащено въ сѣни, либо сложено на дровни, чтобъ завтра же, до заревыхъ кочетовъ, въ Городецъ посуду везти.

— Ну, Алексѣюшка, молвилъ Патапъ Максимычъ, — молодецъ ты па́ря. И въ глаза, и за глаза скажу, такого какъ ты днемъ съ огнемъ поискать. Глядь-ка, мы съ тобой

цѣлу партію въ одно утро обладили. Мастеръ, братъ, неча сказать.

— Спасибо на добромъ словѣ, Патапъ Максимычъ. Что̀ смогу да сумѣю сдѣлать—всѣмъ готовъ служить вашему здоровью, отвѣчалъ Алексѣй.

— А я вотъ что̀, Алексѣюшка, думаю, съ разстановкой зачалъ Патапъ Максимычъ.—Поговорить бы тебѣ съ отцомъ, не отпуститъ ли онъ тебя ко мнѣ въ годы. Парень ты золотой, до всякаго нашего дѣла доточный, про токарное дѣло нечего и говорить, вотъ хоть насчетъ сортировки, и всякаго другаго распоряженья.... Я бы тебя въ прикащики взялъ. Слыхалъ, чать, про Савельича покойника? На его бы мѣсто тебя.

— Благодаримъ покорно, Патапъ Максимычъ, отвѣчалъ обрадованный Алексѣй.—Готовъ служить вашей милости со всякимъ моимъ удовольствіемъ.

— Только самъ ты, Алексѣюшка, понимать должо̀нъ, сказалъ Патапъ Максимычъ,—что къ такой должности на одно лѣто приставить тебя мнѣ не съ руки. Въ годы-то отецъ отпуститъ ли тебя?

— Не знаю, Патапъ Максимычъ, отвѣчалъ Алексѣй,— поговорю съ нимъ въ воскресенье, какъ домой пойду.

— Плату положилъ бы я хорошую, ничѣмъ бы ты отъ меня обиженъ не остался, продолжалъ Патапъ Максимычъ.—Дома ли у отца сталъ бы ты токарничать, въ людяхъ ли, столь тебѣ не получить, сколь я положу. Я бы тебѣ все заведенье сдалъ: и токарни, и красильни, и запасы всѣ, и товаръ, а какъ на Низъ случится самому сплыть, аль куда въ другое мѣсто, я бъ и домъ на тебя съ Пантелеемъ покидалъ. Какъ при покойникѣ Савельичѣ было, такъ бы и при тебѣ. Ты съ отцомъ-то толкомъ поговори.

Вошла Фленушка, смущенная, озабоченная, въ слезахъ.

Мастерица была она, какое хочетъ лицо состроитъ: веселое такъ веселое, печальное такъ печальное.

— Чтò ты, Фленушка? спросилъ ее Патапъ Максимычъ.

— До васъ, Патапъ Максимычъ, отвѣчала она плаксивымъ голосомъ.—Бѣда у меня случилась, не знаю какъ и пособить. Матушка Манеѳа пелену велѣла мнѣ въ пяльцахъ вышивать. На срокъ, къ Масленицѣ поспѣла бы безпремѣнно.

— Знаю, слышалъ, отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.

— Въ Москву хочетъ посылать, продолжала Фленушка.

— Да чтò же случилось-то? спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Пяльцы не порядкомъ положила, отвѣтила Фленушка.—Упали, разсыпались.... Боюсь теперь матушки Манеѳы, серчать станетъ.

— Такъ почини, молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Рада бы починила, да не умѣю, сказала Фленушка.— Надо столяра.

— А гдѣ я тебѣ найду его? У меня столяровъ нѣтъ, отвѣтилъ Патапъ Максимычъ.

— Да не можетъ ли кто изъ токарей починить? просила Фленушка.—Не оставьте, Патапъ Максимычъ, не введите въ отвѣтъ. Матушка Манеѳа и не знай чтò со мной подѣлаетъ.

— Не токарево это дѣло, голубушка, сказалъ Патапъ Максимычъ.—Изъ нашихъ работниковъ врядъ ли такой выищется.... Радъ бы пособить да не знаю какъ. Не знаешь ли ты, Алексѣй? Не сумѣетъ ли кто изъ нашихъ пяльцы ей починить?

— Да я маленько столярничаю, отвѣчалъ Алексѣй. — За чистоту не берусь, а крѣпко будетъ.

— Ну вотъ на твое счастье и столяръ выискался, съ

веселой улыбкой молвилъ Патапъ Максимычъ.—Тащи скорѣй сюда пяльцы-то.

— Никакъ ихъ нельзя сюда принести, Патапъ Максимычъ, отвѣчала Фленушка,—здѣсь и олифой, и красками напачкано, долго ль испортить шитье, цвѣтà же на пеленѣ все нѣжные.

— Да ты порожніе пяльцы тащи, шитье-то вынь, сказалъ Патапъ Максимычъ.—Эка недогадливая!

— Не знаете вы нашего мастерства, Патапъ Максимычъ, отъ того и говорите такъ, отвѣчала Фленушка.—Никакъ нельзя изъ пялецъ вынуть шитья, всю работу испортишь, опять-то вставить нельзя ужь будетъ.

— Ну, неча дѣлать, сходи на верхъ, Алексѣюшк, о сказалъ Патапъ Максимычъ. — Гдѣ пяльцы-то у тебя? спросилъ онъ, обращаясь къ Фленушкѣ.

— Въ свѣтлицѣ, у Настеньки, отвѣтила она.

— Проведи его туда. Сходи, Алексѣюшко, уладь дѣло, сказалъ Патапъ Максимычъ, — а то и впрямъ игуменья-то ее на поклоны поставитъ. Какъ закатитъ она тебѣ, Фленушка, сотни три лѣстовокъ земными поклонами пройти, спину-то, чай, послѣ не вдругъ разогнешь.... Ступай, веди его... Ты тамъ чини себѣ, Алексѣюшко, остальное я одинъ разберу... А къ отцу-то сегодня сходи же. Что до воскресенья откладывать?

Ровно отуманило Алексѣя, какъ услышалъ онъ хозяйскій приказъ идти въ Настину свѣтлицу. Чего во снѣ не снилось, о чемъ если иной разъ и приходило на умъ, такъ развѣ кàкъ о дѣлѣ несбыточномъ, вдругъ какъ съ неба свалилось.

— Ты послушай, молодèцъ, сказала Фленушка, всходя съ нимъ по лѣстницѣ въ верхнее жилье дома. — Такъ у добрыхъ людей развѣ водится?

— Чтò такое? съ смущеннымъ видомъ спросилъ Алексѣй.

— Совѣсть-то есть, аль на базарѣ потерялъ? продолжала Фленушка.—Тамъ по немъ тоскуютъ, плачутъ, убиваются, цѣлы ночи глазъ не смыкаютъ, а онъ еще спрашиваетъ... Ну, парень, была бы моя воля, такъ бы я тебя отдѣлала, что до гроба жизни своей поминать бы сталъ, прибавила она, изо всей силы колотя кулакомъ по Алексѣеву плечу.

— Да ты про чтò? Право, не въ домекъ, Флена Васильевна, говорилъ Алексѣй.

— Ишь ты! Еще притворяется, сказала она.—Привороживать дѣвку безстыжими своими глазами умѣлъ, а понять не умѣешь.... Совѣсть-то гдѣ?.. Да знаешь ли ты, непутный, что изъ-за тебя вечоръ у нея съ отцомъ до того дошло, что еще бы немножко, такъ и не знаю чтò бы сталось... Зачѣмъ къ отцу-то онъ тебя посылаетъ?

— Въ прикащики хочетъ меня по токарнямъ да по красильнямъ рядить, отвѣчалъ Алексѣй,—за работниками да зá домомъ присматривать.

— Полно ты? удивилась и обрадовалась Фленушка.

— Право, отвѣчалъ Алексѣй.

— Значитъ—наше дѣло выгораетъ, сказала Фленушка.—Съ мѣста мнѣ не сойти, коль не будешь ты у Патапа Максимыча въ зятьяхъ жить. Ступай, сказала она, отворивъ дверь въ свѣтелку и втолкнувъ туда Алексѣя,— я покараулю.

Въ аломъ тафтяномъ сарафанѣ, съ пышными, бѣлоснѣжными тонкими рукавами, и въ широкомъ бѣломъ передникѣ, въ яркозеленомъ левантиновомъ платочкѣ, накинутомъ нá голову и подвязанномъ подъ подбородкомъ, сидѣла Настя у Фленушкиныхъ пялецъ, опершись головой нá руку. Потускнѣлъ свѣтлый взоръ дѣвушки, спалъ румянецъ съ лица ея, глаза наплаканы, губы пересохли, а все-таки чудно хороша была она. Это была такая красавица, какихъ и за Волгой не много родится: кругла да

бѣла какъ мытая рѣпка, алый цвѣтъ по лицу разстилается, толстыя ровно шелковыя косы висятъ ниже пояса, звѣздистыя очи разсыпчатыя, брови тонкія, руки бѣлыя ровно выточены, а грудь какъ пухъ въ атласѣ. Не взвидѣлъ свѣта Алексѣй, остановился у притолоки. Однако оправился и чинъ чиномъ, какъ слѣдуетъ, святымъ иконамъ три поясныхъ поклона положилъ потомъ Настѣ, низехонько поклонился.

Хоть Фленушка только о томъ Настѣ и твердила, что приведетъ къ ней Алексѣя, но рѣчамъ ея Настя вѣры не давала, думала что шутитъ она.... И вдругъ передъ ней, какъ изъ земли выросъ,—стоитъ Алексѣй.

Блѣдное лицо Насти багрецомъ подернуло. Встала она съ мѣста, и опираясь о столъ рукою, робко глядѣла на вошедшаго. А онъ все стоитъ у притолоки, глядитъ не наглядится на красавицу.

У обоихъ языка не стало. Молчатъ. Наконецъ Настя маленько оправилась.

— Чтò тебѣ надо? спросила она, опустивъ глаза въ землю.

— Патапъ Максимычъ послалъ, тихо отвѣчалъ Алексѣй.

— Тятенька? поднимая голову, сказала Настя. — Тебя тятенька ко мнѣ прислалъ?... Зачѣмъ?...

Сердце у ней такъ и замерло, сама себя не помнитъ, на яву она, аль во снѣ ей грезится.

— Зачѣмъ онъ тебя прислалъ? повторила Настя, едва переводя духъ.

— Пяльцы чинить.

„Такъ вотъ зачѣмъ Фленушка пяльцы-то ломала,“ подумала Настя.

— Чини, коли присланъ, сказала она, отходя къ другому окошку.

— Подошелъ Алексѣй къ пяльцамъ. Смотритъ на по-

ломъ—и ничего не видитъ: глаза у него такъ и застилаетъ, а сердце бьется, ровно изъ тѣла вонъ хочетъ.

Настя, потупившись, перебирала руками конецъ передника, лицо у ней такъ и горѣло, грудь трепетно поднималась. Едва переводила она дыханье, и хоть на душѣ стало свѣтлѣе и радостнѣй, а все что-то боязно было ей, слезы къ глазамъ подступали.

Быстро распахнулась дверь, вбѣжала Фленушка.

— Пути въ васъ нѣту, защебетала она.—На молчанки что ли я васъ свела?... Слушай ты, молодецъ, дѣвка тебя полюбила, а сказать стыдится.... И Алексѣй тебя полюбилъ, да боится вымолвить.

И толкнувъ Настю къ Алексѣю, выбѣжала зá дверь.

— Неужли правду сказала она? чуть слышно спросилъ Алексѣй.

У Насти силы на отвѣтъ недостало. Зарыдала и закрыла лицо передникомъ.

Медленно и робко ступилъ Алексѣй шагъ, ступилъ другой, взялъ Настю за руку.

Быстро откинула она передникъ. Сквозь слезы улыбаясь, страстно взглянула въ очи милому и кинулась на грудь его....

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Всѣ распоряженья насчетъ угощенья домовыхъ работниковъ и пришлаго народа были сдѣланы. Старикъ Пантелей съ Захлыстинскаго базара навезъ и говядины, и свинины, и баранины, пять ведеръ вина, ренскаго шесть бутылокъ молодицъ подчивать и большіе кульки съ деревенскими гостинцами. Дома брагу варили, квасы ставили. Аксинья Захаровна въ кладовыхъ да въ стряпущей съ утра до ночи возилась: то припасы принимала, то налив-

ки подваривала да по бутылкамъ разливала, то посуду стеклянную и фарфоровую изъ сундуковъ вынимала и отдавала дочерямъ перемыть хорошенько.

Патапъ Максимычъ въ губернскій городъ собрался. Это было не очень далеко отъ Осиповки: верстъ шестьдесятъ. Съ дороги своротилъ онъ въ сторону, въ деревню Ключево. Тамъ жила сватья его и крестная мать Насти, Дарья Никитишна, знаменитая по всему краю повариха. Бойкая, проворная, всегда веселая, никогда ничѣмъ невозмутимая, доживала она свой вѣкъ въ хорошенькомъ, чистенькомъ домикѣ, на самомъ краю деревушки.

Дѣтство и молодость Никитишна провела въ горѣ, въ бѣдахъ и страшной нищетѣ. Казались тѣ бѣды нескончаемы, а горе безвыходнымъ. Но никто какъ Богъ, на Него одного полагалась съ-измальства Никитишна, и не постыдилъ Господь надежды ея: послалъ старость покойную: всѣми она любима, всѣмъ довольна, добро по силѣ ежечасно можетъ творить. Чего еще? Доживала старушка вѣкъ свой въ радости, благодарила Бога.

Пяти годовъ ей не минуло, какъ родитель ея, не тѣмъ будь помянутъ, въ какихъ-то воровскихъ дѣлахъ приличился и по мірскому приговору въ солдаты былъ сданъ, а мать, вскорѣ послѣ того какъ забрили ея сожителя, мудрено какъ-то померла въ оврагѣ за овинами, возвращаясь въ нетопленую избу къ голодному ребенку:

Изъ царева кабака,
Изъ кружала государева.

Ругался міръ ругательски, посылалъ ко всѣмъ чертямъ Емельяниху, гробъ безо дна, безъ покрышки сулилъ ей за то, что и жить путемъ не умѣла, и померла не путемъ: судъ по мертвому тѣлу навела на деревню.... Чтѐ гусей было перерѣзано, чтѐ куръ да барановъ пріѣдено, яичницъ

глазуній настряпано, что̀ дѣвокъ, да молодокъ къ лѣкарю, да къ стряпчему было посылано, что̀ исправнику денегъ было переплачено! И изъ-за кого жь такая мірская сухота? Изъ - за паскуды Емельянихи, что̀ не умѣла съ мужемъ жить, не умѣла въ его дѣлахъ концы хоронить, не умѣла и умереть какъ слѣдуетъ.

Осталась послѣ Емельянихи сиротка, пятилѣтняя Дарёнка. Въ отцовскомъ ея дому давнымъ-давно хоть шаромъ покати, еще заживо родитель растащилъ по кабакамъ все добро—и свое, и краденое. Мать схоронили Христа ради, по приказу исправника, а сиротка осталась болтаться промежь дворовъ: бывало гдѣ день, гдѣ ночь проведетъ, гдѣ обносочки какіе ей Христа ради подадутъ, гдѣ черствымъ хлѣбцомъ впроголодь покормятъ, гдѣ въ баньку пустятъ помыться. Такъ и росла дѣвочка.

Въ сиро̀тствѣ жить—только слезы лить; житье сиротинкѣ что̀ гороху при дорогѣ: кто пройдетъ, тотъ и порветъ. Мало ль щипковъ, да рывковъ, мало ли бою до синяковъ, рванья косъ до плѣшинъ приняла Дарёнка, волочась подъ о̀коньемъ въ Ключовѣ и по сосѣднимъ деревнямъ. Не царствомъ небеснымъ было ей житье и при матери; бивала ее, и шибко бивала покойница, особенно какъ подъ пьяную руку дѣвочка ей подвернется, да все не какъ чужіе люди. Вѣдь мать хоть и пьяная и безумная, а высоко руку подыметъ, да не больно спуститъ, чужой же человѣкъ колотитъ дитя не разсудя, не велика, дескать, бѣда, хоть и калѣкой станетъ вѣкъ доживать. Бивали Дарёнку старые, бивали ее малые, отъ деревенскихъ ребятишекъ проходу не было. Только бывало сиротку завидятъ, тотча̀съ и обидятъ, а пожалуется, не стерпя по̀боевъ, Дарёнка, ей же пуще достанется.... Правду люди говорятъ, что пчелки безъ матки — пропащія дѣтки. Горько бывало безродной сироткѣ глядѣть, какъ другіе ребятишки отцомъ, матерью

старая, въ эти дѣла вступаться не могу, а ты свекра должна почитать, потому что онъ всему дому голова и тебя поитъ кормитъ изъ милости.“ Пришло Никитишнѣ житье хуже собачьяго, свекоръ колотитъ, свекровь ругаетъ, деверья смѣются, невѣстки да золовки поѣдомъ ѣдятъ. Терпѣла Дарья такую долю съ полгода, извелась даже вся, на себя стала непохожа. Не хватило терпѣнья, ушла въ чужи люди работой кормиться.

Куда-нибудь подальше хотѣлось ей, чтобъ и вѣстей до нея не долетало ни про сквернаго свекра, ни про лютую свекровь, ни про злыхъ невѣстокъ и золовокъ. Пошла въ городъ Никитишна. Тамъ къ богатому барину пристроилась, въ коровницы нанялась. Съ годъ за коровами ходила, потомъ въ судомойки на кухню ее опредѣлили, на подмогу привезенному изъ Москвы повару. Баринъ того повара у какого-то московскаго туза въ карты выигралъ. Пошелъ поваръ въ тысячѣ рубляхъ, но знающіе люди говорили, что тузу не грѣхъ бы было и подороже Петрушку поставить, потому что дѣло свое онъ зналъ на рѣдкость: въ Англійскомъ клубѣ учился, самъ Рахмановъ * раза два его одобрялъ. Проживъ при томъ поварѣ годовъ шесть, либо семь, Никитишна къ дѣлу присмотрѣлась, всему научилась и стала большою помогой Петрушкѣ. Межъ тѣмъ воспитанникъ Англійскаго клуба сталъ запивать, кушанье готовилъ хуже да хуже, кончилъ тѣмъ, что наканунѣ барыниныхъ именинъ сбѣжалъ со двора. Такъ и сгинулъ. Ходили потомъ слухи, будто онъ къ матерямъ въ скиты лыжи навострилъ, тамъ въ стару вѣру перешелъ, и что матери потомъ спровадили его въ надежное мѣсто: къ своимъ, за Дунай. На такія спроваживанья бѣглыхъ

---

* Извѣстный московскій любитель покушать, проѣвшій нѣсколько тысячъ душъ крестьянъ.

людей за Дунай-рѣку большія мастерицы бывали матери келейницы. Пошлютъ бѣглаго съ письмомъ къ знакомому человѣку, тотъ къ другому, этотъ къ третьему, да такъ за границу и выпроводятъ.

Остался баринъ безъ повара, гости на именины позваны, обѣда готовить некому. Чтò тутъ станешь дѣлать? Принимай срамъ отъ гостей. Но выручила барина Никитишна, такой обѣдъ ему состряпала что самъ Рахмановъ, отвѣдавъ того обѣда, облизалъ бы пальчики. Съ той поры стала Никитишна за хорошее жалованье у того барина жить, потомъ въ другой домъ перешла еще побогаче, тамъ еще больше платы ей положили. И жила она въ поварихахъ безъ малаго тридцать годовъ. А деньгу копить мастерица была: какъ стала изъ силъ выходить, было у нея ломбардными билетами больше трехъ тысячъ рублей на ассигнаціи. „Ну, подумала тогда Никитишна, — будетъ въ чужихъ людяхъ жить, надо свой домишко заводить.“ Хоть родину добромъ поминать ей было нечего, — кромѣ бѣдъ да горя Никитишна тамъ ничего не вѣдала, — а все же тянуло ее на родную сторону: не осталась въ городѣ жить, пріѣхала въ свою деревню Ключову. Поставила Никитишна домикъ о край деревни, обзавелась хозяйствомъ, отыскала гдѣ-то троюродную племянницу, взяла ее вмѣсто дочери, вспоила, вскормила, замужъ выдала, зятя въ домъ приняла и живетъ теперь себѣ, не налюбуется на маленькихъ внучатъ, привязанныхъ къ бабушкѣ больше чѣмъ къ родной матери.

Хоть ни въ чемъ не нуждалась Никитишна, но всегда не только съ охотой, но съ большою даже радостью ѣзжала къ городовымъ купцамъ и къ деревенскимъ тысячникамъ столы строить, какіе нужны бывали: именинные, аль свадебные, похоронные, аль поминальные, либо на случай пріѣзда важныхъ гостей. Ѣзжала Никитишна и къ

матерямъ обительскимъ обѣды готовить, когда, бывало, послѣ Макарья, купцы богатые, скитскіе „благодѣтели“, наѣдутъ къ матерямъ погостить, побаловать, да кстати и Богу помолиться. Привыкнувъ къ стряпнѣ да къ столовымъ хлопотамъ, скучно, бывало, становилось Никитишнѣ, коли долго ее ставить столы никуда не зовутъ.

Изо всѣхъ знакомыхъ городовыхъ купцовъ, изо всѣхъ заволжскихъ тысячниковъ, ни къ кому у ней сердце такъ не лежало какъ къ Патапу Максимычу. Аксинья Захаровна какъ-то въ сродствѣ приходилась ей, и когда еще Никитишна по чужимъ людямъ проживала, Патапомъ Максимычемъ оставлена не была. Каждый годъ, бывало, онъ ей послѣ Макарья чаю, сахару на цѣлый годъ подаритъ, да платье хорошее, а иной годъ и шубу справитъ, либо деньгами не оставитъ. Добро Никитишна помнила твердо. Пошли за ней Патапъ Максимычъ хоть въ полночь, хоть за полночь, хоть во время вьюги-мятелицы, хоть въ трескучій морозъ, хоть въ распутицу, часа не усидитъ, мигомъ въ дорогу сберется и покатитъ къ куманьку любезному. Хоть старымъ костямъ иной разъ и неможется, отъ послуги Патапу Максимычу ни за что не откажется. И все семейство Чапуриныхъ души не чаяло въ доброй, всегда веселой, разговорчивой Никитишнѣ. Кромѣ нужныхъ случаевъ, когда Никитишнѣ въ Осиповкѣ приводилось столы строить, нерѣдко по недѣлямъ и даже по мѣсяцамъ тамъ она гащивала. И бывало, во время такихъ гостинъ ужь никакъ невозможно было уговорить старушку, чтобъ она каждый день обѣда не стряпала. Только что пріѣдетъ, первымъ долгомъ въ стряпущую. Тогда стряпка ужь прочь ступай; къ печи никого, бывало, не подпуститъ Никитишна.

Смерклось и вызвѣздило, когда по скрипучей, отъ завернувшаго подъ вечеръ морозца, дорогѣ къ дому Ники-

тишины пара добрыхъ коней подкатила сани съ кожанымъ лучкомъ, съ суконнымъ, подбитымъ мурашкинскою дубленкой, фартукомъ и съ широкими отводами. Въ синей суконной шубѣ на лисьемъ мѣху, подпоясанный гаруснымъ кушакомъ, въ мерлушчатой шапкѣ, вылѣзъ изъ саней Патапъ Максимычъ, и оставя при лошадяхъ работника, зачалъ въ ворóта стучать. На его стукъ, заливаясь визгливымъ лаемъ, отвѣчали со двора собаки, затѣмъ послышались чьи-то шаги пò снѣгу, кто-то окликнулъ прiѣхавшаго, и когда Чапуринъ отозвался, воротà на оба полотна распахнулись.

— Ахъ, батюшка Патапъ Максимычъ, всклякнулъ Авдѣй, прiемный сынокъ Никитишны.—Милости просимъ. Пождите маленько, ваше степенство, за свѣчкой сбѣгаю, темненько на дворѣ-то, не зашибиться бы вамъ ненарокомъ.

— Не надо, Авдѣюшка, дорога знакомая, отвѣчалъ Патапъ Максимычъ,—а ты вотъ, голубчикъ, коней-то на дворъ пусти, да сѣнца имъ брось. Здорова ль Никитишна?

— Неможетъ, Патапъ Максимычъ, другой день.

— Ой ли? Чтò жь такое съ ней приключилось? спросилъ Патапъ Максимычъ?

— Да Богъ ее знаетъ: то походитъ, то поваляется. Года ужь, видно, такiе становятся. Великимъ постомъ на седьмой десятокъ перевалитъ, говорилъ Авдѣй, провожая гостя.

Дверь изъ горницы отворилась. Авдѣева жена молодая, шустрая бабенка, съ широкимъ лицомъ, вздернутымъ носомъ и узенькими глазками выбѣжала въ сѣни со свѣчкой.

— Патапъ Максимычъ! По добру ль по здорову? Милости просимъ, заговорила она.

— Здравствуй, Татьянушка. Чтò тетка?

— Хвораетъ.

Войдя въ горницу, Патапъ Максимычъ увидалъ, однако, что кума любезная, повязанная бѣлымъ платкомъ по головѣ, сама встрѣчаетъ его. Заслышавъ голосъ куманька, не утерпѣла Никитишна, встала съ постели и пошла къ нему на встрѣчу.

— Какими судьбами до нашихъ дворовъ? спрашивала она у Патапа Максимыча.

— Да вотъ, ѣхалъ неподалече и завернулъ, отвѣчалъ нъ.—Нельзя же куму̂ не навѣдать. И то съ Рождества не видались. Чтѷ, Божья старушка, не можется, слышь, тебѣ?

— Помирать время подходитъ, куманекъ. Кости всѣ разболѣлись. Ломитъ, тягость такая! говорила Никитишна.—Таня, ставь-ка ты самоваръ, да сбери чайку: куманекъ съ холодку-то погрѣется.

— Рано бы помирать-то тебѣ, кумушка, сказалъ, садясь на лавку, Патапъ Максимычъ. — Пожить надо, внучекъ выростить, замужъ ихъ повыдать.

— Тебя только послушай, наскажешь, помаленьку оживляясь, заговорила Никитишна. — Аредовы вѣки что ли прикажешь мнѣ жить? Дѣло наше бабье: слабъ сосудъ.

— Поживемъ еще, кумушка, поживемъ пока Богъ грѣхамъ терпитъ. Выздоравливай. Ну, дѣтокъ твоихъ видѣлъ, внучки-то чтѷ? Здоровеньки ли?

— Слава Богу. Аннушку за букварь засадила, молвила Никитишна,—„азъ, ангелъ, ангельскій“ твердитъ, а Маррѳуша, какъ бы ты видѣлъ, такая забавная стала, что разсказать нельзя. Спать полегли, да вотъ завтра увидишь.

— Нѣтъ, кумушка, до утрѝ у тебя я не останусь, сказалъ Патапъ Максимычъ. — Я къ тебѣ всего на часокъ и коней отпрягать не велѣлъ. Въ городъ ѣду. Завтра къ утру надо быть тамъ безпремѣнно.

— Что-й-то, батько, какой нонѣ спѣсивый сталъ, воз-

разила Никитишна. — Заночевалъ бы, завтра пообѣдалъ бы. Чуть брожу, а для гостя дорогаго знатный бы обѣдецъ состряпала. Наши ключовски ребята лось выслѣдили, сегодня загоняли и привезли. Я бы взяла у нихъ лосинаго масца, да такое бъ тебѣ кушанье состряпала, хоть царю самому на столъ. Рѣдко нонѣ лосей-то стали загонять. Переводятся что-то.

— Спасибо, кумушка, да вѣдь этого звѣря, кажись, по закону ѣсть не заповѣдано, сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Чтȍ ты, окстись! возразила Никитишна. — Вѣдь у лоси-то, чай, и копыто раздѣленное, и жвачку онъ отрыгаетъ. Макарія преподобнаго „Житіе“ читалъ ли? Далъ бы развѣ Божій угодникъ лося народу ясти, когда бы святыми отцами не было того заповѣдано.... Да чтȍ же про своихъ-то ничего не скажешь? а я, дура, не спрошу. — Ну, какъ кумушка поживаетъ, Аксинья Захаровна?

— Ничего, отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Клокчетъ себѣ. Дочерей взяли изъ обители, такъ съ ними больше возится.

— Крестница моя чтȍ, Настасьюшка? Какъ поживаетъ?

— Живетъ себѣ. Задурила было намедни.

— Какъ такъ?...

— Да въ кельи захотѣла, смѣясь сказалъ Патапъ Максимычъ.—Иночество, говоритъ, желаю надѣть. Да ничего, теперь блажь изъ головы, кажись, вышла. Прежде такая невеселая ходила, а теперь совсѣмъ другая стала, — развеселая. Замужъ пора ее, кумушка, вотъ чтȍ.

— И то правда, куманекъ, согласилась Никитишна. — Вѣдь ей никакъ восьмнадцать годковъ минуло?

— Да. Девятнадцатый пошелъ съ осени, молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Такъ... Такъ будетъ, сказала Никитишна. — Другой годъ я въ Ключовѣ-то жила, какъ Аксиньюшка ее родила.

А прошлымъ лѣтомъ двадцать лѣтъ сполнилось, какъ я домомъ хозяйствую... Да... Сама я тоже подумывала, куманекъ, что пора бы ее къ мѣсту. Не хлѣбъ-соль родительскую ей отрабатывать, а въ дѣвкахъ засиживаться ой-ой нескладное дѣло. Есть ли женишокъ-отъ на примѣтѣ, а то не поискать ли?

— Маленько заведено дѣльцо, кумушка, отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.

— Изъ какихъ мѣстъ Господь посылаетъ? Здѣшній, али дальній какой? спросила Никитишна.

— Гдѣ по здѣшнимъ мѣстамъ жениха Настасьѣ сыскать! спѣсиво замѣтилъ Чапуринъ.—По моимъ дочерямъ жениховъ здѣсь нѣтъ: токари да кузнецы имъ не пара. По купечеству хорошихъ людей надо искать.... Вотъ и выискался одинъ молодчикъ—изъ Самары, купецкій сынъ, богатый: у отца заводы, пароходы, и торговля большая. Снѣжковы прозываются, не слыхала ли?

— Нѣтъ, Снѣжковыхъ не слыхала, отвѣчала Никитишна.—Да вѣдь я низовыхъ-то мало знаю.—Видѣлъ онъ крестницу-то?

— Покамѣсть не видалъ, сказалъ Патапъ Максимычъ.— Да вотъ бѣда-то, кумушка, что ты расхворалась.

— А чтò?

— Да вѣдь я было затѣмъ и пріѣхалъ, чтобы звать тебя столъ ради жениха урядить, сказалъ Патапъ Максимычъ.— На Аксиньины именины гостить къ намъ съ отцомъ собирается.

— Безпремѣнно буду, живо подхватила Никитишна.—Да какъ же это возможно, чтобы на Настиныхъ смотринахъ да не я стряпала? Умирать стану, а поѣду. Присылай подводу, куманекъ, часу не промѣшкаю. — А вотъ чтò, возьми-ка ты у нашихъ ребятъ лося; знатно кушанье состряпаю, на рѣдкость.

— Пожалуй, молвилъ Патапъ Максимычъ,—только ужь ты сама сторгуйся и деньги отдай, послѣ сочтемся. Теперь въ городъ за покупками ѣду, послѣзавтра домой ворочусь и тотчасъ за тобой подводу пришлю. Сама пріѣзжай и лося вези.

— Ладно, хорошо, сказала Никитишна. — А я все насчетъ крестницы-то. Какъ же это, куманекъ, что-то не въ домекъ мнѣ: давеча сказалъ ты, что въ монастырь она сбираться вздумала, а теперь говоришь про смотрины. Ужь не силой ли ты ее выдаешь, не супротивъ ли воли?

— Заправскихъ смотринъ не будетъ, и настоящаго сватовства еще нѣтъ, сказалъ, уклоняясь отъ прямаго вопроса, Патапъ Максимычъ.—Пущай парень съ дѣвкой повидаются, другъ на дружку посмотрятъ. А про сватовство и рѣчи не будетъ. Раньше той зимы свадьбы намъ не играть: и мнѣ времени нѣтъ, и Снѣжковымъ, въ разъѣздахъ придется все быть. Настя съ молодцомъ теперь только повидится, а по веснѣ Михайло Данилычъ, женихъ-отъ, еще разъ-другой къ намъ заѣдетъ,—ну помаленьку и ознакомятся... А что̀ про скиты-то Настасья заговарила, такъ это она такъ.... Нравная дѣвка твоя крестница.... Да ужь я тебѣ все разкажу, передъ тобой таиться нечего: своя вѣдь, опять же мать ей крестная.... Сказалъ я намедни Настасьѣ, что женихъ у меня для нея припасенъ. Она въ слезы. Ну, подумалъ я, это еще не велика бѣда; кака дѣвка безъ рёву замужъ выходитъ?... „Не пойду, говоритъ, за твоего жениха“. Пошумѣлъ я. У тебя, говорю, воли своей нѣтъ, отецъ съ матерью живы; значитъ, моя воля надъ дѣтищемъ, за кого хочу, за того и выдамъ. Тутъ она и молвила про обѣщанье, дала, дескать, обѣтъ постригъ принять въ обители. А у меня теперь мать Манеѳа гоститъ. Думалъ, не она ли дурь въ голову дѣвкѣ набила. Любятъ вѣдь эти игуменьи богатенькихъ родственницъ прилучать.... Да

какъ разузналъ, вижу, Манеѳа тутъ ничѣмъ непричинна. Я опять за Настасью, хотѣлось допытаться, съ чего она пóстригъ въ голову себѣ забрала. Опять про жениха рѣчь повелъ. А она, кумушка, какъ брякнетъ мнѣ! Такъ и сняла съ меня голову.

— Чтó такое? спросила Никитишна.

— Коли, говоритъ, неволить станешь,—„уходомъ", говоритъ, съ первымъ встрѣчнымъ уйду.... Подумай ты это, кумушка?.... А?.... Уходомъ?....

— Такъ и сказала? спросила Никитишна, встревожась отъ такихъ вѣстей.

— Такъ и сказала. Уходомъ, говоритъ, уйду, продолжалъ Патапъ Максимычъ.—Да посмотрѣла бы ты на нее въ тý пору, кумушка. Диву дался, сначала не зналъ какъ и говорить съ ней. Гордая передо мной такая стоитъ, голову кверху, слезъ и въ заводѣ нѣтъ, говоритъ какъ рѣжетъ, а глаза какъ уголья такъ и горятъ.

— Отцова дочка, усмѣхнувшись замѣтила Никитишна.— Въ тятеньку уродилась... Такъ у васъ, значитъ, коса на камень нашла. Дальше-то чтó же было?

— Ужь я лаской съ ней: вижу окрикомъ не возьмешь, сказалъ Патапъ Максимычъ. — Молвилъ что про свадьбу годъ цѣлый помину не будетъ, жениха, молъ, покажу, а годъ сроку даю на раздумье. Смолкла моя дѣвка, только все еще не веселая ходила. А на другой день одумалась, съ утра бирюкомъ глядѣла, къ обѣду такъ и сіяетъ, пышная такая стала, да радостная.

— А ты дѣвку-то не больно ломай, молвила Никитишна. — Лаской больше бери, да уговорами, на упрямое слово не серчай, на противное не гнѣвайся.

— И то по ней все говорю, отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Боюсь, въ самомъ дѣлѣ не надѣлала бы чего. Голову, кумушка, сниметъ!... Проходу тогда мнѣ не будетъ

— Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ, успокоивала эго Никитишна.—Много ль гостей-то звалъ?

— Да окромѣ Снѣжковыхъ, Ивана Григорьича съ Груней, удѣльнаго голову, еще кой-кого, отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.—Мнѣ всего больше того хочется, кумушка, чтобъ Снѣжковымъ показать, какъ мы въ нашихъ захолустьяхъ живемъ. Хоть, дескать, на болотѣ сидимъ, а мохомъ не обросли. Не загордились бы, коли Богъ велитъ въ родствѣ быть. Такъ ужь ты порадѣй, такой столъ уряди, какой у самыхъ первыхъ генераловъ бываетъ. Снѣжковъ-отъ Данило Тихонычъ купецъ первостатейный, въ городскихъ головахъ сидѣлъ, у губернаторовъ обѣдывалъ, у самого царя во дворцѣ, сказываетъ, въ Питерѣ бывалъ. Порядки, стало-быть, знаетъ. Такъ ужь ты лицомъ въ грязь не ударь. Денегъ не жалѣй, управь только все на самую хорошую руку. Чего въ городѣ покупать? Сказывай, записывать стану.

Сидя за чаемъ, а потомъ за ужиномъ, битый часъ протолковалъ Патапъ Максимычъ съ Никитишной какіе припасы и напитки искупить надо. И про Настю кой-что еще потолковали. Наконецъ, когда все было переговорено и записано, Патапъ Максимычъ поѣхалъ изъ Ключова, чтобъ съ разсвѣтомъ быть въ городѣ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Шуринъ Патапа Максимыча, Никифоръ былъ дрянь человѣкъ. Чтò это былъ за собинка, того довольно сказать, что „волкомъ“ его прозвали, — а хуже, позорнѣй такого прозвища въ лѣсахъ за Волгой нѣтъ. Волкъ—это въ конецъ проворовавшійся мужикъ, всенародно осрамленный, опозоренный, котораго по деревнямъ своего околотка водили въ шкурѣ украденной имъ скотины, сопровождая

бранью, побоями, хохотомъ и стукомъ въ печные заслоны и сковороды. Много мірскихъ побоевъ за воровскія дѣла принялъ Микешка, да мало видно бока у него болѣли: полежитъ недѣльку-другую, поохаетъ, помается, да оправившись, опять за воровской промыслъ да за пьянство. Просто сказать—отятôй человѣкъ.

А вѣдь, кажется, былъ изъ семьи хорошей. Родители были честные люди, хоть не тысячники, а прожили вѣкъ свой въ хорошемъ достаткѣ. Жили они въ удѣльномъ селѣ Скоробогатовѣ. Отецъ Никифора, Захаръ Колотухинъ, пряжу скупалъ по Ячменской волости, гдѣ не только бабы да дѣвки, но и всѣ мужики по зимамъ за гребнемъ сидятъ. Продавая пряжу въ Пучежѣ да въ Городцѣ, хорошіе барыши онъ получалъ и доволенъ былъ житьемъ-бытьемъ своимъ. Дѣтей у Колотухина всего только двое было, сынъ да дочь — красныя дѣти, какъ въ деревняхъ говорится. Ростили родители Никифора, уму-разуму учили, на всякое добро наставляли какъ слѣдуетъ, да видно ужь на роду было ему писано, быть не справнымъ хозяиномъ, а горькимъ пьяницей и воромъ отъявленнымъ. Урожается иной разъ у хорошаго отца такое чадушко, что отъ него только горе да безчестье: роду поношенье, всему племени вѣчный покоръ.

Аксинья Захаровна старше брата была. Еще дѣвочкой отдали ее въ Комаровскій скитъ къ одной родственницѣ, бывшей въ одной изъ тамошнихъ обителей головщицей праваго крылоса; жила она тамъ въ холѣ да въ нѣгѣ, думала и нá вѣкъ келейницей быть, да подвернулся молодой, красивый парень, Патапъ Максимычъ Чапуринъ... Сошлись, ознакомились, онъ на нее не наглядится, она на него не надышется, рѣшили, что жить розно имъ не приходится, и кончилось тѣмъ, что Патапъ Максимычъ сманилъ дѣвку, увезъ изъ скита и обвѣнчался съ нею уходомъ.

Прошло года три, мать Аксиньи Захаровны померла, въ одночасье остались въ дому отецъ старый вдовецъ, да сынъ холостой молодецъ. Какъ жить безъ бабы?... Никоимъ образомъ нельзя, безъ хозяйки весь домъ прахомъ разсыплется... И задумалъ Захаръ Колотухинъ самъ жениться и сына женить. Ужь невѣсты были выбраны, и сваты приготовлены, обѣ сватьбы „честью" хотѣли справлять, да вдругъ Захаръ занедужился, недѣльку-другую помаялся и отдалъ Богу душу.

Остался Никифоръ надо всѣмъ отцовскимъ добромъ самъ себѣ голова. Не больно жалѣлъ онъ родителя, схоронилъ его, ровно съ поля убрался; живи, значитъ, теперь на своей волѣ, припѣваючи. Про невѣсту и думать забылъ, житье повелъ пространное, развеселое. Въ городъ поѣхалъ, всѣ трактиры спозналъ, обзавелся друзьями-пріятелями, помогли они ему въ скорости растранжирить родительски денежки. Прогулявъ деньги, лошадей да коровъ спустилъ, потомъ изъ дому все помаленьку сталъ продавать, да года два только и дѣла дѣлалъ, что съ базара на базаръ ѣздилъ: по субботамъ въ Городецъ, по воскресеньямъ въ Катунки, по понедѣльникамъ въ Пучежъ, такъ цѣлу недѣлю, бывало, и разъѣзжаетъ, а недѣля прошла, другая пришла, опять за тѣ же разъѣзды. Сказывалъ людямъ Никифоръ Захарычъ, что по торговымъ дѣламъ разъѣзжаетъ, а на самомъ-дѣлѣ, изъ кабака въ кабакъ метался, только на разумѣ и было что гульба да бражничанье. Впрочемъ, кромѣ сидѣнья въ кабакахъ у Никифора и другія дѣла водились: гдѣ орлянку мечутъ, онъ ужь тутъ какъ тутъ; гдѣ гроши на жеребьевую выпивку кусаютъ, да изъ шапки вынимаютъ, Никифоръ первый; драка случится, озорство ли какое, безобразье на базарѣ затѣется, первый заводчикъ непремѣнно Никифоръ Захарычъ. До того скоро дошелъ, что и пить стало нѐ на что, при-

шлось чѣмъ-нибудь на выпивку денегъ добывать. И пошелъ нашъ Никифоръ на сухомъ берегу рыбу ловить: день въ кабакѣ, а ночь по клѣтямъ, что̀ плохо лежитъ, то добыча ему. Въ конецъ проворовался, но сколько разъ въ кражѣ его ни примѣчали, все увертывался. Иной разъ только боками отвѣтитъ, отпустятъ его мужики еле жива. Почешется, почешется, да опять за чужимъ добромъ. Нельзя же—цѣловальникъ въ долгъ не даетъ.

А душа была у него предобрая. Кто не обижалъ, тому радъ былъ услужить всячески. Пожаръ ли случится, Никифоръ первый на помощь, прибѣжитъ, бывало, въ огонь такъ и суется, пожитки спасаючи, и тутъ ужь на него положиться было можно, хоть недѣлю капельки вина во рту не бывало, съ пожару желѣзной пуговицы не снесетъ. Душъ пять на своемъ вѣку изъ огня выхватилъ, да изъ Волги человѣкъ семь. Бывало, только заслышитъ на рѣкѣ крики: „Батюшки, тону! Подайте помощь, православные!...“ мигомъ въ воду... А плавалъ Микешка какъ окунь, подплыветъ бывало къ утопающему, перелобанитъ его кулакомъ что есть мочи, оглушитъ до безпамятства, чтобы руками не хватался и спасителя вмѣстѣ съ собой не утопилъ, да схвативъ за волосы на берегъ. Разъ этакъ спасъ бурлака, что̀ съ барки упалъ, на глазахъ самого губернатора. Губернаторъ велѣлъ Никифора къ себѣ позвать, похвалилъ его, записалъ имя и сказалъ ему:

— За твой человѣколюбивый подвигъ, за спасенье погибающаго, къ серебряной медали тебя представлю.

— А велика ль та медаль, ваше превосходительство? спросилъ Микешка.

— Въ полтинникъ, отвѣчалъ удивленный такимъ вопросомъ генералъ.

— Такъ не будетъ ли такой милости, ваше превосходительство, сказалъ Никифоръ, — чтобъ теперь же мнѣ

полтинникъ тотъ въ руки, я бы съ „крестникомъ“ выпилъ за ваше здоровье, а то еще жди, пока вышлютъ медаль. А вѣдь все едино—пропью же ее.

Разъ, подъ пьяну руку, женился Никифоръ. Проживала въ селѣ Скоробогатовѣ солдатка вдова, Маврой звали ее. Разбитная была, на всѣ руки. Извѣстно дѣло, солдатка—мiрской человѣкъ, кто къ ней въ келью зашелъ, тотъ и хозяинъ. Когда у Никифора еще деньги водились и домъ еще не пропитъ былъ, связалась она съ нимъ и задумала вокругъ него покорыстоваться. Чѣмъ въ тѣсной кельенкѣ жить на задворицѣ, не въ примѣръ лучше казалось ей похозяйничать въ хорошемъ, просторномъ дому. Загулялъ разъ съ ней Микешка, пили безъ просыпу три дня и три ночи, а тутъ въ Скоробогатово „проѣзжающiй священникъ“ наѣхалъ, то-есть, попросту сказать, бѣглый раскольничiй попъ. Говоритъ Мавра Микешкѣ:

— Соколикъ мой ясный, голубчикъ, Микѐшенька, возьми меня за себя.

— И безъ того со мной живешь, отвѣчалъ Никифоръ.— Будетъ съ тебя.

— Лучше будетъ, ненаглядный ты мой... Кусъ ты мой сахарный, уста твои сладкiя, золотая головушка, не въ примѣръ лучше намъ по закону жить, приставала Мавра.—Теперь же вотъ и отецъ Онисимъ наѣхалъ, пойдемъ къ нему повѣнчаемся. Зажили бъ мы съ тобой, голубчикъ, припѣваючи: у тебя домикъ и всякое заведенiе, да и я не бесприданница, — тоже безъ ужина спать не ложусь,—кой-что и у меня въ избенкѣ найдется.

— Какое у тебя приданое? смѣясь, сказалъ солдаткѣ Никифоръ.—Ну такъ и быть, подавай росписи: липовы два котла, да и тѣ сгорѣли до тла, сережки двойчатки изъ ушей лѣсной матки, два полотенца изъ березова полѣнца, да одѣяло стёгано алаго цвѣту, а ляжешь спать такъ его

и нѣту, сундукъ съ бѣльемъ да невѣста съ бѣльмомъ. Нѣтъ, такихъ мнѣ не надо—проваливай!

— Да полно, голубчикъ ты мой сизокрылый, не ломайся, Микешенька, ублажала его Мавра.—Ужь какъ же мы съ тобой бы зажили!...

— Да поди ты къ бѣсу на повѣть, окаянная, крикнулъ Никифоръ, плюнувъ чуть не въ самую невѣсту.—Ишь, прости Господи, привязалась. Пошла вонъ изъ избы!

— Я бы тебѣ, Микешенька, во всемъ угождала, слушалась бы каждаго твоего словечка; всѣмъ бы тебя успокоила, ты бы у меня какъ сыръ въ маслѣ катался, продолжала уговоры свои Мавра, поднося Никифору Захарычу стаканчикъ за стаканчикомъ.

Не устоялъ Никифоръ Захарычъ супротивъ водки да солдаткиныхъ уговоровъ. Самъ не помнилъ, какъ въ избу сватовья-сосѣди нагрянули и сволокли жениха съ невѣстой къ бѣглому попу Онисиму.

Проснулся по утру Никифоръ, Мавра возлѣ него, волосы ему приглаживаетъ, сама приголубливаетъ:

— Сокровище ты мое безцѣнное, муженекъ мой золотой, ясный соколикъ мой!

— Чтò ты, свинья тупорыла! Съ похмѣлья что ль угорѣла? Какой тебѣ мужъ? закричалъ Никифоръ, вскочивъ съ постели.

— Какъ, какой мужъ? молвила Мавра.—Извѣстно какой мужъ бываетъ: вѣнчанный! Богъ да попъ меня вчерась тебѣ отдали.

— Вонъ изъ избы! Чтобъ духу твоего не было.... Ишь кака жена выискалась!... Уйди до грѣха, не то раскрою. закричалъ еще не совсѣмъ проспавшійся Никифоръ, схвативъ съ шестка полѣно и замахнувшись на новобрачную.

— Матушки мои!... Голубушки!... Да чтò жь это со мной горькою дѣлается?... зачала во всю ивановскую причитать

Мавра. — Да и чѣмъ же я тебѣ, Микешенька, досадила?... Да и чѣмъ же я тебя, желанный, прогнѣвала?

Хватилъ Никифоръ полѣномъ по спинѣ благовѣрную. Та повалилась и на всю деревню заверещала. Сбѣжались сосѣди, — вчерашніе сваты. Стали завѣрять Никифора, что онъ вечо̂ръ прямымъ дѣломъ съ Маврой повѣнчался. Не вѣритъ Никифоръ, ругается на чемъ свѣтъ стоитъ.

— Да сходи къ попу, говорятъ сватовья. — Спроси у него, попъ не совретъ, да и мы свидѣтели.

Сбѣгалъ Никифоръ къ попу. И попъ тѣ же рѣчи сказываетъ. Дѣлать нечего. Попъ свяжетъ, никто не развяжетъ, а жена не гусли, поигравши ее не повѣсишь. Послалъ за виномъ, цѣло ведро новобрачные со сватами роспили. Такъ и повалились гдѣ кто сидѣлъ.

Проспались. Никифоръ опять воевать. Жену избилъ, и сватовьямъ на калачи досталось, къ попу пошелъ и попа оттрепалъ: „Зачѣмъ, говоритъ, пьяный пьянаго вѣнчалъ?“ Только и стихъ, какъ опять напился.

Желтенькое житье Маврѣ досталось. Не ждала она такой жизни, не думала, чтобы силой да обманомъ взятый мужъ такимъ лютымъ сдѣлался. Что̂день — то таска, что̂ ночь — потасовка. Одной печи у Мавры на спинѣ не бывало. Только и отдохнетъ, какъ мужъ по дальнимъ кабакамъ уѣдетъ гулять. А и́зъ дому Никифоръ ея не гналъ. „Что жь дѣлать, говоривалъ, какая ни на есть жена, а все таки Богомъ дана, нельзя жь ее изъ дому гнать.“ Тогда только ушла отъ него Мавра, какъ онъ и домъ, и все что̂ въ домѣ до тла прогулялъ, и не стало у него ни кола, ни двора. Сбѣжала Мавра къ цѣловальнику, прежнему пріятелю, сѣла въ кабакѣ жареной печенкой торговать.

Скучно какъ-то стало Никифору, что давно жены не колотилъ. Пришелъ въ кабакъ, да не говоря худаго слова,

хвать Мавру зá косы. Та заголосила, ругаться зачала, сама драться лѣзетъ. Цѣловальникъ вступился.

— Какъ ты смѣешь, говоритъ Никифору, — въ казенномъ мѣстѣ буянить? Какъ ты смѣешь вольну солдатку бить? Она тоже, говоритъ, — человѣкъ казенный!

— Какъ такъ казенная? закричалъ Никифоръ. — Она жена моя вѣнчанная. Мое добро, сколь хочу, столько и колочу.

— Да чортъ что ли меня съ тобой вкругъ пенька на болотѣ вѣнчалъ? закричала Мавра, поправляя раскосмаченную голову.

— Не чортъ, а батюшка отецъ Онисимъ, отвѣчалъ озадаченный женниными словами Никифоръ.

— А въ какой это церкви онъ вѣнчалъ меня съ тобой? Въ какомъ приходѣ? кричала Мавра на все село. — Гдѣ свадьба наша записана?... Въ какихъ книгахъ?... Ну-ка, докажи!

— Сама знаешь, что отецъ Онисимъ проѣзжающій былъ.

— А ну-ка, докажи! кричала Мавра. — А ну-ка докажи! Какіе такіе проѣзжающіе попы?... Чтò это за проѣзжающіе?... Я церковница природная, никакихъ вашихъ бѣглыхъ раскольницкихъ поповъ знать не знаю, вѣдать не вѣдаю... Да знаешь ли ты, что за такія слова въ острогъ тебя упрятать могу?... Вишь какой мужъ выискался!... Много у меня такихъ мужьевъ-то бывало!... И знать тебя не хочу, и не кажи ты мнѣ никогда пьяной рожи своей!...

Нечего тутъ взять, коли баба и отъ попа отчуралась.

— Ну, крикнулъ Микешка съ горькимъ чувствомъ цѣловальнику, — такъ видно дѣлу и быть. Владѣй Ѳаддей моей Маланьей!... А чапуруху, своякъ, поставь... Расшибемъ полштофика!... Выпьемъ!... Плачу́ я... Гуляемъ, Мавра Исаевна!... А ну-ка, отрѣжь печенки.... Ишь чортъ какой, дома не бойсь такой не стряпала!... Эхъ, погинула въ конецъ

моя головушка!... Пой пѣсню, Маврушка, ставь вина побольше, своякъ!

Ужь какъ, кажется, не колотилъ Никифоръ жены своей, ужь какъ, кажется, ни постыла она ему была, за то что сама навязалась на шею и обманомъ повѣнчалась съ нимъ, а жалко стало ему Мавры, полюбилась тутъ она ему съ чего-то. Проклятаго разлучника, скоробогатовскаго цѣловальника, такъ бы и пришибъ до-смерти....

Маврѣ было все равно. Ей хоть сейчасъ съ Татариномъ ли, съ Жидомъ ли повѣнчаться, а Микешка по старой вѣрѣ былъ крѣпокъ. Частенько потомъ случалось, что въ надеждѣ на богатаго зятя, Патапа Максимыча, къ нему въ кабакахъ приставали вольны дѣвицы да мірскія вдовицы: обвѣнчаемся, молъ. У Микешки одинъ отвѣтъ на таки рѣчи бывалъ:

— Запросто гулять давай, вѣнчаться нельзя. Попъ вѣнчалъ, а изъ жены душа не вынута.

Съ ломомъ красть ходить, да съ отмычками — дѣло опасливое, разомъ въ острогъ угодишь. Да и то сказать забравшись въ чужу клѣть, вору хозяйско добро не оцѣнивать стать. А безъ того умному вору нельзя, коли онъ знаетъ законъ. Хорошо какъ на двадцать на девять цѣлковыхъ подъ руку подвернется, бѣда не велика. По старому закону за это спиной только, бывало, воръ отвѣчаетъ. А какъ, по неопытности, заразъ на тридцать загребетъ, да поймаютъ съ поличнымъ: по тому же закону Сибирь, поселенье. И воровать-то надо сноровку знать: занадобилось сто рублей, умному вору чтобъ дома остаться, надо ихъ съ четыре пріема красть. Микешка это разумѣлъ и отъ того воровалъ по мелочи. Надоѣли однако мірскіе побои добру молодцу, принялся онъ за „волчій промыселъ“. Тутъ не скоро попадешься.

За Волгой нѣтъ особыхъ пастбищъ и выгоновъ. Скотъ

все лѣто пó лѣсу пасется. Конямъ нарочно бóталы да глухари * на шею надѣваютъ, чтобъ, когда понадобится лошадь хозяину, по звону ее скорѣй можно было сыскать. Коровы да овцы въ лѣсахъ ужь такъ пріучены, что цѣлый день пó лѣсу бродятъ, а къ вечеру сами домой идутъ. Пастуховъ за Волгой въ заводѣ нѣтъ. Въ прежнее время слыхомъ не бывало слыхано, чтобы гдѣ-нибудь лошадь угнали, хоть она безпастушно паслась. Дальше на сѣверъ и досель эта добрая старина держится. По Заволжью лошадей тогда только начали красть, какъ учредили особую должность коммиссаровъ по пресѣченію конокрадства. ** Должно-быть, ворамъ стало совѣстно, что ради ихъ особыхъ чиновниковъ наслали, и они даромъ казенно жалованье берутъ. Не пропадай же, даромъ казна государева — давай и мы лошадокъ красть.

А коровъ да овецъ иной разъ и́зъ лѣсу воры и прежде уводили. Такихъ воровъ „волками“ народъ прозвалъ. Эти волки съ руками накроютъ бывало въ лѣсу коровенку либо овцу, тутъ же зарѣжутъ, да на возъ и на базаръ. Шкуру соймутъ, особо ее продадутъ, а мясо за-дешево промышленникамъ сбудутъ, тѣмъ, что солонину на бурлаковъ готовятъ. Промыселъ этотъ не въ примѣръ безопаснѣй чѣмъ хожденье по чужимъ клѣтямъ да амбарамъ. Рѣдко „волка“ выслѣживали. Но если такого вора на дѣлѣ застанутъ, тутъ же ему мужики расправу чинятъ самосудомъ, по старинѣ.

---

* Бóтало въ родѣ деревяннаго колокола, а глухарь или бýхарь — металлическій полый шаръ, въ который до заклепки кладутъ камешекъ. Это въ родѣ большаго бубенчика.

** Этихъ чиновниковъ (теперь должность коммиссаровъ упразднена) обыкновенно звали „конокрадами“. Что въ Заволжьѣ конокрадство, дотолѣ неслыханное, началось съ учрежденія этой должности, вовсе для того края не нужной (въ сороковыхъ годахъ), это положительный фактъ.

Выпорютъ сначала розгами, сколько лозановъ влѣзетъ, снимутъ съ зарѣзанной скотины шкуру, отъ крови не омытую, надѣваютъ на вора и въ такомъ нарядѣ водятъ его изъ деревни въ деревню со звономъ въ сковороды и заслоны, съ крикомъ, гиканьемъ, бранью и побоями. Дѣлается это въ праздничные дни, и за воромъ, которому со времени этой прогулки дается прозванье „волка", сбирается толпа человѣкъ во сто. Послѣ того человѣкъ тотъ на вѣкъ опозоренъ. Какую хочешь праведную жизнь веди, все его „волкомъ" зовутъ и ни одинъ порядочный мужикъ на дворъ его не пуститъ.

Пропившійся Никифоръ занялся волчьимъ промысломъ, но дѣла̀ свои и тутъ неудачно повелъ. Разъ его на баранѣ накрыли, въ другорядь на коровѣ. Послѣдній-то разъ случилось неподалеку отъ Осиповки. Каково же было Патапу Максимычу съ Аксиньей Захаровной, какъ мимо дому ихъ вели братца любезнаго со звономъ, да съ гиканьемъ, а молодые парни „волчью пѣсню" во все горло припѣвали:

Какъ у нашего волка̀
Исколочены бока,
Его били, колотили,
Еле жива отпустили.
А вотъ волка ведутъ,
Что Микешкой зовутъ.
У! у! у!
Микешкѣ во̀лку
Будетъ на холку!
У! у! у!
Не за то волка бьютъ.
Что сѣръ родился,
А за то волка бьютъ,
Что барана съѣлъ.
Онъ коровушку зарѣзалъ,
Свиньѣ горло перегрызъ.
Ой ты волкъ!
Сѣрый волкъ!

Микешкина рожа
На волка похожа.
Тащи вóлка живьемъ,
Колоти его дубьемъ!

Сколь ни силенъ, сколь ни могучъ былъ въ своемъ околоткѣ Патапъ Максимычъ, не могъ ничего сдѣлать для выручки шурина. Ни грозой, ни просьбой, ни деньгами тутъ ничего не подѣлаешь. Обычай хранятъ, чинъ справляютъ—мѣшаться да перечить тутъ нельзя никому.

Раза три, либо четыре Патапъ Максимычъ на свои руки Микешку бралъ. Чего онъ ни дѣлалъ, чтобъ направить шурина на добрый путь, какъ его ни усовѣщевалъ, какъ ни бранилъ, ничѣмъ не могъ пронять. Аксинья Захаровна даже ненавидѣть стала брата, несмотря на сердечную доброту свою. Совѣстно было ей за него, и часто грѣшила она: просила на молитвѣ Бога, чтобъ послалъ Онъ поскорѣй пò душу непутнаго брата.

Съ Крещенскаго Сочельника, когда Микешка вновь принятъ былъ зятемъ въ домъ, онъ еще капли въ ротъ не биралъ и работалъ усердно. Только работа его не спорилась: руки съ перепоя дрожали. Подъ конецъ взяла его тоска и выпить хочется, и погулять охота, а выпить не нá что, погулять не въ чемъ. Укралъ бы чтò, да по приказу Аксиньи Захаровны, зорко смотрятъ за нимъ. На верхъ Микешкѣ ходу нѣтъ. Племянницъ еще не видалъ: Аксинья Захаровна заказала братцу любезному и близко къ нимъ подходить.

На другой день послѣ отъѣзда Патапа Максимыча въ городъ за покупками, все утро до самаго обѣда бродилъ Микешка изъ мѣста въ мѣсто. Такая на него тоска напала, что хоть руки на себя наложить. Сосетъ его зà сердце винный червякъ. За стаканъ водки руку на отсѣченье бы съ радостью отдалъ. И у того, и у другаго

работника Христа ради просилъ онъ гривенничекъ опохмѣлиться, но отъ Патапа Максимыча было строго-нà-строго заказано: ни подъ какимъ видомъ грошà ему не давать. Съ тоски, да съ горя Микешка, самъ не зная зачѣмъ, забрелъ въ нижнее жилье дома, и тамъ въ сѣняхъ, передъ красильнымъ подклѣтомъ, завалился въ уголокъ за коробà съ посудой. Тамъ лежалъ онъ, въ сотый разъ передумывая какъ бы раздобыться деньжонками, хоть двугривеннымъ какимъ-нибудь, чтобы сбѣгать въ Захлыстинскій кабакъ, и отведя тамъ душу, воротиться, пока не пріѣхалъ еще домой Патапъ Максимычъ.

Обѣдать работники пошли. Въ ту пору никто въ красильный подклѣтъ, кромѣ хозяина, не заглядывалъ, а его не было дома. Фленушка тóтчасъ смекнула, что выпалъ удобный случай провести Настѣ съ полчасика вдвоемъ съ Алексѣемъ. Шепнула ему, чтобъ онъ, какъ только работники по ѝзбамъ обѣдать усядутся, шелъ бы въ красильный подклѣтъ.

Алексѣй долго ждать себя не заставилъ. Только зашабашили работники, онъ сказалъ, что ему, по хозяйскому приказу, надо пересмотрѣть остальные коробà съ посудой и зàсвѣтло отослать ихъ на пристань, и отправился въ подклѣтъ. Фленушка его караулила и дала знать Настѣ. Настя спустилась въ подклѣтъ.

— Настенька моя, красавица! говорилъ Алексѣй, встрѣчая ее крѣпкими объятьями и страстными поцѣлуями. — Давно ль мы, кажись, съ тобой видѣлись, а по мнѣ ровно годы съ той поры прошли. Яблочко ты мое наливчатое, ягодка ты моя красная!

— И я совсѣмъ стосковалась по тебѣ, Алеша, прижимаясь къ милому, молвила Настя.—Только и думы у меня, что про тебя, дружочекъ мой.

— Какъ бы вовсе намъ не разставаться, моя ясынька! молвилъ Алексѣй, обнимая Настю.

Длиннымъ, длиннымъ поцѣлуемъ поцѣловала его Настя. Не до разговоровъ было.... Глядя другъ на друга, все забыли они. Вздохи смѣнялись поцѣлуями, поцѣлуи вздохами.

Крѣпко сжималъ Алексѣй въ объятьяхъ дѣвушку. Настя какъ-то странно смѣялась, а у самой слезы выступали на томныхъ глазахъ. Въ сладкой сердечной истомѣ она едва себя помнила. Алексѣй шепталъ свои мольбы, склоняясь къ ней...............

Когда трепетная, поблѣднѣвшая Настя вышла въ сѣни, ее встрѣтила Фленушка.

— Ну чтò? спросила она.

Настенька припала къ плечу подруги и заплакала....

— Ну, пойдемъ, пойдемъ, молвила Фленушка.— Здѣсь еще навернется кто-нибудь....

И увлекла ее въ свѣтелку.

Алексѣй оставался нѣсколько времени въ подклѣтѣ. Его лицо сіяло, глаза горѣли. Не скоро могъ онъ успокоиться отъ волненія. Оправившись, пошелъ въ сѣни коробà считать.

Передвигая коробъ за коробомъ, увидалъ притаившагося за ними Микешку.

— Чтò тутъ дѣлаешь? крикнулъ на него Алексѣй. — Развѣ тебѣ мѣсто тутъ?

Микешка всталъ и, глупо улыбаясь, сказалъ Алексѣю:

— Съ праздникомъ проздравить честь имѣемъ.

— Какой тутъ праздникъ за коробами нашелъ? строго сказалъ ему Алексѣй. —Убирайся въ свое мѣсто.

— Мое, братъ, мѣсто завсегда при мнѣ, отвѣчалъ Микешка. — Аль не знаешь, какой я здѣсь человѣкъ? Хозяйскій шуринъ, Аксиньѣ Захаровнѣ братъ родной. Ты

не смотри, что я въ отрёпьѣ хожу.... свысока заговорилъ Микешка, и вдругъ понизивъ голосъ и кланяясь, сказалъ: —Дай, Алексѣй Трофимычъ, двугривенничекъ.

— Ступай, ступай, откуда пришелъ, не то Патапу Максимычу скажу, говорилъ Алексѣй, выгоняя изъ сѣней Микешку.—Да ступай же, говорятъ тебѣ.

— Дай двугривенный, такъ сейчасъ уйду, настойчиво сказалъ Микешка.

— Убирайся. Честью тебѣ говорятъ, а то смотри, я вѣдь и въ зашей.

— Меня въ зашей! Помни же ты это слово!

— Н[illegible]дно, ладно, проваливай!

— П[illegible], а я не забуду, ворчалъ Микешка, уходя на дворъ.—Вишь дѣвушникъ какой! А она-то, спасённица-то! Ну, дѣвка! Ай да Фленушка!...

Микешка видѣлъ изъ - за коробовъ какъ въ подклѣтъ входилъ Алексѣй, видѣлъ и Фленушку. Больше ничего не видалъ. Думалъ онъ, что Алексѣй ходилъ съ келейной бѣлицей въ подклѣтъ на тайное свиданье.

—

Въ домѣ Патапа Максимыча наканунѣ именинъ Аксиньи Захаровны съ ранняго утра всѣ суетились. Самого хозяина не было дома; уѣхалъ на сосѣдній базаръ посмотрѣть не будетъ ли вывезено подходящей ему посуды. У оставшихся дома семейныхъ возни, суетни у каждаго было по горло. Аксинья Захаровна съ дочерьми и съ Фленушкой, подъ руководствомъ Никитишны, прибирала переднія горницы къ пріему гостей: мебель вощили, зеркала виномъ обтирали, въ окнахъ чистыя занавѣски вѣшали. Наканунѣ изъ города привезли Чапурину двѣ горки краснаго дерева за стеклами, ихъ помѣстили по угламъ.

Аксинья Захаровна вынимала изъ сундуковъ серебряную и фарфоровую посуду, приготовленную дочерямъ въ приданое, Настя и Параша разставляли ее каждая въ своей горкѣ. Патапъ Максимычъ каждый разъ, какъ бывалъ въ Москвѣ иль у Макарья, привозилъ дочерямъ цѣнные подарки, и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ накопилось ихъ довольно. Ожидая въ гости жениха, онъ, бывши послѣдній разъ въ городѣ, купилъ въ мебельной лавкѣ горки, чтобы всѣ свои подарки выставить на показъ. Знали бы дескать Снѣжковы, что дочери у него не безприданницы.

Весело уставляла Настя „свою“ горку серебромъ и фарфоромъ, даже пѣсенку запѣла. Слѣдовъ н[illegible]но было прежней тоски.

Аксинья Захаровна въ суетахъ изъ силъ выби[illegible]ась.

— Охъ, родная ты моя, говорила она Никитишнѣ, садясь на стулъ и опуская руки,—моченьки моей не стало, совсѣмъ измучилась....

— Да не суетись ты, Аксиньюшка, отвѣчала ей Никитишна.—Вѣдь только такъ, даромъ толчешься, сидѣла бы себѣ въ спокоѣ. И безъ тебя все украсимъ какъ слѣдуетъ.

— Какъ же это возможно, отвѣчала хозяйка. — Сама не приглядишь, все шиворотъ-на-выворотъ, да вонъ на тараты пойдетъ.... А послѣ за ихнюю дурость принимай отъ гостей срамъ, да окрикъ отъ Патапа Максимыча... Сама знаешь, родная, какіе гости у насъ будутъ!. Надо, чтобы все было прибрано показистѣе.

— Не твое это дѣло, Аксиньюшка. Предоставили мнѣ, одна и управлюсь, тебя не спрошу. Чать, не впервые, сказала Никитишна.

— Такъ-то такъ, ужь я на тебя какъ на каменну стѣну надѣюсь, кумушка, отвѣчала Аксинья Захаровна. — Безъ тебя хоть въ гробъ ложись. Да нельзя же и мнѣ руки-

то сложить. Вотъ умница-то, продолжала она, указывая на работницу Матрену,—давеча у меня всѣ полы перепортила бы, колибъ не доглядѣла я вбвремя. Крашены-то полы дресвой вздумала мыть.... А вотъ чтд, кумушка, хотѣла я у тебя спросить: на нонѣшній день къ ужину-то чтд думаешь гостямъ сготовить? Безъ хлѣба, безъ соли нельзя же ихъ спать положить.

— Да чтд сготовить? съ разстановкой стала говорить Никитишна.—Буженины косякъ, да стерлядокъ разваримъ, индѣйку жареную, и будетъ съ нихъ.

— А похлёбку-то?

— Никакой похлебки не надо. Не водится, отвѣчала Никитишна.

— Какъ же это за ужинъ безъ варева сѣсть? Ладно ли будетъ? съ недоумѣньемъ спросила Аксинья Захаровна.

— Ты ужь не безпокойся, не твое дѣло, отвѣчала Никитишна.

— Такъ-то такъ, родная, да больно боюсь я, чтобъ корить послѣ не стали, говорила Аксинья Захаровна.—Ну, а назавтра, на обѣдъ-то чтд ты состряпаешь?

— Уху сварю, отвѣчала Никитишна.—Хорошихъ стерлядокъ добылъ Патапъ Максимычъ, живы еще и теперь у меня въ лохани полощутся. Послѣ ухи кулебяку подамъ, потомъ лося, чтд изъ Ключова съ собой привезла, осетра разваримъ, рябковъ въ соусѣ сготовимъ, жареныхъ индюшекъ, а послѣ всего сладкій пирогъ съ вареньемъ.

— Не маловато ли будетъ? сказала Аксинья Захаровна.—Ты бы ужь дюжинку кушаньевъ-то состряпала.

— Больше не надо, отвѣчала Никитишна.—Выдай-ка мнѣ напитки-то, я покамѣстъ ихъ разберу.

— Пойдемъ, пойдемъ, родная, разбери; тутъ уже я толку совсѣмъ не разумѣю, сказала Аксинья Захаровна, и повела куму въ горницу Патапа Максимыча. Тамъ на полу

стоялъ привезенный изъ города большой коробъ съ винами.

— Ну, ты поди, управляйся съ полами, сказала Никитишна Аксиньѣ Захаровнѣ,—а ко мнѣ крестницу пришли. Мы съ ней разберемъ.

Аксинья Захаровна вышла. Весело вбѣжала въ горницу Настя.

— Развязывай коробъ-отъ, Настенька, сказала Никитишна.—Давай разбирать.

Настя развязала коробъ и стала подавать бутылку забутылкой. Внимательно разсматривая каждую, Никитишна разставляла ихъ по сортамъ.

— Чтой-то съ тобой творится, Настя? Р[illegible]ты не въ себѣ? сказала она.

— Ничего, крестнинька, весело отвѣчала Настя, но замѣтивъ пристальный взглядъ, обращенный на нее крестной матерью, покраснѣла, смѣшалась.

— Меня, старуху, красавица, не обманешь, говорила Никитишна, смотря Настѣ прямо въ глаза.—Вижу я все. На людяхъ ты рѣзвая, такъ и юлишь, а какъ давеча одну я тебя подсмотрѣла, стоишь грустная да печальная. Отчего это?

— Никакой нѣтъ у меня грусти, крестнинька, отвѣчала смущенная Настя.—Тебѣ показалось.

— Не обманывай меня, Настя. Обмануть кресну мать—грѣхъ незамолимый, внушительно говорила Никитишна.—Скажи-ка мнѣ правду истинную, какіе у васъ намедни съ отцомъ перекоры были? То въ кельи захотѣлось, то, глядика-сь, слово какое махнула: „уходомъ!“

У Насти отъ сердца отлегло. Сперва думала она, не узнала ль чего крестнинькая. Межь дѣвками за Волгой, особенно въ скитахъ, ходятъ толки, что иныя старушки, по какимъ-то примѣтамъ, узнаютъ, сохранила себя дѣвуш-

ка, аль потеряла. Когда Никитишна, пристально глядя въ лицо крестницѣ, настойчиво спрашивала что съ ней подѣлалось, пришло Настѣ на умъ, не умѣетъ ли и Никитишна дѣвушекъ отгадывать. Отъ того и смутилась. Но услыхавъ, что крестная рѣчь завела о другомъ, тотчасъ оправилась.

— А! успѣли ужь пожалобиться! съ досадой сказала она.—А коли ужь все тебѣ разсказано, мнѣ-то зачѣмъ еще пересказывать?... Жениха на базарѣ мнѣ заготовилъ!... Да я не таковская, замужъ неволей меня не отдашь.... Не пойду за Снѣжкова, хоть голову съ плечъ. Сказала: уходомъ уйду.—Такъ и сдѣлаю.

— А какъ нагонятъ? молвила Никитишна:—какъ поймаютъ? Отъ твоего родителя мудрено уходомъ уйдти. Подначальнаго народу у него сколь?.... Коли такое дѣло и впрямь бы случилось, сколько деревень въ погоню онъ разошлетъ!... Со дна моря вынутъ....

— Тогда руки на себя наложу, твердо и рѣшительно сказала Настя. — Ножъ припасу, на тятиныхъ глазахъ и зарѣжусь.... Ты еще не знаешь меня, крестнинька: коль я что рѣшила, тому такъ и быть.—Одинъ конецъ!

— Полно, а ты полно, Настенька, уговаривала ее Никитишна.—Чтой-то какая ты въ самомъ дѣлѣ стала?... А можетъ этотъ Снѣжковъ и хорошій человѣкъ.

— Онъ тятѣ по торговлѣ хорошъ, съ усмѣшкой молвила Настя.—Дѣла, вишь, у него со старикомъ какія-то есть, ради этихъ дѣловъ и надо ему породниться... Выдавай Парашу:—такая же дочь!.... А ей все одно: хоть за попа, хоть за козла, хоть за дубовый пень. А я не изъ таковскихъ.

— Не гнѣви, Настенька, отца съ матерью. Грѣхъ, сказала Никитишна.

— Ничѣмъ я ихъ не прогнѣвила, сказала Настя.—Во

всемъ покорна, а на счетъ этого—ну, ужь нѣтъ. Силкомъ за немилаго замужъ меня не выдадутъ

— За немилаго! усмѣхнулась Никитишна.—А за милаго пойдешь?

— Еще бы нейдти! улыбнувшись, отвѣтила Настя.

— Не завелся ли такой? лукаво поглядывая на крестницу, спросила Никитишна.

— Да ты, крестнинька, отъ себя это спрашиваешь? сложивъ нá крестъ руки и нахмуривъ брови, спросила Настя. — Аль можетъ тятенька велѣлъ тебѣ мысли мои вывѣдывать?

— Извѣстно, сама отъ себя, отвѣчала Никитишна.— Развѣ я чужая тебѣ? Не носила, не кормила, а все же мать. Жалѣючи тебя, спрашиваю.

Неправду сказала Никитишна. Еще въ Ключовѣ Патапъ Максимычъ просилъ ее выпытать у Насти, не завелась ли у ней зазнобушка. „Въ скиту вѣдь жила, говорилъ онъ, а тамъ дѣвки вольныя, и народу много туда наѣзжаетъ.“

Настя немного подумала и съ твердостью сказала, какъ отрѣзала:

— Коли ты, крестнинька, отъ себя спрашиваешь, такъ я одно тебѣ слово скажу: „нѣтъ“. Больше у меня и не спрашивай. А коль велѣно тебѣ мои мысли спознать, такъ скажи имъ вотъ чтò: вздумаютъ силой замужъ отдавать, свяжусь съ самимъ лядящимъ изъ тятиныхъ работниковъ... Сама навяжусь, забуду стыдъ дѣвичій... Не онъ меня выкрадетъ, я его уходомъ къ попу сведу... Самаго лядащаго, слышишь?... Такъ и скажи... Кто всѣхъ пьянѣй, кто всѣхъ вороватѣй того и возьму въ полюбовники.... Жаль что съ дядей вѣнчаться нельзя, а то бы вышла я за нашего пропоицу.

— Ахъ, Настенька, Настенька! качая головой, сказала Никитишна.—Въ умѣ ли ты?

— Покуда въ умѣ, отвѣтила Настя.—А пойдутъ су́противъ воли моей, рѣшусь ума и такихъ дѣловъ настряпаю, что только ахнутъ... Не то что уходомъ вѣнчаться бѣгу, къ самому паскудному работнику ночевать уйду.... Вотъ что̀!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Въ Осиповкѣ еще огней не вздували. По всей деревнѣ мужики, лежа на палатяхъ, сумерничали, бабы, сидя по лавкамъ, возлѣ гребней дремали, ребятишки смолкли, гурьбой забившись на́ печи. На улицахъ ни души.

А у Патапа Максимыча въ домѣ всѣ на ногахъ. Въ горницахъ и въ сѣняхъ огни горятъ, въ передней, гдѣ гостямъ сидѣть, на каждомъ окошкѣ по двѣ семитки лежитъ, и на каждой курится монашенка *. Всѣ домашніе разодѣты по-праздничному. Особенно нарядно и богато разодѣта Настасья Патаповна. Въ шелковомъ пунцовомъ сарафанѣ съ серебряными золочеными пуговками, въ пышныхъ батистовыхъ рукавахъ, въ ожерельѣ изъ бурмицкихъ зеренъ и жемчугу, съ голубыми лентами въ косахъ, роскошно падавшихъ чуть не до колѣнъ, она была такъ хороша, что глядѣть на нее не наглядишься.... Но что-то недоброе порой пробѣгало на хмуромъ лицѣ ея. Не суетилась Настя какъ прочіе, но и на мѣстѣ не сидѣла. То къ окну подойдетъ, то въ свѣтлицу сходитъ, то на кресло сядетъ; и все такъ порывисто, какъ бы со зломъ какимъ. Говорятъ ей что-нибудь, не отвѣтитъ, либо скажетъ что̀ невпопадъ. Глядя на дочь, Аксинья Захаровна, только руками по поламъ хлопаетъ, а Патапъ Максимычъ изподлобья сурово поглядываетъ, но помня прошлое, себя сдерживаетъ, сло-

* Курительная свѣчка.

вечка не вымолвитъ, ходитъ себѣ взадъ да впередъ по горницѣ, поскрипывая новыми сапогами.

Первымъ изъ гостей прикатилъ Иванъ Григорьичъ. Частой, дробной рысцой парочка кругленькихъ, соловыхъ вятокъ подвезла къ растворённымъ настежъ воротамъ Чапурина уютныя, легкія санки-катунки, казанской работы, промежъ расписныхъ вязковъ обитыя нѣмецкимъ желѣзомъ. Въ санкахъ, рядомъ съ сѣдоватымъ кумомъ сидѣла красивая молодая женщина въ малиновой шелковой шубкѣ съ большимъ куньимъ воротникомъ, голова у ней укутана была голубымъ ковровымъ платкомъ. То была жена Ивана Григорьича—Аграфена Петровна, не родная, да и не чужая Патапу Максимычу—дочка его богоданная.

Иванъ Григорьичъ Заплатинъ былъ тоже изъ заволжскихъ тысячниковъ. Верстахъ въ пятнадцати отъ Осиповки, на краю „чищи", что̀ полосой тянется вдоль лѣваго волжскаго берега, подъ самой „раменью" *, проживалъ онъ въ небольшой деревушкѣ домовъ въ двадцать, Вихорево прозывается. Какъ Чапуринъ верховодилъ въ Осиповкѣ, такъ Иванъ Григорьичъ въ своемъ Вихоревѣ. Эта деревня да еще съ дюжину окольныхъ круглый годъ на него работа̀ли и звали Заплатина своимъ „хозяиномъ". А занимаются по тѣмъ мѣстамъ дѣломъ валенымъ.

---

* По лѣвому берегу Волги тянется безлѣсная полоса верстъ въ 20—25 шириной. Здѣсь въ старину былъ лѣсъ; остатки пней мѣстами сохранились, но онъ давно или вырубленъ, или истребленъ пожарами и буреломами. Эта полоса зовется *чищею*. *Раменью* называется окраина лѣсовъ, прилегающихъ къ чищѣ. *Красная рамень*—окраина лѣса хвойнаго: сосны, ели, лиственницы; *черная рамень*—окраина лиственнаго лѣса. Есть за Волгой мѣстности, которымъ свойственны названія Красной рамени и Черной рамени, какъ собственныя имена. Такимъ образомъ, напримѣръ, въ Семеновскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи, есть большія населенныя пространства, носящія названія Красной и Черной раменей.

У Заплатина при домѣ было свое заведенье: въ семи катальныхъ баняхъ десятка полтора наемныхъ батраковъ зиму и лѣто стояло за работой, катая изъ поярка шляпы и валеную обувь. Въ окрестныхъ деревняхъ на него же мягкій товаръ валяли. Кто ѣзжалъ зимней порой по той сторонѣ, тотъ видалъ, что тамъ въ каждомъ дому по скатамъ тесовыхъ кровель, лицомъ къ сѣверу, рядами разложены сотни, тысячи бѣлыхъ валенокъ, а передъ домами стоитъ, множество „суковатокъ“ * у каждой десятка по два рогулей, и на каждой рогулинѣ по валенку виситъ. Это мягкій товаръ промораживаютъ, чтобъ бѣло да кáзисто на покупателя смотрѣлъ. Изъ катальныхъ бань то и дѣло выскакиваютъ босые, съ головы дó пояса обнаженные, распотѣлые работники. Прокатится парень кубаремъ по снѣгу, прохладится и назадъ въ баню за работу. А изъ распахнутыхъ настежь дверей каталенъ паръ какъ дымъ пожарный валитъ, осѣдая по застрехамъ хлопками густой, бѣлой куржевины. За сотню деревень такимъ промысломъ кормятся.

Въ прежнее время Иванъ Григорьичъ больше по шляпной части занимался. Лѣтъ сорокъ тому назадъ заволжскіе катальщики чуть не на всю великорусскую сельщину шляпы работàли. Валяли они и тотъ „шляпóкъ“, чтò изстари въ ходу по Тверской и Новгородской сторонамъ— съ низенькой прямой тульей, — и ярославскую „верховку“, такую же низенькую, но съ тульей раструбомъ. Въ Суздальскую сторону, на Ветлугу, на Вятку, въ Пермь и на Волжское Низовье рабóтали шляпы гречушникомъ „съ подхватцомъ“ либо, „съ переломомъ“; для Московской стороны „шпилёкъ московскій“, на Рязань, на Тулу и даль-

* Суковатка—семи- восьмигодовалая елка, у которой облуплена кора и окорочены сучьи, въ видѣ рогулекъ. Суковатку ставятъ въ сугробъ комлемъ кверху и на рогульки развѣшиваютъ валенки.

ше къ Украинѣ „шпилёкъ ровный“ да „кашники“. Большимъ подспорьемъ шляпной торговлѣ бурлаки въ прежнее время бывали. Для нихъ шляпу на особую стать за Волгой валяли, ни дать ни взять, какъ тѣ низенькія, мягкія лѣтнія шляпы, что̀ теперь у горожанъ въ моду вошли. И Татарамъ за Волгой бѣлыя шляпы валяли. Хоть иной катальщикъ и брезговалъ такой работой: грѣховное дескать дѣло христіанскія руки поганить, катая шляпу на бриту башку бусурманина, но такихъ не много бывало, потому что „татарка“ товаръ сходный, никогда бывало не залежится. Много денегъ за Волгой шляпой добывали, не мало досужихъ работниковъ шляпа въ люди вывела, тысячниками поставила. Теперь не то. Все это было да давно и сплыло, а что̀ не сплыло, то быльемъ поросло.

Совсѣмъ подошла теперь шляпа заволжская. Хоть брось совсѣмъ. Спросъ малый, сбыту вовсе почти не стало. Годовъ тридцать тому назадъ какой-то Кантауровецъ * ушелъ на житье въ Тверскую сторону и тамъ, гдѣ-то около Торжка, завелъ родимый свой заволжскій промыселъ. Сразу разбогатѣлъ. Новые сосѣди стали у того Кантауровца перенимать валеное дѣло, до того и взяться за него не умѣли; разбогатѣли ли они, нѣтъ ли, но за Волгой съ той поры „шляпка̀“ да „верховки“ больше не валяютъ, потому что спросу въ Тверскую сторону вовсе не стало, а по другимъ мѣстамъ шляпу́ тверскаго либо ярославскаго образца ни за что̀ въ свѣтѣ на́ голову не надѣнутъ—смѣшно, дескать, и зазорно. Съ легкой руки Кан-

* Кантаурово—село на рѣкѣ Линдѣ, за Волгой верстахъ въ двадцати отъ Нижняго-Новгорода, одинъ изъ центровъ валеночнаго промысла. По имени этого села всѣхъ вообще заволжскихъ катальщиковъ, приготовляющихъ шляпы и валеную обувь, нерѣдко зовутъ Кантауровцами.

тауровца и другіе Заволжа́не по чужимъ сторонамъ пошли счастья искать и развезли дѣдовскій промыслъ по дальнимъ мѣстамъ. Спросу на шляпу за Волгой отъ того стало еще меньше. А тутъ пароходы на Волгѣ завелись, убили бурлачество, тогда и бурлацкой шляпѣ пришелъ конецъ. А больше всего бѣдъ надѣлалъ картузъ. Вышелъ онъ на Русь изъ Нѣмечины, да не изъ заморской, а изъ своей, изъ той, что̀ лѣтъ сто тому назадъ, мы сами не зная зачѣмъ, развели на лучшихъ мѣстахъ саратовскаго Поволжья. Дешевый картузъ вытѣснилъ болѣе цѣнную стародавнюю шляпу, и осталась она лишь праздничнымъ уборомъ молодежи, да еще степенные, сѣдые мужики пока еще не промѣняли дѣдовскихъ шляпъ на нововводный картузъ.

Хизнулъ за Волгой шляпный промыселъ, но Заволжа́нинъ рукъ отъ того не распустилъ, головы не повѣсилъ. Сапоги да валенки у него остались, сталъ калоши горожанамъ работать по нѣмецкому образцу, дамскія ботинки, полусапожки да котики, охотничьи сапоги до̀ пояса, — хорошо въ нихъ на медвѣдя по сугробамъ ходить, — да мало ль чего еще не придумалъ досужій Заво́лжанинъ.

Иванъ Григорьичъ вотъ какой промыселъ тогда произвелъ. Разъ, будучи у Макарья, зашелъ по какому-то дѣлу къ знакомому барину. Погода стояла дождливая. Выходя изъ дому вмѣстѣ съ Иваномъ Григорьичемъ, баринъ велѣлъ подать себѣ непромокаемое пальто. Иванъ Григорьичъ полюбопытствовалъ, пощупалъ невиданное имъ дотолѣ пальто, видитъ, дѣло-то валеное, значитъ, сподручное, спросилъ у барина гдѣ онъ добылъ такую вещь и, по его указанью, купилъ у заѣзжаго на ярмарку чужеземца непромокаемое пальто, далъ чуть ли не четвертную. Воротясь въ Вихорево, принялся Иванъ Григорьичъ по иноземному образцу пальто работать, вышло ничѣмъ не хуже, за то

вшестеро дешевле. Медаль получилъ на выставкѣ. Вихоревскія пальто спервоначалу шибко пошли въ ходъ, только не надолго: зазорно стало господамъ мужицкаго дѣла одёжу носить — подавай хоть поплоше да подороже, да чтобъ было не свое, а нѣмецкое дѣло... Азямы тогда сталъ работать Иванъ Григорьичъ непромокаемые — эти пошли.

Жилъ Иванъ Григорьичъ, на Бога не жаловался. Всего было у него вдосталь. Скупая валеный товаръ по окрестностямъ и работая въ своемъ заведеньи, каждый годъ онъ его не на одну тысячу сбывалъ у Макарья и кромѣ того самъ на Низъ много валеной обуви сплавлялъ. Въ Нижнемъ у него лавка была, прикащикъ въ ней круглый годъ сидѣлъ, да на ярмаркѣ двѣ лавки нанималъ. Мельница-крупчатка на Линдѣ у него стояла, о десяти поставахъ была. На послѣднихъ годахъ пароходъ кабестанный завелъ: пароходъ звался „Вихоремъ“, забѣжка „Заплатой“. Тысячъ въ семьдесятъ на серебро обошелся.

Съ Патапомъ Максимычемъ Заплатинъ съ малолѣтства дружилъ. Оба изъ одной деревни: старикъ-отъ Заплатинъ тоже былъ осиповскій и въ шабрахъ проживалъ съ Максимомъ Чапуринымъ. Патапушка да Ванюшка ребятишками вмѣстѣ на улицѣ въ козны да въ городки игрывали, у келейницы Капитолины вмѣстѣ грамотѣ обучились, вмѣстѣ и въ люди вышли. Схоронивъ отца съ матерью, Иванъ Григорьичъ не пожелалъ оставаться въ Осиповкѣ а, занявшись по валеному дѣлу, изъ рамени въ чищу перебрался, гдѣ было ему не въ примѣръ вольготнѣе, потому что народъ тамъ больше этимъ промысломъ жилъ. Но выселившись изъ Осиповки, въ прежней любви съ Чапуринымъ остался. Жили они послѣ того три десятка лѣтъ ладно и совѣтно; никогда промежъ ихъ сѣрая кошка не пробѣгала. Не разъ другъ друга изъ бѣды выручали, не разъ помощь

въ пору вóвремя другъ другу подавали. Дай Господи роднымъ братьямъ въ такомъ согласьи жить, въ какомъ жили осиповскій тысячникъ съ вихоревскимъ. И семейные ихъ межь себя тоже какъ родные были.

Испоконъ вѣку народъ говоритъ: жена добрая, домовитая во сто кратъ цѣннѣй золота, не въ примѣръ дороже камня самоцвѣтнаго. Правдиво то русское извѣчное слово; правду его Иванъ Григорьичъ на себѣ спозналъ. Хозяйка у него была молодая, всего двадцати двухъ лѣтъ, но такое сокровище, что дай Богъ всякому доброму человѣку. Свѣжая, здоровая, изъ себя пригожая, Аграфена Петровна вотъ ужь пятый годъ живетъ за нимъ замужемъ, и хоть Иванъ Григорьичъ больше чѣмъ вдвое старше ея, любитъ сѣдаго мужа всей душой, денно и нощно благодаря Создателя за счастливую долю ей посланную. Ясное, веселое лицо Аграфены Петровны вѣрнѣй всякихъ рѣчей говорило, что нѣтъ у нея ни горя на душѣ, ни тревоги нá сердцѣ. Тихо и мирно проходила жизнь этой любящей и всѣми любимой женщины. Всегда спокойная, никогда ничѣмъ невозмутимая, краснымъ солнцемъ сіяла она въ мужниномъ домѣ, и куда вчужѣ ни показывалась, вездѣ ей были рады, какъ свѣтлому гостю небесному. Куда ни войдетъ, всюду внесетъ съ собою миръ, ладъ, согласье и веселье. При ней и мрачные старики, угрюмо на постылый свѣтъ глядѣвшіе, юнѣли, и будто сбросивъ десятокъ годовъ съ плечъ долой, становились мягче, добрѣй и привѣтливѣй. Никогда не слыхать было при ней пересудовъ, ни злыхъ попрековъ, ни лихихъ перекоровъ. Какъ достигла Аграфена Петровна такого вліянія на всѣхъ ею знаемыхъ, сама не знала, и другіе не вѣдали. Какъ-то само собой вышло, а когда началось и съ чего началось, никто бы не сумѣлъ и отвѣта дать. „Такая ужь молодица: отъ Бога ей дано“, говорили сосѣди, когда спрашивали у нихъ, отъ

чего при женѣ Заплатина ни злословить, ни браниться и ничего недобраго никто сдѣлать не можетъ. Самый вздорный человѣкъ самый охочій до ссоръ и брани стихалъ на глазахъ кроткой разумницы, и потомъ самъ на сторонѣ говорилъ, что при Аграфенѣ Петровнѣ вздорить никакъ не приходится.

Росла она круглой сиротой, но святый Божій покровъ всегда былъ надъ нею. За молитвы, видно, родительскія не довелось Грунѣ извѣдать горечи и тяги, неразлучныхъ съ сиротскою долей. Съ младенческой колыбели до брачнаго вѣнца никогда почти не знавала она ни бѣдъ, ни печалей, а принявъ вѣнецъ, рай въ мужнинъ домъ внесла и царила въ немъ. *Почти* не знала бѣдъ и печалей, но не совсѣмъ же онѣ были ей невѣдомы. Безъ горя, безъ печали, что безъ грѣха, человѣку вѣка не изжить. И надъ Груней, еще дѣвочкой, внезапно грозой разразилась бѣда тяжкая, и пришлась бы она ребенку не подъ силу, еслибъ не нашлось добрыхъ людей, что любовью своей отвели грозу и наполнили мирнымъ счастьемъ душу дѣвочки.

Отецъ ея былъ хоть не изъ великихъ тысячниковъ, но все же достатки имѣлъ хорошіе и жилъ душа въ душу съ молодой женой, утѣшаясь, не нарадуясь на подроставшую Груню. Дѣти у нихъ не жили, одну ее сохранилъ Господь, и крѣпко любили родители бѣлокудрую дочку свою. Девять годовъ Грунѣ на Купальницу исполнилось, чрезъ мѣсяцъ послѣ именинъ ея поѣхали отецъ съ матерью къ Макарью—тамъ у нихъ въ Щепяномъ ряду на Пескахъ, чтò у Стрѣлки, лавка была. Взяли они съ собой и маленькую дочку. Такъ они ее любили, что ни за какія блага не покинули бъ въ деревнѣ съ домовницей, чтобъ потомъ, живучи въ ярмаркѣ, день и ночь думать да передумывать, не случилось ли чего недобраго съ ненаглядной ихъ дочуркой.

Годъ былъ тяжелый: смерть по́ людямъ ходила. Холера на ярмаркѣ валила народъ. У Грунина отца въ одинъ день двое молодцовъ заболѣло, свезли ихъ въ Мартыновскую, оттоль къ Петру-Павлу *. Прошелъ день-другой, разомъ у Груни отецъ съ матерью заболѣли, ихъ тоже въ больницу свезли. Одна-одинешенька, середь чужихъ людей, осталась въ лавкѣ девятилѣтняя Груня. Урвавшись какъ-то отъ сосѣднихъ торговцевъ, Христа ради приглядывавшихъ маленько за дѣвочкой, она, не пивши не ѣвши, цѣлый день бродила по незнакомому городу, отыскивая больницу; наконецъ, выбившись изъ силъ, заночевала въ кустахъ Волжскаго откоса. Поутру, чуть еще брезжило, голодная дѣвочка ужь стояла и плакала у воротъ Мартыновской больницы. Сторожа не пускали ее на дворъ. Долго лежала она подъ солнечнымъ припекомъ, громко рыдая и умоляя пустить ее къ отцу съ матерью. Сторожа для порядка гнали Груню прочь отъ больничныхъ воротъ, и сказали, что ни тятьки, ни мамки у ней больше нѣтъ, что до́ свѣту обоихъ на кладбище стащили. Несмотря на угрозы, бѣдная Груня все-таки прочь отъ больницы не шла....

Тогда взглянулъ Господь на сироту милосердымъ окомъ и послалъ къ ней добраго человѣка.

Провѣдалъ одинъ ярмарочный торговецъ изъ-за Волги, что въ Щепяномъ ряду выморочная лавка явилась, и въ ней одинъ-одинешенекъ малый ребенокъ остался. Спросилъ у сосѣдей той выморочной лавки куда дѣвалась сирота— никто не знаетъ. Бросилъ свое дѣло добрый человѣкъ и пустился на розыски. Отыскалъ онъ Груню у воротъ больницы и взялъ сиротинку въ домъ свой. Вспоилъ, вскор-

* Городская больница въ Нижнемъ называется „Мартыновскою“ кладбище городское называется „у Петра и Павла“, по церкви тамъ находящейся.

милъ ее и воспиталъ наравнѣ съ родными дочерями, ни на волосъ ихъ отъ богоданной дочки не отличая. И благословеніе Божіе почило на добромъ человѣкѣ и на всемъ домѣ его:—въ семь лѣтъ, чтò прожила Груня подъ кровомъ его, седмерицею достатокъ его увеличился, изъ зажиточнаго крестьянина сталъ онъ первымъ богачомъ по всему Заволжью. То былъ осиповскій тысячникъ, Патапъ Максимычъ Чапуринъ.

Двумя-тремя годами Груня была постарше дочерей Патапа Максимыча, какъ разъ въ подружки имъ сгодилась. Выростая вмѣстѣ съ Настей и Парашей, она сдружилась съ ними. Добрымъ, кроткимъ нравомъ, любовью въ подругамъ и привязанностью къ богоданнымъ родителямъ такъ полюбилась она Патапу Максимычу и Аксиньѣ Захаровнѣ, что тѣ считали ее третьей своей дочерью.

— Слушай, Аксинья, говорилъ хозяйкѣ своей Патапъ Максимычъ,— съ самой той поры какъ взяли мы Груню въ дочери, Господь видимо благословляетъ насъ. Сиротка къ намъ въ домъ счастье принесла, и я такъ въ мысляхъ держу: чтò ни подалъ намъ Богъ, за нее, за голубку, все подалъ. Смотри жь у меня — не ровенъ часъ, всѣ подъ Богомъ ходимъ, коли вдругъ пошлетъ мнѣ Господь смертный часъ, и не успѣю я насчетъ Груни распоряженья сдѣлать, ты безъ меня ее не обидь.

— Чего ты только ни скажешь, Максимычъ! съ досадой отвѣтила Аксинья Захаровна.— Ну, подумай, умная ты голова, возможно развѣ обидѣть мнѣ Грунюшку? Во утробѣ не носила, своей грудью не кормила, а все жь я ей мать, и сердце у меня лежитъ къ ней все едино какъ къ рожонымъ дочерямъ. Всѣ мои три дѣвоньки заодно лежатъ нá-сердцѣ.

— Знаю про то, Захаровна, и вижу, продолжалъ Патапъ Максимычъ,—а говорю для того, что ты баба. Стары

люди не съ вѣтру сказали: „баба что мѣшокъ: что̀ въ него положишь, то и несетъ“. И потому что ты есь баба, значитъ разумомъ не дошла, то какъ меня не станетъ, могутъ тебя люди разбить. Мало ль есть въ міру завистниковъ? Впутаются не въ свое дѣло и все вверхъ дномъ подымутъ.

— Да что̀ ты въ самомъ дѣлѣ, Максимычъ, дура что ли я повитая? Послушаюсь я злыхъ людей, обижу я Грунюшку? Да никакъ ты съ ума спятилъ? заговорила возвышая голосъ Аксинья Захаровна, и утирала рукавомъ выступившія слезы. — Обидчикъ ты этакой, право, обидчикъ!... Какое слово про меня молвилъ!... По̀ сердцу ровно ножомъ полоснулъ!... Бога нѣтъ въ тебѣ!... Право, Бога нѣтъ!...

— А ты горла-то зря не распускай, въ свою очередь возвысивъ голосъ, сказалъ ей Патапъ Максимычъ.—Молчи да слушай.... Ну же, не хныкать, покуда не бита, чтобъ я не видалъ бабьихъ слезъ!.... Слушай что̀ приказывать стану.... слова не смѣй проронить; все въ точности исполни!.... Богъ дастъ, женихи станутъ къ Грунѣ свататься и къ дочерямъ — приданое всѣмъ поровну. Что̀ Настасьѣ, что̀ Прасковьѣ, то и Грунѣ.... Слышишь?... А помремъ мы съ тобой, весь домъ и все добро, что̀ останется, тоже на три доли, всѣмъ поровну.... Помни же завѣтъ мой, изъ ума его не выкладывай. Не то моимъ костямъ во гробу покоя не будетъ. Не будь Настасьѣ съ Прасковьей родительскаго моего благословенія, коли поровну онѣ съ Груней не подѣлятся. Не мое и не ихне добро, что̀ мы нажили: его Богъ ради Груни послалъ. Такъ я въ разумѣ держу, такъ и ты держи, и дочери также пусть держатъ. Помни же слово мое. А коли, послѣ меня, какъ я приказываю, не сдѣлаешь, такъ я тебя.... прибавилъ Патапъ Максимычъ, подымая кверху увѣсистый кулачище....—На

томъ свѣтѣ-то.... передъ Богомъ на страшномъ судищѣ поставлю.... И засудитъ Онъ тебя, засудитъ,—въ адъ кромѣшный пошлетъ, коли Груню обидишь.... Да, да.... Ты это помни!... А теперь вотъ чтò, продолжалъ онъ, значительно понизивъ голосъ послѣ окрику:—на той недѣлѣ, наканунѣ Иванова дня, Груня именинница. Возьми канаусъ, чтò изъ Астрахани привезенъ, сарафанъ имениницѣ справь, пуговицы были бы серебряныя. Есть тамъ у тебя.... И дочерямъ такіе же сарафаны сшей, канаусу на всѣхъ должно хватить....

Понималъ Патапъ Максимычъ, чтò за безцѣнное сокровище въ дому у него подростаетъ. Разумомъ острая, сердцемъ добрая, ко всѣмъ жалостливая, нрава тихаго, кроткаго росла и красой пóлнилась Груня. Не было человѣка, кто бы, разъ-другой увидавши дѣвочку, не полюбилъ ея. Дочери Патапа Максимыча души въ ней не чаяли; хоть и немногимъ была постарше ихъ Груня, однако онѣ во всемъ ея слушались. Ни у той ни у другой никакихъ тайнъ отъ Груни не бывало. Но не судьба имъ была вмѣстѣ съ Груней вырости.

Только что Груня заневѣстилась, сталъ Патапъ Максимычъ присматривать хорошаго степеннаго человѣка, на руки котораго, безъ страха за судьбу, безъ опасенья за долю счастливую, можно бы было отдать богоданную дочку.

—

На ту пору овдовѣлъ Иванъ Григорьичъ. Покинула ему жена троихъ дѣтокъ малъ-мала меньше. Бѣдовое ему настало время: извѣстно: вдовецъ дѣткамъ не отецъ, самъ круглый сирота. Нѣтъ зá малыми дѣтьми ни уходу, ни призору, нé отъ кого имъ услышать того добраго, благодатнаго слова любви, чтò изъ устъ матери струей благо-

творной падаетъ въ самыя основы души ребенка и тамъ сѣменами добра и правды разсыпается. Лежатъ тѣ сѣмена глубоко въ тайникѣ души, дожидаясь поры времени, когда ребенокъ, возмужавъ, выроститъ, выхолитъ ихъ доброй волей и свободнымъ хотѣньемъ.... И благо тому, кто сумѣетъ взрастить сѣмена посѣянныя въ немъ любовью матери — добрый плодъ отъ нихъ выйдетъ. Бѣда, горе великое малымъ дѣткамъ остаться безъ матери, пуще бѣда, чѣмъ пчелкамъ безъ матки. Понималъ это горемычный Иванъ Григорьичъ, и тоской разрывалось сердце его, глядя на сиротокъ.

А тутъ и по хозяйству не попрежнему все пошло: въ дому все постарому, и затворы и запоры крѣпки, а добро рѣкой вонъ плыветъ, домовая утварь какъ на огнѣ горитъ. Извѣстно дѣло: безъ хозяйки домъ какъ безъ крыши, безъ огорожи: чужая рука не на то чтобы въ домъ нести, а чтобъ изъ дому вынесть. Скорбно и тяжко Ивану Григорьичу. Какъ дѣлу помочь?... Жениться?

Жениться! Легко слово молвить, а сдѣлать какъ? Жениться не мудрость, и дуракъ сумѣетъ, но какъ вдовцу найдти жену добрую, хозяйку хорошую, мать чужимъ дѣтямъ? Гдѣ? въ какомъ царствѣ, въ какомъ государствѣ? Мало что-то такихъ видится... Какъ ни разводилъ Иванъ Григорьичъ разумомъ, какъ ни вскидывалъ мыслями на знакомыхъ вдовъ и дѣвушекъ, ни одной мало-мальски подходящей не обыскалось. Одно гребтитъ на умѣ бѣднаго вдовца: хозяйку къ дому сыскать не хитрое дѣло, было бъ у чего хозяйствовать; на счастье попадется, пожалуй, и жена добрая, совѣтная, а гдѣ, за какими морями найдешь родну мать чужу дѣтищу?... Эхъ житье вдовца горькое, безталанное!... Отъ печалей къ немощамъ, отъ немощей къ печалямъ!... Не подъ стать Ивану Григорьичу слезы точить: голова ужь заиндевѣла, а слезы стараго и людямъ

смѣшны, и себѣ стыдны. Крѣпится Иванъ Григорьичъ, а иной разъ непрошенная слеза бѣжитъ да бѣжитъ по сѣдымъ усамъ.

До гробовой доски, до бѣлаго савана думать бы да передумывать бѣдному горюну, еслибы другъ не выручилъ. Тотъ же старый другъ, то же неизмѣнное копье, что̀ и въ прежни года изъ житейскихъ невзгодъ выручалъ, тотъ же Патапъ Максимычъ.

Справивъ сорочины по покойницѣ, сталъ Иванъ Григорьичъ изъ дому по дѣламъ уѣзжать. Еще хуже пошло. Спиридоновна, родственница жены покойницы, старуха хворая, хозяйствомъ въ дому у него заправляла и за дѣтьми приглядывала. Но не сможетъ она съ домомъ справиться — и хотѣла бы, да не умѣетъ. Дѣтей любила, да посвоему: въ неряшествѣ Спиридоновна бѣды не видала, а тукманки, думала она, дѣтямъ нужны: умнѣе ростутъ... Другой хозяйки Ивану Григорьичу негдѣ взять: родни только и есть что Спиридоновна, а чужую въ домъ ко вдовцу зазорно ввести. Не по чину, не по обряду; въ добрыхъ людяхъ такъ не водится.

Заѣхалъ разъ Иванъ Григорьичъ въ Осиповку размыкать тоску свою въ совѣтной бесѣдѣ съ другомъ извѣданнымъ. Пора была вечерняя. Въ передней горницѣ вся семья Патапа Максимыча за чаемъ сидѣла. Обѣ дочери и Груня были на ту пору въ Осиповкѣ; изъ обители, куда въ ученье были отданы, онѣ погостить пріѣзжали.... Патапъ Максимычъ и Аксинья Захаровна при нихъ завели съ гостемъ бесѣду, толковали про трудное, горемычное житье-бытье его. Настя, — тогда ей только что тринадцать лѣтъ минуло, — о чемъ-то пересмѣивалась съ Парашей, а шестнадцатилѣтняя Груня прислушивалась къ рѣчамъ говорившихъ. Отпили чай. Съ громкимъ смѣхомъ Настя съ Парашей прыснули вонъ изъ горницы и побѣжали играть въ

огородъ, кличa съ собой и Груню, но Груня не пошла съ ними... Усѣлись кумовья за пуншикомъ, Аксинья Захаровна къ нимъ же подсѣла съ шитьемъ, рядомъ съ ней Груня съ вязаньемъ.

— Вотъ и живу я, кумушка, ровно божедомъ въ скудельницѣ, говорилъ Иванъ Григорьичъ Аксиньи Захаровнѣ.— Одинъ какъ перстъ! Слòва не съ кѣмъ перемолвить, умрешь — поплакать некому, помянуть некому.

— Чтò ты, батька, возразила Аксинья Захаровна,— дѣтки по родительской душенькѣ помянники.

— Чтò дѣтки? Малы они, кумушка, еще неразумны, отвѣчалъ Иванъ Григорьичъ. — Пропащіе они дѣти безъ матери... Нестройно, неукладно въ дому у меня. Не глядѣлъ бы... Все, кажись, стоитъ на своемъ мѣстѣ, попрежнему; всѣ, кажется, порядки идутъ какъ шли при покойницѣ, а не то.... Пустымъ пахнетъ, кумушка.

— Это такъ, пригорюнясь, отвѣтила Аксинья Захаровна, — правду говорятъ: безъ хозяйки домъ чтò мертвецъ не схороненный.

— Да чтò домъ! Пропадай онъ совсѣмъ!... молвилъ Иванъ Григóрьичъ.—Не домъ крушитъ меня, — сироты мои бѣдныя. Какъ рости имъ безъ матери!... Ходитъ за ними Спиридоновна, какъ умѣетъ усердствуетъ, да развѣ мать?... Ни приласкать, ни приголубить.... У отца въ дому а дѣтямъ горькая доля!... Призору нѣтъ: пріѣдешь йзъ города, али съ мельницы: дѣти не умыты, не чесаны, грязные, оборванные. При покойницѣ развѣ водилось такъ?... Недавно провѣдалъ, безъ меня иной разъ голодными спать ложатся. Спиридоновна старуха старая, хворая; гдѣ ей за всѣмъ углядѣть?... Рада-радешенька до подушки добраться, а работницы народъ вольный. Спиридоновна на боковую, онѣ на супрядки, дѣти-то одни и остались. Того и гляди, что

грѣшнымъ дѣломъ искалѣчутся.... Горько житье мое, кумушка!

И склонивъ голову на́ руку, тяжкимъ вздохомъ вздохнулъ Иванъ Григорьичъ. Слезы въ глазахъ засверкали.

Пристально глядѣла на плачущаго вдовца Груня. Жаль ей стало сиротокъ. Вспомнила какъ сама голодная бродила она по чужому городу.

— Жениться надо, кумъ, вотъ чтὸ, сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Легкὸ сказать, а сдѣлать-то какъ? отвѣчалъ Иванъ Григорьичъ.

— Надо искать. Извѣстно дѣло, невѣста сама въ домъ не придетъ, сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Гдѣ ее сыщешь? печально молвилъ Иванъ Григорьичъ.—Не жену надо мнѣ, мать дѣтямъ нужна. Ни богатства, ни красоты мнѣ не надо, дѣтокъ бы только любила, замѣсто бы родной матери была до нихъ. А такую и днемъ съ огнемъ не найдешь. Не мало я думалъ, не мало на вдовъ да на дѣвокъ умомъ своимъ вскидывалъ. Не единая не подходитъ... Ахъ, сироты вы мои, сиротки горькія!... Лучше ужь вамъ за матерью слѣдомъ въ сыру землю пойдти.

— Чтὸ ты?... Христосъ съ тобой!... Опомнись, куманекъ!... вступилась Аксинья Захаровна. — Можно ль такъ отцу про дѣтей говорить?... Молись Богу, да Пресвятой Богородицѣ, не оставятъ... Самъ знаешь: за сиротой самъ Богъ съ калитὸй.

Долго толковали про бѣдовую участь Ивана Григорьича. Онъ уѣхалъ; Аксинья Захаровна по хозяйству вышла зачѣмъ-то. Груня стояла у окна и задумчиво обрывала поблекшіе листья розанели. На глазахъ у ней слезы. Патапъ Максимычъ замѣтилъ ихъ, подошелъ къ Грунѣ и спросилъ ласково:

— Чтὸ ты, дочка моя милая?

Взглянула Груня на назва́ннаго отца и слезы хлынули изъ очей ея.

— Что̀ ты, что̀ съ тобой, Грунюшка? спрашивалъ ее Патапъ Максимычъ. — О чемъ это ты?

— Сиротокъ жалко мнѣ, тятя, трепетнымъ голосомъ отвѣтила дѣвушка, припавъ къ плечу назва́ннаго родителя. — Сама сирота, разумѣю.... Пошлетъ ли Господь имъ родную мать, какъ мнѣ послалъ? Голубчикъ тятенька, жалко мнѣ ихъ!...

— Господь возлюбитъ слезы твои, Груня, отвѣчалъ тронутый Патапъ Максимычъ, обнимая ее,—святые ангелы отнесутъ ихъ на небеса. Сядемъ-ка, голубонька.

И сѣли рядомъ на диванъ.

— Помнишь, что у Златоуста про такія слезы сказано? внушительно продолжалъ Патапъ Максимычъ. — Слезы тѣ паче поста и молитвы, и самъ Спасъ пречистыми устами Своими рекъ: „никто же больше тоя любви имать, аще кто душу свою положитъ за други своя“.... Добрая ты у меня, Груня!... Господь тебя не оставитъ.

— Тятенька голубчикъ, какъ бы сиротъ-то устроить? говорила Груня, ясно гля́дя въ лицо Патапу Максимычу. — Я бы, кажись, душу свою за нихъ отдала....

Молчалъ Патапъ Максимычъ, глядя съ любовью на Груню. Она продолжала:

— Сама сиротой я была. Не долго была по твоей любви да по милости, а все же я помню каково мнѣ было тогда, какова есть сиротская доля. Богъ тебя мнѣ послалъ, да мамыньку, оттого и не спознала я горя сиротскаго. А помню каково было бродить по городу.... Ничѣмъ не заплатить мнѣ за твою любовь, тятя; одно только вотъ передъ Богомъ тебѣ говорю: люблю тебя и мамыньку, какъ родныхъ отца съ матерью.

— Полно, полно, моя ясынька, полно, привѣтная, пол-

но, говорилъ растроганный Патапъ Максимычъ, лаская дѣвушку.—Чего жь намъ еще отъ тебя?.... Любовью своей сторицей намъ платишь.... Ты намъ.... счастье въ домъ принесла,.... Не мы тебѣ, ты добро намъ дѣлала...

— Тятя, тятя, не говори. Не воздать мнѣ за ваши милости.... А если ужь вамъ не воздать, Богу-то какъ воздать?

Припала Груня къ груди Патапа Максимыча и зарыдала.

— Добрыми дѣлами, Груня, воздашь, сказалъ Патапъ Максимычъ, гладя по головкѣ дѣвушку.—Молись, трудись, всего паче бѣдныхъ не забывай. Никогда, никогда не забывай бѣдныхъ, да несчастныхъ. Это Богу угоднѣй всего...

— Слушай, тятя, чтò я скажу, быстро поднявъ голову, молвила Груня съ такой твердостью, что Патапъ Максимычъ, слегка отшатнувшись, зорко поглядѣлъ ей въ глаза и не узналъ богоданной дочки своей. Новый человѣкъ передъ нимъ говорилъ. — Давно я о томъ думала, продолжала Груня, — еще махонькою была, и тогда ужь думала: какъ ты меня прѝзрѣлъ, такъ и мнѣ надо сиротъ призирать. Этимъ только и могу я Богу воздать.... Какъ думаешь ты, тятя?... А?...

— Ты это хорошо сказала, Груня, молвилъ Патапъ Максимычъ,—по-божески.

— Жаль мнѣ сиротокъ Ивана Григорьича, сказала Груня, — я бы, кажись, была имъ матерью какую онъ ищетъ.

— Какъ же такъ? едва вѣря ушамъ своимъ, спросилъ Патапъ Максимычъ.—Нешто пойдешь за старика?

— Пойду, тятя, твердо сказала Груня.—Онъ добрый... Да мнѣ не онъ... Мнѣ бы только сиротокъ призрѣть.

— Да вѣдь онъ старый! Тебѣ не ровня, молвилъ Чапуринъ.

— Старъ ли онъ, молодъ—по мнѣ все одно, отвѣчала Груня.—Не за него, ради бѣдныхъ сиротъ...

— Ахъ ты, Грунюшка, моя Грунюшка! говорилъ глубоко растроганный Патапъ Максимычъ, обнимая дѣвушку и нѣжно цѣлуя ее.—Ангельская твоя душенька!... Отецъ твой съ матерью на небесахъ взыграли теперь!... И аще согрѣшили въ чемъ передъ Господомъ, искупила ты грѣхи родительскіе. Старъ я человѣкъ, много всего на вѣку я видалъ, а такой любви къ ближнему, такой жалости къ малымъ сиротамъ не видывалъ, не слыхивалъ... Чистая, святая твоя душенька!...

— Тятя, тятя, чтò ты? вскрикнула Груня.

Богоданная дочка и назвáнный отецъ крѣпко обнялись.

—

На другой день рано поутру Патапъ Максимычъ собрался нá-скоро и поѣхалъ въ Вихорево. Войдя въ домъ Ивана Григорьича, увидалъ онъ друга и кума въ такомъ гнѣвѣ, что не узналъ его. Возвратясь изъ Осиповки, вдовецъ узналъ, что одинъ его ребенокъ кипяткомъ обваренъ, другой избитъ до крови. Отъ недосмотра Спиридоновны и нянекъ, пятилѣтняя Марѳуша, рѣзвясь, уронила самоваръ и обварила старшую сестру. Спиридоновна поучила Марѳушу уму-разуму: въ кровь избила ее.

— Вотъ, кумъ, посмотри на мое житье! говорилъ Иванъ Григорьичъ.—Полюбуйся: одну обварили, другую избили.... Изъ дому уѣдешь, только у тебя и думы—цѣлы ли дѣти, про дѣла и на умъ нейдетъ.... Просто бѣда, Патапъ Максимычъ, другъ мой любезный, бѣда неизбывная.... Не придумаю чтò и дѣлать....

— Молчи а ты, весело отвѣчалъ на его жалобы Патапъ Максимычъ.—Я къ тебѣ съ радостью.

— Какія тутъ радости! съ досадой отозвался Иванъ Григорьичъ.—Не до радостей мнѣ.... Думаю не придумаю какую бы старуху мнѣ въ домовницы взять. Спиридоновна совсѣмъ никуда не годится.

— Да ты слушай, чтò говорить стану, сказалъ Патапъ Максимычъ. — Невѣста на примѣтѣ.

— Какая тутъ невѣста!... съ досадой отозвался Иванъ Григорьичъ. — Не до шутокъ мнѣ, Патапъ Максимычъ. Побойся Бога: человѣкъ въ горѣ, а онъ съ издѣвками....

— Хорошая невѣста, продолжалъ свое Чапуринъ. — Настоящая мать будетъ твоимъ сиротамъ.... Добрая, разумная. И жена будетъ хорошая, и хозяйка добрая. Да къ тому жь не изъ бѣдныхъ — тысячъ тридцать приданаго теперь получай, да послѣ родителей столько же, коли не больше получишь. Дѣвка молодая, изъ себя красавица писаная.... А ужь добра какъ, какъ дѣтей твоихъ любитъ: не всякая, братецъ, мать любитъ такъ свое дѣтище.

— Полно сказки-то сказывать, отвѣчалъ Иванъ Григорьичъ. — Про какую царевну-королевну рѣчь ведешь? За моремъ, за Океаномъ что ль такую сыскалъ?

— Поближе найдется: здѣсь же, у насъ, въ лѣсахъ коегдѣ.... улыбаясь говорилъ Патапъ Максимычъ.

— Не мути мою душу. Грѣхъ!... съ грустью и досадой отвѣтилъ Иванъ Григорьичъ. — Не на то съ тобой до сѣдыхъ волосъ въ дружбѣ прожили, чтобъ на старости издѣваться другъ нáдъ другомъ. Полно чепуху-то молоть, про домашнихъ лучше скажи? Чтò Аксинья Захаровна? Дѣтки?

— Чего имъ дѣлается? И сегодня живутъ по вчерашнему, какъ вечоръ видѣлъ, такъ и есть, отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Да слушай же, не съ баснями я пріѣхалъ къ тебѣ, съ настоящимъ дѣломъ.

— Съ какимъ это? спросилъ Иванъ Григорьичъ.

— Да все насчетъ того.... Про невѣсту.

— Про какую? Гдѣ ты ее за ночь-то выкопалъ?

— Да хоть про нашу Груню, молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Съ ума ты спятилъ, отвѣчалъ Иванъ Григорьичъ.— Хоть бы дѣломъ чтò сказалъ, а то нàтка поди.

— Дѣломъ и говорю.

— Да подумай ты, голова, у насъ съ тобой бороды сѣдыя, а она ребенокъ. Сколько годовъ-то?

— Сёмнадцатый съ Петровокъ пошелъ. Какъ есть заправская невѣста.

— То-то и есть, сказалъ Иванъ Григорьичъ. — Ровня что ли? Охота ей за старика на дѣтей идти.

— Безъ ея согласья, извѣстно, нельзя дѣла сладить, отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Потому хоша она мнѣ и дочка, а все жь не родная. Будь Настасья постарше, да не крестная тебѣ дочь, я бы разговаривать не сталъ, сейчасъ бы съ тобой по рукамъ, потому она дѣтище мое — куда хочу, туда и дѣну. А съ Груней надо поговорить. Поговорить что ли?

— Да полно тебѣ чепуху-то нести! сказалъ Иванъ Григорьичъ.—Статочно ли дѣло, чтобы Груня за меня пошла? Полно. И безъ того тошно.

— А какъ согласна будетъ—женишься? спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Пустяшное дѣло, кумъ, говоришь, отвѣчалъ Иванъ Григорьичъ. — Охотой не пойдетъ, силòмъ взять не желаю.

— Ну такъ слушай же, чтò было у меня съ ней говорено вечоръ, какъ ты изъ Осиповки поѣхалъ.

И разсказалъ Патапъ Максимычъ Ивану Григорьичу разговоръ свой съ Груней. Во время разсказа Иванъ Григорьичъ больше и больше склонялъ голову, и когда Патапъ Максимычъ кончилъ, онъ всталъ, и смотря плачущи-

ми глазами на иконы, перекрестился и сдѣлалъ земной поклонъ.

— Голубушка! сказалъ онъ. — Святая душа!... Ангелъ Господень!... Гришутка, Мареуша!... Бѣгите скорѣй!

Вбѣжалъ шестилѣтній мальчикъ въ красной рубашонкѣ и Мареуша съ синяками и запекшимся рубцомъ на щекѣ.

— Молись Богу, дѣти! сказалъ имъ Иванъ Григорьичъ. Кладите земные поклоны, творите молитву за мной: „сохрани, Господи, и помилуй рабу Твою, дѣвицу Агрипину! Воздай ей за добро добромъ, Владыка многомилостивый!“

И самъ вмѣстѣ съ дѣтьми клалъ земной поклонъ за поклономъ

Патапъ Максимычъ стоялъ сзади и тоже крестился.

— Вотъ вамъ отцовскій наказъ, молвилъ дѣтямъ Иванъ Григорьичъ:—по утрамъ, и на сонъ грядущій каждый день молитесь за здравіе рабы Божіей Агрипины. Слышите? И Маша чтобы молилась. Ну, да я самъ ей скажу.

— Какая же это Агрипина, тятя? спросилъ маленькій Гриша.

— Святая душа, чтò любитъ васъ, добра вамъ хочетъ. Вотъ кто она такая: мать ваша, сказалъ дѣтямъ Иванъ Григорьичъ.

—

На другой день были смотрины, но не такія какъ бываютъ обыкновенно. Никого изъ постороннихъ тутъ не было, и свахи не было, а женихъ, увидавъ невѣсту, поступилъ не по старому чину, не по дѣдовскому обряду.

Какъ увидѣлъ онъ Груню, въ землю ей поклонился, и давъ волю слезамъ, говорилъ рыдая:

— Матушка!... Святая твоя душа!... Аграфена Петровна!... Будь матерью моимъ сиротамъ!...

— Буду, тихо, съ улыбкой промолвила Груня.

Черезъ двѣ недѣли привезли бѣглаго попа изъ Городца и въ моленной Патапа Максимыча онъ обвѣнчалъ Груню съ Иваномъ Григорьичемъ.

Засіялъ въ Вихоревѣ сиротѣлый домъ Заплатина. Достатки его удвоились отъ приданаго, принесеннаго молодой женой. Какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ Патапъ Максимычъ: далъ за Груней тридцать тысячъ цѣлковыхъ, опричь одёжи и разныхъ вещей. Да опричь того выдалъ ей капиталъ, что̀ послѣ родителей ея остался: тысячъ пять на серебро было.

Раститъ Груня чужихъ дѣтей, раститъ и своихъ: два ужъ у ней ребеночка. И никакой межъ дѣтьми розни не дѣлаетъ, пасынка съ падчерицами любитъ не меньше родныхъ дѣтей. А хозяйка какая вышла, просто на удивленіе.

И прошла слава по Заволжью про молодую жену вихоревскаго тысячника. Добрая слава, хорошая слава!.. Дай Богъ всякому такой славы, такой доброй по людямъ молвы!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Весело, радостно встрѣтили дорогихъ гостей въ Осиповкѣ. Сначала, какъ водится, уставные поклоны гости передъ иконами справили, потомъ здороваться начали съ хозяевами. Привѣтамъ, обниманьямъ, цѣлованьямъ, казалось, не будетъ конца. Особенно обрадовались Аграфенѣ Петровнѣ дочери Патапа Максимыча.

— Здравствуй, голубушка моя, Настасьюшка, говорила Аграфена Петровна, крѣпко обнимая подругу дѣтства. — Охъ ты моя привѣтная! Охъ, ты моя любезная!.. Да какъ же ты выросла, да какая же стала пригожая!... Здравствуй,

сестрица, здравствуй, Парашенька, продолжала она, обнимая младшую дочь Патапа Максимыча.—Да какъ же раздобрѣла ты, моя ясынька, чтобъ только не сглазить! Ну, да у меня глазъ-то легкій, не бойся. Да и люблю я васъ, сестрицы, всей душой, такъ съ моего глаза никакого дурна вамъ не будетъ. А раздобрѣла Парашя, раздобрѣла... Ахъ вы мои хорошія, ахъ вы мои милыя!... Здравствуй, Фленушка! Каково живешь-можешь? Давно не видались. Тетенька здорова ли, матушка Манеѳа?

А матушка Манеѳа какъ разъ сама на лицо. Вышла изъ боковуши, привѣтствуетъ пріѣзжую гостью.

— Здравствуй, Аграфенушка! Иванъ Григорьичъ, здравствуйте! Здорово ли поживаете?

Не отвѣчая словами на вопросъ игуменьи Иванъ Григорьичъ съ Аграфеной Петровной прежде обрядъ исполнили. Сотворили передъ Манеѳой уставныя метанія *, набожно въ полголоса приговаривая:

— Прости матушка, благослови матушка!

— Богъ проститъ, Богъ благословитъ, сказала кланяясь въ поясъ, Манеѳа, потомъ поликовалась ** съ Аграфеной Петровной и низко поклонилась Ивану Григорьичу.

---

* Метаніе—слово греческое, вошедшее въ русскій церковный обиходъ,—особенно соблюдается старообрядцами. Это малый земной поклонъ. Для исполненія его становятся на колѣни, кланяются, но не челомъ до земли, а только руками касаясь положеннаго впереди подручника, а за неимѣніемъ его полы своего платья пò полу постланной.

** У старообрядцевъ монахи и монахини никогда, даже христосуясь на Пасхѣ, не цѣлуются ни между собой, ни съ посторонними. Монахи съ мущинами, монахини съ женщинами только „ликуются“, то-есть щеками прикладываются къ щекамъ другаго. Монахамъ также строго запрещено ликоваться съ мальчиками и съ молодыми людьми, у которыхъ еще усъ не пробился.

— Ну·какъ васъ, дорогихъ моихъ, Господь милуетъ? Здоровы ли всѣ у васъ? спрашивала Манеѳа, садясь на кресло и усаживая рядомъ съ собой Аграфену Петровну.

— Вашими святыми молитвами, отвѣчали заразъ и мужъ и жена.—Какъ ваше спасеніе, матушка?

— Пока милосердый Господь грѣхамъ терпитъ, а впредь уповаю на милость Всевышняго, проговорила уставныя слова игуменья, ласково поглядывая на Аграфену Петровну.

Аксинья Захаровна какъ поздоровалась съ гостями, такъ и за чай. Уткой переваливаясь съ боку нà бокъ толстая Матрена втащила въ горницу и поставила на столъ самоваръ; ради торжественнаго случая былъ онъ вычищенъ кислотой и какъ жаръ горѣлъ. На другомъ столѣ были разставлены заѣдки, какими по старому обычаю прежде повсюду, во всѣхъ домахъ угощали гостей передъ сбитнемъ и взварцомъ, замѣненными теперь чаемъ. Этотъ обычай еще сохранился по городамъ въ купеческихъ домахъ, куда не совсѣмъ еще проникли нововводные обычаи, по скитамъ, у тысячниковъ и вообще сколько-нибудь у зажиточныхъ простолюдиновъ. Заѣдки были разложены на тарелкахъ и разставлены по столу. Тутъ были разныя сласти: конфеты, пастила, разные пряники, орѣхи грецкіе, американскіе, волошскіе и миндальные, фисташки, изюмъ, урюкъ, винныя ягоды, кіевское варенье, финики, яблоки свѣжія и моченыя съ брусникой, и вмѣстѣ съ тѣмъ икра салфеточная прямо изъ Астрахани, донской балыкъ, провѣсная шемая, бѣлорыбица, ветчина, грибы въ уксусѣ, и середи серебряныхъ, золоченыхъ чарочекъ разной величины и рюмокъ бемскаго хрусталя, графины съ разноцвѣтными водками и непремѣнная бутылка мадеры. Какъ Никитишна ни спорила, сколько ни говорила, что не слѣдуетъ готовить къ чаю этого стола, что у хорошихъ людей

такъ не водится, Патапъ Максимычъ настоялъ на своемъ, убѣждая куму-повариху тѣмъ, что „вѣдь не губернаторъ въ гости къ нему ѣдетъ, будутъ люди свои, старозавѣтные, такіе что передъ чайкомъ отъ настоечки никогда не прочь“.

— Ну-ка, куманекъ, передъ чайкомъ-то хватимъ по рюмочкѣ, сказалъ Патапъ Максимычъ, подводя къ столу Ивана Григорьича. — Какой хочешь? Вотъ звѣробойная, вотъ полынная, а вотъ трифоль, а то не хочешь ли сорокатравчатой, что̀ отъ сорока недуговъ цѣли́тъ?

— Ну, пожалуй, сорокатравчатой, коли отъ сорока недуговъ она цѣлитъ, молвилъ Иванъ Григорьичъ, и наливъ рюмку, посмотрѣлъ на свѣтъ, поклонился хозяину, потомъ хозяйкѣ, и выпилъ приговаривая:

— Съ наступающей именинницей!

— Груня, а ты сту́кнешь по сорокатравчатой, али нѣтъ? спросилъ Патапъ Максимычъ, обращаясь съ усмѣшкой къ Аграфенѣ Петровнѣ.

— Не выучилась, тятенька, весело отвѣчала Аграфена Петровна.

— Ну, такъ мадерцы испей; передъ чаемъ нельзя не выпить, безпремѣнно надо животъ закрѣпить, приставалъ Патапъ Максимычъ, таща къ столу Груню.

— Не мнѣ же первой, постарше меня въ горницѣ есть, говорила Аграфена Петровна.

Къ матушкѣ Манеѳѣ хозяева съ просьбами приступили. Та не соглашалась. Стали просить хоть пригубить, Манеѳа и пригубить не соглашалась. Наконецъ, послѣ многихъ и долгихъ приставаній и просьбъ, честна́я мать игуменья согласилась пригубить. Все это такъ слѣдовало — чинъ, обрядъ соблюдался. Послѣ матушки игуменьи выпила Никитишна, все-таки увѣряя Патапа Максимыча и всѣхъ кто тутъ былъ, что у господъ въ хорошихъ до-

махъ такъ не водится, никто передъ чаемъ ни настойки, ни мадеры не пьетъ. Потомъ выпила и Аграфена Петровна безо всякаго жеманства, выпила и Фленушка послѣ долгихъ отказовъ. Пропустила рюмочку и сама хозяюшка, а за ней и Настя съ Парашей пригубили.

Иванъ Григорьичъ и Патапъ Максимычъ балыкомъ да икрой закусывали, а женщины сластями. Кумовья, „чтобъ не хромать“, по другой выпили. За тѣмъ усѣлись чай пить. Аксинья Захаровна заварила свѣжаго, шестирублеваго.

Патапъ Максимычъ съ кумомъ усѣлся на диванѣ и засталъ толковать про послѣдній Городецкій базаръ и про взятую имъ поставку. Аграфена Петровна съ Настей да Парашей разговаривала.

— Чтò это, сестрица: погляжу я на тебя, ровно ты не по себѣ? спросила она Настю.

— Я?... я ничего, отрывисто отвѣчала Настя и вспыхнула.

— Меня не проведешь — вдоль и поперекъ тебя знаю, возразила Аграфена Петровна.— Либо не можется да скрыть хочешь, либо на умѣ чтò засѣло.

— Ничего у меня на умѣ не засѣло, сухо отвѣтила Настя.

— Ну, такъ хвораешь.

— И хвори нѣтъ никакой... Съ чего ты взяла это, сестрица? молвила Настя, и пересѣла поближе ко Фленушкѣ.

Подойдя къ Аксиньѣ Захаровнѣ, спросила ее потихоньку Аграфена Петровна:

— Сказали видно Настѣ про жениха-то?

— Молвилъ отецъ, шепотомъ молвила Аксинья Захаровна. — Эхъ, какъ бы знала ты, Грунюшка, чтò у насъ въ эти дни дѣялось! продолжала она. — Погоди ужо разскажу, ты вѣдь не чужая.

Никому не было говорено про сватовство Снѣжкова,

но Заплатины были повѣщены. Еще стоя за богоявленской вечерней въ часовнѣ Скорнякова, Патапъ Максимычъ сказалъ Ивану Григорьичу, что Настина судьба, кажется, выходитъ, и велѣлъ Грунѣ про то сказать, а больше ни единой душѣ. Такъ и сдѣлано.

— Что̀ жь она? тихонько спрашивала Аграфена Петровна у назва́нной матери. — Не прочь?

— Какое не прочь, Грунюшка! грустно отвѣтила Аксинья Захаровна.—Слышать не хочетъ. Такія у насъ тутъ были дѣла, такія дѣла, что просто не приведи Господи. Ты вѣдь со мной спать-то ляжешь, у меня въ боковушѣ постель тебѣ сготовлена. Какъ улягутся, все разкажу тебѣ.

Настя хмурая сидѣла. Какъ ни старалась притворяться веселой, никакъ не могла. Только и было у ней на умѣ „вотъ, вотъ зазвенятъ бубенчики, заскрипятъ у воротъ санные полозья, принесетъ нелегкая этихъ Снѣжковыхъ. И всѣ-то на меня глядѣть уставятся, всѣ, и свои, и чужіе. Замѣчать станутъ какъ на него взглянула я, не проронятъ ни единаго моего словечка. А тутъ еще послѣ ужина Груня, пожалуй, зачнетъ приставать, зачнетъ выпытывать. Она и то ужь, кажись, замѣтила.... Разказать развѣ ей всю правду-истину? Она вѣдь добрая, любитъ меня, что-нибудь хорошее посовѣтуетъ.... А какъ крестному скажетъ, а крестный тятѣ?... Тогда что̀?... Загубитъ тятя соколика моего яснаго; Фленушка правду говоритъ.... Нѣтъ, не надо Грунѣ ничего говорить.... А ея не обманешь.... Охъ, ты, Господи, Господи! мученье какое!... Хоть бы проходили ужь скорѣй эти пиры да праздники!“... И вдругъ вспомнился Настѣ ея ясный свѣтлоокій соколикъ. „Вотъ, думаетъ, сижу я здѣсь разряженая, разукрашеная на-показъ жениху постылому, сижу съ отцомъ съ матерью, съ гостями почетными, за богатымъ угощеніемъ, вкругъ меня гости бесѣду ведутъ согласную, идутъ у нихъ разговоры весе-

лые.... А онъ-то, голубчикъ, онъ-то, радость моя!... Сидитъ, бѣдняжка, въ своей боковушѣ, ровно въ темницѣ. Сидитъ одинъ-одинешенекъ съ своей думой-кручиной. И взойти-то сюда онъ не смѣетъ, и взглянуть-то на наши гостины не можетъ. Ровно рабу неключимому, нѣтъ ему мѣста на веселомъ пиру. Бѣдный мой, бѣдный соколикъ!... Скучно тебѣ, грустно сидѣть одинокому.... да и мнѣ не легче тебя...."

— Да не хмурься же, Настенька! шепотомъ молвила крестницѣ Никитишна, наклонясь къ ней будто для того чтобъ ожерелье на шеѣ поправить. — Что-й-то ты, матка, какая сидишь?... Ровно къ смерти приговореная.... Гляди у меня веселѣе!... Ну!...

— Ты знаешь, каково мнѣ, крестнинька. Я тебѣ сказывала, шепотомъ отвѣтила Настя.—Высижу вечеръ, и завтра всѣ праздники высижу; а веселой быть не смогу.... Не до веселья мнѣ, крестнинька!... Вотъ еще знай: тятенька обѣщалъ цѣлый годъ не поминать мнѣ про этого. Если слово забудетъ, да при мнѣ со Снѣжковыми на сватовство рѣчь сведетъ, такихъ чудесъ натворю, что кромѣ сраму ничего не будетъ

— Полно ты, уговаривала крестницу Никитишна.—Услышатъ, пожалуй.... Ну, ужь дѣвка! проворчала она, отходя отъ Насти и покачивая головой.—Кипятокъ!... Бѣдовая!... Вся въ родителя, какъ есть вылита: нраву моему перечить не смѣй.

Затѣмъ, сказавъ Аксиньѣ Захаровнѣ что-то про ужинъ, отправилась Никитишна къ своему мѣсту въ стряпущую.

Межь тѣмъ у Патапа Максимыча съ Иваномъ Григорьичемъ шелъ свой разговоръ.

— Каково съ подрядомъ справляешься? спросилъ у кума Иванъ Григорьичъ.

— По-маленьку справляюсь. Богъ милостивъ—къ сроку поспѣемъ, отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. Работниковъ при-

нанялъ; теперь сорокъ восемь человѣкъ, опричь того и деревнямъ роздалъ работу: по своимъ и по чужимъ. Авос управимся.

— Работники-то нонѣ подшиблись, замѣтилъ Иванъ Гри горьичъ.—Лежебоки стали. Имъ бы все какъ-нибудь деньг за даровщину получить, только у нихъ и на умѣ.... Вот хоть у меня по валеному дѣлу—бьюсь, съ ними, куманекъ бьюсь — въ усъ себѣ не дуютъ. Вольный сталъ народъ самый вольный! Облѣнился, прежняго радѣнья совсѣмъ н видать.

— Это такъ, это точно, отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.— Слабость пошла по народу. Чтò прикажешь дѣлать? Ка жись и хмѣлемъ не очень зашибаются, и никакимъ дурным дѣломъ не заимствуются, а не то какъ въ прежнее врем бывало. Правду говоришь, что вольный народъ сталъ,— главное то возьми, что страху Божьяго ни въ комъ не стал Вотъ чтò! Все бы имъ какъ-нибудь, да какъ ни попал Бѣда съ ними, горе одно. У меня еще есть, коли правд сказать, пять-шесть знатныхъ работниковъ—золото, не ре бята! А другіе прочіе хоть рукой махни—ничего не стò щіе люди, какъ есть никакого званія не стòящіе!... А вот недавно порядился ко мнѣ паренёкъ изъ недальнихъ. Н этотъ одинъ за пятерыхъ отслужитъ.

— Ужь за пятерыхъ! недовѣрчиво сказалъ Иванъ Гри горьичъ.

— Правду говорю, молвилъ Патапъ Максимычъ.—Чт мнѣ врать-то? Не продаю его тебѣ. Первый токарь п всему околотку. Обойди всѣ здѣшни мѣста, по всем Заволжью другаго такого не сыскать. Вотъ передъ истин нымъ Богомъ —право слово.

— Отколь же такого доспѣлъ? спросилъ Иванъ Гри горьичъ.

— По сосѣдству, изъ деревни Поромовой, отвѣтилъ Патапъ Максимычъ.—Трифона Лохматаго слыхалъ?

— Лохматаго? Знаю, отвѣтилъ Иванъ Григорьичъ,—добрый мужикъ, хорошій!

— Сынъ его большой, сказалъ Патапъ Максимычъ.—Знатный парень, умница, книгочей и разсудливый. А изъ себя видный да здоровый такой, заглядѣнье. Одно слово: парень первый сортъ.

Настя въ то время говорила съ Аграфеной Петровной, отвѣчая ей невпопадъ. Словечко боялась проронить изъ отцовыхъ рѣчей.

— Какже ты залучилъ его? спросилъ Иванъ Григорьичъ.—Старикъ Лохматый не то чтобъ изъ бѣдныхъ. Своя токарня. Какъ же онъ отпустилъ его? Такой парень, какъ ты объ немъ сказываешь, и дома живучи копѣйку доспѣетъ.

— Сожгли ихъ по осени, молвилъ Патапъ Максимычъ.—Недобрые люди токарню спалили. Водятся такіе по нашимъ мѣстамъ. Сами вѣкъ по гулянкамъ, а доброму человѣку зло. Мало что сожгли старика Лохматаго, обокрали на придачу. Чтѐ ни было залежныхъ—все снесли, и конéй со двора свели, и коровенокъ. Отъ того Алексѣй Лохматый и пошелъ ко мнѣ, по бѣдности значитъ, чтобъ отцу поскорѣе оправиться. А не то—шутъ бы ему велѣлъ въ чужи люди идти. Золото — въ вѣкъ другаго такого не нажить: дѣло у него въ рукахъ такъ и горитъ.... Разборку посуды по сортамъ тоже знаетъ!... Лучше Савельича, дай Богъ ему царство небесное, даромъ что молодъ... Намедни посуду съ нимъ разбирали, ему только взглянуть, тотчасъ видитъ куда чтѐ слѣдуетъ, въ какой значитъ сортъ, и каждый изъянецъ сразу замѣтитъ. Чаялъ дня въ два разобрать, съ нимъ въ одно утро управился. Золото парень, говорю, просто золото.

— А на́долго нанялъ? спросилъ Иванъ Григорь ичъ.

— Рядились до зимняго Николы. А теперь другой уговоръ. Порѣшили съ его старикомъ.

— Что̀ порѣшили? спросилъ Иванъ Григорьичъ, прихлебывая пуншъ изъ большой золо́ченой чашки.

— Въ годы взялъ. Въ прикащики. На мѣсто Савельича къ заведенью и къ дому приставилъ, отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.—Безъ такого человѣка мнѣ невозможно: перво дѣло за работой глазъ нуженъ, мнѣ одному не углядѣть; опять же по дѣламъ домъ покидаю на мѣсяцъ и на два и больше: надо на кого заведенье оставить. Для того и взялъ молодаго Лохматаго.

— Вотъ какъ! молвилъ Иванъ Григорьичъ.—Дай Богъ тебѣ, куманекъ.

— Я рѣшилъ, чтобы какъ покойникъ Савельичъ былъ у насъ, такимъ былъ бы и Алексѣй, продолжалъ Патапъ Максимычъ.—Будетъ въ семьѣ какъ свой человѣкъ, и обѣдать съ нами и все.... Безъ того по нашимъ дѣламъ не возможно.... Слушаться не станутъ работники, бояться не будутъ коль прикащика къ себѣ не приблизишь. Это они чувствуютъ.... Матренушка! кликнулъ онъ, маленько подумавъ, работницу, что̀ возилась около посуды въ боковой горенкѣ.

Матрена вошла и стала у притолоки.

— Кликни Алексѣя Трифоныча, сказалъ ей Патапъ Максимычъ.—Хозяинъ, молъ, велѣлъ скорѣе на верхъ взойти.

Ни жива, ни мертва сидѣла Настя. Аграфена Петровна, заводила съ ней рѣчь о томъ, о другомъ, ничего та не слыхала, ничего не понимала и на каждое слово отвѣчала невпопадъ.

— Да что̀ съ тобой, Настенька? сказала наконецъ Аграфена Петровна.—Ровно ты не въ себѣ.

Ни слова не отвѣтила Настя. Аграфена Петровна пристально поглядѣвъ на нее подумала: Это не́ спроста;

что-нибудь да есть на умѣ. Это не отъ того, что ждетъ жениха, другое что-нибудь тутъ кроется. Чтожь бы это такое?

Вошелъ Алексѣй. Настя поалѣла. Груня взглянула на нее: „Теперь понимаю,“ подумала.

Алексѣй былъ въ будничномъ кафтанѣ. Справивъ уставные поклоны передъ иконами, и низко поклонясь хозяевамъ и гостямъ сталъ онъ передъ Патапомъ Максимычемъ.

— Кликнуть велѣли меня, молвилъ.

Оглянулъ его съ ногъ до головы Чапуринъ, слегка подбоченился, и склонивъ немного голову на сторону, съ важностью спросилъ Алексѣя:

— Въ хорошей компаніи быть умѣешь?

— Какъ въ хорошей компаніи? спросилъ Алексѣй, смутясь неожиданнымъ вопросомъ и не понимая къ чему хозяинъ рѣчь свою клонитъ.

— Ну, вотъ, примѣромъ сказать, хоть бы съ нами теперь, сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Не приводилось съ такими людьми, наклонивъ покорно голову, молвилъ Алексѣй.

Любо то слово показалось Патапу Максимычу, а вдвое больше пó-сердцу пришлись покорный видъ Алексѣя, и рѣчь его почтительная.

— Гм! молвилъ Патапъ Максимычъ.—Одёжа хорошая есть?

— Есть.

— Вырядись, приходи.

Алексѣй вышелъ. Аксинья Захаровна съ удивленьемъ посмотрѣла на мужа. Не ждала она, чтобъ Патапъ Максимычъ на такую короткую ногу и такъ скоро приблизилъ Лохматаго. „Правда, поступилъ онъ на мѣсто Савельича: значитъ его мѣсто, его и честь, думала Аксинья Захаровна. Но Савельичъ былъ человѣкъ старый, опять же сколь-

ко годовъ въ дому выжилъ, а этого парня всего полторы недѣли, какъ знать-то зачали. Хорошій паренекъ, услужливый, почтительный, богомольный, а все бы не слѣдъ такъ приближать его. Вѣдь это, значитъ, съ нынѣшняго дня онъ, какъ Савельичъ, и обѣдать съ нами будетъ, и чай пить, а куда отъѣдетъ Патапъ Максимычъ, онъ одинъ мущина въ семьѣ останется. Да такой молодой, да красавецъ такой и разумный. Злые люди не знай чего наплетутъ на дѣвонекъ.... Ахъ, батюшки свѣты, не ладно, не ладно!.... А что̀ станешь дѣлать?... Самъ рѣшилъ.... Не переломишь!....“

Видѣла Настя какъ пришелъ Алексѣй, видѣла какъ вышелъ, и ни слова изъ отцовскихъ рѣчей не проронила.... И думалось ей, что во снѣ это ей видится, а межъ тѣмъ отъ нечаянной радости сердце въ груди такъ и бьется.

Лукаво взглянула Фленушка на пріятельницу, дернула ее тихонько за сарафанъ, и найдя какое-то дѣло вышла изъ горницы.

— Молодецъ изъ себя! замѣтилъ Иванъ Григорьичъ по уходѣ Алексѣя.

— А ты не гляди снаружи, гляди снутри, сказалъ Патапъ Максимычъ.—Умница-то какой!... Все можетъ сдѣлать, а ужь на работу—бѣда!... Та̀къ я его, куманекъ, возлюбилъ, что, кажись, точно родной онъ мнѣ сталъ. Вотъ и Захаровна то же скажетъ.

— Добрый парень, неча сказать, молвила Аксинья Захаровна, обращаясь къ Ивану Григорьичу,—на всяку послугу по̀ дому ретивый, и скромный такой, ровно красная дѣвка! Истинно, какъ Максимычъ молвилъ, какъ есть родной. Да что̀, куманекъ, съ глубокимъ вздохомъ прибавила она,—въ нонѣшне время иной родной во сто разъ хуже чужаго. Вонъ меня наградилъ Господь какимъ чадушкомъ. Братецъ-то родимый.... Напасть только одна!

— А гдѣ онъ? спросилъ Иванъ Григорьичъ.

— У насъ обрѣтается, сухо промолвилъ Патапъ Максимычъ.—Намедни приволокся какъ есть въ одной рубахѣ да въ дырявомъ полушубкѣ, растерзанный весь.... Хочу его на Узенй по-веснѣ справить, авось уймется тамъ; нà сорокъ верстъ во всѣ стороны нѣтъ кабака.

— Эка человѣкъ-отъ пропадаетъ, замѣтилъ Иванъ Григорьичъ.—А вѣдь добрый, и парень бы хоть куда... Винище это проклятое.

— Не пьетъ теперь, сказалъ Патапъ Максимычъ.—Не даютъ, а пропивать-то нечего.... Знаешь чтò, Аксинья, онъ тебѣ все же братъ, не одѣть ли его какъ слѣдуетъ, да не позвать ли сюда? Пусть его съ нами попразднуетъ. Моя одёжа ему какъ разъ по плечу. Синяки-то на рожѣ прошли, человѣкомъ смотритъ. Какъ думаешь?

— Какъ знаешь, Максимычъ, сдержанно отвѣтила Аксинья Захаровна.—Не начудилъ бы при чужихъ людяхъ чего, не осрамилъ бы насъ. Самъ знаешь, каковъ во хмѣлю.

— Не въ кабакѣ, чай, будетъ не передъ стойкой, отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.—Напиться не дамъ. А то, право, не ладно, какъ Снѣжковы послѣ провѣдаютъ, что въ самое то время, какъ они у насъ пировали, родной дядя на запорѣ въ подклѣтѣ, ровно какой арестантъ, сидѣлъ. Такъ ли кумъ, говорю? прибавилъ Чапуринъ, обращаясь къ Ивану Григорьичу.

— Точно что не совсѣмъ оно ладно, замѣтилъ въ свою очередь Иванъ Григорьичъ.

— И чтò жь, въ самомъ дѣлѣ, это будетъ, мамынька! молвила Аграфена Петровна. — Пойдетъ тутъ у васъ пированье, работникамъ да странному народу столы завтра будутъ, а онъ, сердечный, одинъ, какъ оглашенный какой, въ заперти. Коль ему мѣста здѣсь нѣтъ, такъ ужь въ самомъ дѣлѣ его запереть надо. Нельзя же ему съ работнымъ народомъ за столами сидѣть, слава пойдетъ нехо-

рошая. Сами-то, скажутъ, въ хоромахъ пируютъ, а братъ роднаго со страннимъ народомъ сажаютъ. Не ладно, мамынька, право, не ладно.

— Пойду, обряжу его, сказалъ Патапъ Максимычъ, и ушелъ въ свою горницу, сказавъ мимоходомъ Матренѣ:— Позови Никифора.

„Родной дядя! Такъ онъ сказалъ, думала Настя.... Дядя, не братъ, онъ сказалъ. Значитъ, у тяти и тутъ про меня дума была.... Охъ, чтобъ бѣдѣ не случиться!“...

—

Выйдя въ сѣни, Фленушка остановилась, оглянулась на всѣ стороны и кошкой бросилась внизъ по лѣстницѣ. Внизу пробѣжала въ подклѣтъ и распахнула дверь въ Алексѣеву боковушу.

Алексѣй вынималъ изъ укладки праздничное платье синюю хорошаго сукна сибирку, плисовые штаны, рубашку изъ александрійки.

— Чтò, безпутный, каково дѣло-то выгорѣло?... А? спросила Фленушка.

— Не знаю что и думать, Флена Васильевна, отвѣчалъ отъ радости себя не помнившій Алексѣй. — Не разберу во снѣ это, аль на яву.

Какъ щипнетъ его Фленушка изо всей силы зá руку. Алексѣй чуть не вскрикнулъ.

— Чтò?... Не во снѣ?... Ха, ха, ха.... Обѣзумѣлъ?.. Постой, впереди не то еще будетъ, хохотала изо всей мочи Фленушка.

— А чтò будетъ?

— А то, что съ этого вечера каждый Божій день станешь ты обѣдать, и чаи распивать со своей сударушкой

сказала Фленушка. — Что́, безстыжій, сладко небойсь?... Ну, да теперь не о томъ говорить. Вотъ что̀: виду не подавай, особенно Аграфенѣ Петровнѣ; съ Настей слова сказать не моги, сиди больше около хозяина, на нее и глядѣть не смѣй. Она и то ровно на каленыхъ у̀гольяхъ сидитъ, а тутъ еще ты придешь, да эти Снѣжковы.... Боюсь, при чужихъ чего не начудила бы.... А отужинаютъ, минуты въ горницахъ не оставайся, сейчасъ сюда.... Слышишь?... Да вотъ еще что̀: коли когда услышишь, что надъ тобой три раза ногой топнули, въ окно гляди: птичка прилетитъ, ты и лови.... Да чтобъ чужихъ глазъ при томъ не было....

— Какая птичка? Что̀ ты городишь? спросилъ Алексѣй, не понимая про что̀ говоритъ ему Фленушка.

— Нечего тутъ, сказала она, — оболокайся скорѣй, да рожу-то свою безстыжую помой, космы-то причеши... Охъ, бить-то тебя некому!...

Мигомъ Фленушка взбѣжала на верхъ, и со скромной, умильной улыбкой вошла въ горницу.

Вскорѣ пришелъ Алексѣй. Въ праздничномъ нарядѣ такимъ молодцомъ онъ смотрѣлъ, что хоть сейчасъ картину писать съ него. Усѣвшись на стулѣ у окна, близь хозяина, глазъ не сводилъ онъ съ него и съ Ивана Григорьича. Помня приказъ Фленушки, только разокъ взглянулъ онъ на Настю, а послѣ того не смотрѣлъ и въ ту сторону, гдѣ сидѣла она.

Слѣдомъ за Алексѣемъ въ горницу Волкъ вошелъ, въ платьѣ Патапа Максимыча. Помолясь по уставу передъ иконами, поклонившись всѣмъ на обѣ стороны, подошелъ онъ къ Аксиньѣ Захаровнѣ.

— Здравствуй, разлюбезная сестрица!... желчно сказалъ. — Двѣ недѣли, по милости Патапа Максимыча, у васъ

живу, а съ тобой еще не успѣлъ повидѣться за вели
твоими недосугами....

— Отойди, сурово отвѣтила брату Аксинья Заха
на. — Какъ бы воля моя, въ жизнь бы тебя не пус
сюда. Вотъ залетѣла ворона въ высоки хоромы. На,
что ли! прибавила она, подавая ему чашку чая.

— А вотъ мы прежде первоначалъ заложимъ, а п
того можно тебѣ, сестрица моя любезная, и чайкомъ б
ца попотчивать.

Никифоръ Захарычъ подошелъ къ столу съ графи
и закусками. Двѣ недѣли капельки у него во рту не
вало; и теперь, остановясь передъ разноцвѣтными гр
нами, онъ созерцалъ ихъ какъ бы въ священномъ вос
гѣ, и радостно потирая ладони, думалъ: „съ котораго
начать".

Вскочила съ мѣста Аксинья Захаровна, и подойд
брату, схватила его за рукавъ.

— И думать не моги! крикнула она.—Его какъ пу
го обрядили, до хорошихъ людей допустили, а онъ н
поди!... Не въ кабакъ, батька, затесался!... Прочь, про
И подходить къ водкѣ не смѣй!...

Распустивъ руки, Никифоръ Захарычъ стоялъ въ н
умѣніи что̀ теперь ему дѣлать. Не будь тутъ Патапа
ксимыча, сумѣлъ бы онъ по-свойски отвѣтить сестр
сиди тутъ хоть сотня гостей. Но Патапа Максимыча
шабашный Волкъ не на шутку боялся. Даже, когда
бывало ему по колѣна, всегда онъ держалъ себя пе
зятемъ робко и приниженно. А тутъ еще эта Агра
Петровна сидитъ да таково зорко глядитъ на не
Стыдно какъ-то передъ ней.... А пуще всего стыдно,
вѣстно передъ Настей—любилъ онъ ее беззавѣтно,
никогда почти съ ней не видался.... А выпить такъ и
нетъ.

Съ минуту продолжалась пытка Никифора. Даже потъ его прошибъ, слеза въ глазу блеснула. Патапъ Максимычъ дѣло рѣшилъ.

— Выпей, Никифоръ, сказалъ онъ ему.

— Охмѣлѣетъ онъ, Максимычъ, осрамитъ при гостяхъ наши головы. Не знаешь, каковъ во хмѣлю живетъ? возражала Аксинья Захаровна.

— Съ одной не охмѣлѣетъ, другой не дамъ, рѣшилъ Патапъ Максимычъ, и обратясь къ Ивану Григорьичу, продолжалъ разсказывать ему про подряды.

Дрожащей рукою налилъ Никифоръ рюмку и выпилъ ее залпомъ. Затѣмъ, откромсавъ добрый кусокъ салфеточной икры, намазалъ на ломоть хлѣба, и подойдя къ сестрѣ, сказалъ:

— Ну, теперь, сестрица, чаемъ подчуй. Давно не пивалъ этой дряни.

— Непутный! молвила Аксинья Захаровна, подавая брату чашку лянсина.—Тоже чаю!... Не въ коня кормъ!... Алексѣюшка, продолжала она, обращаясь къ Лохматому,— пригляди хоть ты за нимъ, голубчикъ, какъ гости-то прiѣдутъ... Не подпускай ты его къ тому столу, не то вѣдь разомъ насвищется.

— И вправду, Алексѣй, присмотри за Никифоромъ, подтвердилъ Патапъ Максимычъ.—Не отходи отъ него и пить безъ моего приказа ему не давай. За ужиной сядь съ нимъ рядкомъ.

Тутъ только замѣтилъ Никифоръ Алексѣя. Злобно сверкнули глаза у него. „А! дѣвушникъ! подумалъ онъ, и ты тутъ! Да тебя еще смотрѣть за мной приставили! Постой же ты у меня!.. Будетъ и на моей улицѣ праздникъ!“ И съ лукавой усмѣшкой посмотрѣлъ на Фленушку.

—

Послышался ямской колокольчикъ. Ближе и ближе. Кто-то къ дому подъѣхалъ.

— Не исправникъ ли, чтобъ ему пусто было, аль не становой ли! съ досадой сказалъ Патапъ Максимычъ, вставая съ мѣста и направляясь къ двери. Вотъ ужъ, поистинѣ, незваный гость хуже Татарина.

И всѣмъ стало неловко при мысли объ исправникѣ. Исправникъ и становой въ самомъ дѣлѣ никогда не объѣзжали Осиповки, зная что у Чапурина всегда готово хорошее угощенье. Матушка Манеѳа, и хоть въ пріязни жила съ полицейскими чинами, однако поспѣшно вышла изъ горницы. Была она во всемъ иночествѣ, даже въ наметкѣ *, а въ такомъ нарядѣ на глаза исправнику показываться не хорошо. Скитницы были обязаны подпиской иноческимъ именемъ не зваться, иноческой одёжи не носить. Фленушка осталась въ горницѣ, на ней ничего запретнаго не было.

Минуты черезъ двѣ Патапъ Максимычъ ввелъ въ горницу новыхъ гостей. То былъ удѣльный голова Песоченскаго приказа Михайло Васильичъ Скорняковъ съ хозяюшкой, пріятель Патапа Максимыча.

Послѣ обычныхъ входныхъ поклоновъ передъ иконами, послѣ установленныхъ дѣдовскими преданьями привѣтствій и взаимныхъ пожеланій, усѣлись.

— Напугалъ же ты насъ своимъ колокольцомъ, Михайло Васильичъ, сказалъ Патапъ Максимычъ, подводя удѣльнаго голову къ столу съ водками и закусками. Мы думали, не исправника ль принесла нелегкая.

— Ха, ха, ха, громко захохоталъ Скорняковъ.—А развѣ нонѣ сталъ бояться властей предержащихъ?

* Черный крепъ, что накидывается поверхъ шапочки (иночество), спускается въ роспускъ по плечамъ и спинѣ, закрывая лобъ черницы.

— Бояться, опричь Господа Бога, никого не боюсь, спѣсиво отвѣтилъ Чупуринъ, — а не люблю какъ чужой человѣкъ портитъ бесѣду. Съ чего жь это ты по-исправничьему съ колокольчикомъ ѣздишь?

— На стоешныхъ, изъ приказу пріѣхалъ, съ важностью погладивъ бороду, отвѣчалъ Михайло Васильевичъ.

Не успѣли Скорняковы по первой чашкѣ чаю выпить, какъ новые гости пріѣхали: купецъ изъ города, Сампсонъ Михайлычъ Дьяковъ, да пожилой человѣкъ, въ черномъ кафтанѣ съ мелкими пуговками и узенькимъ стоячимъ воротникомъ,—кафтанъ, какой обыкновенно носятъ рогожскіе, отправляясь къ службѣ въ часовню.

— Узналъ стараго пріятеля? поздоровавшись со всѣми бывшими въ горницѣ, спросилъ Дьяковъ у Патапа Максимыча.

Чапуринъ не узнавалъ.

— И я не призналъ бы тебя, Патапъ Максимычъ, коли бъ не въ дому у тебя встрѣтился, сказалъ незнакомый гость.— Постарѣли мы, братъ, оба съ тобой, ишь и тебя сѣдиной что инеемъ подернуло.... Здравствуйте, матушка Аксинья Захаровна!... Не узнали?... Да и я бы не узналъ.... Какъ послѣдній разъ видѣлись, цвѣла ты какъ маковъ цвѣтъ, а теперь гляди-ка какая стала!.... Да.... Время идетъ да идетъ, а годы человѣка не красятъ.... Не узнаёте?....

— Никакъ не признать, сказалъ Патапъ Максимычъ.— Голосъ будто знакомый, а вспомнить не могу.

— Стуколова Якима помнишь?... молвилъ гость.

— Якимъ Прохорычъ!... Дружище!... Да неужель это ты?... вскрикнулъ Патапъ Максимычъ, обнимаясь и цѣлуясь со Стуколовымъ. — А мы думали, что тебя и въ живыхъ-то давнымъ-давно нѣтъ... Откудова?... Какими судьбами?...

— Якимъ Прохорычъ! подходя къ нему, сказала Аксинья

Захаровна. — Сколько лѣтъ, сколько зимъ! И я не чаяла тебя на семъ свѣтѣ. Ахъ, сватушка, сватушка! Чать не забылъ: сродни маленько бывали.

— Бывало такъ въ старые годы, Аксинья Захаровна, отвѣчалъ Стуколовъ.—Считались въ сватовствѣ.

И Заплатинъ, и Скорняковъ оказались тоже старыми пріятелями Стуколова, зналъ онъ и Никифора Захарыча, когда тотъ еще только въ годы входилъ. Дочерей Патапа Максимыча не зналъ Стуколовъ. Онѣ родились послѣ того какъ покинулъ онъ родину. Съ тѣхъ поръ больше двадцати пяти годовъ прошло и о немъ по Заволжью ни слуху, ни духу не было.

Стуколову было лѣтъ подъ шестьдесятъ. Былъ высокъ ростомъ, сухощавъ и съ перваго взгляда было замѣтно, что обладая большой тѣлесной силой, былъ одаренъ онъ неистомною силой воли, и необычною твердостью духа. Худощавое, смуглое лицо его было обрамлено густою, черною бородой, съ сильной просѣдью. Раскаленными углями свѣтились черные глаза его, и не всякій могъ долго выдерживать пристально устремленный на него взглядъ Стуколова. По всему было видно, что человѣкъ этотъ много видалъ на своемъ вѣку, а еще больше испыталъ треволненій всякаго рода.

Началъ разспросы Стуколовъ, спрашивалъ про людей былаго времени, съ которыми, живучи за Волгой, бывалъ въ близкихъ сношеніяхъ. И про всѣхъ почти, про кого ни спрашивалъ, давали ему одинъ отвѣтъ: „Померъ.... померъ.... померла“.

Сидѣлъ Стуколовъ, склонивъ голову и глядя въ землю, глубоко вздыхалъ при такихъ отвѣтахъ. Сознавалъ, что, воротясь послѣ долгихъ странствій на родину, сталъ онъ въ ней чужаниномъ. Не то что людей, домовъ-то прежнихъ не было, городъ, откуда родомъ былъ, два раза

до тла выгоралъ и двà раза вновь обстраивался. Ни родныхъ, ни друзей не нашелъ на старомъ пепелищѣ—всѣхъ прибралъ Господь. И тутъ-то спозналъ Якимъ Прохорычъ всю правду стараго русскаго присловья: „не временемъ годы долгй,—дóлги годы отлучкой съ родной стороны“.

— Гдѣ жь пропадалъ ты все это время, Якимъ Прохорычъ? спросилъ у странника Патапъ Максимычъ.

Маленько помолчàвъ и окинувъ бѣглымъ взоромъ сидѣвшихъ въ горницѣ, Стуколовъ сталъ говорить тихо, истово, отчеканивая каждое слово:

— Не мало государствъ мною исхожено, не мало морей переѣхано, много всякихъ народовъ очами моими видано. Привелъ Господь во святой рѣкѣ Іорданѣ погружаться, Спасовъ живоносный гробъ цѣловать, всѣмъ святымъ мѣстамъ поклониться.... Много было странствій моихъ....

— Неужели всѣ двадцать пять лѣтъ ты въ странствѣ пребывалъ? спросилъ его Иванъ Григорьичъ.—Чай поди, гдѣ и на мѣстѣ живалъ?

— Какъ не живать! Жилъ и на мѣстѣ, сказалъ Стуколовъ.—За Дунаемъ не малое время у Некрасовцевъ, въ Молдавіи у нашихъ христіанъ, въ Сибири, у казаковъ на Уралѣ... Опять же довольно годовъ выжилъ я въ Бѣловодьѣ, тамъ, далеко, въ Опоньскомъ государствѣ....

— Какое же это государство? Про такое я что-то не слыхивалъ, спросилъ у паломника Патапъ Максимычъ.

— Не мудрено, что про Опоньское царство ты не слыхивалъ, сдержанно отвѣтилъ Якимъ Прохорычъ.—То государство не простое, не у всѣхъ на виду. Государство сокровенное....

— Сокровенное? въ недоумѣньи спросилъ Чапуринъ у Стуколова, а сидѣвшіе въ горницѣ съ изумленьемъ глядѣли на паломника.

Замолкъ Якимъ Прохорычъ. Не далъ отвѣта. Черезъ малое время спросилъ его Патапъ Максимычъ:

— Помнится, ты въ Москву уѣхалъ тогда, потомъ пали къ намъ слухи, что въ монастырѣ какомъ-то проживаешь, а послѣ того и слухо́въ про тебя не стало.

— Постой, погоди.... всѣ странства по ряду вамъ разскажу, молвилъ Стуколовъ, выходя изъ раздумья и поднявъ голову.—Люди свои, земляки, старые други-прiятели. Вамъ можно сказать.

— Разскажи, разскажи, старый дружище, молвилъ Патапъ Максимычъ, кладя руку на плечо паломника. — Да чайку-то еще. Съ ромкомъ не хочешь ли?

— Не стану, а чайкомъ побаловаться можно, отвѣчалъ Стуколовъ, сбираясь начать разсказъ про свои похожденья.

— Постой, постой маленько, Якимъ Прохорычъ, молвила Аксинья Захаровна, подавая Стуколову чашку чая.— Вижу о чемъ твоя бесѣда будетъ... Про святыню станешь разсказывать... Фленушка! Подь кликни сюда матушку Манеѳу. Изъ самаго молъ Iерусалима прiѣхалъ гость, про святыя мѣста разсказывать хочетъ... Пусть и Евпраксеюшка придетъ послушать.

— Какая это Манеѳа? спросилъ Стуколовъ, когда Фленушка вышла въ сѣни.

— Да Матрену-то Максимовну, сестру Патапа Максимыча, помнишь чай? сказала Аксинья Захаровна.

— Матрена Максимовна?... оживляясь спросилъ сумрачный дотолѣ странникъ. — Такъ она во иночествѣ?

— Давно. Больше двадцати годовъ какъ она пострижена. Теперь игуменствуетъ въ Комаровѣ, отвѣчала Аксинья Захаровна.

— Такъ... такъ!... медленно проговорилъ Стуколовъ и задумался.

Вошла мать Манеѳа съ Фленушкой и Евпраксіей. Послѣ обычныхъ „метаній“ и поклоновъ, Якимъ Прохорычъ пристально поглядѣлъ на старушку и дрогнувшимъ нѣсколько голосомъ спросилъ у нея.

— Узнала ль меня, матушка Манеѳа?... Аль забыла Якима Стуколова?

— Якимъ Прохорычъ!... быстро вскинувъ на паломника заблиставшими глазами, вскрикнула игуменья и вдругъ поправила „наметку“, опустя крепъ на глаза...—Не чаяла съ тобой видѣться, прибавила она болѣе спокойно...

Пристальнымъ, глубокимъ взоромъ глядѣла она на паломника. Въ потускнѣвшихъ глазахъ старицы загорѣлось что-то молодое... Перебирая лѣстовку, игуменья чинно усѣлась, еще разъ поправила на головѣ наметку и поникла головою. Губы шептали молитву.

— Ну, разсказывай свои похожденія, молвилъ Патапъ Максимычъ Якиму Прохорычу.

Стуколовъ сталъ разсказывать, часто и зорко взглядывая на смущенную игуменью.

— Горько мнѣ стало на родной сторонѣ. Ни на что бы тогда не глядѣлъ я, и не знай куда бы готовъ былъ дѣваться!... Вотъ ужь двадцать пять лѣтъ и побольше прошло съ той поры, а какъ вспомнишь, такъ и теперь сердце на клочья рваться зачнетъ.... Молодость, молодость!... Горячая кровь тогда ходила во мнѣ... Не стерпѣлъ обиды, а заплатить обидчику было нельзя... И рѣшилъ я покинуть родну сторону чтобъ въ нее до гробовой доски не заглядывать.....

Ниже и ниже склоняла Манеѳа голову. Блѣдныя губы спѣшно шептали молитву. Еслибъ кто изъ бывшихъ тутъ пристальнѣй поглядѣлъ на нее, тотъ замѣтилъ бы, что рука ея, перебирая лѣстовку, трепетно вздрагивала.

— Какая жь это обида, Якимъ Прохорычъ? спросилъ

Иванъ Григорьичъ. — Что-то не припомню я, чтобы передъ уходомъ изъ-за Волги съ тобой горе какое приключилось.

— Про то знаютъ Богъ, я да еще одна душа... Больше никто не знаетъ и никогда не узнаетъ.... Послушайте-ка, матушка Манеѳа, про мои странства по дальнимъ палестинамъ.... Какъ рѣшилъ я родное Заволжье покинуть, самъ съ собой тогда разсуждалъ: „куда жь мнѣ теперь безродному приклонить бѣдную голову, гдѣ сыскать душевнаго мира и тишины, гдѣ найти успокоеніе помысловъ и забвеніе всего что̀ было со мной.... Рѣшилъ въ монастырь идти, да подальше, какъ можно подальше отъ здѣшнихъ мѣстъ. Слыхалъ прежде про монастырь Лаврентьевъ, что̀ стоитъ неподалеку отъ славной слободы Вѣтки. Житіе тамъ строгое. Не каменными стѣнами, не богатыми церквами красовалась обитель та,—красовалась она старческими слезами, денно-нощными трудами, постомъ да молитвой... Много тамъ было крѣпкихъ подвижниковъ, много иноковъ учительныхъ, въ дѣлѣ душевнаго спасенія искусныхъ. Было не мало и молодаго, какъ я, народу: тогда въ Лаврентьеву обитель юноши изъ разныхъ сторонъ приходили, да управятъ души свои по словеси Господню. Всѣ молодые трудники чтенію божественныхъ книгъ прилежали и въ преданіяхъ церковныхъ были крѣпки и подвижны.... Безъ малаго пять лѣтъ выжилъ я съ ними, подъ начальствомъ блаженнаго старца, и открылъ мнѣ Господь разумъ писанія, разверзъ умныя силы и сподобилъ забыть все, все прошлое.... сподобилъ.... простить обидчику.... Въ пучинѣ божественнаго писанія и святоотческихъ книгъ чрезъ немалое время потопилъ я былое горе и прежнія печали.... И какъ скоро со мною такая перемѣна совершилась, возстала въ душѣ другая буря, по инымъ новымъ волнамъ душевный

корабль мой сталъ влаятися.... Не сидѣлось на мѣстѣ, стало тянуть меня куда-то далеко, далеко, а куда самъ не знаю... Прискучили лѣса и пустыни, прискучили благочестивые старцы, не иноческой тишины мнѣ хотѣлось, хотѣлось повидѣть дальнія страны, посмотрѣть на чужія государства, поплавать по синему морю, походить по горамъ высокимъ. Какъ птица изъ клѣтки рвался я на волю, чтобъ идти куда глаза глядятъ, — идти, пока гдѣ-нибудь смерть меня не настигнетъ.... Хотѣлъ бѣжать изъ обители, думалъ въ міръ назадъ воротиться, но Богъ не попустилъ... Пріѣзжали въ то время къ нашему отцу игумну Аркадію зарубежные старцы изъ молдавскихъ монастырей, въ Питерѣ по сборамъ были и возвращались восвояси. Два дня и двѣ ночи игуменъ Аркадій тайныя рѣчи велъ съ ними, на третій всѣхъ молодыхъ трудниковъ призвалъ въ келью къ себѣ. Пришло насъ пятнадцать человѣкъ. И сталъ намъ сказывать отецъ Аркадій про оскудѣніе благочестиваго священства, про душевный гладъ, христіанъ постигшій. „А есть, говоритъ, въ дальнихъ странахъ мѣста сокровенныя, гдѣ старая вѣра соблюдена въ цѣлости и чистотѣ. Тамъ она непорочная невѣста Христова среди бусурманъ яко свѣтило сіяетъ. Первое такое мѣсто на райской рѣкѣ на Евфратѣ, промежъ рубежей турскаго съ персидскимъ, другая страна за Египтомъ—зовется Емакàнь, въ землѣ Ѳиваидской, третье мѣсто за Сибирью, въ сокровенномъ Опоньскомъ государствѣ. Вотъ бы, говоритъ отецъ игуменъ, порадѣть вамъ, трудничи молодые, положить ваши труды на спасеніе всего христіанства. Поискать бы вамъ благодать таковую, тамъ вѣдь много древлеблагодатныхъ епископовъ и митрополитовъ. Вывезти бы вамъ хоть одного въ наши россійскіе предѣлы, утвердили бы мы въ Россіи корень священства, утолили бы душевный гладъ многаго народа. Свои

бы тогда у насъ попы были, не нуждались бы мы въ бѣглецахъ никоньянскихъ.... И аще исполните мое слово— въ семъ мірѣ будетъ вамъ отъ людей похвала и слава, а въ будущемъ вѣцѣ отъ Господа неизглаголанное блаженство"..... Какъ услышалъ я такіе глаголы, тотчасъ игумну земнò поклонился, сталъ просить его благословенья на подвигъ дальняго странства. За мной другіе трудники поклонились: повелѣніе пославшаго всѣ готовы исполнить. Снабдилъ насъ игуменъ деньгами на дорогу, далъ для памяти тетрадки; какъ и гдѣ искать благочестныхъ архіереевъ.... И пошли мы пятнадцать человѣкъ къ рѣкѣ Дунаю, пришли во градъ Измаилъ, а тамъ ужъ наши христіане насъ ожидаютъ, игуменъ Аркадій къ нимъ отписалъ до нашего приходу. Безъ паспòртовъ пропускъ за Дунай былъ заказанъ, стояла по берегу великая стража, никого безъ пáспорта за рѣку не пускала. Въ камыши спровадили насъ христолюбцы, а оттолѣ ночью въ рыбацкихъ челнокахъ, крадучись яко тати, на турецкую сторону мы перебрàлись. Тутъ пошли мы въ славное Кубанское войско, то наши христіане казáки, чтò живутъ за Дунаемъ, Некрасовцами зовутся. Соблюли они старую вѣру и всѣ преданья церковныя сохранили. Хорошо было намъ жить у нихъ и привольно. Богатѣйшія у нихъ тамъ рыбныя ловли и земли вдоволь; хлѣбомъ, виноградомъ, кукурузой, и всякимъ овощемъ тамъ преизобильно. А живутъ тѣ Некрасовцы во ослабѣ: старую вѣру соблюдаютъ, ни отъ кого въ томъ нѣтъ имъ запрету; дѣлами своими на „кругахъ" заправляютъ, турскому султану дани не платятъ, только какъ война у Турки зачнется, полки свои на службу выставляютъ... Прожили мы у Некрасовцевъ безъ мала полгода, въ ихнемъ монастырѣ, а зовется онъ Славой, и жили мы тамъ въ изобильи и довольствѣ. Еще больше тутъ къ намъ изъ Россіи путниковъ на дальнее странство набра-

лось—стало всего насъ человѣкъ съ сорокъ. И поплыли мы къ Царьграду по Черному морю, и поживши малое время въ Царьградѣ, переплыли въ клюкàхъ Мраморное море и тамо опять пришли къ нашимъ старообрядцамъ, тоже къ казáкамъ славнаго Кубанскаго войска, а зовется ихъ станица Майносомъ. Отголь пошли къ райской рѣкѣ Евфрату.....

Смолкъ Якимъ Прохорычъ. Жадно всѣ его слушали, не исключая и Волка. Правда, раза два задумывалъ онъ подъ шумокъ къ графинамъ пробраться, но замѣтивъ слѣдившаго за нимъ Алексѣя, какъ ни въ чемъ не бывало повертывалъ назадъ и возвращался на покинутое мѣсто.

— Чтò жь? Дошли до Евфрата?.. спросила Аксинья Захаровна.

— Изъ сорока человѣкъ дошло только двадцать, продолжалъ паломникъ.—Только двадцать!... Зарыли остальныхъ въ пескахъ да въ горныхъ ущельяхъ.... Десять недѣль шли: на каждую недѣлю по два покойника!... Голодъ, болѣзни, дикіе звѣри, разбойники да басурманскіе народы—вездѣ бѣды, вездѣ напасти... Но не смущалося сердце наше, и мы шли, шли, да товарищей хоронили.... Безвѣстны могилки бѣдныхъ, никому ихъ не сыскать и некому надъ ними поплакать!... Прошли мы вдоль рѣки Евфрата, были межъ турской и персидской границей и не нашли старообрядцевъ.... А смерть путниковъ косила да косила.... Назадъ къ Цареграду поворотили. Шли, шли и помирали.... И никому-то не хотѣлось лечь на чужой сторонѣ, всякой-то про свою родину думалъ, и умирая, слезно молилъ товарищей, какъ умретъ, снять у него съ креста ладонку, да разрѣзавши посыпать лицо его зашитою тамъ русской землею.... У меня одного ладонки съ родной земли не бывало... И встосковалось же тогда сердце мое по матушкѣ по Россіи.... Въ Царьградъ я одинъ воротился, молодые

трудники всѣ до единаго пошли въ мать сыру землю.... Добрелъ до Лаврентьева и про все разказалъ отцу игумну подробно. Справилъ онъ по нихъ соборную паннихиду, имена ихъ записать въ синодикъ, постѣнный и литейный, и дѣла не покинулъ. Нудитъ опять меня: „Ступай, говоритъ, въ Емакань, въ страну Ѳиваидскую, за Египетъ. Тамъ безпремѣнно найдешь епископовъ; недавно, говоритъ, нѣкіе христолюбцы тамо бывали, про тамошнее житіе намъ писали. Новые трудники на подвигъ странства сыскались, опять все люди молодые, всего двадцать пять человѣкъ... Какъ бывалаго человѣка, меня съ ними послали.... Тѣмъ же путемъ въ Царьградъ мы пошли, тамъ на корабли сѣли и поѣхали по Бѣлому морю *, держа путь ко святому граду Іерусалиму. Были у Спасова гроба, зрѣли какъ всѣ вѣры на единомъ мѣстѣ служатъ. Отслужатъ свою обѣдню Армяне, пойдутъ за ними Латины, на мѣстѣ святѣ въ бездушные органи играютъ, а за ними пойдутъ Сирійцы да Копты, молятся нелѣпо, козлогласуютъ, потомъ пойдутъ по-свбему служить Арабы, а сами всѣ въ шапкахъ и чуть не голы, пляшутъ, бѣснуются вокругъ Христова гроба. Тутъ и греческіе служатъ.... Не обрѣли мы древляго благочестія ни въ Іерусалимѣ, ни въ Виѳлеемѣ, ни на святой рѣкѣ Іорданѣ — всюду пестрб и развращенно!... Поплакали, видя сіе, и пошли во градъ Іоппію; сѣли на корабль, и привезли насъ корабельщики во Египетъ. Пошли мы вверхъ по рѣкѣ Нилу, шли съ караванами пѣши, дошли до земли Ѳиваидской, только никто намъ не могъ указать земли Емаканьской, про такую, дескать, тамъ никогда не слыхали.... И напала на насъ во Египтѣ чума: изъ двадцати пяти человѣкъ осталось насъ двое... Поплыли назадъ въ Россію, добрели до отца

* Архипелагъ.

игумна, обо всемъ ѐму доложили: „Нѣтъ молъ за Египтомъ никакой Емакани, нѣтъ молъ въ Ѳиваидѣ древлей вѣры....“ И опять велѣлъ игуменъ служить соборную паннихиду, совершить поминовенье по усопшихъ, ради Божія дѣла въ чуждыхъ странахъ животъ свой скончавшихъ.... А потомъ опять меня призываетъ, опять на новый подвигъ странствія посылаетъ. „Есть, говоритъ, въ крайнихъ восточныхъ предѣлахъ за Сибирью христоподражательная древняя церковь асирскаго языка. Тамо въ Опоньскомъ царствѣ, на Бѣловодьѣ, стоитъ сто восемьдесятъ церквей безъ одной церкви, да кромѣ того россійскихъ древляго благочестія церквей сорокъ. Имѣютъ тѣ россійскіе люди митрополита и епископовъ асирскаго поставленья. А удалились они въ Опоньское государство, когда на Москвѣ измѣненіе благочестія стало. Тогда изъ честны́я обители Соловецкой да изо многихъ иныхъ мѣстъ много народу туда удалилось. И свѣтскаго суда въ томъ Опоньскомъ государствѣ они не имѣютъ, всѣми людьми управляютъ духовныя власти.... „Идти тебѣ за сибирскіе предѣлы, искать за ними того Бѣловодья, доставить къ намъ епископа древней вѣры благочестивой. А товарищи тебѣ готовы.“ Такъ повелѣлъ мнѣ игуменъ.—Шесть недѣль мы въ Лаврентьевой обители пожили, ровно погостили, и потомъ всемеромъ пошли къ Бѣловодью. Дошли въ Сибири до рѣки Катуни и нашли тамъ христолюбивыхъ страннопріимцевъ, что̀ русскихъ людей за Камень въ Китайское царство переводятъ. Тамо множество пещеръ тайныхъ, въ нихъ странники привитаютъ, а немного подалѣ стоятъ снѣговыя горы, верстъ за триста, коли не больше ихъ видно. — Перешли мы тѣ снѣговыя горы и нашли тамъ келью да часовню, въ ней двое старцовъ пребывало, только не нашего были согласу, священства они не пріемлютъ. Однакожъ путь къ Бѣловодью намъ указали и проводника

по маломъ времени сыскáли.... шли мы черезъ великую степь Китайскимъ государствомъ сорокъ и четыре дня сряду. Чего мы тамъ ни натерпѣлись, какихъ бѣдъ-напастей ни испытали; сторона незнакомая, чужая, и совсѣмъ какъ есть пустая—нигдѣ человѣчья лица ни увидишь, одни звѣри бродятъ по тòй по пустынѣ. Двое нашихъ путниковъ тѣми звѣрями при нашемъ видѣньи заѣдены были. Воды въ той степи мало, иной разъ дня два идешь, хотя бъ калужинку какую встрѣтить; а какъ увидишь издали свѣтлую водицу, бѣжишь къ ней бѣгомъ, забывая усталость. Такъ однажды, увидавши издали рѣчку, побѣжали мы къ ней водицы напиться;—бѣжимъ, а изъ камышей какъ прыгнетъ на насъ звѣрь дикій, самъ полосатый и ровно кошка, а величиной съ медвѣдя, двухъ странниковъ растерзалъ во едино мгновеніе ока.... Много было бѣдъ, много напастей!... Но дошли таки мы до Бѣловодья. Стоитъ тамъ глубокое озеро да большое, ровно какъ море какое, а зовутъ то озеро Лопонскимъ * и течетъ въ него отъ запада рѣка Бѣловодье **. На томъ озерѣ большіе острова есть, и на тѣхъ островахъ живутъ русскіе люди старой вѣры. Только и они священства не пріемлютъ, нѣтъ у нихъ архіереевъ и никогда ихъ тамъ не бывало.... Прожилъ я въ томъ Бѣловодьѣ безъ малаго четыре года. Выпуску оттудова пришлымъ людямъ нѣту, боятся тѣ Опонцы, чтобъ на Руси про нихъ не спознали и назадъ въ русское царство ихъ не воротили.... И живучи въ тѣхъ мѣстахъ, очень я по Россіи стосковался. Думаю себѣ „пускай мнѣ хоть голову снимутъ, а уйду же я отъ тѣхъ Опонцевъ въ Россійское царство“. А тамъ въ первые

* Лопъ-Норъ, на островахъ котораго и по берегамъ, говорятъ, живетъ нѣсколько забѣглыхъ раскольниковъ.

** Аксу—что значитъ по-русски *бѣлая вода*.

три года свѣжаковъ * съ острововъ на берегъ великаго озера не пускаютъ, пока не увѣрятся, что не сбѣжитъ тотъ человѣкъ во матушку во Россію. На четвертомъ году хозяинъ, у котораго я проживалъ въ батракахъ, сталъ меня съ собой брать на рыбную ловлю. И ужь скажу жь я вамъ что̀ только тамъ за рыбныя ловли! Много рѣкъ видалъ я на своемъ вѣку: живалъ при Дунаѣ, и на тихомъ Дону, а матушку Волгу съ верху до̀ низу знаю, на вольномъ Яикѣ на багреньяхъ бывалъ, за бабушку Гугниху пивалъ **, всѣ сибирскія великія рѣки мнѣ вдосталь извѣстны, а нигдѣ такого рыбнаго улову я не видалъ какъ на томъ Бѣловодьѣ!... Кажется, какъ къ нашимъ мѣстамъ бы да такія воды, каждый бы нищій тысячникомъ въ одинъ годъ сдѣлался. Такое во всемъ приво̀лье, что нигдѣ по другимъ мѣстамъ такого не видно. Всякіе земные плоды тамъ въ обильи родятся: и виноградъ и пшено сорочинское; одно только плохо: матушки ржицы нѣтъ и въ заводѣ... Но какъ ни привольно было жить въ томъ Бѣловодьѣ, все то меня въ Россію тянуло. Взялъ меня однажды Сидоръ — хозяинъ мой—на рыбную ловлю, переѣхали озеро, въ камышахъ пристали. Грѣшный человѣкъ, хотѣлъ его соннаго побывшить ***, да зазрѣла совѣсть. Пьянъ онъ былъ на ту пору: чуть не полкувшина кумышки изъ сорочинскаго пшена съ вечера выпилъ, перевязалъ его веревками, завернулъ въ сѣти, самъ бѣжалъ въ степи... Три мѣсяца бродилъ я, питаясь кореньями да дикимъ лукомъ... Не зная дороги, все на сѣверъ держалъ по звѣздамъ да по солнцу. На рѣку, бывало, на-

---

* Новый, недавній пришлецъ.

** Бабушка Гугниха уральскими (прежде яицкими) казаками считается ихъ родоначальницей. Послѣ багренья рыбы и на всякихъ иныхъ пирахъ первую чару тамъ пьютъ за бабушку Гугниху.

*** Убить.

ткнешься, попробуешь броду, нѣтъ его, и пойдешь обходить ту рѣку; иной разъ идешь верстъ полсотни и больше. На сибирскомъ рубежѣ стоятъ снѣжныя горы; безъ проводника, не зная тамошнихъ мѣстъ, ихъ ввѣкъ не перелѣзть, да послалъ Господь мнѣ добраго человѣка изъ варнаковъ— бѣглый каторжный значитъ—вывелъ на Русскую землю!.... Спаси его Господи и помилуй!

Замолчалъ Якимъ Прохоровичъ и грустно склонилъ голову. Всѣ молчали подъ впечатлѣньемъ разсказа.

— Что жь опять ты пошелъ въ монастырь къ своему игумну? черезъ нѣсколько минутъ спросилъ у паломника Патапъ Максимычъ.

— Не дошелъ до него, отвѣчалъ тотъ. — Дорóгой узналъ, что монастырь нашъ закрыли, а игуменъ Аркадій за Дунай къ Некрасовцамъ перебрáлся... Еще свѣдалъ я, что тѣмъ временемъ какъ проживалъ я въ Бѣловодьѣ, наши сыскали митрополита и водворили его въ австрійскихъ предѣлахъ. Побрелъ я туда. Съ немалымъ трудомъ и съ большою опаской перевели меня христолюбцы за рубежъ австрійскій, и сподобилъ меня Господь узрѣть недостойными очами святую митрополію Бѣлой Криницы во всей ея славѣ.

— Разскажи намъ про это мѣсто, спрашивалъ Стуколова Патапъ Максимычъ. — Все разскажи, поподробну.

— Поистинѣ, съ торжественностью продолжалъ паломникъ, — явися благодать спасительная всѣмъ человѣкомъ, живущимъ по древлеблагочестной вѣрѣ. Нашелъ я въ Бѣлой Криницѣ радость духовную, ликованіе неумолкаемое о господинѣ владыкѣ митрополитѣ, о епископахъ, и о всемъ чину священномъ. Двѣсти лѣтъ не видано и не слыхано было у нашихъ христіанъ своей священной іерархіи, нынѣ она во óчію зрится. Притекъ я въ Бѣлую Криницу, встрѣтилъ тамъ кое-кого изъ лав-

рентьевскихъ мниховъ. Меня узнали, властямъ монастырскимъ обо мнѣ доложили. Разсказалъ я имъ по ряду про свое сибирское хожденье и про житье въ Бѣловодьѣ. Они меня страннаго всѣмъ упокоили, келью мнѣ дали и одёжу монастырскую справили. Былъ и у самого владыки Амвросія подъ благословеньемъ, и онъ черезъ толмача много меня разспрашивать изволилъ обо всѣхъ моихъ по дальнымъ странамъ хожденьяхъ. Прожилъ я въ той Бѣлой Криницѣ два съ половиною года, ѣздилъ оттоль и за Дунай въ некрасовскій монастырь Славу, и тамо привелъ меня Богъ свидѣться съ лаврентьевскимъ игумномъ Аркадьемъ. Не мало вечеровъ въ тайныхъ бесѣдахъ у насъ протекло съ симъ учительнымъ старцемъ. Многое, разсказывалъ я ему про три хожденія наши: про евфратское, египетское и въ Бѣловодье. И скорбѣлъ я передъ нимъ, заливаясь слезами: „Не благословилъ Богъ нашъ подвигъ: больше семидесяти учениковъ твоихъ, отче, три раза въ дальнія страны ходили и ничего не сыскали, и всѣ-то семьдесятъ учениковъ полегли во чужихъ странахъ, единъ азъ грѣшный въ живыхъ остался.“ Отвѣчалъ на такія рѣчи старецъ, меня утѣшая, а самъ отъ ǒчію слезы испуская: „Не скорби, брате, говорилъ онъ, не скорби и душевнаго унынія бѣгай: аще троечастный твой путный подвигъ и тщетенъ остался, но паче возвеселиться долженъ ты нынѣ съ нашими радостными лики: обрѣли мы святителей, и теперь у насъ полный чинъ священства. За труды твои церковь тебя похваляетъ и всегда за тебя молить Бога будетъ, а трудникамъ, чтȏ нужною смертью въ пути животъ свой скончали—буди имъ вѣчная память въ роды и роды!...“ Тутъ упалъ я къ честнымъ стопамъ старца, открылъ передъ нимъ свою душу, повѣдалъ ему мои сомнѣнія: „Прости, сказалъ ему, святый отче, разрѣши недоумѣнный мой помыслъ. Корень іерархіи нашей отъ Гре-

ковъ изыде, а много я видалъ греческихъ властей въ Царьградѣ, въ Іерусалимѣ, и во Египтѣ: пестра ихъ вѣра, благочестія обнажена совершенно. Какъ же новая іерархія отъ столь мутнаго источника изыде, како въ свѣтлую рѣку претворися?“ И довольно поучилъ меня старецъ Аркадій, и бесѣдою душеполезной растопилъ окаменѣлое мое сердце, отогналъ отъ меня лукаваго духа. Потомъ и самъ я изслѣдовалъ все дѣло подробно и со многими искусными въ божественномъ писаніи старцами много бесѣдовалъ и въ конецъ удостовѣрился, что наша священная іерархія истинна и правильна.... Ей! Передъ Господомъ Богомъ свидѣтельствую вамъ и всѣхъ васъ совершенно завѣряю, прибавилъ, вставая съ мѣста и подходя къ иконамъ, паломникъ,—истинна древлеправославная австрійская іерархія, нѣтъ въ ней ни едина порока!

Медленною поступью подошла Манеѳа къ паломнику и твердымъ голосомъ сказала:

— Не чаяла тебя видѣть, Якимъ Прохорычъ!... Какъ изъ гроба сталъ предо мною.... Благодарю Господа и поклоняюся Ему за всѣ чудодѣянія, какія оказалъ Онъ надъ тобою.

Поклонилась мать Манеѳа паломнику и скорой, едва слышной поступью пошла изъ горницы, а поровнявшись съ Фленушкой, сказала ей шепотомъ:

— Пойдемъ.... Евпраксію позови.... Укладываться... Чѣмъ свѣтъ поѣдемъ.

— Зачѣмъ же ты, Якимъ Прохоровичъ, ушелъ изъ митрополіи? спросила Аксинья Захаровна у Стуколова.

— Творя волю епископа, преосвященнаго господина Софронія, внушительно отвѣчалъ онъ и, немного помолчавъ, сказалъ:—Черезъ два съ половиной года послѣ того какъ водворился я въ Бѣлой Криницѣ, прибылъ нѣкій благочестивый мужъ Степанъ Трифонычъ Жировъ, начет-

чикъ великій, всей Москвѣ знаемъ. До учрежденія митрополіи утолялъ онъ въ Россіи душевный гладъ христіанъ, привлекая въ древлему благочестію никоніанскихъ іереевъ. Письма привезъ онъ изъ Москвы, и скоро его митрополитъ по всѣмъ духовнымъ степенямъ произвелъ: изъ простецовъ въ пять дней сталъ онъ епископъ Софроній и воротился въ Россію. Бѣлокриницкія власти повелѣли мнѣ находиться при немъ. Съ нимъ и пріѣхалъ я до Москвы.

— И за Волгу онъ же прислалъ тебя? спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Онъ же,—только совсѣмъ по другому дѣлу. Не по церковному, отвѣчалъ Якимъ Прохорычъ.

— Чтò за дѣло? продолжалъ разспросы Патапъ Максимычъ.

Стуколовъ замолчалъ.

— Коли клятвы не положено чтобы тайны не повѣдать, чтò не говоришь?... сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Клятвы не положено и приказу молчать не сказано, вполголоса проговорилъ Стуколовъ.

— Зачѣмъ же насъ въ невѣдѣньи держишь? сказалъ Патапъ Максимычъ.—Здѣсь свои люди, стары твои друзья, кондовые пріятели, а кого не знаешь — то чада и домочадцы ихъ.

Молчалъ Якимъ Прохорычъ.

— Видно, долга разлука холодитъ старую дружбу вполгóлоса промолвилъ Чапуринъ Ивану Григорьичу.

— Скажу, молвилъ Стуколовъ.—Только не при женахъ говорить бы....

— Ахъ, батька! Уйти можемъ, всклкнула Аксинья Захаровна.—Настя, вели-ка Матренѣ заѣдки-то въ задню нести. Пойдемте, Арина Васильевна, Грунюшка, Параша. Никифору-то не уйти ли съ нами, Максимычъ?

— Ступай-ка съ ними въ самомъ дѣлѣ, сказалъ ему Патапъ Максимычъ.

Никифоръ пошелъ, съ горестью глядя, что Матрена въ заднюю несетъ однѣ сладкія заѣдки. Разноцвѣтные графины и солененькое остались, по приказу хозяина, въ передней горницѣ.

Обвелъ собесѣдниковъ глазами, Стуколовъ началъ:

— Вотъ вы тысячники, богатѣи: пересчитать только деньги ваши такъ не одинъ разъ устанешь.... А я что̀ передъ вами?... Убогій странникъ, нищій, калика перехожій.... А сто́итъ мнѣ захотѣть, всѣхъ богаче буду милліонщиковъ?... Не хочу. Отрекся отъ міра и отъ богатства отказался....

— Научи насъ какъ сдѣлаться милліонщиками, слегка усмѣхнувшись, сказалъ удѣльный голова.

— И научу... И будете милліонщиками, отвѣчалъ Стуколовъ.—Безпремѣнно будете.... Мнѣ не надо богатства... Передъ Богомъ говорю.... Только маленько работы отъ васъ потребуется.

— Какой же работы? спросилъ голова.

— Не больно тяжелой; управиться сможете. Да не о томъ теперь рѣчь... Покамѣсть... съ запинками говорилъ Стуколовъ...—Землянаго масла хотите? примолвилъ онъ шепотомъ.

Всѣ переглянулись.

— Что̀ за масло такое? Чапуринъ спросилъ.

— Не слыхалъ?... съ лукавой усмѣшкой отвѣтилъ паломникъ.—А изъ чего это у тебя сдѣлано? спросилъ онъ Патапа Максимыча, взявши его за руку, на которой для праздника надѣты были два дорогіе перстня.

— Изъ золота.

— По-нашему, по-сибирски—это земляное масло. Видалъ ли кто изъ васъ какъ въ землѣ-то сидитъ оно?

— Кому видѣть? Никто не видалъ, отозвался Чупуринъ.

— А я видалъ, сказалъ паломникъ.—Бывало какъ жилъ въ сибирскихъ тайгахъ, самъ доставалъ это маслецо, все это дѣло знаю вдоль и поперекъ. Не въ проносъ будь слово сказано, знаю какимъ способомъ и въ Россію можно его вывозить... Смекаете?

— Да вѣдь это далеко, замѣтилъ Патапъ Максимычъ.—Въ Сибири. Намъ не рука.

— Ближе найдемъ, отвѣчалъ паломникъ....—Пò золоту ходите, по серебру бродите... Понимаете вы это?

— Развѣ есть за Волгой золото? Быть того не можетъ! Шутки ты шутишь надъ нами, сказалъ удѣльный голова.

— Извѣстно, здѣсь въ Осиповкѣ опричь илу да песку нѣтъ ничего. А по близости найдется, сказалъ Стуколовъ.—Слушайте: дорóгой, какъ мы изъ австрійскихъ предѣловъ съ епископомъ въ Москву ѣхали, разсказалъ я ему про свои хожденья, говорилъ и про то, какъ въ сибирскихъ тайгахъ землянымъ масломъ заимствовался. Епископъ тутъ и открылся мнѣ: допрежь въ Москвѣ постоялый дворъ онъ держалъ, и нѣкіе отъ христіанъ земляное масло изъ Сибири ему важивали, въ осетрахъ да въ бѣлугахъ, еще въ меду. Епископа братъ путь-дорогу привезенному маслу показывалъ, куда, значитъ, слѣдуетъ идти ему. Хоть дѣло запретное, да находились люди, чтò съ радостью масло то покупали. Однакожь начальство свѣдало. Тогда и пришло на мысль епископу, чѣмъ тайно сбытомъ землянаго масла займоваться, лучше настоящимъ дѣломъ, какъ есть по закону, искать золота. Въ Сибирь не разъ Жировы ѣздили пріискà открывать. Найти золотой пріискъ тамъ немудреное дѣло, только нашему брату не дадутъ имъ пользоваться. Ты сыщешь, а богатый золотопромышленникъ изъ-подъ носу его у тебя выхватитъ, къ своимъ рукамъ приберетъ, а тебя изъ тайги-то въ зашей,

чтобъ и духа твоего тамъ не было. Это такъ, это я самъ видалъ, какъ въ Сибири проживалъ. И узналъ преосвященный нашъ владыка, что не далече отъ родины его, въ Калужской, значитъ, губерніи, тоже есть золото. Поглядѣли, въ самомъ дѣлѣ нашли песокъ золотой. Не оглашая дѣла, купили они золотоносное мѣсто у тамошняго барина, пятьдесятъ десятинъ. Въ Петербургъ пробы возили; тамъ пробу дѣлали и сказали, что точно тутъ золото есть *. Разсказавши про такое дѣло, епископъ и говоритъ: „Этимъ дѣломъ мнѣ теперь заниматься нельзя, санъ не дозволяетъ, но есть, говоритъ, у меня братья родные и други пріятели, они при томъ дѣлѣ будутъ... А передъ самымъ, говоритъ, отъѣздомъ моимъ въ Бѣлу-Криницу, мнѣ отписывали, что за Волгой по тамошнимъ лѣсамъ водится золото. Я, говоритъ, тебя туда за мѣсто послушанія пошлю спровѣдать, правду ль мнѣ отписывали, а если найдешь, предложи тамъ кому изъ христіанъ, не пожелаетъ ли кто со мной его добывать“.... Вотъ я и пришелъ сюда, творя волю пославшаго.

— Что жь, нашелъ? съ нетерпѣньемъ спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Видимо-невидимо! отвѣтилъ Стуколовъ. — Всю Сибирь вдоль и поперекъ изойди, такого богатства не сыщешь. Золото само изъ земли лѣзетъ.... Глядите!

---

* Истинное происшествіе. Кочуевъ, которому принадлежитъ первая мысль объ устроеніи бѣлокриницкой іерархіи, вмѣстѣ съ братьями Жировыми, купцомъ Заказновымъ и племянникомъ своимъ Александромъ Кочуевымъ, искали золото въ Калужской губерніи. Для этого въ 1849 году купили у г. Поливанова 50 десятинъ земли, и чтобы не огласить цѣли покупки, говорили, что думаютъ устроить химическій заводъ. Заказновъ привезъ въ Петербургъ непромытый песокъ, говоря что онъ взятъ на купленной у Поливанова землѣ. По свидѣтельству пробирера Гронмейера, въ пудѣ непромытаго песка съ глиной найдено было $6^1/_4$ долей золота и 25 долей серебра.

И вынувъ изъ кармана замшевый мѣшокъ, въ какихъ крестьяне носятъ деньги, Стуколовъ развязалъ его, и густая струя золотаго песку посыпалась на чайное блюдечко.

Всѣ столпились вкругъ стола и жадно смотрѣли на золотую струю. Ни слова, ни звука.... Даже дыханье у всѣхъ сперлось. Одинъ маятникъ стѣнныхъ часовъ мѣрно чикалъ за перегородкой.

Вдругъ скрипъ полозьевъ. Остановились у воротъ сани. Внизу забѣгали, въ сѣняхъ засуетились.

Патапъ Максимычъ очнулся и побѣжалъ гостей встрѣчать. Паломникъ, не торопясь, высыпалъ золотой песокъ съ блюдечка въ мѣшокъ и крѣпко завязалъ его.

— Гдѣ нашелъ?.. Въ коемъ мѣстѣ? спрашивалъ его Алексѣй, едва переводя духъ и схвативъ паломника за руку.

— Неподалеку отсюда, въ лѣсу.... равнодушно молвилъ Стуколовъ, кладя мѣшокъ въ карманъ.

Загорѣлись у Алексѣя глаза. „Вотъ счастье-то Богъ посылаетъ“, подумалъ онъ... „Накопаю я этого масла, тогда“...

Патапъ Максимычъ вошелъ въ горницу, ведя пóдъ руку старика Снѣжкова. За нимъ шелъ молодой Снѣжковъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Струя золотаго песку, пущенная паломникомъ, ошеломила гостей Патапа Максимыча. При Снѣжковыхъ разговоръ не клеился. Данилѣ Тихонычу показалось страннымъ, что ему отвѣчаютъ нé-хотя и невпопадъ и что самъ хозяинъ былъ какъ бы не по себѣ.

„Чтó за притча такая?“ думаютъ Снѣжковы. „Звали именинный пиръ пировать, невѣсту хотѣли показывать, родниться затѣвали, а прiѣхали — такъ хоть бы пустымъ словомъ встрѣтили насъ. Будто и не рады, будто мы

лишніе, нежданные.“ Коробило отца Снѣжкова—самолюбивъ былъ старикъ.

Межь тѣмъ Патапъ Максимычъ, улуча минуту, подошелъ къ Стуколову. Стоя у божницы, паломникъ внимательно разглядывалъ старинныя иконы. Патапъ Максимычъ вызвалъ его на пару словъ въ боковушу.

— Это Снѣжковы пріѣхали, сказалъ онъ,—богатые купцы самарскіе, старикъ-отъ мнѣ большой пріятель. Денегъ куча, никакихъ капиталовъ онъ не пожалѣетъ на развѣдки. Сказать ему, что ли?

— Оборони Господи! отвѣчалъ Стуколовъ.—Строго-нáстрого наказано, чтобъ опричь здѣшнихъ жителей никому словечка не молвить.... Тамъ послѣ что̀ Богъ дастъ, а теперь нельзя.

Не по нраву пришлись Чапурину слова паломника. Однако сдѣлалъ по его: и куму Ивану Григорьичу, и удѣльному головѣ, и Алексѣю шепнулъ, чтобъ до поры до времени они про золотые пріиски никому не сказывали. Дюкова учить было нечего, тотъ былъ со Стуколовымъ заодно. Къ тому же парень былъ не говорливаго десятка, въ молчанку больше любилъ играть.

Кой-какъ завязалась бесѣда, но бесѣдовали не весело. Не стала веселѣй бесѣда и тогда, какъ вошла въ горницу Аксинья Захаровна съ дочерьми и гостьями. Манеѳа не вышла взглянуть на суженаго племянницы.

Когда Настя входила въ горницу, молодой Снѣжковъ стоялъ возлѣ Алексѣя. Онъ былъ одѣтъ „по-модному“: въ щегольской коротнополый сюртукъ и черный открытый жилетъ, на немъ блестѣла золотая часовая цѣпочка, со множествомъ разныхъ привѣсокъ. Бѣлье на Снѣжковѣ было чистоты бѣлоснѣжной, на лѣвой рукѣ бѣлая перчатка была натянута. Михайло Данилычъ принадлежалъ къ числу „образованныхъ старообрядцевъ“, что̀ давно появились въ

столицахъ, а лѣтъ двадцать тому назадъ стали показываться и въ губерніяхъ. Строгіе рогожскіе уставы не смущали ихъ. Не вѣрили они, чтобъ въ иноземной одеждѣ, въ клубахъ, театрахъ, маскарадахъ много было грѣха, и Михайло Данилычъ не разъ, сидя въ особой комнатѣ Новотроицкаго, съ сигарой въ зубахъ, за стаканомъ шампанскаго, отъ души хохоталъ съ подобными себѣ надъ увѣщаньями и проклятьями рогожскаго попа Ивана Матвѣича, въ новыхъ обычаяхъ видѣвшаго конечную погибель старообрядства.

Михайло Данилычъ былъ изъ себя красивъ, легкія рябины не безобразили его лица; взглядъ былъ веселый, открытый, умный. Но какъ невзраченъ показался онъ Настѣ, когда она перевела взоръ свой на Алексѣя!

Патапъ Максимычъ познакомилъ съ женой и дочерьми. Усѣлись: старикъ Снѣжковъ рядомъ съ хозяйкой, принявшейся снова чай разливать, сынъ возлѣ Патапа Максимыча.

— Просимъ полюбить насъ, лаской своей не оставить, Аксинья Захаровна, говорилъ хозяйкѣ Данило Тихонычъ.— И парнишку моего лаской не оставьте.... Вы не смотрите, что на немъ такая одёжа.... Чтò станешь дѣлать съ молодежью? Въ городѣ живемъ, въ столицахъ бываемъ; нельзя.... А по душѣ, сударыня, парень онъ у меня хорошій, какъ есть, нашего стараго завѣта.

— Чтò про то говорить, Данило Тихонычъ, отвѣчала Аксинья Захаровна, съ любопытствомъ разглядывая Михайла Данилыча и переводя украдкой глаза на Настю.—Извѣстно, люди молодые, незрѣлые. Не на вѣтеръ стары люди говаривали: „незрѣлъ виноградъ невкусенъ, младъ человѣкъ неискусенъ; а молоденькой умокъ, чтò весенній ледокъ“.... Пройдутъ, батюшка Данило Тихонычъ, красные-то годы, пройдетъ молодость: возлюбятъ тогда и одёжу

степенную, святыми отцами благословенную и намъ, грѣшнымъ, заповѣданную; возлюбятъ и старинку нашу боголюбезную, свычаи наши да обычаи, что̀ дѣдами, прадѣдами, нерушимо уложены.

— Это вы правильно, Аксинья Захаровна, отвѣчалъ старый Снѣжковъ.—Это, значитъ, вы какъ есть въ настоящую точку попали.

— Куда я попала, батюшка? съ недоумѣньемъ спросила Аксинья Захаровна.

— Въ настоящую точку, значитъ, въ линію, какъ есть, отвѣтилъ Данило Тихонычъ.—Потому, значитъ, въ вашихъ словахъ окромя настоящей справедливости нѣтъ ничего-съ.

— Не въ домекъ мнѣ, глупой, ваши умныя рѣчи, сказала Аксинья Захаровна.—Мы люди простые, темные, захолустные, простите насъ Христа ради!

— А ты слушай, да рѣчей не перебивай, вступился Патапъ Максимычъ, и безмолвная Аксинья Захаровна покорно устремила взоръ свой къ Снѣжкову: „Говорите молъ, батюшка Данило Тихонычъ, слушать велитъ“.

Прочіе кто были въ горницѣ молчали, глядя въ упоръ на Снѣжковыхъ.... Пользуясь тѣмъ, Никифоръ Захарычъ тихохонько вздумалъ пробраться за стульями къ завѣтному столику, но Патапъ Максимычъ это замѣтилъ. Не ворочая головы, а только скосивъ глаза, сказалъ онъ:

— Алексѣй!

Алексѣй проснулся изъ забытья. Все время сидѣлъ онъ опустя глаза въ землю и не слыша что̀ вкругъ его говорится... Золото, только золото на умѣ у него... Услышавъ хозяйское слово и увидя Никифора, всталъ. Волкъ повернулъ назадъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, съ тяжелымъ вздохомъ усѣлся у печки, возлѣ выхода въ боковушу. И ужъ какъ же ругался онъ самъ про себя.

— По нынѣшнимъ временамъ, сударыня Аксинья Заха-

ровна, продолжалъ свои рѣчи Данило Тихонычъ,—нашему брату купцу, особенно изъ молодыхъ, никакъ невозможно старыхъ обычаевъ во всемъ соблюсти. Что̀ станешь дѣлать? Такія времена пришли!... Изойдите вы теперь всѣ хорошіе дома по московскому аль по петербургскому купечеству, изъ нашего то-есть сословія, вездѣ это найдете.... Да и что̀ за грѣхъ, коли правду сказать, Аксинья Захаровна? Была бы душа чиста да свята. Такъ ли? Всѣ эти грѣхи, не смертные, всѣ эти грѣхи замолимые. Покаемся, Богъ дастъ успѣемъ умолить Создателя.... а некогда да недосугъ, праведниковъ да молитвенниковъ попросимъ. Они свое дѣло знаютъ—разомъ замолятъ грѣхъ.

— Велика молитва праведниковъ предъ Господомъ, съ набожнымъ вздохомъ молвила Аксинья Захаровна.

Стуколовъ нахмурился. Какъ ночь смотритъ, глазъ не сводя со стараго краснобая.

— Я вамъ, сударыня Аксинья Захаровна, про одного моего пріятеля разкажу, продолжалъ старикъ Снѣжковъ.— Стужинъ есть Семенъ Елизарычъ въ Москвѣ. Страшный богачъ: двадцать пять тысячъ народу у него на фабрикахъ кормится. Слыхали, поди, Патапъ Максимычъ, про Семена Елизарыча? А можетъ-статься и встрѣчались у Макарья— онъ туда каждый годъ ѣздитъ.

— Какъ про Стужина не слыхать, отвѣтилъ Патапъ Максимычъ: — люди извѣстные. Милліонахъ, слышь, въ десяти.

— Посчитать, и больше наберется, отвѣчалъ Данило Тихонычъ.—Поистинѣ, не облыжно доложу вамъ, Аксинья Захаровна, такихъ людей промежъ нашихъ христіанъ, древляго то-есть благочестія, не много найдется.... Столпъ благочестія!... Адамантъ!... Да-съ. Такъ его рогожскій священникъ нашъ, батюшка Иванъ Матвѣичъ, и въ глаза и за глаза зоветъ, а матушка Пульхерія, рогожская то-есть

игуменья, всѣмъ говоритъ, что вотъ безъ малаго сто годовъ она на свѣтѣ живетъ, а такого благочестія, какъ въ Семенѣ Елизарычѣ, ни въ комъ не видывала.... Черезъ него, сударыня Аксинья Захаровна, можно сказать, все Рогожское держится, имъ только и дышетъ. Потому— знаете отъ начальства нонѣ строгости, а Семенъ Елизарычъ съ высокими людьми водитъ знакомство.... И оберегаетъ

— Дай ему Богъ добраго здоровья и души спасенія, набожно, вполголоса, проговорила Аксинья Захарова.—Слыхали и мы про великія добродѣтели Семена Елизарыча. Сирымъ и вдовымъ заступникъ, нищей братіи щедрый податель, страннымъ покой, болящимъ призрѣніе.... Дай ему Господи тѣлеснаго здравія и душевнаго спасенія....

— Такъ-съ, отвѣтилъ Данило Тихонычъ. — Истину изволите говорить, сударыня Аксинья Захаровна.... Ну, а ужь насчетъ хоша бы, примѣромъ будучи сказать, этого табачнаго зелья, и дѣткамъ не возбраняетъ, и самъ въ чужихъ людяхъ не брезгуетъ.... На этомъ ужь извините...

— Сквернится? грустно чуть не со слезами на глазахъ спросила Аксинья Захаровна.

— Одно слово—извините! съ улыбкой отвѣчалъ Данило Тихонычъ.

Стуколовъ плюнулъ, всталъ со стула, быстро прошелся раза два въ сторонкѣ и, нахмуренный пуще прежняго, усѣлся на прежнее мѣсто.

— Чтò дѣлать, сударыня? продолжалъ Снѣжковъ.— Слабость, соблазнъ; на всякій часъ не устоишь. Не мало Семена Елизарыча матушка Пульхерія началитъ. Журитъ она его, журитъ, вычитаетъ ему все чтò слѣдуетъ, а напослѣдокъ смилуется и сотворитъ прощенье. „Дѣлать нечего, скажетъ; грѣхи твои на себя вземлемъ, только вѣру крѣпко храни..... Будешь вѣру хранить, о грѣхахъ не тужи: замолимъ.“

— Много можетъ молитва праведника, съ набожнымъ вздохомъ промолвила Аксинья Захаровна.—Единъ праведникъ за тысячу грѣшниковъ умоляетъ.... Не прогнѣвался еще до конца на насъ грѣшныхъ Царь Небесный, посылаетъ въ міръ праведныхъ.... Вотъ и у насъ своя молитвенница есть.... Сестра Патапу-то Максимычу, матушка Манеѳа комаровская. Можетъ, слыхали?

— Много наслышаны, отвѣчалъ Снѣжковъ.—По нашимъ мѣстамъ сказываютъ, что у ней въ обители отмѣнно хорошо и по чину содержится все.... Да, сударыня Аксинья Захаровна, это точно-съ, дана вамъ благодать Божія.... Со своей молитвенницей не въ примѣръ спокойнѣе жить. Иной, чувствуя прегрѣшенія, и захотѣлъ бы самъ грѣхи свои замаливать, да сами посудите, есть ли время ему?... Недосуги, хлопоты.... Хоть нашего брата возьмите, какъ, при нашей то-есть коммерціи, станешь грѣхи замаливать? Суета все: кричишь, бранишься, ссоришься, времени-то и не хватаетъ на Божіе дѣло.... Да и то сказать: примешься самъ-то замаливать, да не зная сноровки, еще пуще, пожалуй, на̀ душу-то нагадишь. Вѣдь во всякомъ дѣлѣ надо сноровку знать.... А праведнику это дѣло завсегда подходящее, потому что онъ на томъ ужь стоитъ. Онъ ужь маху не дастъ, потому сноровку въ своемъ дѣлѣ знаетъ, за дѣло взяться умѣетъ. А намъ куда! Не пори, коли шить не умѣешь.... Ваше дѣло женское, еще туда-сюда, потому что домосѣдничаете и молитвамъ больше нашего навыкли, а какъ нашъ-отъ братъ примется, курамъ на смѣхъ—хоть дѣло все брось.... Ха-ха-ха!...

И раскатился старый Снѣжковъ громкимъ хохотомъ. Но кромѣ сына, никто не улыбнулся ни на рѣчи, ни на хохотъ его. Всѣ молча сидѣли, Аграфена Петровна особенно строго поглядѣла на разкащика, но онъ не смот-

рѣлъ въ ея сторону. Стуколова такъ и подергивало; едва могъ себя сдерживать. Аксинья Захаровна про себя какую-то молитву читала.

Чтобы поворотить разговоръ на другое, Патапъ Максимычъ напомнилъ Снѣжкову:

— Такъ что́ жь про Стужина-то зачали вы, Данило Тихонычъ?

— Насчетъ нонѣшней молодежи хотѣлъ сказать, отвѣчалъ Данило Тихонычъ.—У Семена Елизарыча, продолжалъ онъ, обращаясь къ Аксиньѣ Захаровнѣ,— сынки-то во фракахъ, сударыня, щеголяютъ,—знаете, въ этакой курткѣ съ хвостиками?... Всему обучены... А ежели теперь придти на балъ, али въ театрѣ на нихъ посмотрѣть, отъ графовъ да отъ князей ничѣмъ отличить невозможно, купецкаго званія и духу нѣтъ... А коммерція изъ рукъ не валится, большая помога отцу. Въ коммерческой академіи обучались, произошли всякую науку, медали за ученье получили, не на вывѣску только, а карманныя, безъ ушковъ, значитъ, и ленты нѣтъ, прибавилъ онъ, поправляя висѣвшую у него на шеѣ, на Аннинской лентѣ, золотую медаль. — Ну, да хоть и безъ ушковъ, а все же медаль, по́честь, значитъ... На дочерей бы Семена Елизарыча посмотрѣли вы, Аксинья Захаровна, ахнули бы, просто бы ахнули... По французскому такъ и рѣжутъ, какъ есть самыя настоящія барышни. И если гдѣ балъ, танцуютъ вплоть до утра, и въ театры ѣздятъ, въ грѣхъ того, по нонѣшнимъ временамъ, не поставляютъ. А ужь одѣваются какъ, по триста да по четыреста цѣлковыхъ платье... И всякую мелочь даже на нихъ, до послѣдней, съ позволенія сказать, исподницы, шьютъ французенки на Кузнецкомъ мосту... Поглядѣли бы вы, какъ на балъ онѣ разодѣнутся,—любо-дорого посмотрѣть.... Въ позапрошломъ году, зимой, сижу я разъ вечеромъ у Семена Елизарыча, было еще изъ нашихъ че-

ловѣка два; сидимъ про дѣла толкуемъ, а чай разливаетъ матушка Семена Елизарыча, старушка древняя, рѣдко когда и въ люди кажется, больше все на молитвѣ, въ своемъ мезонинѣ пребываетъ. Хозяюшка-то Семена Елизарыча въ ту́ пору на балъ съ дочерьми собиралась въ купеческо собраніе. Въ первый разъ дочерей-то везла туда... Бабушкѣ, понятно дѣло, хочется тоже поглядѣть какъ внучки-то вырядятся. Напоила насъ чаемъ, а сама сидитъ въ гостиной, нейдетъ въ свою горенку, дожидается... И вышли внучки, въ дорогія кружева разодѣты, всѣ въ цвѣтахъ, ну, а руки-то по́ локоть, какъ теперь водится, голы, и шея до плечъ голая, и груди на половину... Какъ взвидѣла ихъ Божія старушка, такъ и всплеснула руками. „Матушки, кричитъ, совсѣмъ нагія!" Да и ну насъ турить вонъ изъ гостиной. „Уйдите, говоритъ, отцы родные, Христа ради, уйдите: не глядите на дѣвокъ, не срамите ихъ". Такъ мы со смѣху и померли.

Съ изумленьемъ глядѣли всѣ на Снѣжкова. Аксинья Захаровна руки опустила, ровно столбнякъ нашелъ на нее, только шепчетъ вполголоса:

— Мать Пресвята Богородица! И шея, и груди!... Господи помилуй, Господи помилуй!

Фленушка глаза опустила, Параша слегка покраснѣла, а Настя съ злорадной улыбкой взглянула на Данилу Тихоныча, потомъ на отца. Глаза ея заблистали.

Стуколовъ не выдержалъ. Раскаленными угольями блеснули черные глаза его и легкія судороги заструились на испитомъ лицѣ паломника. Порывисто вскочилъ онъ со стула, поднялъ руку, хотѣлъ что-то сказать, но... схвативъ шапку и никому не поклонясь, быстро пошелъ вонъ изъ горницы. За нимъ Дьяковъ.

— Куда вы?... Куда ты, Якимъ Прохорычъ?... говорилъ Патапъ Максимычъ, выбѣжавъ слѣдомъ за ними въ сѣни...

Не старый другъ, не чудный паломникъ, золото, золото уходило.

— Душѣ претитъ! отвѣчалъ Стуколовъ.—Не стерпѣть мнѣ хульныхъ рѣчей суеслова... Лучше уйдти.... Прощай, Патапъ Максимычъ!... Прощай!...

— Да что̀ ты... Полно!... Господь съ тобой, Якимъ Прохорычъ, твердилъ Патапъ Максимычъ, удерживая паломника за руку.— Вѣдь онъ богатый мельникъ, шутливо продолжалъ Чапуринъ, — двѣ мельницы у него есть на морѣ, на окіанѣ. Помолъ знатный: одна мелетъ вздоръ, друга чепуху... Ну и пусть его мелятъ... Тебѣ-то что̀?

— Не могу. Душа не терпитъ хульныхъ словесъ! отвѣтилъ Стуколовъ. — Прощай, пусти меня, Патапъ Максимычъ.

— Да куда жь ты, на́ ночь-то глядя? уговаривалъ его Патапъ Максимычъ.—Того и гляди мятель еще поднимется, слышь вѣтеръ какой!

— Мятели, вьюги, степные бураны давно мнѣ привычны. Слаще въ полѣ мерзнуть, чѣмъ уши сквернить мерзостью суесловія. Прощай!

Умаливалъ, упрашивалъ Патапъ Максимычъ стариннаго друга-пріятеля переночевать у него, насилу уговорилъ. Согласился Стуколовъ съ условіемъ, что не увидитъ больше Снѣжковыхъ, ни стараго, ни молодаго. Возненавидѣлъ онъ ихъ.

Патапъ Максимычъ кликнулъ въ сѣни Алексѣя.

— Якимъ Прохорычъ усталъ, отдохнуть ему хочется, сказалъ онъ.—У тебя пускай заночуетъ. Успокой его. А къ ужинѣ въ горницу приходи, примолвилъ Патапъ Максимычъ вполголоса.

Алексѣй съ паломникомъ внизъ пошли. Патапъ Максимычъ съ молчаливымъ купцомъ Дьяковымъ къ гостямъ воротились. Тамъ старый Снѣжковъ продолжалъ разсказы

про житье-бытье Стужина, знайте, дескать, съ какими людьми мы водимся!

„Чтò жь это такое?“ думалъ Патапъ Максимычъ, садясь возлѣ почетнаго гостя. „Коли шутки шутитъ, такъ эти шутки при дѣвкахъ шутить не годится... Неужели вправду онъ говоритъ? Чуднòе дѣло!“

Разсказывалъ Данило Тихонычъ про балы да про музыкальные вечера въ московскомъ купеческомъ собраніи, помянулъ и про голыя шеи.

— Да зачѣмъ же это у васъ дѣвокъ то такъ срамятъ? спросилъ наконецъ Патапъ Максимычъ.—Какой ради причины голыхъ дочерей людямъ-то кажутъ?

— Такъ водится, Патапъ Максимычъ, съ важностью отвѣтилъ Снѣжковъ.— Въ Петербургѣ аль въ Москвѣ завсегда такъ на балы ѣздятъ: и дѣвицы, и замужнія. Такое ужь заведенье.

— И замужнія? проговорилъ Патапъ Максимычъ, пристально поглядѣвъ на Снѣжкова.

— И замужнія, спокойно отвѣтилъ Данило Тихонычъ.— Безъ этого нельзя. Вездѣ такъ.

Ни слова Патапъ Максимычъ. „Чтò жь это за срамъ такой?“ разсуждаетъ онъ самъ съ собою. „Какъ же это жену-то свою голую напоказъ чужимъ людямъ возить?... Не ладно, не ладно!“...

Какъ нарочно, и молодой Снѣжковъ въ такіе же разсказы пустился. У него чтò у отца то же на умѣ было: похвалиться передъ будущимъ тестемъ: вотъ дескать съ какими людьми мы знаемся, а вы, дескать, сиволапые, живучи въ захолустьѣ, понятія не имѣете какъ хорошіе люди въ столицахъ живутъ. И разсказывалъ молодой Снѣжковъ про балы и маскарады, про танцы, какъ ихъ танцуютъ, про музыкальные вечера и театральныя представленья. Слушай, молъ Настасья Патаповна, какое тебѣ

житье будетъ развеселое; выйдешь замужъ за меня, какъ сыръ въ маслѣ станешь кататься. А она съ перваго взгляда понравилась Михайлѣ Данилычу, и ужъ думалъ онъ, какъ въ Москву съ ней переѣдетъ жить, танцовать ее и по-французски выучитъ, да разодѣвши въ шелки-бархаты, повезетъ на Большую Дмитровку въ купеческо собраніе. Такъ и ахнутъ всѣ: „откуда, молъ, взялась такая раскрасавица?“

— А лѣтомъ, продолжалъ онъ, — Стужины и другіе богатые купцы изъ нашихъ въ Сокольникахъ да въ Паркѣ на дачахъ живутъ. Собираются чуть не каждый Божій день вмѣстѣ всѣ, кавалеры, и дѣвицы, и молодыя замужнія женщины. Музыку ѣздатъ слушать, верхомъ на лошадяхъ катаются...

— Какъ же это верхомъ, Михайло Данилычъ? спросила Аксинья Захаровна.— Этого мнѣ старухѣ что-то ужь и не понять? Неужли и дѣвицы, и молодицы на кóняхъ верхомъ?

— Верхóмъ, Аксинья Захаровна, отвѣчалъ Снѣжковъ.

— Ай, срамъ какой! вскрикнула Аксинья Захаровна, всплеснувъ руками.—Въ штанахъ?

— Зачѣмъ въ штанахъ, Аксинья Захаровна? отвѣчалъ Михайло Данилычъ, удивленный словами будущей тещи.— Платье для того особое шьютъ, длинное, съ хвостомъ аршина на два. А на кóней бокомъ садятся.

Дѣвушки зардѣлись. Аграфена Петровна строгимъ взглядомъ окинула разкащика. Настя посмотрѣла на Патапа Максимыча, и на душѣ ея стало веселѣе; чуяла сердцемъ отцовскія думы.

Схвативъ украдкой Фленушку за руку, шепнула ей:

— Не бывать сватовству.

Фленушка головой кивнула.

Въ это время Настя взглянула на входившаго Алексѣя

и улыбнулась ему свѣтлой, ясной улыбкой. Не замѣтилъ онъ того, — вошелъ мрачный, сѣлъ задумчивый. Видно, крѣпкая дума сидитъ въ головѣ.

— Молодость! молвилъ старый Снѣжковъ, улыбаясь и положивъ руку на плечо сыну. — Молодость, Патапъ Максимычъ: веселье одно на умѣ... Чтò жь?... Молодой квасъ и тотъ играетъ, а коли младъ человѣкъ не добѣсится, такъ на старости съ ума сойдетъ.... Веселись, пока молоды. Состарятся, покрайности будетъ чѣмъ молодые годы свои помянуть. Такъ ли, Патапъ Максимычъ?

— Такъ-то оно такъ, Данило Тихонычъ, отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.—Только я, признаться сказать, не пойму что-то вашихъ рѣчей... Не могу я въ домекъ себѣ взять, чтò такое вы похваляете... Неужли вездѣ наши христіане по городамъ стали такъ жить?... Въ Казани, къ примѣру сказать, аль у васъ въ Самарѣ?

— Ну, не какъ въ Москвѣ, а тоже живутъ, отвѣчалъ Данило Тихонычъ.—Вотъ по осени въ Казани гостилъ я у дочери, къ зятю на именины попалъ, важнецкій балъ задалъ, почитай весь городъ былъ. До заутрень танцовали.

— И дочки? спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Какъ же! Онѣ у меня на все горазды. Въ пансіонѣ учились. И по-французски говорятъ, и все.

— И одѣваются какъ Стужины? слегка прищуривъ глаза и усмѣхнувшись, спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Извѣстно дѣло, отвѣчалъ Данило Тихонычъ.—Какъ люди, такъ и онѣ. Варвара у меня, меньшая, чтò за Буркова выдана, за Сергѣя Абрамыча, такая охотница до этихъ баловъ, что чудо.... И спитъ и видитъ.

— Чудны дѣла Твоя, Господи, чудны дѣла Твоя! проговорилъ Патапъ Максимычъ. Больно не по себѣ ему стало.

Ужинъ готовъ. Патапъ Максимычъ сталъ гостей за

столъ усаживать. Явились и стерляди, и индѣйки, и другія кушанья, на славу Никитишной изготовленныя. Отличилась старушка: такъ настряпала, что не жуй, не глотай, только съ диву брови подымай. Молодой Снѣжковъ, набравшійся въ столицахъ толку по части изысканныхъ обѣдовъ и тонкихъ винъ, не могъ скрыть своего удивленья и сказалъ Аксиньѣ Захаровнѣ:

— Отмѣнно приготовлено! Изъ городу видно повара-то брали?

— Какой у насъ поваръ! скромно и даже приниженно отвѣчала столичному щеголю простая душа, Аксинья Захаровна.—Дома, сударь, стряпали—сродственница у насъ есть, Дарья Никитишна—ея стряпня.

Надивиться не могли Снѣжковы на убранство стола, на вина, на кушанья, на камчатное бѣлье, хрусталь, и серебряные приборы. Хоть бы въ Самарѣ, хоть бы у Варвары Даниловны Бурковой, задававшей ужины на славу всей Казани... И гдѣ жь это?... Въ лѣсахъ, въ заволжскомъ захолустьи!...

Смекнулъ Патапъ Максимычъ чему гости дивуются. Повеселѣлъ. Ходитъ, потирая руки, вокругъ стола, подчуетъ гостей, самъ приговариваетъ:

— Не побрезгуйте, Данило Тихонычъ, деревенской хлѣбомъ-солью... Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады... Просимъ не прогнѣваться, не взыскать на убогомъ нашемъ угощеньи.... Чѣмъ Богъ послалъ!... Вѣдь мы мужики сѣрые, необтесанные, городскимъ порядкамъ не обыкли... Наше дѣло лѣсное, живемъ съ волками, да съ медвѣдями... Да подчуй, жена; чего молчишь, дорогихъ гостей не подчуешь?

— Покушайте, гости дорогіе, заговорила въ свою очередь Аксинья Захаровна. — Чтò мало кушаете, Данило Тихонычъ? Аль вамъ хозяйской хлѣба-соли жаль?

— Много довольны, сударыня Аксинья Захаровна, раз-

глаживая бороду, сказалъ старый Снѣжковъ,—довольны-предовольны. Власть ваша, больше никакъ не могу.

— Да вы нашу-то рѣчь, послушайте—приневольтесь да покушайте! отвѣчала Аксинья Захаровна.—Вѣдь по-нашему, по-деревенскому, что̀ порушено, да не скушано, то хозяйкѣ покоръ. Пожалѣйте хоть маленько меня, не срамите моей головы, покушайте хоть маленечко.

— Винца-то, винца, гости дорогіе, подчивалъ Патапъ Максимычъ, наливая рюмки.—Хвалиться не стану: добро не свое, покупное, каково не знаю, а люди пили такъ хвалили. Не знаю, какъ вамъ по вкусу придется. Кушайте на здоровье, Данило Тихонычъ.

— Знатное винцо, сказалъ Данило Тихонычъ, прихлебывая лафитъ.—Какія у васъ кушанья, какія вина, Патапъ Максимычъ! Да я у Стужина не разъ на именинахъ обѣдывалъ, у нашего губернатора въ царскіе дни завсегда обѣдаю—не облыжно доложу вамъ,—что вашими кушаньями, да вашими винами, хоть царя потчивать... Право отмѣнныя-съ.

— Наше дѣло лѣсное, самодовольно отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — У генераловъ обѣдать намъ не доводится, театровъ да баловъ сроду не видывали; а угостить хорошаго человѣка чѣмъ Богъ послалъ завсегда рады. Пожалуйте-съ, прибавилъ онъ, наливая Снѣжкову шампанское.

— Не многонько ли будетъ, Патапъ Максимычъ? сказалъ Снѣжковъ, слегка отстраняя стаканъ.

— Наше дѣло лѣсное, по-нашему, это вовсе немного. Пожалуйте-съ.

Двѣ бутылки роспили за наступающую именинницу.

Не обнесъ Патапъ Максимычъ и шурина, сидѣвшаго рядомъ съ приставленнымъ къ нему Алексѣемъ.... Было время, когда и Микѣшка, спуская съ забубенными друзьями по трактирамъ родительски денежки, зналъ толкъ въ

этомъ винѣ.... Взялъ онъ рюмку дрожащей рукою, вспомнилъ прежніе годы, и что-то ясное проблеснуло въ тусклыхъ глазахъ его... Хлебнулъ и сплюнулъ.

— Свекольникъ! молвилъ въ полголоса. — Мнѣ бы водочки, Патапъ Максимычъ.

Молча отошелъ отъ него Патапъ Максимычъ.

—

Чуть не дó полночи пировали гости за ужиномъ. Наконецъ разошлись. Не всѣ скоро заснули; у всякаго своя дума была. Ни сонъ, ни дрема что-то не ходятъ по сѣнямъ Патапа Максимыча.

Патапъ Максимычъ помѣстилъ Снѣжковыхъ въ задней боковушкѣ. Тамъ отецъ съ сыномъ долго толковали про житье-бытье тысячника, удивлялись убранству дома его, изысканному угощенью, и тому чинному, стройному во всемъ порядку, чтò, казалось, былъ издавна заведенъ у него. И про Настю толковали. Хоть не удалось съ ней слова перемолвить Михайлѣ Данилычу, хоть Настя цѣлый вечеръ глядѣла на него не ласково, но величавая, гордая красота ея сильно ударила пó сердцу щеголеватаго купчика. Только и мечталъ онъ, какъ разодѣнетъ ее въ шелки, въ бархаты на диво не Самарѣ, а самой Москвѣ, и какъ станутъ люди диноваться на его жену-раскрасавицу.... Старику Снѣжкову Настя тоже по нраву пришла.

Далъ маху Снѣжковъ, разсказавъ про Стужинскихъ дочерей. Еще больше остудилъ онъ сватовство, обмолвившись что и его дочери одѣваются также какъ Стужины.

Не первый годъ знался Снѣжковъ съ Патапомъ Максимычемъ; давно подмѣтилъ онъ въ немъ охоту стать на купецкую ногу и во всемъ обиходѣ подражать тузамъ торговаго міра. И то зналъ Данило Тихонычъ, что не строго

относится Чапуринъ къ нарушеньямъ старыхъ обычаевъ. Въ самомъ дѣлѣ, Патапъ Максимычъ никогда не бывалъ изувѣромъ, самъ частенько трунилъ надъ тѣми ревнителями стараго обряда, что̀ покрой кафтана и число на немъ пуговицъ возводятъ на степень догмата вѣры. Не гнушался и табашниками, и хоть сроду самъ не куривалъ, а всегда говаривалъ, что табакъ зелье не проклятое, а такая же Божья трава какъ и другія; въ иноземной одеждѣ, даже въ бритьѣ бороды ереси не видалъ, говоря что Богъ не на одёжу смотритъ, а на душу. Потому Снѣжковъ и былъ увѣренъ, что разсказъ про житье богатыхъ московскихъ старообрядцевъ будущему свату по мысли придется,—но такая судьба ему выпала, — оборва́лся... Сильно возмутила Патапа Максимыча мысль, что Михайло Данилычъ оголитъ Настю, и выставитъ съ обнаженными грудями чужимъ людямъ на показъ.

Всѣ улеглись. Никого не беретъ дрема, сонъ никому не смыкаетъ глазъ.

Долго въ своей боковушкѣ разсказывала Аксинья Захаровна Аграфенѣ Петровнѣ про все чудное, что̀ творилось съ Настасьей съ того дня какъ отецъ сказалъ ей про суженаго. Толковали потомъ про молодаго Снѣжкова. И той, и другой не пришелся онъ по нраву. Смолкла Аксинья Захаровна, и вмѣсто плаксиваго ея голоса послышался легкій старушечій храпъ: започила сномъ именинница. Смолкли въ свѣтлицѣ долго и весело щебетавшія Настя съ Фленушкой. Во всемъ дому стало тихо, лишь въ передней горницѣ мѣрно стучитъ часовой маятникъ.

Самъ хозяинъ не спитъ, думу думаетъ. Раздѣлся, легъ— ни сонъ нейдетъ, ни дрема не беретъ... Стужинскія дочери ему вспоминаются, да чудный разсказъ Стуколова, да это золото, что̀ не далёко гдѣ-то въ землѣ сокрыто

лежитъ. Заведетъ глаза Патапъ Максимычъ — и видитъ золотую струю, текущую изъ кошеля паломника. И думаетъ онъ, передумываетъ, какъ примется земляное масло копать, какъ выйдетъ въ милліонщики. Полно тогда за Волгой жить... Хоть и жаль разставаться съ родиной, да нечего дѣлать, придется... И вотъ ужъ строитъ онъ въ Питерѣ каменный домъ, да такой, что пѣшій ли, конный ли только-что съ нимъ поверстаются, такъ ахаютъ съ дива: „экъ, молъ, какія палаты сгромоздилъ себѣ Патапъ Максимовъ, Чапуринъ сынъ!"... „Нечего дѣлать, въ гильдію записаться надо, потому что тогда заграничный торгъ заведемъ, свои конторы будемъ имѣть.... Въ славу войду, въ силу.... Медали, кресты, мундиры, коммерціи совѣтникъ!.. Съ министрами въ компаніи, обѣды задаю, не то что̀ Никитишнины. И самъ у министровъ въ почетныхъ гостяхъ!... Кланяются мнѣ, ублажаютъ, угодить стараются: чуютъ тугой карманъ!... Чего не захотѣлъ, какъ по щучьему велѣнью все передъ тобой... Больницъ на десять тысячъ кроватей настрою, богадѣленъ... всѣхъ бѣдныхъ, всѣхъ сирыхъ, безпомощныхъ призрю, успокою... Волгу надо расчиститъ: мели да перекаты больно народъ одолѣваютъ... Расчищу, пускай люди добромъ поминаютъ... Дорогъ желѣзныхъ вездѣ настрою, вездѣ... И свѣдаетъ про меня самъ Батюшка, пожелаетъ видѣть самолично... Министры скачутъ, генералы, полковники, всѣ: „Патапъ Максимычъ, во дворецъ пожалуйте"... И выходитъ наше Красно Солнышко..."

Но тутъ вдругъ ему вспомнились разсказы Снѣжковыхъ про дочерей Стужина. И мерещится Патапу Максимычу, что Михайло Данилычъ оголилъ Настю чуть не до̀-пояса, посадилъ бокомъ на̀ лошадь и возитъ по московскимъ улицамъ... Народъ бѣжитъ, дивуется... Срамъ-отъ, срамъ-отъ какой!... А Настасья плачетъ, убивается, не охота позоръ

принимать... А дѣлать ей нечего: мужъ того хочетъ, а мужъ голова.

Вскочилъ съ постели Патапъ Максимычъ, и раздѣтый, босой, заложа руки зá спину, прошелъ въ большую горницу и зачалъ ходить по ней взадъ и впередъ.

„Руки пó локоть!.. Шея, плечи голыя и грудей половина!... Тьфу ты, мерзость какая!“ думаетъ онъ, расхаживая по горницѣ... „И дочери у него въ Казани также щеголяютъ... До заутрени пляшутъ!.. Люди Богу молиться, а онѣ голыя пляшутъ!... Иродіады, прости Господи!... Срамота!.. И всякъ на нихъ смотритъ, а онѣ хоть бы платочкомъ прикрылись, безстыжія, — нѣтъ... Верхомъ, съ хвостомъ, бокомъ на лошади по Сокольникамъ рыщутъ, ровно шуты какіе, скоморохи!... Ни стыда въ глазахъ, ни совѣсти!.... Нѣтъ, сударь, Михайло Данилычъ, ищи себѣ невѣсту въ иномъ мѣстѣ, а у насъ про тебя готовыхъ нѣтъ... Не рука намъ таковскій зять... Отдамъ я дѣтище свое на поруганье?... Выведу на позоръ родную дочь?... Да скорѣй въ землю живую ее закопаю, чѣмъ такое безчестье на родъ-племя приму... Ну, другъ любезный, Данило Тихонычъ, сходились мы съ тобой не бранились, дай Богъ разойтись не бранясь, а сыну твоему Настасьи моей не видать... Просимъ не прогнѣваться, ищите лучше насъ... Чуяло сердеченько у голубки!... А я-то на нее, мою ластовку, злобился, я-то, старый дуракъ, бранилъ ее, до слезъ доводилъ... Хорошъ отецъ!... Нечего сказать!... Ишь какого жениха дочери высваталъ!... Еще слава Богу, что вó-время себя выявили... Нѣтъ, дружище, Данило Тихонычъ, пріѣзду твоему радъ, ѣшь, пей у меня, веселися, а насчетъ свадьбы выкинь изъ головы... А я-то еще первый въ Городцѣ ему намеки намекалъ... Съ того и разговоры пошли... О Господи, Господи!... Чтó надѣлалъ я, чтó натворилъ...“

Долго ходилъ взадъ и впередъ Патапъ Максимычъ.

Мѣрный топотъ босыхъ ногъ его раздавался по горницѣ и въ сосѣдней боковушкѣ. Аксинья Захаровна проснулась, осторожно отворила дверь и, при свѣтѣ горѣвшей у иконъ лампады, увидѣла ходившаго мужа. Въ красной рубахѣ, съ разстегнутымъ косымъ воротомъ, съ засученными рукавами, весь багровый, съ распаленными глазами и всклоченными волосами, страшенъ онъ ей показался. Хотѣла спрятаться, но Патапъ Максимычъ замѣтилъ жену.

— Тебѣ что̀? спросилъ шепотомъ, но гроза и въ шепотѣ слышна была.

— Не спится что-то, Максимычъ... Про Настеньку все думается... едва слышно отвѣчала Аксинья Захаровна.

— Чего еще?... Ну? сказалъ Патапъ Максимычъ, остановясь передъ женой.

— Да я ничего... Извѣстно, твоя воля... Какъ хочешь...

И залилась бѣдная слезами.

— О чемъ заревѣла?... Гостей что ли перебудить?.. А?... грозно спросилъ именинницу Патапъ Максимычъ.

— Настасья съ ума нейдетъ, кормилецъ ты мой. Разрывается мое сердечушко, заснула было, такъ и во снѣ-то вижу ее, голубушку... Оголили... срамить ведутъ...

— Ну, ступай спать, мягкимъ голосомъ сказалъ женѣ Патапъ Максимычъ.—Утро вечера мудренѣе... Ступай же спи... Свадьбѣ не бывать.

Бро̀силась въ переднiй уголъ именинница и начала класть земные поклоны. Помолившись, кинулась мужу въ ноги.

— Богъ тебя спасетъ, Максимычъ, сказала она всхлипывая.—Отнялъ ты печаль отъ сердца моего.

— Полно же, полно, ступай... Спи, говорятъ тебѣ, молвилъ Патапъ Максимычъ.—Да ну же.... Тебѣ говорятъ...

Ушла въ свою боковушу Аксинья Захаровна. А Патапъ

Максимычъ все еще ходилъ взадъ и впередъ по горницѣ. Нейдетъ сонъ, не беретъ дрема.

Вдругъ слышитъ онъ возню въ сѣняхъ. Прислушивается—что-то тащатъ по полу... Не воры ль забрались?.. Отворилъ дверь: мать Манеѳа въ дорожной шубѣ со свѣчой въ рукахъ на порогѣ моленной стоитъ, а дюжая Анафролія съ Евпраксіей-канонницей, тащатъ внизъ по лѣстницѣ чемоданъ съ пожитками игуменьи.

Какъ взвидѣла брата матушка Манеѳа, такъ и присѣла на порогѣ. Анафролія стала на лѣстницѣ и разиня ротъ глядѣла на Патапа Максимыча. Канонница, какъ пойманный на шалостяхъ школьникъ, не знала куда руки дѣвать.

— Это чтò?... спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Я, братецъ... домой хочу... въ обитель собралась.... шептала Манеѳа.

— Домой?... А коль тебѣ домой захотѣлось, зачѣмъ же ты, спасёная твоя душа, воровскимъ образомъ, не простясь съ хозяевами, тихомолкомъ вздумала?... А?..

Молчала игуменья.

— Чтò жь это ты на срамъ что ли хочешь поднять меня передъ гостями?... А?... Нà смѣхъ ты это дѣлаешь что ли?... Да говори же спàсенница... Цѣлый, почитай, вечеръ съ гостьми сидѣла, всѣ ее видѣли, и вдругъ, ни съ того ни съ сего, ночью, въ самыя невѣсткины именины, домой собраться изволила!... Сказывай, чтò на умѣ?... Ну!... Да чтò ты, проглотила языкъ-отъ?

— Неможется... едва смогла проговорить Манеѳа.

— Неможется, такъ лежи. Умри, коли хочется, а сраму дѣлать не смѣй... Вишь чтò вздумала! Да я тебя въ моленной на три замка запру, шагу йзъ дому не дамъ шагнуть... Неможется!... Я тебѣ такую немоготу задамъ, что въ вѣкъ не забудешь... Шишь на мѣсто!... А вы, мокрохвостницы, что стали?... Тащите назадъ, да если опять

вздумаете, такъ у меня смотрите: таковскихъ засыплю, что до новыхъ вѣниковъ не забудете.

Нечего дѣлать. Осталась Манеѳа подъ одной кровлей съ Якимомъ Прохорычемъ... Осталась среди искушеній... Не подъ силу ей противъ брата идти: таковъ уродился— чего ни захочетъ, на своемъ поставитъ.

Запереть Манеѳу онъ не заперъ, но разбудивъ стараго Пантелея, далъ ему наказъ строго-на̀-строго глядѣть въ оба за скитскимъ работникомъ, что̀ пріѣхалъ съ Манеѳой изъ Комарова.

— Чтобъ къ обительскимъ лошадямъ и подходить онъ не смѣлъ, приказывалъ Патапъ Максимычъ,—а коль Манеѳа тайкомъ съ двора поѣдетъ — за̀-воротъ ее да въ избу... Такъ и тащи... А чужимъ не болтай, что̀ у насъ тутъ было, прибавилъ онъ, уходя, Пантелею.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Смущенная внезапнымъ появленьемъ Якима Прохорыча, Манеѳа не могла выдержать его присутствія и ушла съ Фленушкой къ себѣ въ заднюю.

Игуменья всѣмъ тѣломъ дрожала, едва на ногахъ держалась. Еле-еле дошла до горенки, опираясь на Фленушку.

— Что̀ съ тобой, матушка? говорила ей оторопѣвшая дѣвушка.—Аль неможется? Шалфейцемъ не напоить ли?.. Аль бузиной съ липовымъ цвѣтомъ?

— Не надо... Ничего не надо... отрывисто отвѣчала мать Манеѳа.

Когда вошли въ боковушку, тамъ никого не было. И здоровенная Анафролія, и богомольная Евпраксеюшка суетились въ стряпущей, помогали Никитишнѣ ужинъ наряжать.

Тяжело опустилась на стулъ Манеѳа. Фленушка взяла ее за руки. Какъ ледъ холодныя.

— Чтò это, матушка? сказала Фленушка.—Дай я раздѣну тебя, уложу, тепленькимъ напою, укутаю...

— Ахъ, Фленушка, моя Фленушка! страстнымъ, почти незнакомымъ дотолѣ Фленушкѣ голосомъ воскликнула Манеѳа и крѣпко обвила руками шею дѣвушки... Родная ты моя!... Голубушка!... Какъ бы знала ты да вѣдала!...

И горячо, страстно цѣловала Манеѳа глаза, щеки и уста Фленушки.

— Матушка, матушка! Чтò съ тобой? встревоженная необычными ласками всегда строгой, хоть до безумія любившей ее игуменьи, говорила Фленушка....—Матушка, успокойся, приллягъ....

— Постой, постой, мое дитятко, милая моя, сердечная ты моя дѣвочка!... Какъ бы знала ты!.... О Господи, Господи, не вмѣни во грѣхъ рабѣ твоей!.... Сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей, отжени отъ мене омраченіе помысловъ.... Уйди, Фленушка, уйди.... Кликни Евпраксеюшку съ Анафроліей... Ступай, ступай!...

Фленушка стала передъ Манеѳой на колѣна и горячо цѣловала ея руку.

— Не пойду я отъ тебя, матушка, сказала она со слезами.—Какъ мнѣ оставить больную тебя? Не сказать ли Аксиньѣ Захаровнѣ?

— Оборони Господи! вскликнула Манеѳа, вставая со стула и выпрямляясь во весь ростъ.—Прощай, Фленушка... Христосъ съ тобой... продолжала она уже тѣмъ строгимъ, начальственнымъ голосомъ, который такъ знакомъ былъ въ ея обители.—Ступай къ гостямъ.... Ты здѣсь останешься.... а я уѣду, сейчасъ же уѣду.... Не смѣй про это никому говорить... Слышишь?... Чтобъ Патапъ Максимычъ

какъ не узналъ.... Передъ свѣтомъ уѣду.... Дѣла есть, спѣшныя— письма получила.... Ступай же, ступай.... кликни Анафролію да Евпраксеюшку.

Вышла Фленушка, а Манеѳа закрыла лицо руками и тихо зарыдала.

Пришли Анафролія съ Евпраксіей. Воспрянула подвижница. Слезъ какъ не бывало. Коротко и внушительно отдавъ приказъ собрать ее тайкомъ въ дорогу, пошла она въ моленную. Тамъ упала ницъ передъ темными ликами угодниковъ, едва освѣщенными догоравшими лампадами, и громко зарыдала....

Встрѣча съ паломникомъ, котораго она въ живыхъ не чаяла, возмутила духовный миръ матери Манеѳы. Много недреманныхъ, молитвенныхъ ночей провела она въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ ради забвенія бурь и тревогъ, что̀ мутили ея душу во дни давно отжитой молодости. Заключась въ тѣсной кельѣ, строгая подвижница успѣла умирить треволненія души. Удаленіе отъ міра и его грѣховной суеты, строгій постъ, удрученіе плоти, чтеніе *Добротолюбія* и другихъ книгъ аскетическаго содержанія мало-по-малу покрывали благодатнымъ покровомъ забвенія все былое.... Годы шли. Рѣже и рѣже возставали въ ея памяти образы когда-то дорогихъ ей людей, и въ сердцѣ много и горячо любившей женщины воцарился наконецъ тихій миръ и вожделѣнный покой. Отжившую для міра черницу перестали тревожить воспоминанья о прежнихъ дняхъ, и если порой возникалъ предъ ея душевными очами милый когда-то образъ, строгая инокиня принимала его уже за навожденье лукаваго, раскрывала *Добротолюбіе*, и читая наставленія объ умной молитвѣ, погружалась въ созерцательное богомысліе и, Господу помогающу, прогоняла находившее на нее искушеніе.

И вдругъ не сонное видѣніе, не образъ зримый только

духомъ, а какъ есть человѣкъ во плоти, полный жизни, явился предъ нею.... Смутилась старица.... Насмѣялся врагъ рода человѣческаго надъ ея подвигами и богомысліемъ!... Для чего жь были долгіе годы душевной борьбы, къ чему послужили всякаго рода лишенія, суровый постъ, изможденіе плоти, слезная, умная молитва?... Неужли все напрасно?... Минута одна, и какъ вихремъ свѣяны двадцатипятилѣтніе труды, молитвы, воздыханія, все, все.....

Стоитъ мать Манеѳа въ моленной передъ иконами, плачетъ горькими, жгучими слезами. Хочетъ читать, ничего не видитъ, хочетъ молиться, молитва на умъ нейдетъ.... Міръ, суетный, грѣховный міръ, опять заговорилъ свое въ душевныя уши Манеѳы....

—

За Волгой, въ лѣсахъ, въ Черной Рамени, жилъ-былъ крестьянинъ, богатый мужикъ. У того у крестьянина дочка росла. Дочка росла, красой полнилася. Сама бѣлая, что кипѣнь, волосы бѣлокурые, а брови черный соболь, глаза—угольки въ огнѣ....

Матреной звали дочку Максима Чапурина.

Высокая, стройная, изъ себя красивая, дѣвушка цвѣтетъ молодостью. Много молодцовъ на ея красоту зарится, но гордая, спѣсивая, ласково взглянуть ни на кого не хочетъ Матренушка. Не мало сухоты навела на сердца молодецкія. Роемъ, бывало, вкругъ нея парни увиваются, но степенная, неприступная, глядѣть ни на кого не хочетъ она. И такая была у ней повадка важная, взглядъ да рѣчи такія величавыя, что ни одинъ парень къ ней подступиться не смѣлъ. Иной бахвалъ, набравшись смѣлости, подвернется порой къ спѣсивой красавицѣ съ рѣчами затѣйными, но Матренушка такъ его бывало отдѣлаетъ, что тотъ со стыда да со сраму не знаетъ убраться куда.

Хоть бы разъ какому ни на есть молодцу ласковое словечко промолвила, хоть бы разъ на кого взглянула привѣтливо.

Подружки ей говаривали:

— Что-й-то ты, Матренушка, гордая такая, спѣсивая? На всѣхъ парнѣй сѣрымъ волкомъ глядишь. Аль тебѣ, подруженька, никого по мысли нѣтъ?

— Чтд мнѣ до нихъ, отвѣтитъ, бывало, красавица. — Всѣ они нескладные, всѣ несуразные. И безъ нихъ проживу!

— Не проживешь, Матрена Максимовна. Славишься только, величаешься, смѣясь, говорили ей дѣвушки. — Кàкъ безъ солнышка денечка пробыть нельзя, такъ безъ милаго вѣку прожить нельзя.

— Полноте, дѣвушки! отвѣтитъ, бывало, бѣлокудрая красавица.—Это только одно баловство. Не хочу бàловаться, не стану любить никого.

— Полно, полно! Отъ любви, что отъ смерти, не зачураешься, говорили ей подруженьки.

— Ну ее совсѣмъ, молвитъ бывало Матренушка.—И знать ее не хочу! Спокойнѣй, дѣвушки, спится, какъ ни по комъ не гребтится.

Дѣвушки правду сказали: не отчуралась отъ любви Матрена Максимовна. До той поры она подругамъ не вѣрила, пока не спозналась съ Якимомъ Прохорычемъ.

Свидѣлись они впервые на супрядкахъ. Какъ взглянула Матренушка въ его очи рѣчистыя, какъ услышала слова его покорныя да любовныя, загорѣлось у ней нà-сердцѣ, отдалась въ полонъ молодцу.... Все-то цвѣтнд да краснд до той поры было въ очахъ ея, глядѣлъ на нее Божій міръ свѣтлорадостно, а теперь мутятся глазыньки, какъ не видятъ друга милаго. Безъ Якимушки и цвѣты не цвѣтнд цвѣтутъ, безъ него и деревья не краснд ростутъ во

дубравушкѣ, не свѣтло свѣтитъ солнце яркое, мглою-мо̀рокомъ кроется небо ясное.

Не сказала Матрена Максимовна про любовь свою отцу съ матерью, не ронила словечка ни родной сестрѣ, ни подруженькамъ: все затаила въ самой себѣ и попрежнему выступала гордой, спѣсивою.

А не мало ночей, до послѣднихъ кочстовъ, съ милымъ другомъ бывало сижено, не мало въ тѣ ноченьки тайныхъ, любовныхъ рѣчейбывало съ нимъ перемолвлено, по полямъ, по лугамъ съ добрымъ молодцомъ было похожено; по рощамъ,по лѣсочкамъ было погулено.... Раздавались, разступались кустики ракитовые; укрывали отъ людскихъ очей стыдъ дѣвичій, счастье молодецкое.... Лѣсъ не видитъ, поле не слышитъ; людямъ нѐ по что̀ знать....

Засылалъ стороной Якимъ Прохорычъ къ Чапурину, узнавалъ черезъ людей, какія мысли насчетъ дочери держитъ онъ, дастъ ли ей благословенье за него замужъ пойдти.

— Не по себѣ Якимъ дерево клонитъ, отвѣчалъ сватамъ Чапуринъ.—Богъ дастъ, сыщемъ зятя почище его. Нашъ товаръ вамъ не къ рукѣ, въ иномъ мѣстѣ поищите.

А какъ сваты уѣхали изъ Осиповки, кликнулъ къ себѣ Чапуринъ Матренушку. Спрашиваетъ: какъ узналъ ее Якимъ Стуколовъ, гдѣ видались они, про какія дѣла разговоры вели.

Зардѣлась Матренушка—кумачъ-кумачомъ. Слова не можетъ вымолвить. Слезы такъ и брызнули изъ очей ея.

— Сказывай!... Все по̀ ряду сказывай!... говорилъ отецъ, сурово глядя на Матренушку. Дрожалъ и обрывался отъ гнѣва голосъ его.

Стоитъ Матрена Максимовна какъ къ землѣ приросла. Молчитъ какъ не живая.

— Говори же, безстыжая! закричалъ Чапуринъ, схвативъ дочку за̀ руку.—Говори, не то разражу....

И поднялъ увѣсистый кулакъ надъ бѣлокудрой головкой дочери....

— Батюшка! крикнула Матренушка и безъ чувствъ упала къ отцовскимъ ногамъ.

Поглядѣлъ на помертвѣвшую дочь Максимъ Чапуринъ, плюнулъ и велѣлъ работнику лошадей запрягать.

Черезъ часъ времени, онъ ужь везъ ее въ Комаровскій скитъ.

Тамъ у него двоюродная сестра проживала, мать Платонида. Ей сдалъ Максимъ Чапуринъ дочь свою съ рукъ нá руки.

— Береги ты ее, мать Платонида, говорилъ онъ сестрѣ на прощаньѣ.—Глазъ не спускай съ нея. Чтобъ изъ кельи, опричь часовни, никуда она ноги не накладывала, и чтобъ къ ней никто не ходилъ. Въ оба гляди, чтобы грамотокъ къ ней не переносили, чтобъ сама не писала. Ни пера, ни бумаги чтобъ въ заводѣ у ней не бывало.... Сбережешь дѣвку, попомню добро твое,—останешься довольна.... Сундукъ съ поклажей, перину съ подушками, вели взять изъ саней, да вотъ тебѣ, покамѣсть, четвертная дѣвкѣ на харчи.... А въ келарню не пускай ея, пусть въ кельѣ обѣдаетъ, и ужинаетъ.... А это тебѣ матушка....

Разложилъ на столѣ подарки: сукно на шубу, черный платокъ драдедамовый, китайки на сарафанъ, икры буракъ, сахару голову, чаю фунтъ, своихъ пчелъ сотъ меду.

Мать Платонида не знаетъ какъ благодарить тороватаго братца, а у самой на умѣ: „полно теперь, мать Евсталія, платкомъ своимъ чваниться. Лучше моего нѣтъ теперь по всей обители. А какъ справлю суконную шубу на бѣличьемъ мѣху, лопнешь со злости, завидущія глаза твои“.

— Смотри же, мать Платонида, сбереги Матрену, продолжалъ Максимъ Чапуринъ.—Коимъ грѣхомъ не улизнула бы... Слышишь?

— Слушаю, братецъ, слушаю, кормилецъ ты мой, отвѣчала Платонида.—Все будетъ по приказу исполнено. Птицѣ къ окошку не дамъ подлетѣть, на единую пядь не отпущу отъ себя Матренушку, келарничать пойду — на замокъ замкну.

— И хорошее дѣло, отвѣтилъ Чапуринъ.—Въ самомъ дѣлѣ запирай-ка ее на замокъ. Надежнѣе.

— Да что̀ жь это, братецъ? спросила наконецъ мать Платонида. —Аль провинилась у тебя чѣмъ Матренушка?

— Большой провинности не было, хмурясь и нѐхотя отвѣчалъ Чапуринъ, — а покрѣпче держать ее не мѣшаетъ.... Берегись бѣды, пока нѣтъ ея, придетъ, ни замками, ни запорами тогда не поможешь.... Видишь ли что̀? продолжалъ онъ, понизивъ голосъ.—Да смотри, чтобъ слова мои не въ проносъ были.

— Что-й-то ты, братецъ! затараторила мать Платонида. — Возможно ли дѣло такія дѣла въ люди пускать?... Матрена мнѣ не чужая, своя тоже кровь. Вотъ тебѣ Спасъ милостивый, Пресвятая Богородица Троеручица—ни едина душа словечка отъ меня не услышитъ.

— То-то, смотри, молвилъ Чапуринъ.—Дѣвка молодая, изъ себя красовата, ха̀халишка одинъ припатился къ ней... Такъ, дрянь, голыдьба рѣшетная.... У самого за душой отродясь желѣзнаго гроша не бывало, а туда же свататься лѣзетъ.... Я его сватамъ оглоблю-то поворотилъ.... Вдругорядь не заглянутъ.... Да это что̀, пустяки, а вотъ что̀ гребтится мнѣ, матушка: Мотря-то сама, кажись, не прочь бы за того ха̀халя замужъ идти: боюсь чтобъ онъ не умчалъ ея, не повѣнчался бъ уходомъ.... Кажись, легче живому въ гробъ лечь: больно ужь онъ противенъ душѣ моей!... Встрѣтилъ бы его, кажется, такъ бы на мѣстѣ и положилъ.... А въ деревнѣ, сама разсуди, можно развѣ дѣвку ухоронить?... Вороватъ сталъ народъ: умчитъ ее, песъ,

какъ пить дастъ.... Такъ я и разсудилъ: до поры, до времени пусть ее погоститъ у тебя, дурь-то пока изъ головы у ней выйдетъ.... Сможешь ли такое дѣло сдѣлать?

— Какъ такого дѣла не сдѣлать? отозвалась Платонида.— Чужимъ дѣлывала, не то что своимъ. У насъ въ обители на этотъ счетъ крѣпко!... Въ позапрошломъ году у меня тоже двухъ дѣвокъ отъ уходу хоронили: Авдонинскихъ Лукерью, да Матюшину Татьяну Сергѣевну.... Ублюла, слава тѣ Господи... Ужь какихъ подвоховъ онѣ не подводили, а слава Богу, ухоронила.... Матюшина-то бывало—бѣда!.. И давиться-то хотѣла, и подушками-то душила себя, и мышьякомъ травиться было вздумала, а никакого дурна надъ ней не случилось.... Ублюла, братецъ, ублюла... На этотъ счетъ будьте спокойны.... А ты вели-ка ей, сударь, преподобному Моисею Мури́ну молиться; зѣло избавляетъ отъ блудныя страсти.

— Молитесь кому знаете, отвѣчалъ Чапуринъ. — Мнѣ бы только Мотря цѣла была, до другаго прочаго дѣла мнѣ нѣтъ.... Пуще всего гляди, чтобъ съ тѣмъ дьяволомъ пересылокъ у ней не заводилось.

— Одно слово: будьте спокойны, братецъ, сказала мать Платонида.—Сохраню Матренушку въ самомъ лучшемъ видѣ.... А кто же таковъ злодѣй-то?... Мнѣ бы надо знать, чтобы крѣпче опаску держать.... Кто таковъ полюбовникъ-отъ у ней?

— Ужь и полюбовникъ! гнѣвно крикнулъ Чапуринъ, грозно вскинувъ глазами на старицу.—Говори, да не заговаривайся.... Никакого полюбовника нѣтъ. Такъ себѣ, шальная голова, и все... Стуколовыхъ слыхала?

— Какъ не знать Стуколовыхъ, отвѣчала мать Платонида. — Семенъ Ермолаичъ благодѣтель нашей обители.

— Племянникъ ихній, Якимко, молвилъ Чапуринъ.— Чтобъ близко къ скиту не подходилъ онъ.... Слышишь?

— Слышу, батюшка братецъ, какъ не слыхать? сказала Платонида.—Знаю я и Якимку. Экой воръ какой!.... А еще все о божественномъ—книгочей.... Поди-ка вотъ съ нимъ, какими дѣлами вздумалъ заниматься!

Не ласково разстался Чапуринъ съ дочерью. Сулилъ плети ременныя, возжи варовенныя... Какъ смертный саванъ блѣдная, съ опущенными въ землю глазами, стояла предъ нимъ Матренушка, ни единаго слова она не промолвила.

Заперли рабу Божію въ тѣсную келійку. Окромѣ матери Платониды, да кривой, старой ея по́слушницы Фотиньи, никого не видитъ, никого не слышитъ заточенница.... Горе горемычное, сидѣнье темничное!... Гдѣ-то вы дубравушки зеленыя, гдѣ-то вы ракитовы кустики, гдѣ ты рожь матушка зрѣлая—высокая, овсы, ячмени усатые, что̀ крыли добра молодца съ красной дѣвицей?.... Келья высокая, окна-то узкія съ желѣзными перекладами: ни выпрыгнуть, ни вылѣзти.... Нельзя подать вѣсточки другу милому...

Мать изъ деревни пріѣхала къ Матренушкѣ, да сестра замужняя. Погоревали, поплакали, пособить горю не могли. Су́противъ отцовской воли какъ идти?...

Хоть и завѣрялъ Платониду Чапуринъ, что за Матренушкой большой провинности нѣтъ, а на дѣлѣ вышло не то.... Платонидѣ такія дѣла бывали за обычай: не одна купецкая дочка въ ея кельѣ дѣвичій грѣхъ укрывала.

Не спознали про Матренушкинъ грѣхъ ни отецъ, ни сестра съ братьями, и никто изъ обительскихъ кромѣ матушки игуменьи да послушницы Фотиньи. Мастерица была концы хоронить мать Платонида...

Во время родовъ мать Платонида не отходила отъ Матренушки. Зажгла передъ иконами свѣчу богоявленскую и громко, истово, безъ перерывовъ, принялась читать ака-

ѳистъ Богородицѣ, стараясь покрывать своимъ голосомъ стоны и вопли страдалицы. Прочитавъ акаѳистъ, обратилась она къ племянницѣ, но не съ словомъ утѣшенія; не съ словомъ участія. Небесной карой принялась грозить Матренушкѣ за проступокъ ея.

— Чтò, тяжело? язвила ее Платонида, стоя у изголовья.—На томъ свѣтѣ не то еще будетъ!... Весело теперь?... Сладко?... Погоди, не избѣжать тебѣ муки вѣчныя, тьмы кромѣшныя, скрежета зубнаго, червя безконечнаго, огня негасимаго!... Огнь, жупелъ, смола кипучая, геенскія томленія.... А это чтò за муки!

— Матушка!... Родная ты моя!... упавшимъ голосомъ, едва слышно говорила дѣвушка.—Помолись Богу за меня, за грѣшницу...

— Не доходна дò Бога молитва за такую! сурово отвѣтила ей Платонида.—Теперь въ аду бѣсы пляшутъ, радуются... Видала на иконѣ Страшнаго Суда какое мученье за твой грѣхъ уготовано?... Видала?... Слушай: „не еже здѣ мучитися люто, но òна вѣчна мука страшна есть и самимъ бѣсомъ трепетна"... Готовятъ тебѣ крюки каленые!..

— Матушка! матушка!... прости ты меня, Христа ради!... Мнѣ бы исправиться... * Смертный часъ приходитъ... Не переживу я...

— Исправой грѣха твоего не загладить... Многіе годы слезъ-покаянья, многія ночи безъ сна на молитвѣ, строгій постъ, умерщвленіе плоти, отреченье отъ міра, отъ всѣхъ его сòблазновъ, безысходное житье во иноческой кельѣ, черная ряса, тяжелы вериги... Вотъ чѣмъ цѣлить грѣхъ твой великій...

— Матушка!... Если Господь помилуетъ меня... я готова... отрекусь отъ міра... ото всего... манатью надѣну.... черную рясу...

---

* Избывѣдать ся.

— Обѣщаешися ли? спросила Платонида.

— Обѣщаюсь, проговорила дѣвушка.

— Обѣщаешися ли Христу?

— Обѣщаюсь...

— Принять ангельскій образъ иночества?

— Обѣщаюсь....

— Жить безысходно въ обители?

— Обѣщ....

Громко, пронзительно, нечеловѣческимъ голосомъ вскрикнула Матренушка... Стихла... Иной, тихій, слабенькій человѣчій голосокъ въ Платонидиной кельѣ раздался....

— Боже сильный, милостію вся строяй, молилась вслухъ Платонида, обратясь къ иконамъ, — посѣти рабу свою сію Матрену, исцѣли ю отъ всякаго недуга плотскаго и душевнаго, отпусти грѣхъ ея, и грѣховные соблазны, и всяку напасть, и всяко нашестіе непріязненно...

Дочку Богъ далъ. Завернула ее Платонида въ шубейку, отдала кривой Фотиньѣ, а та мигомъ въ сосѣдню деревню Елфимову спроворила.

Тамъ жилъ одинъ мужичокъ, Григорій Ильичъ. Пряниками торговалъ, и по скитамъ ребячьимъ дѣломъ заправлялъ: промыселъ тотъ не въ примѣръ былъ доходнѣй пряничной торговли. У Ильича въ избѣ ребенка обмыли, въ пеленки уложили. Заложилъ Григорій лошадку и въ Городецъ. Дорожка давнымъ-давно проторенная. Въ Городцѣ рѣдку недѣлю двухъ, трехъ подкидышей не бывало. И изъ скитовъ въ Городецъ же, бывало, младенцевъ возилъ Григорій Ильичъ. Свезетъ, сдастъ кому слѣдуетъ, а на деньги, что получилъ отъ честныхъ матерей, городецкихъ пряниковъ накупитъ, жемковъ, орѣховъ и продаетъ ихъ скитскимъ бѣлицамъ, да молодымъ богомольцамъ. Выручку получалъ хорошую.

Елфимовскій пряничникъ дѣвочку сдалъ на часовенномъ

дворѣ, старицѣ Салоникеѣ. Большая была начетчица та черница — строгая постница, великая ревнительница по древлему благочестію: двѣнадцать поповъ на своемъ вѣку отъ церкви въ расколъ сманила. И тѣмъ также по Бозѣ ревновала, чтобъ городецкихъ подкидышей непремѣнно пóсолонь въ старую вѣру крестить.

Дѣломъ не волоча, мать Салоникея снесла дѣвочку къ жившему при часовнѣ бѣглому попу. Тотъ окрестилъ и нарекъ ей имя Фаина. Мать Салоникея была воспреемницей часовенный уставщикъ Василій Барановъ былъ воспреемникомъ.

Таково было рожденіе Фленушки...

Въ тотъ же день Салоникея, идучи отъ вечерни, увидала на часовенномъ дворѣ знакомую молодицу. Зазвала ее къ себѣ, чайкомъ поподчивала, водочкой, пряничками, а потомъ и стала ей говорить:

— Вотъ, Авдотьюшка, пятый годъ ты, родная моя, замужемъ, а дѣтокъ Богъ тебѣ не даетъ... Не взять ли дочку преемную, богоданную? Господь не оставитъ тебя за добро и въ сей жизни, и въ будущей... Знаю, что достатки ваши не широкіе, да вѣдь не объѣстъ же васъ дѣвочка..... А можетъ-статься, выкупятъ ее у тебя родители,—люди они хорошіе, богатые, деньги большія дадутъ, тогда вы и справитесь...Право, Авдотьюшка, сотвори-ка доброе дѣло, возьми въ дочки младенца Фленушку.

Авдотьюшка поговорила съ мужемъ и согласилась принять богоданную дочку. И росла у ней Фленушка. Разлихая дѣвчонка росла.

Изъ семейныхъ о провинности Матрены Максимовны никто не узналъ, кромѣ матери. Отцу Платонида побоялась сказать — крутой человѣкъ, нà смерть забилъ бы родную дочь, а самъ бы пошелъ шагать за бугры ураль-

скіе, за великія рѣки сибирскія... Да и самой матери Платонидѣ досталось бы, пожалуй, на калачи.

Много и горько плакала мать надъ дочерью, не коря ея, не браня, не попрекая. Молча, лила она тихія, но жгучія слезы, прижавъ къ груди своей побѣдную голову Матренушки... Что дѣлать?... Дѣло непоправное!...

Въ ногахъ валялась она передъ Платонидой и даже передъ Фотиньей, Христомъ-Богомъ молила ихъ сохранить тайну дочери. Злы были на спѣсивую Матренушку осиповскіе ребята, не забыли ея гордой повадки, насмѣшекъ ея надъ ихъ исканьями... Узнали бъ про бѣду, что стряслась надъ ней, какъ разъ дегтемъ ворота Чапурина вымазали бъ... И не снесъ бы старый позора; все бы выместилъ на Матренушкѣ плетью да кулаками.

И Платонида, и Фотинья передъ иконой Казанской Богородицы поклялись свято сохранить тайну. Начáлъ положили, икону съ божницы сняли и во свидѣтельство клятвы цѣловали ее предъ Матренушкой и предъ ея матерью.

Дня черезъ три, по отъѣздѣ изъ скита старухи Чапуриной, къ матушкѣ Платонидѣ изъ Осиповки цѣлый возъ подарковъ привезли. Посланъ былъ возъ тайкомъ отъ хозяина... И не разъ въ году являлись такіе воза въ Комаровѣ возлѣ кельи Платонидиной. Тайна крѣпко хранилась.

Хорошо обительской матушкѣ-келейницѣ держать при себѣ богатенькую, молоденькую родственницу. Какъ сыръ въ маслѣ катайся! Всего вдоволь отъ благостыни родительской, а въ обители почетъ большой. Матушки-келейницы пользуются всякимъ случаемъ, чтобъ уговорить молоденькую дѣвушку на безысходное житье въ скиту.

Стала мать Платонида не по прежнему за больной ухаживать. Сколько ласки, сколько любви, сколько заботы обо всякой малости! Не надивится Матренушка перемѣнѣ

въ строгой, всегда суровой, всегда нахмуренной дотолѣ тетенькѣ...

Тетенька своего достигла — птичка въ сѣтяхъ. Хорошо, привольно, почетно было послѣ того жить Платонидѣ. Послѣ матери игуменьи первымъ человѣкомъ въ обители стала.

Оправясь отъ болѣзни, Матренушка твердо рѣшилась исполнить данный обѣтъ. Вѣрила, что этимъ только обѣтомъ избавилась она отъ страшныхъ мукъ, отъ грозившей смерти, отъ адскихъ мученій, которыя такъ щедро сулила ей мать Платонида. Чтеніе *Книги о старчествѣ*, *Патериковъ* и *Лимонаря* окончательно утвердили ее въ рѣшимости посвятить себя Богу и суровыми подвигами иночества умилосердить прогнѣваннаго ея грѣхопаденіемъ Господа. Адъ и муки его не выходили изъ ея памяти...

Не мало просьбъ, не мало слезъ понадобилось, чтобы вымолить у отца согласіе на житье скитское. И слышать не хотѣлъ, чтобы дочь его надѣла иночество.

— Лучше за Якимку замужъ иди, сказалъ онъ Матренѣ послѣ долгихъ, напрасныхъ уговоровъ. — Хоть завтра пущай сватовъ засылаетъ: хочешь, честью отдамъ, хочешь, уходомъ ступай.

Зардѣлась Матренушка. Радостью блеснули глаза... Но вспомнился обѣтъ, данный въ страшную минуту, вспомнились мученія ада...

— Что̀ жь, Мотря? спрашивалъ отецъ.— Посылать что ли къ жениху тайную вѣсточку?

— Женихъ мой — Царь небесный. Иного не знаю и не желаю, твердо отвѣчала Матрена Максимовна.

Отецъ нахмурился и склонилъ голову. Немного подумавъ, сказалъ онъ:

— Ну, дѣлай какъ знаешь... Прощай!

Цѣлую ночь простояла на молитвѣ дѣвушка... Стоитъ,

погружаясь глубже и глубже въ богомысліе, но помыслъ мятежнаго міра все мутитъ душу ея.... Встаютъ передъ душевными очами ея обольстительные образы тихой, сладкой любви. Видится ей, что держитъ она на одной рукѣ бѣлокурую кудрявую дѣвочку, а другою обнимаетъ отца ея, и сколько счастья, сколько радости въ его ясныхъ очахъ!... Она чувствуетъ жаркія объятья его, ея губы чувствуютъ горячій поцѣлуй мужа... Мужа?... „Грядетъ міра помышленіе грѣховно, борютъ мя окаянную страсти“, шепчетъ она, дрожа всѣмъ тѣломъ. „Помилуй мя, Господи, помилуй мя! Очисти мя скверную, безумную, неистовую, злопытливую“...

И взявъ бутылку изъ-подъ деревяннаго масла, стоявшую подъ божницей, разбила ее въ дребезги объ уголъ печи, собрала осколки, и ставъ на нихъ голыми колѣнами, ради умерщвленія плоти, стала продолжать молитву.

Матрену Максимовну взяла подъ свое крылышко сама мать игуменья и, вмѣстѣ съ двумя, тремя старухами, въ недолгое время успѣла всю душу перевернуть въ поблекшей красавицѣ...

Вольный ходъ куда хочешь и полная свобода настали для недавней заточенницы. Но кромѣ часовни и келій игуменьи, никуда не ходитъ она. Мерзокъ и скверенъ сталъ ей прекрасный Божій міръ. Только въ тѣсной кельѣ, пропитанной удушливымъ запахомъ воска, ладана и деревяннаго масла, стало привольно дышать ей.... Гдѣ-то вы кустики ракитовые, гдѣ ты рожь высокая, зыбучая?... Грѣховно, все грѣховно въ глазахъ молодой бѣлицы...

Однажды, тихимъ лѣтнимъ вечеромъ, вышла она за скитскую околицу. Безъ дѣла шла и сама не знала какъ забрела къ перелѣску, что росъ недалеко отъ обителей... Раздвинулись кустики, передъ ней—Якимъ Прохорычъ.

— Ясынька ты моя, ненаглядная!... Радость ты моя!...

Голубушка!... рыдая и страстно дрожа всѣмъ тѣломъ, вскрикнулъ Стуколовъ. Стремительно бросился онъ къ подругѣ.

Она остановилась... Глаза вспыхнули... Еще одно мгновеніе, и она была бы въ объятіяхъ друга... Но обѣтъ!... Страшный Судъ, вѣчныя муки!..

— Бѣсъ!... Проклятый!... крикнула она, высоко поднявъ правую руку. — Прочь!... Не скверни святаго мѣста!... Прочь!...

— Матренушка!... Милая!... Разлапушка!... Вѣдь это я... я... Аль не узнала?... Вглядись хорошенько!

— Прочь, говорятъ тебѣ, отвѣчала она. — Не знаю тебя... Змѣй, искуситель!... Оставь!...

И спокойною поступью пошла къ своей кельѣ.

Съ того дня за Волгой не стало ни слуху, ни духу про Стуколова.

Черезъ три дня послѣ этой встрѣчи, блѣдную, исхудалую дѣвушку вели въ часовню; тамъ дали ей въ руки зажженную свѣчу... Начался обрядъ... Изъ часовни вышла новопостриженная мать Манеѳа...

Съ перваго шага Манеѳа стала въ первомъ ряду келейницъ. Отецъ отдалъ ей все, что̀ назначалъ въ приданое, сверхъ того щедро одѣлялъ дочку-старицу деньгами къ каждому празднику. Это доставило Манеѳѣ почетное положенье въ скиту. Сначала Платонида верховодила ею, прошелъ годъ, другой, Манеѳа старше тетки стала.

Сдѣлалась она начетчицей, изощрилась въ словопреніяхъ—и пошла про нея слава по всѣмъ скитамъ Керженскимъ, Чернораменскимъ. Заговорили о великой ревнительницѣ древляго благочестія, о крѣпкомъ адамантѣ старой вѣры. Узнали про Манеѳу въ Москвѣ, и въ Казани, на Иргизѣ и по всему старообрядству. Самъ попъ Иванъ Матвѣичъ съ Рогожскаго сталъ присылать ей грамотки,

сама мать Пульхерія, московская игуменья, поклоны да подарочки съ богомольцами ей посылала.

Умерла Платонида, келья ея Манеѳѣ досталась. Стала она въ ней полной хозяйкой, завися отъ одной только игуменьи матери Екатерины.

— Сиротку въ Городцѣ нашла я, матушка, сказала она однажды игуменьѣ.—Думаю дѣвочку въ дочки взять, воспитать желаю во славу Божію. Благословите, матушка.

Екатерина сидѣла за *Кирилловой книгой*. Медленно подняла она голову, и глядя черезъ очки на Манеѳу, спросила:

— Велика ль дѣвочка-то?

— Пять лѣтъ, шестой пошелъ, отвѣчала мать Манеѳа.

— Пять лѣтъ... шестой... медленно проговорила игуменья и улыбнулась. Это выходитъ — она въ тотъ годъ родилась, какъ ты въ обитель вступила.—Ну, что жь? Богъ благословитъ на доброе дѣло.

Смущенная словами Екатерины, Манеѳа поблѣднѣла какъ полотно и до земли поклонилась игуменьѣ.

Григорій Ильичъ черезъ нѣсколько дней привезъ изъ Городца хорошенькую бойкую дѣвочку Флену Васильевну.

Выросла Фленушка въ обители, подъ крылышкомъ родной матушки. Росла баловницей всей обители, сама Манеѳа души въ ней не слышала. Но никто, кромѣ игуменьи, не вѣдалъ, что строгая, благочестивая инокиня родной матерью доводится рѣзвой дѣвочкѣ. Не вѣдала о томъ и сама дѣвочка.

Прошло еще сколько-то лѣтъ, скончалась въ обители игуменья мать Екатерина. Послѣ трехдневнаго поста собрались въ часовню старицы, клали жеребьи за икону Пречистой Богородицы, пѣли молебный канонъ Спасу Милостивому, вынимали жребій, кому сидѣть въ игуменьяхъ.

Манеѳѣ жребій вынулся. Въ ноги ей вся обитель разомъ

поклонилась, настоятельскій жезлъ ей поднесли и съ пѣніемъ духовныхъ пѣсней повели ее въ игуменскія кельи...

Разумно и правдиво правила Манееа своей обителью. Всѣ уважали ее, любили, боялись. Недруговъ не было. „Давно стоятъ скиты Керженскіе, Чернораменскіе, будутъ стоять скиты и послѣ насъ, а не бывало въ нихъ такой игуменьи какъ матушка Манееа да и впредь врядъ ли будетъ“. Такъ говорили про Манееу въ Комаровѣ, въ Улангерѣ, въ Оленевѣ и въ Ша́рпанѣ, и по всѣмъ кельямъ и сиротскимъ домамъ скитовъ маленькихъ.

Обительскія заботы, чтеніе душеполезныхъ книгъ, непрестанныя молитвы, тяжелые труды и богомысліе давно водворили въ душѣ Манееы тихій, мирный покой. Не тревожили ея воспоминанья молодости, все былое покрылось забвеніемъ. Сама Фленушка не будила болѣе въ умѣ ея памяти о прошломъ. Считая Якима Прохорыча въ мертвыхъ, Манееа внесла его имя съ синодики постѣнный и литейный на вѣчное поминовеніе.

И вдругъ нечаянно, негаданно явился онъ.... Какъ огнемъ охватило Манееу, когда взглянувъ на паломника, она признала въ немъ дорогаго когда-то ей человѣка.... Она, закаленная въ долгой борьбѣ со страстями, она, побѣдившая въ себѣ ветхаго человѣка съ всѣми влеченьями къ міру, чувственности, суетѣ, она, умертвившая въ себѣ сердце и сладкія его обольщенья, едва могла сдержать себя при видѣ Стуколова, едва не выдала людямъ давнюю, никому невѣдомую тайну.

Слушая длинный разсказъ паломника, Манееа духовно утѣшалась и радовалась. „Благодарю Тебя, Господи, мысленно говорила она, о Твоихъ благодѣяніяхъ, милостивно на насъ бывшихъ. Не погнушался еси нашею скверною и грѣшника сего суща воздвигнулъ еси потрудитися и послужити во славу имени Твоего!“

Нелицемѣренъ былъ поклонъ ея передъ бывшимъ полюбовникомъ. Поклонялась она не любовнику, а подвижнику, благодарила она трудника, положившаго душу свою на исканье старообрядскаго святительства.... Ни дубравушки зеленыя, ни кусты ракитовые не мелькнули въ ея памяти....

Но едва отошла отъ паломника, все ей вспомнилось.. Бѣжать, бѣжать скорѣй!...

Бѣжать не удалось.... Патапъ Максимычъ помѣшалъ..... Надо жить подъ одной кровлею съ нимъ.... И Фленушка тутъ же.... Бѣдная, бѣдная!.... Чуетъ ли твое сердечушко, что возлѣ тебя отецъ родной?

Стоитъ Манеѳа передъ темными ликами угодниковъ — хочетъ читать, не видитъ, хочетъ молиться, молитва на умъ нейдетъ....

— Просвѣти умъ мой, Господи, шепчетъ она,—очисти сердце мое!...

А въ ушахъ звучатъ то веселые звуки деревенскаго хоровода, то затѣйный хохотъ на супрядкахъ, то тихій, ласкающій шепотъ во ржахъ....

Затряслась всѣмъ тѣломъ Манеѳа...

— О Господи, Господи! шептала она, взирая на икону Спаса.

И холодная какъ ледъ, безъ памяти, безъ сознанія, тихо опустилась на помостъ моленной.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

На другой день столы работникамъ и народу справлялись. Въ горницахъ весело шелъ имянинный пиръ. Надивиться не могли Снѣжковы на житье-бытье Патапа Максимыча... Въ лѣсахъ живетъ, въ захолустьѣ, а пиры задаетъ хоть въ Москвѣ бы такіе.

Провожая Снѣжковыхъ, Патапъ Максимычъ не только не повелъ рѣчи про сватовство, но даже намека не сдѣлалъ, а когда на прощаньѣ Данило Тихонычъ завелъ было рѣчь о томъ, Патапъ Максимычъ сказалъ ему:

— Не раненько ль толковать объ этомъ, Данило Тихонычъ? Дѣло-то кажись бы не къ спѣху. Время впереди, подождемъ что̀ Богъ пошлетъ. Есть на то воля Божія, дѣло сдѣлается; нѣтъ,—су́противъ Бога какъ пойдешь?

— Оно конечно воля Божія первѣй всего, сказалъ старый Снѣжковъ,—однакожь все-таки намъ теперь бы желательно ваше слово услышать, по тому самому, Патапъ Максимычъ, что ваша Настасья Патаповна оченно мнѣ по нраву пришлась—одню слово, распрекрасная дѣвица, какихъ на свѣтѣ мало живетъ, и паренекъ мой тоже говоритъ что ему невѣсты лучше не надо.

— На добромъ словѣ покорно благодаримъ, Данило Тихонычъ, отвѣчалъ Патапъ Максимычъ,—только я такъ думаю что если Михайло Данилычъ станетъ по другимъ мѣстамъ искать, такъ много дѣвицъ не въ примѣръ лучше моей Настасьи найдетъ. Наше дѣло, сударь, деревенское, лѣсное. Настасья у меня окромѣ деревни да скита ничего не видывала, и мнѣ сдается что такому жениху, какъ Михайло Данилычъ, врядъ ли она подъ стать подойдетъ, потому что не обыкла къ вашимъ городскимъ порядкамъ.

— Это не бѣда. Долго ль пріобыкнуть! возразилъ Снѣжковъ.—Нѣтъ ужь вы напрямикъ скажите, Патапъ Максимычъ, можно намъ надѣяться, аль не можно?

— Да чего же тутъ надѣяться-то? говорилъ Патапъ Максимычъ.—Отъ меня ни отказу, ни приказу нѣтъ. Вѣдь хоша у насъ съ вами, Данило Тихонычъ, и были разговоры, такъ вѣдь это такъ.... Мало ль что̀ за столикомъ съ рюмочками промежь пріятелей говорится?.. Вы не всяко лыко въ строку пускайте!... Опять же было у насъ съ

вами говорено такъ: если дѣлу тому сдѣлаться, такъ развѣ на ту зиму. Стало и будемъ ждать той зимы. Тамъ чтò Господь укажетъ.... А все жь моя Настасья не порогомъ поперекъ вамъ стала, ищите гдѣ лучше, и на мнѣ не взыщите коли до той поры Настасьѣ другой женихъ по мысли найдется. Я воли съ нея не снимаю, у дѣвки свой разумъ въ головѣ,—сама должна о судьбѣ своей разсудить.

— Какъ же это понимать надобно, Патапъ Максимычъ? немного помолчавъ спросилъ Снѣжковъ.—Вѣдь это значитъ отказъ какъ длинный шестъ.

— Гдѣ же тутъ отказъ, Данило Тихонычъ? сказалъ Патапъ Максимычъ.—Никакого отказу вамъ нѣтъ отъ меня.... Отказъ бываетъ когда сватовство идетъ, а развѣ у насъ сватовство въ настоящемъ видѣ какъ слѣдуетъ было? Разговоры только были. Попріятельски поболтали отъ нечего дѣлать.... Да и тутъ было сказано до зимы ожидать.... Тамъ, опять-таки говорю я вамъ, увидимъ чтò Богъ дастъ.... И отказывать не отказываю, и обѣщать не обѣщаю.... Опять же надо прежде Настасью спросить, вѣдь не мнѣ жить съ Михайломъ Данилычемъ, а ей: съ дочерей я воли не снимаю, хочетъ—иди съ Богомъ, не хочетъ — неволить не стану.

— Помнится мнѣ въ Городцѣ не такія рѣчи я слышалъ отъ васъ, Патапъ Максимычъ? съ усмѣшкой промолвилъ Снѣжковъ.—Тогда было кажись говорено: „какъ захочу такъ и сдѣлаю“.

Передернуло Патапа Максимыча. Попрекъ Снѣжкова задѣлъ его за живое. Сверкнули глаза, повернулось было на языкѣ сказать: „не отдамъ на срамъ дѣтище, не потерплю чтобы голили ее передъ чужими людьми“... Но сдержался и молвилъ съ досадой:

— Въ головѣ шумѣло, оттого и совралъ. Татаринъ что

ль я дѣвку замужъ отдавать ея не спросясь? Хоть и грѣшные люди, а тоже христіане.

Распрощались повидимому дружелюбно, но Патапъ Максимычъ понималъ что дружба его со Снѣжковымъ ухнула. Не проститъ ему Данило Тихонычъ во вѣки вѣковъ....

—

Проводивъ Снѣжковыхъ, пошелъ Патапъ Максимычъ въ подклѣтъ и тамъ въ боковушкѣ Алексѣя усѣлся съ паломникомъ и молчаливымъ купцомъ Дюковымъ. Былъ тутъ и Алексѣй. Шли разговоры про земляное масло.

— Такъ и въ самомъ дѣлѣ въ нашихъ мѣстахъ такая благодать водится? спрашивалъ Патапъ Максимычъ паломника.

— Есть, отвѣчалъ Якимъ Прохорычъ. — Въ большомъ даже изобиліи. И чудное дѣло, прибавилъ онъ,—сколько странъ, сколько земель исходилъ я на своемъ вѣку, а такой слѣпоты въ людяхъ, какъ здѣсь, нигдѣ я не видывалъ! Люди живутъ—хоть бы Ветлугу взять—бѣднота одна, лѣсъ рубятъ, лубъ дерутъ, мочало мочатъ, смолу гонятъ — бьются сердечные вѣкъ свой за тяжелой работой: днемъ не доѣдятъ, ночью не доспятъ.... О, какъ бы не ихняя слѣпота!... Стоитъ только землю лопаткой копнуть, и такое тутъ богатство что цѣлый свѣтъ можно бы обогатить. По золоту ходятъ, а его не примѣчаютъ... Бабы у нихъ дресвой полы моютъ. Не дресвой онѣ моютъ, червоннымъ золотомъ.... Вотъ вѣдь что значитъ какъ человѣкъ-отъ въ понятіи не состоитъ!... Извѣстно: живутъ въ лѣсахъ, людей которы бы до всего доходили не видывали... Гдѣ имъ знать?

— Гдѣ жь эти самыя мѣста? спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Сказано—на Ветлугѣ, отвѣтилъ Стуколовъ.

— Ветлуга-то велика. Ты скажи которо мѣсто, приставалъ къ паломнику Патапъ Максимычъ.

— Гдѣ именно тѣ мѣста покамѣсть не скажу, отвѣчалъ Стуколовъ. — Возьмешься за дѣло какъ слѣдуетъ, вмѣстѣ поѣдемъ, либо вѣрнаго человѣка пошли со мной.

— Я хоть сейчасъ готовъ, сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Сейчасъ нельзя, замѣтилъ Стуколовъ.—Чего теперь подъ снѣгомъ увидишь? Надо вѣдь землю копать, на днѣ малыхъ рѣченокъ смотрѣть... Какъ можно теперь? Коли условіе со мной подпишешь, поѣдемъ по веснѣ и примемся за работу, а еще лучше ѣхать около Петрова дня, земля къ тому времени просохнетъ... Болотисто ужь больно по тамошнимъ мѣстамъ.

— Лѣтомъ нельзя мнѣ, замѣтилъ Патапъ Матсимычъ.— Да кума могу попросить Ивана Григорьича. А коль ему недосужно, вотъ его спосылаю, прибавилъ онъ, показывая на Алексѣя.—Теперь-то чтò же надо дѣлать?

— Капиталомъ войти, потому расходы, сказалъ Якимъ Прохорычъ.—Условіе надо писать, потомъ въ сроки деньги вносить.

— На чтò же деньги-то? спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Мало ль на чтò, отвѣчалъ Стуколовъ.—Шурфы бить, то-есть пробы въ землѣ дѣлать, землю купить коли помѣщичья, а если казенная, въ Питерѣ хлопотать чтобы пріискъ за нами записали... Да и потомъ, мало ль на чтò денегъ потребуется. Золото даромъ не дается... Зарой въ землю деньги, она и станетъ тебѣ отплачивать.

— Да ты разскажи по порядку какъ этимъ дѣломъ надо орудовать, какъ его въ ходъ-отъ пустить? допрашивалъ паломника Патапъ Максимычъ. — Хоть наше дѣло не то чтобы лубъ драть, однакожь, по этому дѣлу чтò про

лыкодеровъ ты молвилъ, то и къ нашему брату пристало: въ понятіи не состоимъ, взяться не умѣемъ.

— То-то и есть!.... сказалъ Стуколовъ.—Безъ умѣлыхъ людей какъ за такое дѣло приниматься? Сказано: „Божьей волей свѣтъ стоитъ, человѣкъ живетъ умѣньемъ". Досужество да умѣнье всего дороже... Вотъ ты и охочъ золото добывать, да не гораздъ — ну и купи досужество умѣлыхъ людей.

— Да какъ его купить-то? усмѣхнувшись молвилъ Патапъ Максимычъ.—На базарѣ не продаютъ.

— Вотъ что, сказалъ Стуколовъ,—складчину надо сдѣлать, компанію этакую. Слыхалъ про компаніи, что складочными деньгами дѣла ведутъ?

— Какъ не слыхать? молвилъ Патапъ Максимычъ.— Только въ этомъ дѣлѣ, сказываютъ, много грѣха живетъ— обижаютъ.

— На то глаза во лбу да умъ въ мозгу чтобъ не обидѣли, отвѣчалъ Стуколовъ. — Видишь ли: чтобъ начать дѣло нуженъ капиталъ, примѣромъ тысячъ въ пятьдесятъ серебромъ.

— Въ пятьдесятъ? вскликнулъ Патапъ Максимычъ. — Экъ тебя!... Ровно про полтину сказалъ.—Пятьдесятъ тысячъ деньги, братъ, не малыя, зря не валяются... Эко слово молвилъ!—Пятьдесятъ тысячъ!... Да у меня братъ и половины такихъ денегъ въ ларцѣ-то не найдется, да если и кума и Михайлу Васильича взять, такъ и всѣмъ намъ пятидесяти тысячъ наличными не собрать. У насъ вѣдь обороты, торговля.... У торговаго человѣка наличными деньги не лежитъ. А заведенныхъ дѣлъ ради твоего золота я не нарушу... Что-то еще тамъ на Ветлугѣ будетъ, а заведенное дѣло извѣдано — съ нимъ идешь навѣрняка. Хоть и сулишь ты горы золота, однакоже я скажу тебѣ,

Якимъ Прохорычъ, что домашній теленокъ не въ примѣръ дороже заморской коровы.

— Такъ какъ же, Патапъ Максимычъ, будетъ наше дѣло? послѣ минутнаго молчанья спросилъ Стуколовъ.

— Да ужь вѣрно такъ и будетъ что твои блины отложить до другаго дни. Неподходящая сумма, отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.

— Меньше нельзя, равнодушно отвѣтилъ Стуколовъ.— Пятидесяти тысячъ не пожалѣешь—милліонами будешь ворочать.... Слыхалъ какъ въ Сибири золотомъ разживаются?

— Слыхать-то слыхалъ, отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.— Да вѣдь то Сибирь, мѣсто по этой части насиженное, а здѣсь вновѣ, еще Богъ знаетъ какъ пойдетъ.

— Ветлужскіе пріиски богаче сибирскихъ—вѣрь моему слову, сказалъ Стуколовъ.—Гляди....

И вынулъ паломникъ изъ замшеваго мѣшка полгорсти золотаго песку и сталъ пересыпать его. Глаза такъ и загорѣлись у Патапа Максимыча. Закусилъ онъ губу.

— Этой благодати на Ветлугѣ больше чѣмъ въ Сибири, говорилъ Стуколовъ,—а главное, здѣшня сторона нетронутая, не то что̀ Сибирь... Мы первые, мы сметанку снимемъ, а послѣ насъ другіе хлѣбай простоквашу....

— Да впрямь ли ты это на Ветлугѣ нашелъ? спросилъ Патапъ Максимычъ, не спуская глазъ съ золотой струи, падавшей изъ рукъ паломника.

—Божиться что ль тебѣ?... Образъ со стѣны тащить? вспыхнулъ Стуколовъ.—И этимъ тебя не увѣришь... Коли хочешь увѣриться, ѣдемъ сейчасъ на Ветлугу. Тамъ я тебя къ одному мужичк усвезу, у него такое же маслицо увидишь, и къ другому свезу и къ третьему.

— Что̀ жь, это можно, сказалъ Патапъ Максимычъ.— Сколько жь денегъ потребуется?

— Да покамѣсть гроша не потребуется, отвѣчалъ Сту-

коловъ.—Пятьдесятъ тысячъ надо не сразу, не вдругъ. Коли дѣло плохо пойдетъ, кто намъ велитъ деньги сорить попустому? Вотъ какъ тебѣ скажу—издержимъ мы двѣ аль три тысячи на ассигнаціи, да если увидимъ что выгоды нѣтъ—вдаль не пойдемъ, чтобъ не зарваться....

— Двѣ либо три тысячи! раздумывалъ Патапъ Максимычъ.—Ну это еще туда-сюда... На этомъ можно помириться. А на счетъ пятидесяти серебра—нѣтъ, братъ, шалишь, мамонишь.

— Какъ впередъ загадывать? отвѣчалъ Якимъ Прохорычъ,—можетъ статься и много меньше пятидесяти тысячъ положишь, а года въ два милліонъ наживешь.

— Ужь и милліонъ? Не широко ль загинаешь? перебилъ Патапъ Максимычъ.

— Не одинъ милліонъ, три, пять, десять наживешь, съ жаромъ сталъ увѣрять Патапа Максимыча Стуколовъ.—Лиха бѣда начать: а тамъ загребай деньги.—Золота на Ветлугѣ, говорю тебѣ, видимо невидимо. Чего ужь я—человѣкъ бывалый, много видалъ золотыхъ пріисковъ—и въ Сибири и на Уралѣ, а какъ посмотрѣлъ я на ветлужскія палестины, такъ и у меня съ дива руки опустились... Да что̀ тутъ толковать, слушай. Мы такъ положимъ, что на все на это дѣло нужно сто тысячъ серебромъ.

— Значитъ это дѣло надо оставить, махнувъ рукой, сказалъ Патапъ Максимычъ.—Сто тысячъ!.... Экъ у него тысячи-то—равно парена рѣпа....

— А ты слушай, рѣчи не перебивай, перервалъ его Стуколовъ.—Наличными на первый разъ—сказалъ я тебѣ—двѣ, либо три тысячи ассигнаціями потребуется.

— Хоть убей—въ толкъ не возьму, возразилъ Патапъ Максимычъ.—Про какія же сто тысячъ поминаешь?

— Да ты не перебивай моей рѣчи, а то ввѣкъ съ тобой не столкуешься, съ досадой молвилъ Стуколовъ.—

Сто тысячъ!... Эти сто тысячъ надо дѣлить на сто паевъ, по тысячѣ рублей пай. Понимаешь?

— Дальше чтò? молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Пятьдесятъ паевъ ты себѣ возьми, вложивши, за нихъ пятьдесятъ тысячъ, продолжалъ Якимъ Прохорычъ.— Не теперь, а послѣ, по времени, ежели дѣло на ладъ пойдетъ.—Не сможешь одинъ, товарищей найди: хоть Ивана Григорьича что ли, аль Михайлу Васильича — Это ужъ твое дѣло. Всѣ барыши тоже на сто паевъ—сколько кому достанется.

— Ладно, хорошо, а другіе-то пятьдесятъ паевъ куда? спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Епискому Софронію, отвѣчалъ паломникъ.

— Даромъ?

— Даромъ.

— И половина барышей ему? спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Конечно.

— Жирно, братъ, съѣсть! возразилъ Патапъ Максимычъ.—Нѣтъ, Якимъ Прохорычъ, нечего намъ про это дѣло и толковать. Не подходящее, совсѣмъ пустое дѣло!... Какъ же это?—Будь онъ хоть патріархъ твой Софронъ, а деньги въ складчину давай, коли барышей хочетъ.... А то—самъ денегъ ни гроша, а въ половинѣ.... На чтò это похоже?... За чтò?

— А за то что онъ первый спозналъ про такое богатство, отвѣчалъ Стуколовъ. — Вотъ положимъ у тебя теперь сто тысячъ въ рукахъ, да развѣ получишь ты на нихъ милліоны, коль я не укажу тебѣ мѣста, не научу какъ надо поступать? Положимъ другой тебя и научитъ всѣмъ порядкамъ: какъ заявлять пріиски, какъ закрѣпить ихъ за собой.... А гдѣ копать-то станешь?... Въ какомъ мѣстѣ пріискъ заявишь?... За то чтобы знать гдѣ золото

лежитъ давай деньги епископу.... Да и денегъ не надо— барыши только пополамъ.

Задумался Патапъ Максимычъ.

— Было бы съ него и десяти паевъ, сказалъ онъ. — Право больше не стóитъ—самъ посуди, Якимушко.

— Меньше половины нельзя, рѣшительно отвѣтилъ Стуколовъ. —У него въ Калужской губерніи такое же дѣло заводится, тоже на пятидесяти паяхъ. Землю съ золотомъ покупаютъ теперь у помѣщика тамошняго, у господина Поливанова, можетъ слыхалъ. Деньги дали тому господину не малыя, а епископъ своихъ копѣйки не истратилъ.

— Ну пускай бы ужь его пятнадцать паевъ взялъ. Больше право обидно будетъ, сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Какъ сказано, такъ и будетъ, а не хочешь, другихъ охотниковъ до золота найдемъ, спокойно отвѣчалъ Стуколовъ.

И вынувъ опять замшевый мѣшокъ, посыпалъ изъ него золотой песокъ себѣ на руку передъ Патапомъ Максимычемъ.

Не разъ и не два такіе разговоры велись у Патапа Максимыча съ паломникомъ, и все въ подклѣтѣ, все въ Алексѣевой боковушѣ. Были при тѣхъ переговорахъ и кумъ Иванъ Григорьичъ, и удѣльный голова Михайло Васильичъ. Четыре дня велись у нихъ эти переговоры, наконецъ рѣшился Патапъ Максимычъ взяться за дѣло.

Рѣшили до поры до времени про затѣваемое дѣло никому не сказывать. Стуколовъ говорилъ что если пойдетъ оно въ огласку—пиши пропало. Въ сибирскихъ тайгахъ, по его словамъ, зачастую бываетъ что одинъ отыщетъ пріискъ, да ненарокомъ проболтается, другой тóтчасъ подхватитъ его на свое имя. Послѣ Масляницы Патапъ Максимычъ обѣщался съѣздить на Ветлугу вмѣстѣ съ паломникомъ повидать мужиковъ, про которыхъ тотъ го-

ворилъ, и ежели дѣло окажется вѣрнымъ, написать со Стуколовымъ условіе, отсчитать ему три тысячи ассигнаціями, а затѣмъ если дѣло въ ходъ пойдетъ и окажутся барыши давать ему постепенно до пятидесяти тысячъ серебромъ.

Патапъ Максимычъ только и думаетъ о будущихъ милліонахъ. День-деньской бродитъ взадъ и впередъ по передней горницѣ и думаетъ о каменныхъ домахъ въ Петербургѣ, о больницахъ и богадѣльняхъ, что̀ построитъ онъ міру на удивленье, думаетъ какъ онъ мели да перекаты на Волгѣ расчиститъ, желѣзныя дороги какъ строить зачнетъ.... А милліоны все прибавляются, да прибавляются.... „Что̀ жь, думаетъ Патапъ Максимычъ, — Демидовъ тоже кузнецомъ былъ, а теперь посмотри-ка чѣмъ стали Демидовы!—Отчего жь и мнѣ такимъ не быть.... Не обсѣвокъ же я въ полѣ какой!“....

—

На первой недѣлѣ Великаго Поста Патапъ Максимычъ выѣхалъ изъ Осиповки со Стуколовымъ и съ Дюковымъ. Прощаясь съ женой и дочерьми, онъ сказалъ что ѣдетъ въ Красную Рамень на крупчатныя свои мельницы, а оттуда проѣдетъ въ Нижній да въ Лысково, и воротится домой къ середокрестной недѣлѣ, а можетъ и позже. Домъ покинулъ на Алексѣя, хотя притомъ и Пантелею наказалъ глядѣть за всѣмъ строже и пристальнѣй.

Наканунѣ отъѣзда, вечеромъ, послѣ ужина, когда Стуколовъ, Дюковъ и Алексѣй разошлись по своимъ угламъ, Аксинья Захаровна, оставшись съ глазу на̀ глазъ съ мужемъ, стала ему говорить:

— Максимычъ, не серчай ты на меня, кормилецъ, коли я что не по тебѣ молвлю, выслушай ты меня ради Христа.

— Чего еще надо? взглянувъ на жену изъ подлобья, спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Завтра уѣдешь ты?...

— Ну?

— На кого же домъ-отъ покидаешь? Прежде Савельичъ, царство ему небесное, былъ, за всѣмъ бывало пригладитъ, теперь-то кто?

— Кто на его мѣстѣ... Не смогла догадаться? сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Алексѣй Трифонычъ, значитъ? тихо проговорила Аксинья Захаровна.

— Чтò жь по-твоему на Никифора что ли домъ-отъ покинуть? рявкнулъ Патапъ Максимычъ. — Такъ онъ въ недѣлю весь его пропьетъ да и тебя самое въ кабакѣ заложитъ.

— Про этого врага у меня и помышленья нѣтъ, Максимычъ, плаксиво отвѣчала Аксинья Захаровна. — Себя сгубилъ непутный, да и съ меня головоньку снимаетъ, изъ-за него только попреки одни.... Вѣкъ бы не видала его!... Твоя же воля была оставить Микешку. Хоть онъ и братъ рóдный мнѣ, да я бы рада была радешенька на соснѣ его видѣть... Не онъ навязался на шею мнѣ, ты, батько, самъ его навязалъ... Пущай околѣлъ бы его гдѣ-нибудь подъ кабакомъ, *охъ* бы не молвила... А еще попрекаешь!

— Замолола!... Пошла безъ передышки въ пересыпку! хмурясь и зѣвая, перебилъ жену Патапъ Максимычъ.— Будетъ ли конецъ вранью-то? Аль и въ самомъ дѣлѣ бабьяго вранья на свиньѣ не объѣдешь?.... Коли путное чтò хотѣла сказать—говори скорѣй,—спать хочется.

— Да я все насчетъ Алексѣя Трифоныча? робко молвила Аксинья Захаровна.

— Что̀ еще такое?

— Да какъ прикажешь: сюда ли ему безъ тебя обѣдать ходить, аль въ подклѣтъ ему относить? спрашивала Аксинья Захаровна.

— И здѣсь мѣста не просидитъ, пущай его съ вами обѣдаетъ, сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Ладно ль это будетъ, кормилецъ? Самъ посуди, что люди зачнутъ говорить: хозяинъ въ отлучкѣ, дочери невѣсты, молодой парень съ ними ѣстъ да пьетъ... И не знай чего наскажутъ! говорила Аксинья Захаровна.

— Не смѣютъ!.. рѣшительно сказалъ Патапъ Максимычъ.—Да и парень не такой чтобы вздумалъ нехорошое дѣло... Не изъ такихъ что̀ гдѣ пьютъ да ѣдятъ тутъ и пакостятъ... Бояться нечего.

— Да такъ-то оно такъ, Максимычъ, отвѣчала Аксинья Захаровна.—А все бы лучше кабы онъ въ подклѣтѣ обѣдалъ и безъ тебя бы на верхъ не ходилъ... Что̀ ему здѣсь дѣлать?... Не повѣришь ты, кормилецъ, все сердечушко изныло у меня...

— Да отвяжись ты совсѣмъ, съ нетерпѣньемъ крикнулъ Патапъ Максимычъ,—ну, пущай его въ подклѣтѣ обѣдаетъ... Ты этого парня понять не можешь. Другаго такого не сыщешь... Можешь ли ты знать какія я насчетъ его мысли имѣю?...

— Какъ я могу знать, Максимычъ? отвѣчала Аксинья Захаровна...—Гдѣ же мнѣ?

— Такъ значитъ и молчи, отвѣтилъ Патапъ Максимычъ.

— Да что̀ жь такое?... Какія у тебя мысли про Алексѣя Трифоныча? заискивающимъ голосомъ спросила Аксинья Захаровна.

— О чемъ не сказываютъ, про то не допытывайся, отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.—Придетъ время, скажу... а теперь спать пора.

У Патапа Максимыча въ самомъ дѣлѣ новыя мысли въ головѣ забродили. Когда онъ ходилъ взадъ и впередъ по горницамъ, гадая про будущіе милліоны, приходило ему и то въ голову какъ дочерей устроить. „Не Снѣжковымъ чета женихи найдутся тогда, думалъ онъ, а все жь не выдамъ Настасью за такого шута какъ Михайло Данилычъ.... Надо мнѣ людей богобоязненныхъ, благочестивыхъ, не скомороховъ, что̀ теперь по купечеству пошли. Тогда можно и небогатаго въ зятья принять, богатства на всѣхъ хватитъ.“

И попалъ ему Алексѣй на умъ.

Еслибы Настя знала да вѣдала что̀ промелькнуло въ головѣ родителя, не плакала бы по ночамъ, не тосковала бы, вспоминая про свою провинность, не приходила бы въ отчаянье, думая про то чему быть впереди....

—

Собрались въ путь-дорогу. Пробывъ день другой на мельницахъ въ Красной Рамени, Патапъ Максимычъ со спутниками поѣхалъ на Ветлугу прямою дорогой черезъ Лыковщину. Надобно было верстъ восемьдесятъ ѣхать лѣсами, гдѣ проѣзжихъ дорогъ не бывало, только однѣ узкія тропы межь высокихъ сугробовъ проложены. По тѣмъ тропамъ лѣсники въ зимницы ѣздятъ и вывозятъ къ Кѐрженцу для сплава нарубленный лѣсъ. Сторона та совсѣмъ не жилая, лѣтомъ нѣтъ по ней ни ѣзду коннаго, ни ходу пѣшаго, только на зиму переселяются туда лѣсники и живутъ въ дремучихъ дебряхъ до лѣснаго сплава въ половодье.

Поѣхали путники въ двоихъ саняхъ, каждыя тройкой гусемъ запряжены. Иначе и ѣздить нельзя по лѣснымъ тропамъ. Сначала путь шелъ торный,—по этому пути обо-

зы изъ Красной Рамени въ Лысково ходятъ, — но когда переѣхали Ке́рженецъ и попали въ лѣсную глушь, что̀ тянется до самой Ветлуги и дальше за нее, ѣзда стала затруднительна. Сѣдоки то-и-дѣло задѣвали головами за вѣтви деревьевъ и ихъ засыпа́ло снѣгомъ, которымъ точно въ саваны окутаны стояли сосны и ели склонясь надъ тропою. Чуть не черезъ каждыя полторы-двѣ версты приходилось останавливаться и отгребаться отъ снѣга. Тропа была неровная, сани то-и-дѣло наклонялись то на одну, то на другую сторону, и сѣдокамъ частенько приходилось вываливаться и потомъ, съ трудомъ выбравшись изъ сугроба, общими силами поднимать свалившіяся на́ бокъ сани. Тропа все одна, нѣтъ своротовъ ни направо, ни налѣво, и нѣтъ никакихъ признаковъ близости человѣка: ни о́сѣка, * ни просѣки, ни даже деревяннаго двухсаженнаго креста, какихъ много наставлено по заволжскимъ лѣсамъ, по обычаю благочестивой старины. ** И никакого звука. Развѣ только затрещитъ рябчикъ, перелетая съ дерева на дерево, либо забурчитъ вдали глухарь, да заскрипитъ надломленное дерево качаемое вѣтромъ. Заячьи и волчьи слѣды частенько пересѣкаютъ тропу, иногда попадается слѣдъ раздвоенныхъ копытъ дикой коровы, *** либо широкой лапы лѣснаго боярина Топтыгина согнаннаго съ берлоги охотниками.

---

* Изгородь или прясла отдѣляющія лѣсъ отъ поля. Ее городятъ въ лѣсныхъ мѣстахъ чтобы пасущійся скотъ не забрелъ на хлѣбъ.

** За Волгой на дорогахъ, въ поляхъ и лѣсахъ, особенно на перекресткахъ, стоятъ высокіе, сажени въ полторы или двѣ, осмиконечные кресты, иногда по нѣскольку рядомъ. Есть обычай тайно отъ всѣхъ срубить крестъ и ночью поставить его на перекресткѣ. Кто передъ тѣмъ крестомъ помолится, того молитва пойдетъ за срубившаго крестъ.

*** Такъ за Волгой называютъ лосей.

Перебравшись за Ке́рженецъ, путникамъ надо было выбраться на Ялокшинскій зимнякъ, которымъ ѣздятъ изъ Лыскова въ Бакú, выгадывая тѣмъ верстъ пятьдесятъ противъ объѣздной проѣзжей дороги на Дорогу́чу. Но вотъ ѣдутъ они два часа, три часа, давно бы надо быть на Ялокшинскомъ зимнякѣ, а его нѣтъ какъ нѣтъ. Ѣдутъ, ѣдутъ, на счастье тепло стояло, а то бы плохо пришлось. Не дается зимнякъ да и полно. А лошади притомились.

— Да туда ли мы ѣдемъ? спросилъ Патапъ Максимычъ сидѣвшаго на козлахъ работника.—Коимъ грѣхомъ не заблудились ли?

— Гдѣ заблудиться, Патапъ Максимычъ? отвѣчалъ работникъ.—Дорога одна, своротовъ нѣтъ, сами видѣли.

— Да въ Бѣлкинѣ-то хорошо ли ты разспросилъ у мужиковъ про дорогу?

— Какъ же не разспросить, все разспросилъ какъ слѣдуетъ. Сказали: какъ проѣдешь о́сѣкъ, держи направо до крестовъ, а съ крестовъ бери налѣво, тутъ будетъ сосна, раскидистая такая, а верхушка у ней сухая, отъ сосны бери направо... Такъ мы и ѣхали.

— У крестовъ сворачивалъ? спрашивалъ Патапъ Максимычъ.

— Какже не сворачивать, направо своротилъ, какъ было сказано.

— И у сосны сворачивалъ?

— И у сосны своротилъ, отвѣчалъ работникъ. — На ней еще ясакъ нарубленъ, должно быть бортевое дерево было. Тутъ только вотъ одного не вышло противъ того что̀ сказывали ребята въ Бѣлкинѣ.

— А что̀ говорили ребята? спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Да сказывали: будетъ маленькій долокъ, и какъ де переѣдешь долокъ, сосна будетъ, съ обѣихъ сторонъ отесанная, а тутъ и Ке́рженецъ.

— Ну?

— Долокъ-отъ былъ, еще мы вывалились тутъ, а тесанной сосны не видать, я смотрѣлъ, смотрѣлъ ее, нѣтъ сосны, гляжу, анъ на Керженецъ выѣхали.

— Стало-быть тутъ мы и спутались, закричалъ, разгорячась, Патапъ Максимычъ. — Чтобъ тебѣ высохнуть, дурьи твои глаза! Зачѣмъ тесану сосну прозѣвалъ?

— Да не было ея, Патапъ Максимычъ, отвѣчалъ оторопѣвшій работникъ.—Не родить же ее мнѣ коли нѣтъ.

— Да вѣдь тебѣ бѣлкински ребята говорили держи на сосну. Дляче не держалъ? кричалъ Патапъ Максимычъ.

— Да гдѣ жь мнѣ ее взять, сосну-то? Вѣдь не спряталъ я ея. Что̀ жь мнѣ дѣлать коли нѣтъ ея, жалобно голосилъ работникъ.—Развѣ я тому дѣлу причиненъ? Дорога одна была, ни единаго сворота.

— Да сосна-то гдѣ? сосна-то? зарычалъ Патапъ Максимычъ, хвативъ увѣсистымъ кулакомъ работника по загорбку.

— Можетъ-статься срубили, пропищалъ, нагнувшись на передокъ, работникъ.

— Срубили! Коему лѣшему порчену сосну рубить, коль здороваго лѣсу видимо-невидимо! оралъ Патапъ Максимычъ.—Стой, чортова образина!

Работникъ остановилъ лошадей. Понуривъ головы, онѣ тяжело дышали, паръ такъ и валилъ съ нихъ. Патапъ Максимычъ вылѣзъ изъ своихъ саней и подошелъ къ заднимъ, гдѣ сидѣлъ Стуколовъ. Молчаливый Дюковъ, уткнувъ голову въ широкій лисій малахай, спалъ мертвымъ сномъ.

— Такъ и есть, заблудились, сказалъ Патапъ Максимычъ паломнику.—Что̀ тутъ станешь дѣлать?

— Да самъ-то ты ѣзжалъ ли прежде по этимъ дорогамъ? спросилъ его Стуколовъ.

— Сроду впервые, отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.

— И работники не ѣзжали? спросилъ Стуколовъ.

— Како ѣзжать? отозвался Патапъ Максимычъ.—Кого сюда лѣшій понесетъ? Вѣдь это самъ ты видишь чтò такое: выѣхали еще не брезжилось, а гляди-ка ужь смеркаться зачинаетъ.—Гдѣ мы, куда заѣхали, самъ лѣшій не разберетъ... Бѣда, просто бѣда... Ахъ, чтобы всѣхъ васъ прорвало! ругался Патапъ Максимычъ.—И понесло же меня съ тобой: тутъ прежде смерти животъ положишь!

— Въ сибирскихъ тайгахъ то ли бываетъ, отозвался паломникъ.—По недѣлямъ плутаютъ, случается что и голодной смертью помираютъ....

— Голодомъ помереть не помремъ, пироговъ да всякой всячины у насъ пожалуй на недѣлю хватитъ, спокойно отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.—И лошадямъ корму взято довольно. А заночевать въ лѣсу придется.... Хоть бы зимница какая попалась.... Ночью-то волки набѣгутъ: теперь имъ голодно. Пора же такая что волки стаями рыщутъ. Завтра ихній день: звѣриный царь имянинникъ*.

— Богъ милостивъ, промолвилъ паломникъ.—И не изъ такихъ напастей Господь людей выноситъ.... Не суетись, Патапъ Максимычъ, надо дѣло ладомъ дѣлать. Самъ я глядѣлъ на дорогу: тропа одна, поворотовъ какъ мы отъ паленой съ верхушки сосны отъѣхали въ самомъ дѣлѣ ни единаго не было. Можетъ нà эту зиму лѣсники ину тропу пробили, не прошлогоднюю. Это и въ сибирскихъ тайгахъ зачастую бываетъ.... Не бойся—со мной матка есть, она на путь выведетъ. Не бойся, говорю я тебѣ.

— Какая тутъ матка? Бредишь ты что ли? съ досадой

---

* День 18 февраля (память святаго Льва папы римскаго) въ заволжскомъ простонародьѣ зовется львинымъ днемъ. Это по тамошнему повѣрью праздникъ звѣринаго царя, его имянины. На свои имянины левъ все разрѣшаетъ своимъ подданнымъ. Къ тому дню волки свадьбы свои пригоняютъ.

молвилъ Патапъ Максимычъ. — Тутъ дѣло надо дѣлать, а онъ про свою матку толкуетъ.

— Вотъ она, сказалъ Стуколовъ, вынимая изъ дорожнаго кошеля круглую деревянную коробку съ компасомъ.— Не видывалъ? То-то... Эта матка корабли водитъ, безъ нея что̀ въ морѣ, что̀ въ пустынѣ, аль въ дремучемъ лѣсу никакъ невозможно, потому она всѣ стороны показываетъ и сбиться съ пути не даетъ. Въ Сибири въ тайгу безъ матки не ходятъ, безъ нея бѣда, пропадешь.

Стуколовъ показалъ Патапу Максимычу страны свѣта и объяснилъ употребленіе компаса.

— Ишь ты премудрость какая!... До чего только люди не доходятъ, удивлялся Патапъ Максимычъ.—Ну, какъ же намъ дорогу твоя матка покажетъ?

— Да намъ какъ надо ѣхать-то, въ котору сторону? спросилъ Стуколовъ.

— На полуночникъ *, отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.

— А мы на сиверъ чешемъ, маленько даже къ осеннику подаемся. Сбились значитъ.

— Сбились!... Я и безъ матки твоей знаю что сбились, насмѣшливо и съ досадой отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.— Теперь ты настоящу дорогу укажи.

— Этого нельзя, надо всѣ дороги знать; тогда съ маткой иди куда хочешь....

— Такъ прячь ее въ кошель. Пустое дѣло значитъ. Какъ же тутъ быть? говорилъ Патапъ Максимычъ.

— Да поѣдемъ куда дорога ведетъ, тропа видная, торная, куда-нибудь да выведетъ, говорилъ Стуколовъ.

— Вѣстимо выведетъ, отозвался Патапъ Максимычъ.—

* То-есть сѣверовостокъ. Въ Заволжьи такъ зовутъ страны свѣта и вѣтры: сиверъ—N, полуночникъ—NO, востокъ—O, обѣдникъ—SO, полдень—S, верховникъ или лѣтникъ—SW, закатъ—W, осенникъ—NW.

Да куда выведетъ-то? Ночь на дворѣ, а лошади гляди какъ пріустали. Приведется въ лѣсу ночевать.... А волки-то?

— Богъ милостивъ, отвѣтилъ Стуколовъ.—Топоръ есть съ нами?

— Какъ топору не быть? Есть, сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Сучьевъ нарубимъ, костры зажжемъ, волки не подойдутъ: всякій звѣрь боится огня.

Такъ и рѣшились заночевать. Лошадей выпрягли, задали имъ овса. Утоптали вокругъ снѣгъ и сдѣлали привалъ. Топоровъ оказалось два, работники зачали сучья да валежникъ рубить, костры складывать вокругъ привала, и когда стемнѣло, зажгли ихъ. Патапъ Максимычъ вытащилъ изъ саней большую кожаную кису, вынулъ изъ нея хлѣба, пироговъ, квашеной капусты и мѣдный кувшинъ съ квасомъ. Устроили постную трапезу: тюри съ лукомъ накрошили, капусты съ квасомъ, грибовъ соленыхъ. Хоть не вкусно, да здорово поужинали. И бутылочка нашлась у запасливаго Патапа Максимыча. Роспили....

Ночь надвигалась. Красное зарево костровъ, освѣщая низину лѣса, усиливало мракъ въ его вершинахъ и по сторонамъ. Съ трескомъ горѣвшихъ вѣтвей ельника и фырканьемъ лошадей, смѣшались лѣсные голоса.... Ровно плачущій ребенокъ, запищалъ гдѣ-то сычъ, и потомъ вдали послышался тоскливый крикъ, будто человѣкъ въ отчаянномъ бореньи со смертью зоветъ къ себѣ на помощь: то были крики пугача *.... Поближе завозилась въ вершинѣ сосны вѣкша, проснувшаяся отъ необычнаго свѣта, едва слышно перепрыгнула она на другое дерево, потомъ на третье и все дальше и дальше отъ людей и пылавшихъ

* Филинъ.

костровъ.... Чуть стихло, и вотъ ужь доносится издали легкій хрустъ сухаго валежника: то кровожадная куница осторожно пробирается изъ своего дупла къ дереву, гдѣ задремалъ глупый красноглазый тетеревъ. Еще минута тишины, и въ вершинѣ раздался отрывистый, жалобный крикъ птицы, хлопанье крыльевъ, и затѣмъ все смолкло: куница поймала добычу и пьетъ горячую кровь изъ перекушеннаго горла тетерева.... Опять тишь, опять глубокое безмолвіе, и вдругъ слышится точно кошачье прысканье: это рысь, привлеченная изъ чащи чутьемъ, заслышавшимъ присутствіе лакомаго мяса въ видѣ лошадей Патапа Максимыча. Но огонь не подпускаетъ близко звѣря, и вотъ рысь сердится, мурлычитъ, прыскаетъ, съ досадой сверкая круглыми, зелеными глазами, и прядаетъ кисточками на концахъ высокихъ, прямыхъ ушей.... Опять тишь, и вдругъ либо заверещитъ бѣдный зайчишка попавшій въ зубы хищной лисѣ, либо завозится что-то въ вѣтвяхъ: это сова поймала спавшаго рябчика.... Лѣсные обитатели живутъ не по нашему—обѣдаютъ по ночамъ....

Но вотъ вдали, зà версту или больше, заслышался вой, ему откликнулся другой, третій вой—все ближе и ближе. Смолкъ, и послышалось пряданье звѣрей по насту, ворчанье, стукъ зубовъ.... Ни одинъ звукъ не пропадаетъ въ лѣсной тиши.

— Волки! боязно прошепталъ Патапъ Максимычъ, толкая въ бокъ задремавшаго Стуколова.

Дюковъ и работники давно ужь спали крѣпкимъ сномъ.

— А?.. Чтò?... промычалъ приходя въ себя Стуколовъ.— Чтò ты говоришь?

— Слышишь? Воютъ, говорилъ смутившійся Патапъ Максимычъ.

— Да, воютъ.... равнодушно отвѣчалъ Стуколовъ. — Экъ ихъ чтò тутъ! Чуютъ мясо, стервецы!

— Бѣда! шепотомъ промолвилъ Патапъ Максимычъ.

— Какая жь бѣда? Никакой бѣды нѣтъ.... А вотъ побольше огня надо.... Эй вы, ребята, крикнулъ онъ работникамъ. — Проснись!.. Эка заспались!... Вали на костры больше.

Работники встали неохотно и вмѣстѣ со Стуколовымъ и съ самимъ Патапомъ Максимычемъ навалили громадные костры. Огонь сталъ было слабѣе, но вотъ заиграли пламенные языки по хвоѣ, и зарево разлилось пò лѣсу пуще прежняго.

— Видимо не видимо!.., говорилъ оторопѣвшій Патапъ Максимычъ, слыша со всѣхъ сторонъ волчьи голоса.

Звѣрей ужь можно было видѣть. Освѣщенные заревомъ, они сидѣли кругомъ, пощелкивая зубами. Видно въ самомъ дѣлѣ они справляли именины звѣринаго царя.

— Ничего, успокоивалъ Стуколовъ,—огонь бы только не переводился. То ли еще бываетъ въ сибирскихъ тай—гахъ!...

Въ самомъ дѣлѣ волки никакъ не смѣли близко подой—ти къ огню, хоть ихъ голодныхъ и сильно тянуло къ лошадямъ, а пожалуй и къ людямъ.

— Эхъ, ружья-то нѣтъ: пугнуть бы сѣрыхъ, молвилъ Стуколовъ.

— Молчи а ты, какое тутъ еще ружье! Того и гляди сожрутъ.... тревожно говорилъ Патапъ Максимычъ. — Глянь-ка, глянь-ка, со всѣхъ сторонъ навалило!... Ахъ ты Господи, Господи!... Знать бы да вѣдать, ни за чтò бы не поѣхалъ.... Пропадай ты и съ Ветлугой своей!...

А волки все близятся, было ихъ до пятидесяти, коли не больше. Смѣлость звѣрей росла съ каждой минутой: не дальше какъ въ трехъ саженяхъ сидѣли они вокругъ костровъ, щелкали зубами и завывали. Лошади давно покинули торбы съ лакомымъ овсомъ, жались въ кучу и

прядая ушами тревожно озирались. У Патапа Максимыча зубъ на́ зубъ не попадалъ, вездѣ и всегда безстрашный, онъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ. Растолкали Дюкова, тотъ потянулся въ своей лисьей шубѣ, зѣвнулъ во всю сласть, и, оглянувшись, промолвилъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ:

— Волки никакъ!

Безъ малаго часъ времени прошелъ, а путники все еще сидѣли въ осадѣ. До́ свѣту оставаться въ такомъ положеніи было нельзя: тогда пожалуй и костры не помогутъ, да не хватитъ и заготовленнаго валежника и хвороста на поддержаніе огня. Но паломникъ человѣкъ бывалый, не даромъ много ходилъ по бѣлу свѣту. Когда волки были ужь настолько близко, что до любаго изъ нихъ палкой можно было добросить, онъ разставилъ спутниковъ своихъ по мѣстамъ и велѣлъ, по его приказу, разомъ бросать въ волковъ изо всей силы горящія лапы *.

— Разъ.... два.... три!... крикнулъ Стуколовъ, и горящія лапы полетѣли къ звѣрямъ.

Тѣ отскочили и сѣли подальше, щелкая зубами и огрызаясь.

— Разъ.... два.... три!... крикнулъ паломникъ, и выступивъ за костры, путники еще пустили въ стаю по горящей лапѣ.

Завыли звѣри, но когда Стуколовъ, схвативъ чуть не саженную пылающую лапу, бросился съ нею впередъ, волки порскнули вдаль, и черезъ нѣсколько минутъ ихъ не было слышно.

— Теперь не прибѣгутъ, молвилъ паломникъ, надѣвая шубу и укладываясь въ сани.

— Дошлый же ты человѣкъ, Якимъ Прохорычъ, мол-

* Горящія вѣтви хвойнаго лѣса, во время лѣсныхъ пожаровъ онѣ переносятся вѣтромъ на огромныя разстоянія.

вилъ Патапъ Максимычъ, когда опасность миновалась.— Не будь тебя, сожрали бы они насъ.

Паломникъ не отвѣчалъ. Завернувшись съ головой въ шубу, онъ заснулъ богатырскимъ сномъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Въ лѣсахъ работаютъ только по зимамъ. Лѣтней порой въ дикую глушь рѣдко кто заглядываетъ. Не то что дорогъ, даже мало-мальски торныхъ тропинокъ тамъ вовсе почти нѣтъ; за то много мѣстъ непроходимыхъ.... Гніющаго валежника пропасть, да кромѣ того то-и-дѣло попадаются обширныя глубокія болота, а мѣстами трясины съ окнами, вадьями и чарусами.... Это страшныя, погибельныя мѣста для небывалаго человѣка. Кто отъ роду впервой попалъ въ невѣдомыя лѣсныя дебри—берегись— гляди въ оба!....

Вотъ на нѣсколько верстъ протянулся мохомъ поросшій кочкарникъ. Саженными пластами покрываетъ онъ глубокую, чуть не бездонную топь. Это „мша́ва", иначе моховое болото. Поросло оно мелкимъ, чахлымъ лѣсомъ, нога грузнетъ въ мягкомъ зыбунѣ, усѣянномъ багуномъ, звѣздоплавкой, мозгушей, лютикомъ и бѣлоусомъ *. Отъ тяжести идущаго человѣка зыбунъ ходенемъ ходитъ, и вдругъ иногда въ двухъ, трехъ шагахъ фонтаномъ брызнетъ вода черезъ едва замѣтную для глаза продушину. Тутъ ходить опасно, разомъ попадешь въ болотную пучину и пропадешь ни за денежку.... Бѣжать отъ страшнаго мѣста, бѣжать скорѣй, безъ оглядки, если не хочется вѣрной

* Болотныя растенія: багунъ—*andromeda*; звѣздоплавка—*callitrice*, мозгуша—*geranium sylvaticum*; лютикъ—*aconitum*; бѣлоусъ—*nardis stricta*.

погибели.... Чуть только путникъ не поберегся, чуть только по незнанью аль изъ удальства шагнулъ впередъ пять, десять шаговъ, ноги его начнетъ затягивать въ жидкую трясину, и если не удастся ему поспѣшно и осторожно выбраться назадъ, онъ погибъ.... Бѣжать по трясинѣ—тоже бѣда....

Вотъ свѣтится маленькая полынья на грязнозеленой трясинѣ. Что-то въ родѣ колодца. Вода съ берегами вровень. Это „окно“. Бѣда оступиться въ это окно — тамъ бездонная пропасть. Не въ примѣръ опаснѣй оконъ „вадья“— тоже открытая круглая полынья, но не въ одинъ десятокъ саженъ ширины.—Ея берега изъ топкаго торфянаго слоя едва прикрывающаго воду. Кто ступитъ на эту обманную почву, нѣтъ тому спасенья. Вадья какъ разъ засосетъ его въ бездну.

Но страшнѣе всего „чару́са“. Окно, вадью издали можно замѣтить и обойти,—чаруса непримѣтна. Выдравшись изъ глухаго лѣса, гдѣ сухой валежникъ и гніющій буреломникъ высокими кострами навалены на сырой болотистой почвѣ, путникъ вдругъ какъ бы по волшебному мановенью встрѣчаетъ передъ собой цвѣтущую поляну. Она такъ весело глядитъ на него, широко раздольно разстилаясь середи красноствольныхъ сосенъ и темнохвойныхъ елей. Ровная, гладкая она густо заросла сочной, свѣжей зеленью, и усѣяна крупными бирюзовыми незабудками, благоуханными бѣлыми кувшинчиками, полевыми одалёнями и ярко-желтыми купавками *. Луговина такъ и манитъ къ себѣ путника: сладко на ней отдохнуть усталому, притомленному, понѣжиться на душистой, ослѣпительно сверкающей изумрудной зелени!... Но пропа́сть ему безъ покаянія, схоронить себя безъ гроба, безъ савана, если

---

* Болотныя растенія изъ породы ненюфаровъ (*nymphea*).

ступитъ онъ на эту заколдованную поляну. Изумрудная чаруса, съ ея красивыми благоухающими цвѣтами, съ ея сочной свѣжей зеленью—тонкій травяной коверъ, раскинутый по поверхности бездоннаго озера. По этому ковру даже легконогій заяцъ не сигаетъ, тоненькій, быстрый на бѣгу горностай не пробѣжитъ. Изъ живой твари только и прыгаютъ по ней длинноносые голенастые кулики, ловя мошекъ и другихъ толкуновъ, что о всякую пору и днемъ и ночью роями вьются надъ лѣсными болотами.... Несмѣтное множество этихъ куликовъ, отъ горбоносаго кроншнепа до желтоброваго песчаника, — бродитъ, бѣгаетъ и шмыгаетъ по чарусѣ, но никакому охотнику никогда не удавалось достать ихъ.

У лѣсниковъ чаруса слыветъ мѣстомъ нечистымъ, заколдованнымъ. Они разказываютъ, что на тѣхъ чарусахъ по ночамъ бѣсовы огни горятъ, ровно свѣчи теплются *. А ину пору видаютъ середи чарусы болотницу, коль не родную сестру, такъ близкую сродницу всей этой окаянной нечисти: русалкамъ, водяницамъ и берегинямъ.... Въ свѣтлую, лѣтнюю ночь сидитъ болотница одна одинешенька и нѣжится на свѣтѣ яснаго мѣсяца... и чуть завидитъ человѣка, зачнетъ прельщать его, манить въ свои бѣсовскія объятья... Ея черные волосы небрежно раскинуты по спинѣ и по плечамъ, убраны осокой и незабудками, а тѣло все голое, но блѣдное, прозрачное, полувоздушное. И блеститъ оно и сквозитъ передъ лучами мѣсяца... Изъ себя болотница такая красавица, какой не найдешь въ крещеномъ мірѣ, ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. Глаза ровно тѣ незабудки, что разсѣяны по чарусѣ, длинныя, пушистыя рѣсницы, тонкія, какъ уголь черныя брови... только губы блѣдноваты, и ни въ лицѣ, ни въ полной

* Болотные огни.

наливной груди, ни во всемъ стройномъ станѣ ея нѣтъ ни кровинки. А сидитъ она въ бѣлоснѣжномъ цвѣткѣ кувшинчика съ котелъ величиною... Хитритъ окаянная, обмануть, обвести хочется ей человѣка—сѣла въ тотъ чудный цвѣтокъ спрятать гусиныя свои ноги съ черными перепонками. Только завидитъ болотница человѣка—стараго или малаго—это ей все равно,—тотчасъ зачнетъ сладкимъ тихимъ голосомъ, да таково жалобно, ровно сквозь слезы молить-просить вынуть ее изъ болота, вывести на бѣлый свѣтъ, показать ей красно солнышко, котораго сроду она не видывала. А сама разводитъ руками, закидываетъ назадъ голову, манитъ къ себѣ на пышныя перси того человѣка, обѣщаетъ ему и тысячи неслыханныхъ наслажденій, и груды золота, и горы жемчуга перекатнаго.... Но горе тому кто соблазнится на нечистую красоту, кто повѣритъ льстивымъ словамъ болотницы: одинъ шагъ ступитъ по чарусѣ, и она ужь возлѣ него: обвивъ бѣднягу бѣлоснѣжными, прозрачными руками, тихо опустится съ нимъ въ бездонную пропасть болотной пучины.... Ни крика, ни стона, ни вздоха, ни всплеска воды. Въ безмолвной тиши не станетъ того человѣка, и его могила на вѣки вѣковъ останется никому неизвѣстною.

А тѣхъ кто постарѣй инымъ способомъ залучаетъ въ чарусу нечистая сила... Старецъ-пустынникъ подойдетъ къ пожилому человѣку, сгорбленный, изможденный, постный, желѣзныя вериги у него на плѐчахъ, только креста не видно. И зачнетъ онъ вести умильную бесѣду о пустынномъ житіи, о постѣ и молитвѣ, но Спасова имени не поминаетъ — тѣмъ только и можно опознать окаяннаго... И зачаруетъ онъ человѣка и станетъ звать его отдохнуть на малое время въ пустынной кельѣ... Глядь, анъ середи чарусы и въ самомъ дѣлѣ келейка стоитъ, да такая хорошенькая, новенькая, уютная, такъ вотъ и манитъ пут-

ника зайти въ нее хоть на часочекъ.... Пойдетъ человѣкъ съ пустынникомъ по чарусѣ, глядь, а ужь это не пустынникъ, а сѣдой старикъ съ широкомъ блѣдно-желтымъ лицомъ, и ужь не тихо, не чинно ведетъ добрую рѣчь, а хохочетъ во всю глотку сиплымъ хохотомъ... То владыка чарусы—самъ болотнякикъ. Это онъ хохочетъ, скачетъ, пляшетъ, веселится, что успѣлъ заманить не умѣвшаго отчураться отъ его обаяній человѣка; это онъ радуется, что завлекъ крещеную душу въ холодную пучину своего синяго подводнаго царства... Много, много чудесъ разказываютъ лѣсники про эти чарусы... Чего тамъ не бываетъ! Не даромъ изстари люди толкуютъ, что въ тихомъ омутѣ черти водятся, а въ лѣсномъ болотѣ плодятся....

Не однѣ вадьи и чарусы, не одна окаянная сила пугаетъ лѣсниковъ въ лѣтнюю пору. Не даютъ имъ работать въ лѣсахъ другіе враги.. . Миріады разнообразныхъ комаровъ, отъ крошечной мошки, что цѣлыми кучами забивается въ глаза, въ носъ и уши, до тощей длинноногой карамори, день и ночь несмѣтными роями толкутся въ воздухѣ, столбами носятся надъ болотами и преслѣдуютъ человѣка нестерпимыми мученьями... Нѣтъ ему покоя отъ комариной силы ни въ знойный полдень, ни прохладнымъ вечеромъ, ни темной ночью, только и отрада въ дождливую погоду. Даже на дымныхъ смоляныхъ казанахъ и на скипидарныхъ заводахъ иначе не спятъ какъ на подкурахъ, не то комары заѣдятъ до полусмерти. Врываютъ для того въ землю толстыя жерди вышиной сажени по три и мостятъ на нихъ для спанья палати; подъ тѣми палатями раскладываютъ на землѣ огонь:—курево отгоняетъ комариную силу. Такъ и спятъ въ дыму прокопченые насквозь бѣдняги, да и тутъ не всегда удается имъ отдѣлаться отъ мелкихъ несносныхъ мучителей.... А кромѣ того оводъ, слѣпни, пауты и страшный бичъ домашнихъ животныхъ

строка. * Одной строкѣ достаточно залетѣть въ рой слѣпней, вьющихся надъ конями, чтобъ цѣлая тройка, хоть и вовсе притомленная, закусивъ удила, лягаясь задними ногами и отчаянно размахивая по воздуху хвостами, помчалась зря, какъ бѣшеная, сломя голову.... Залетитъ строка въ стадо—весь скотъ взбѣсится, подниметъ неистовый ревъ и задравъ хвосты, зачнетъ метаться во всѣ стороны.... Бѣдные лоси и олени пуще всѣхъ терпятъ мученье отъ этой строки. Она садится на ноги, на спину иль на бока животнаго и прокусываетъ кожу. Раны загноятся, и строка кладетъ въ нихъ свои яйца. На слѣдующую весну изъ яицъ выходятъ личинки и насквозь проѣдаютъ кожу бѣднаго животнаго. Въ то время лось переноситъ нестерпимыя муки, а строка снова рѣжетъ свѣжія мѣста его кожи и снова кладетъ туда яйца. Шкура снятая со звѣря убитаго лѣтомъ или осенью никуда не годится, она усѣяна круглыми дырами въ пятіалтынный и больше. Единственное спасенье бѣдныхъ звѣрей отъ строки если они, понуривъ головы и дрожа всѣмъ тѣломъ, добредутъ до озера либо рѣчки.... Свѣжаго воздуха, идущаго отъ студеной воды, строка боится.... Да что толковать про беззащитныхъ оленей и лосей, самъ косолапый бояринъ лѣсовъ пуще огня боится строки. За недостаткомъ ли лосей, по другой ли причинѣ, строка иногда накидывается на медвѣдя. Забившись къ Мишкѣ въ загривокъ, въ ту пору какъ онъ линяетъ, начинаетъ она прокусывать толстую его шкуру. Благимъ матомъ заревѣтъ лѣсной бояринъ. Напрасно отмахивается онъ передними лапами—не отстанетъ отъ

* Строка—*oestsris*. Иные смѣшиваютъ строку со слѣпнями и паутами (*tabanu*), съ которыми имѣетъ она наружное сходство. Но строка со всѣмъ другое насѣкомое, она водится въ лѣсахъ и залетаетъ въ оосѣднія поля только въ такомъ случаѣ если тамъ пасется скотъ. Однѣ строки не летаютъ, но всегда въ роѣ слѣпней.

него строка пока огрызаясь и рыча на весь лѣсъ, кувыркаясь промежъ деревьевъ, не добѣжитъ Мишенька до воды и не погрузнетъ въ ней съ головою. Тѣмъ только косматый царь сѣверныхъ звѣрей и спасается отъ крохотнаго палача.... Человѣка, слава Богу, строка никогда не трогаетъ.

Нелюдно бываетъ въ лѣсахъ лѣтней порою. Промежъ Ке́рженца и Ветлуги еще лѣсуетъ * по нѣскольку топоровъ съ деревни, но дальше за Ветлугу къ Вятской сторонѣ и на сѣверъ за Ла́пшангу лѣсники ни ногой, кромѣ тѣхъ только мѣстъ гдѣ липа растетъ. Липу драть, мочало мочить можно только въ соковую пору. **

За то зимой въ лѣсахъ и по раменя́мъ работа кипитъ да взвариваетъ. Ро́нятъ деревья, волочатъ ихъ къ сплаву, вяжутъ плоты, тешутъ сосновые брусья, еловые чегени и ко́пани, *** рубятъ осину да березу на баклуши, **** колятъ лѣсъ на кадки, на бочки, на пересѣки и на всякое другое щепное подѣлье. Стукъ топоровъ, трескъ падающихъ лѣсинъ, крики лѣсниковъ, ржанье лошадей далеко разносятся тогда по лѣснымъ пустынямъ.

Зимой крещеному человѣку въ лѣсу и окаяннаго нечего бояться. Съ Никитина дня вся лѣсная не́чисть мертвымъ сно́мъ засыпаетъ: и водяникъ, и болотня́никъ, и бѣсовскія красавицы чарусъ и омуто́въ—всѣ до единаго сгинутъ, и

---

* Ходить въ лѣсъ на работу деревья ронить.

** Когда деревья въ соку, то-есть весна и лѣто.

*** Чегень—еловое бревно отъ шести до двѣнадцати саженъ длины, идетъ на забойку въ учугахъ (на каспійскихъ и нижневолжскихъ рыбныхъ промыслахъ); копань или кокора—лѣсина съ частью корня, образующая угольникъ, идетъ на стройку судовъ, на застрехи кровель крестьянскихъ домовъ и на санные полозья. На санные полозья идутъ и не корневыя копани, а гнутыя лежины.

**** Чурка, приготовленная для токарной выдѣлки деревянной посуды и ложекъ.

становится тогда въ лѣсахъ мѣсто чисто и свято... На покой христіанскимъ душамъ спитъ окаянная сила до самаго вешняго Никиты, * а съ ней заодно засыпаютъ и гады земные: змѣи, жабы и слѣпая мѣдяница **, та что̀ какъ прыгнетъ, такъ насквозь человѣка проскочетъ.... Лѣшій бурлитъ до Ероѳеева дня ***, тутъ ему на глаза не попа̀дайся: бѣсится косматый, не охота ему спать ложиться, рыщетъ по̀ лѣсу, ломитъ деревья, гоняетъ звѣрей, но какъ только Ероѳей-Офеня по башкѣ лѣсиной его хватитъ, пойдетъ окаянный сквозь землю и спитъ до Василія Парійскаго, какъ весна землю парить зачнетъ. ****

Послѣ Ероѳеева дня, когда въ лѣсахъ отъ не́чисти и бѣсовской погани станетъ свободно, ждетъ не дождется лѣсникъ чтобъ морозъ поскорѣй выжалъ сокъ изъ деревьевъ и сковалъ бы ва̀дьи и чарусы, а матушка-зима бѣлымъ пологомъ покрыла лѣсную пустыню. Знаетъ онъ что мѣсяца четыре придется ему безъ устали работать, принять за топоромъ труды не малые: лѣсокъ сѣчь не жалѣть своихъ плечъ.... Да объ этомъ не тужитъ лѣсникъ, каждый день молится Богу, поскорѣй бы Господь бѣлую зиму на черную землю сослалъ.... Но вотъ ровно бѣлыя мухи запорхали въ воздухѣ пушистыя снѣжинки, тихо ложатся онѣ на сухую, промерзлую землю; гуще и гуще становятся потоки льющагося съ неба снѣжнаго пуха; все бѣлѣетъ и улица, и кровли домовъ, и поля, и вѣтви деревьевъ. Цѣлую ночь благодать Господня на землю валитъ. Къ утру

* Осенній Никита—15-го сентября, весенній 3-го апрѣля.

** Слѣпая мѣдяница изъ породы ящерицъ (*anguis fragilis*) мѣдянистаго цвѣта, почти безъ ногъ и совершенно безвредна. Но есть змѣя мѣдянка, та ядовита. Лѣсной народъ мѣшаетъ эти двѣ породы.

*** Октября 4-го, св. Іероѳея епископа Аѳинскаго, извѣстнаго въ народѣ подъ именемъ Ерофея-Офени.

**** Апрѣля 12-го.

красноогненнымъ шаромъ выкатилось на прояснѣвшее небо солнышко, и ярко освѣтило бѣлую, снѣжную пелену. У лѣсниковъ въ глазахъ рябитъ отъ ослѣпительнаго блеска, но рады они радешеньки и весело хлопочутъ сбираясь въ лѣса „лѣсовать". Суетятся и навзрыдъ голосятъ бабы, справляя проводы, ревутъ глядя на нихъ малы ребята, а лѣсники ровно на праздникъ спѣшатъ. Ладятъ сани, грузятъ ихъ запасами печенаго хлѣба и сухарей, крупой да горохомъ, гуленой * да сушеными грибами съ рѣпчатымъ лукомъ. И вотъ на скорую руку простившись съ домашними, грянули они разудалую пѣсню и съ гиканьемъ поскакали къ своимъ зимницамъ на трудовую жизнь вплоть до Плющихи **.

Артелями въ лѣсахъ больше работáютъ: человѣкъ по десяти, по двѣнадцати и больше. На сплавъ рубить рядятъ лѣсниковъ лысковскіе промышленники, раздаютъ имъ на Покровъ задатки, а разсчетъ даютъ передъ Пасхой, либо по сплавѣ плотовъ. Тутъ не безъ обману бываетъ: во всякомъ дѣлѣ толстосумъ сумѣетъ прижать бѣднаго мужика, но промежъ себя въ артели у лѣсниковъ всякое дѣло ведется на чистоту.... За то ужъ чужой человѣкъ къ артели въ лапы не попадайся: не помилуетъ, оберетъ какъ липочку и въ грѣхъ того не поставитъ.

За недѣлю либо за двѣ до лѣсованья, артель выбираетъ старшóго: смотрѣть за работой, ровнять въ дѣлѣ работниковъ и заправлять немудрымъ хозяйствомъ въ зимницѣ. Старшóй, иначе „хозяинъ", распоряжается всѣми работами, и воля его непрекословна. Онъ ведетъ счетъ срубленнымъ деревьямъ, натесаннымъ брусьямъ, онъ же наблюдаетъ чтобы кто не отсталъ отъ другихъ въ работѣ, не вздумалъ

---

* Картофель.

** Марта 1-го—Евдокіи Плющихи.

бы жить чужимъ топоромъ, тянуть даровщину... У хозяина въ прямомъ подначальи „подсыпка“, паренекъ подростокъ, лѣтъ пятнадцати, либо шестнадцати. Ему не подъ силу еще столь наработать какъ взрослому лѣснику и за то подсыпка свой пай стряпнией на всю артель наверстываетъ, а также заготовкой дровъ, смолья и лучины въ зимницу для свѣтла и сугрѣва... Онъ же носитъ воду, и долженъ все прибрать и убрать въ зимницѣ, а когда запасы подойдутъ къ концу, ѣхать за новыми въ деревню.

Зимница гдѣ послѣ цѣлодневной работы проводятъ ночи лѣсники—большая, четвероугольная яма, аршина въ полтора либо въ два глубины. Въ нее запущенъ бревенчатый срубъ, а надъ ней, поверхъ земли, выведено вѣнцовъ шесть-семь сруба. Пола нѣтъ, одна убитая земля, а потолокъ накатнóй; немножко сводомъ. Оконъ въ зимницѣ не бываетъ, да ихъ и незачѣмъ: люди тамъ бываютъ только ночью, дневнаго свѣта имъ не надо, а чуть утро забрезжитъ, они ужь въ лѣсъ-лѣсовать и лѣсуютъ пока не наступятъ глубокія сумерки. И окно, и дверь, и дымволокъ * замѣняются однимъ отверстьемъ въ зимницѣ, оно прорублено вровень съ землей, въ аршинъ вышины, со створками, надъ которыми остается оконцо для дымовой тяги. Къ этому отверстію приставлена лѣстница, по ней спускаются внутрь. Середи зимницы обыкновенно стоитъ сбитый изъ глины кожýръ ** либо вырыта тепленка, такая же какъ въ овинахъ. Она служитъ и для сугрѣва и для просушки одёжи. Дымъ изъ тепленки, поднимаясь къ верху струями, стелется по потолку и выходитъ

---

* Дымволокъ или дымникъ—отверстіе въ потолкѣ или въ стѣнѣ черной избы для выхода дыма.

** Кожуръ — печь безъ трубы, какая обыкновенно бываетъ въ черной курной избѣ.

въ единственное отверстіе зимницы. Противъ этого отверстія внизу придѣланы къ стѣнѣ широкія нары. Въ переднемъ углу, возлѣ наръ, столъ для обѣда, возлѣ него переметная скамья * и нѣсколько стульевъ, то-есть деревянныхъ обрубковъ. Въ другомъ углу очагъ съ подвѣшенными надъ нимъ котелками для варева. Вотъ и вся обстановка зимницы, черной, закоптѣлой, но теплой, всегда сухой и никогда не знающей чтò за угаръ такой на свѣтѣ бываетъ.... Непривычный человѣкъ не долго пробудетъ въ зимницѣ, а лѣсники ею не нахвалятся: привычка великое дѣло. И живутъ они въ своей мурьѣ мѣсяца по три, по четыре, работая на волѣ отъ зари до зари, обѣдая когда утро еще не забрезжило, а ужиная поздно вечеромъ, когда воротясь съ работы, уберутъ лошадей въ загонѣ, построенномъ изъ жердей и еловыхъ лапъ возлѣ зимницы. У людей по деревнямъ и красная Никольщина, и веселыя Святки, и широкая Масляница,—въ лѣсахъ нѣтъ праздниковъ, нѣтъ разбора днямъ.... Одинаково работаютъ лѣсники и въ будни, и въ праздникъ, и кромѣ „подсыпки“ никому изъ нихъ во всю зиму домой ходу нѣтъ. И къ нимъ изъ деревень никто не наѣзжаетъ.

Въ одной изъ такихъ зимницъ, рано поутру, человѣкъ десять лѣсниковъ, развалясь на нарахъ и завернувшись въ полушубки, спали богатырскимъ сномъ. Подъ утро намаявшагося за работой человѣка сонъ крѣпко разнимаетъ—тутъ его хоть въ гробъ клади да хорони. Такъ и теперь было въ зимницѣ лыковскихъ ** лѣсниковъ, артели дяди Онуфрія.

Огонь въ тепленкѣ почти совсѣмъ потухъ. Угольки,

* Переметная скамья—не прикрѣпленная къ стѣнѣ, та чтò сбоку приставляется къ столу во время обѣда.

** Волость на рѣкѣ Керженцѣ.

перегорая, то свѣтились алымъ жаромъ, то мутились сѣрой плёнкой. Въ зимницѣ было темно и тихо—только и звуковъ что иной лѣсникъ всхрапнетъ какъ добрая лошадь, а у другаго вдругъ ни съ того ни съ сего душа носомъ засвиститъ.

Одинъ дядя Онуфрій, хозяинъ артели, сѣдой, коренастый, краснощекій старикъ, спитъ будкимъ соловьинымъ сномъ... Его дѣло рано встать, артель на ноги поднять, на работу ее урядить, пока утро еще не настало... Это ему давно ужь за привычку, оттого онъ и проснулся пораньше другихъ. Потянулся дядя Онуфрій, протеръ глаза, и увидѣвъ что въ тепленкѣ огонь почти совсѣмъ догорѣлъ, торопливо вскочилъ, на скорую руку перекрестился раза три-четыре, и подбросивъ въ тепленку полѣньевъ и смолья, сталъ наматывать нà ноги просохшія зà ночь онучи и обувать лапти. Обувшись и вздѣвъ на одну руку полушубокъ, взлѣзъ онъ по лѣсенкѣ, растворилъ створцы и поглядѣлъ на небо.... Стожары * сильно наклонились къ краю небосклона, значитъ ночь на исходѣ, утро близится.

— Эй вы, крещеные!... Будетъ вамъ дрыхнуть-то!... Долго спать—долгу наспать... Вставать пора! кричалъ дядя Онуфрій на всю зимницу артельнымъ товарищамъ.

Никто не шевельнулся. Дядя Онуфрій пошелъ вдоль наръ и зачалъ толкать кулакомъ подъ бока лѣсниковъ, крича во все горло:

— Эхъ! грому на васъ нѣтъ!... Спятъ ровно убитые!... Вставай, вставай, ребятушки!... Много спать добра не видать!... Топоры по васъ давно встосковались.... Ну же, ну поднимайсь, мóлодцы!

Кто потянулся, кто поежился, кто глянувъ заспанными глазами на „старшóго“, опять зажмурился и повернулся

* Созвѣздіе Большой Медвѣдицы.

на другой бокъ. Дядя Онуфрій межъ тѣмъ одѣлся какъ слѣдуетъ, умылся, то-есть размазалъ водой по лицу копоть: торопливо помолился передъ мѣднымъ образкомъ, поставленнымъ въ переднемъ углу, и подбросилъ въ тепленку еще немного сухаго корневища. * Ало-багровымъ пламенемъ вспыхнуло смолистое дерево, черный дымъ клубами поднялся къ потолку и заходилъ тамъ струями. Въ зимницѣ посвѣтлѣло.

— Вставайте же, вставайте, а вы!... Чего разоспались, ровно маковой воды опились?... День на дворѣ! покрикивалъ дядя Онуфрій, ходя вдоль наръ, расталкивая лѣсниковъ и сдергивая съ нихъ армяки и полушубки.

— Петряйко, а Петряйко! поднимайся проворнѣй, пострѣлъ!... Чего заспался?... Ужь волкъ умылся, а кочетокъ у насъ на деревнѣ давно пропѣлъ. Пора за дѣло приниматься, стряпай живо обѣдать!... кричалъ онъ въ самое ухо артельному подсыпкѣ, подростку лѣтъ шестнадцати, своему племяннику.

Но Петряйкѣ не охота вставать. Жмется парнишко подъ шубенкой, думая про себя: „дай хоть чуточку еще посплю, авось дядя не рѣзнетъ хворостиной"....

— Да вставай же, пострѣленокъ... Не то возьму слегу, огрѣю, крикнулъ дядя на племянника, сдернувъ съ него шубенку.—Дожидаться что ль тебя артели-то?... Вставай, примайся за дѣло.

Петряйка вскочилъ, обулся и подойдя къ глиняному рукомойнику, сплеснулъ лицо. Нельзя сказать чтобъ онъ умылся, онъ размазалъ только копоть, обильно насѣвшую на лицахъ, шеяхъ и рукахъ обителей зимницы.... Лѣсники люди не привередливы: изъ грязи да изъ копоти зиму зименскую не выходятъ...

* Часть дерева между корнемъ и стволомъ или комлемъ. Она отрубается или отпиливается отъ бревна.

— Проворь, а ты проворь обѣдать-то, торопилъ племянника дядя Онуфрій:—Чтобъ у меня все живой рукой было состряпано... А я покамѣсть къ кóнямъ схожу.

И зажегши лучину, дядя Онуфрій полѣзъ на лѣсенку вонъ изъ зимницы.

Лѣсники одинъ за другимъ вставали, обувались въ просохшую зá ночь у тепленки обувь, поочереди подходили къ рукомойнику и подобно дядѣ Онуфрію и Петряю размазывали по лицу грязь и копоть.... Потомъ кто пошелъ въ загонъ къ лошадямъ, кто топоры сталъ на точилѣ вострить, кто ладить разодранную наканунѣ одёжу.

Хоть зáработки у лѣсниковъ не Богъ знаетъ какіе, далеко не тѣ чтò у недальнихъ ихъ сосѣдей, въ Черной Рамени, да на Узолѣ, которы деревянну посуду и другую горянщину работáютъ, однакожь и они не прочь сладко поѣсть послѣ трудовъ праведныхъ. На Ветлугѣ и отчасти на Кéрженцѣ въ рѣдкомъ домѣ брага и сыченое сусло переводятся, даромъ что хлѣбъ чуть не съ Рождества покупной ѣдятъ. И убоина * у тамошняго мужика не за диво и солонины нà зиму запасъ бываетъ, немалое подспорье по лѣснымъ деревушкимъ отъ лосей приходится.... У инаго крестьянина не одинъ пересѣкъ соленой лосины въ погребу стоитъ.... И до пшенничковъ, и до лапшенничковъ и до дынничковъ ** охочъ лѣсникъ, но въ зимницѣ этого лакомства стряпать некогда да и негдѣ. Развѣ бабы когда изъ деревни на поклонъ мужьямъ съ подсыпкой пришлютъ. Охочъ лѣсникъ и до „продажной дури“—такъ зоветъ онъ зеленó вино,—но во время „лѣсованья“ продажная дурь не дозволяется. Заведись у кого хоть косу-

* Говядина.

** Дынничекъ—каша изъ тебеки (тыквы) съ просомъ, сваренная на молокѣ и сильно подрумяненная на сковородѣ.

шка вина, сейчасъ его артель разложитъ, вспоретъ и затѣмъ вонъ безъ разсчету. Только трижды въ зиму и пьютъ: на Николу, на Рождество да на Масляницу, и то по самой малости. Брагу да сусло пьютъ и въ зимницахъ, но понемногу и то на праздникахъ да послѣ нихъ....

Но теперь Великій постъ, къ тому жь и лѣсованье къ концу: меньше двухъ недѣль остается до Плющихи, оттого и запасовъ въ зимницѣ немного. Петряйкина стряпня на этотъ разъ была не больно завидна. Развелъ онъ въ очагѣ огонь, въ одинъ котелокъ засыпалъ гороху, а въ другомъ сталъ приготовлять похлебку: покрошилъ гулены, сухихъ грибовъ, луку, засыпалъ гречневой крупой да гороховой мукой, сдобрилъ масломъ и поставилъ на огонь. Обѣдъ разомъ поспѣлъ. Приставили къ нарамъ столъ, къ столу переметную скамью и усѣлись. Петряйка нарѣзалъ черстваго хлѣба, разложилъ ломти да ложки, и поставилъ передъ усѣвшеюся артелью чашки съ похлебкой. Молча работала артель зубами, чашки скоро опростались. Петряйка выложилъ остальную похлебку, а когда лѣсники и это очистили, поставилъ имъ чашки съ горохомъ, накрошилъ туда рѣпчатаго луку и полилъ вдоволь льнянымъ масломъ. Это кушанье показалось особенно лакомо лѣсникамъ, ѣли да похваливали.

— Ай да Петряй! Клевашный * парень! говорилъ молодой лѣсникъ, Захаромъ звали, потряхивая кудрями.—Вотъ братъ уважилъ, такъ уважилъ.... За этотъ горохъ я у тебя, Петряйко, на свадьбѣ такъ нарѣжусь, что цѣлый день пѣсни играть да плясать не устану.

— Мнѣ еще рано, самъ-отъ прежде женись, отшутился Петряйка.

— Невѣсты, парень, еще не выросли.... Покамѣсть и такъ побродимъ, отвѣчалъ Захаръ.

* Проворный, смѣтливый, разумный.

— А въ самомъ дѣлѣ, Захарушка, пора бы тебѣ законъ свершить, вступился въ разговоръ дядя Онуфрій.—Что такъ безъ пути-то болтаешься?... Для̀че не женишься?... За тебя, за такого молодца, всяку бы дѣвку съ радостью выдали.

— Ну ихъ, бабья-то! отвѣчалъ Захаръ.—Терпѣть не могу. Дѣвкѝ не въ примѣръ лучше. Съ ними забавнѣй— смѣхи да пѣсни, а бабы что̀! Только клохчутъ да хнычатъ.... Само послѣднее дѣло!

— Экой дѣвушникъ! молвилъ на то лукаво усмѣхнувшись лѣсникъ Артемій.—А не знаешь развѣ что за дѣвокъ-то вашему брату ноги коломъ ломаютъ?

— А ты прежде излови, да потомъ и ломай. Экъ чѣмъ стращать вздумалъ, нахально отвѣтилъ Захаръ.

— То-то, то-то, Захаръ Игнатьичъ, гляди въ оба.... Знаемъ мы кой-что... Слыхали! сказалъ Артемій.

— Чего слыхалъ-то?... Чего мнѣ глядѣть-то? разгорячившись крикнулъ Захаръ.

— Да хоть бы насчетъ Лещовской Параньки...

— Чего насчетъ Параньки? приставалъ Захаръ.—Чего?... Говори что̀ знаешь!... Ну, ну говори....

— То и говорю что высоко камешки кидаешь, отвѣтилъ Артемій.—Тутъ вашему брату не то что руки-но̀ги переломаютъ, а пожалуй въ городъ на ставку свезутъ. Забылъ аль нѣтъ что Паранькинъ дядя въ головахъ сидитъ? сказалъ Артемій.

Закричалъ Захаръ пуще прежняго, даже съ мѣста вскочилъ, ругаясь и сжимая кулаки, но дядя Онуфрій однимъ словомъ угомонилъ расходившихся ребятъ. Брань и ссоры во все лѣсованье не дозволяются. Иной парень хоть на руготню и голова—огня не вздуетъ, замка не отопретъ не выругавшись, а въ лѣсу не смѣетъ много растабарывать, а рукамъ волю давать и не подумаетъ.... Велитъ старшой

замолчать, пали сердце сколько хочешь, а вздориться не смѣй. Послѣ, когда изъ лѣсу уѣдутъ, тамъ хоть ребра другъ дружкѣ переломай, но во время лѣсованья—ни-ни. Такой обычай ведется у лѣсниковъ изстари. Съ чего завелся такой обычай? разъ спросили у стараго лѣсника, лѣтъ тридцать сряду ходившаго лѣсовать хозяиномъ. „По нашимъ промысла̀мъ безъ у̀йму нельзя, отвѣчалъ онъ, также вотъ и продажной дури въ лѣсу держать никакъ невозможно, потому не ровенъ часъ, топоръ изъ рукъ у нашего брата не выходитъ.... Долго ль окаянному человѣка во хмѣлю аль въ руготнѣ по̀дъ руку толконуть.... Бывали дѣла, оттого сто̀рожко и держимся.“

Смолкли ребята, враждебно поглядывая другъ на̀ друга, но ослушаться старшо̀го и подумать не смѣли... Сто̀итъ ему слово сказать, артель встанетъ какъ одинъ человѣкъ и такую вспорку задастъ ослушнику, что въ другой разъ не захочетъ дурить...

Петряйка ставилъ межь тѣмъ третье кушанье: наклалъ онъ въ чашки сухарей, развелъ квасомъ, положилъ въ эту тюрю соленыхъ груздей, рыжиковъ, да вареной свеклы, лучку туда покрошилъ и маслица подлилъ.

— Важно кушанье! похваливалъ дядя Онуфрій, уписывая крошево за обѣ щеки. — Ну проворнѣй, проворнѣй, ребята,—въ лѣсъ пора! Заря занимается, а на зарѣ не работать значитъ рубль изъ мошны потерять.

Лѣсники зачали ѣсть торопливѣе, Петряйка вытащилъ изъ за̀кути курганъ * браги и поставилъ его на столъ.

— Экой у насъ проворъ подсыпка-то! похваливалъ дядя Онуфрій, поглаживая жилистой рукой по бѣлымъ, но

* Курганъ, кунганъ (правильнѣе кумганъ), заимствованный у Татаръ, мѣдный или жестяной кувшинъ съ носкомъ, ручкой и крышкой.

сильно закопченнымъ волосамъ Петряя, когда тотъ разливалъ брагу по кóрчикамъ *.— Всякій день у него послѣдышки да послѣдышки. Двѣ недѣли Масляница минула, а у него бражка еще ведется. Стóрожь, стóрожь, Петрунюшка, стóрожь всяко добро, припасай на черный день, выростешь большой богатей будешь. Прокъ выйдетъ изъ тебя, парнюга!... Чтой-то? вдругъ спросилъ, прерывая свои ласки и вставая съ наръ, дядя Онуфрій:—Ни какъ пріѣхалъ кто-то? Выглянь-ка, Петряй, на волю, глянь кто такой?

Въ самомъ дѣлѣ слышались скрипъ полозьевъ, фырканье лошадей и людской говоръ.

Однимъ махомъ Петряйка вскочилъ на верхъ лѣсенки и растворивъ створцы высунулъ на волю бѣлокурую свою голову. Потомъ прыгнувъ нà полъ и разведя врозь руками, удивленнымъ голосомъ сказалъ:

— Невѣдомо каки люди пріѣхали.... На двухъ тройкахъ... Гусемъ.

— Чтò за диковина! повязывая кушакъ, молвилъ дядя Онуфрій.—Чтò зà люди?... Кого это на тройкахъ принесло?

— Нешто лѣсной, аль исправникъ, отозвался Артемій.

— Коего шута на концѣ лѣсованья они не видали здѣсь? сказалъ дядя Онуфрій.— Опять же колокольцовъ не слыхать, а начальство развѣ безъ колокольца поѣдетъ? Гляди Лысковцы ** не нагрянули ль... Пусто бъ имъ было!.... Больше некому. Пойти посмотрѣть самому, прибавилъ онъ, направляясь къ лѣсенкѣ.

---

* Кóрчикъ или корèцъ, особаго вида ковшъ для черпанья воды, квасу, для питья сусла и браги. Корцы бываютъ металлическіе (желѣзные), деревянные, а больше корèцъ дѣлается изъ древеснаго луба, въ видѣ стакана.

** Оптовые лѣсопромышленники изъ Лыскова. Ихъ не любятъ лѣсники за обманы и обиды.

— Есть ли крещеные? раздался въ то время вверху громкій голосъ Патапа Максимыча.

— Лѣзь-полѣзай, милости просимъ, громко отозвался дядя Онуфрій.

Показалась изъ створокъ нога Патапа Максимыча, за ней другая, потомъ широкая спина его, обтянутая въ мурашкинскую дубленку. Слѣзъ наконецъ Чапуринъ.

За нимъ такимъ же способомъ слѣзъ паломникъ Стуколовъ, потомъ молчаливый купецъ Дюковъ, за ними два работника. Не вдругъ прокашлялись наѣзжіе гости, глотнувши дыма. Присѣвъ на полу, едва переводили ондухъ и протирали поневолѣ плакавшіе глаза.

— Кого Господь даровалъ? спросилъ дядя Онуфрій.— Зиму-зименскую отъ чужихъ людей духу не было, на конецъ лѣсованья гости пожаловали.

— Заблудились мы, почтенный, въ вашихъ лѣсахъ, отвѣчалъ Патапъ Максимычъ, снимая промерзшую дубленку и подсаживаясь къ огню.

— Откуда Богъ занесъ въ наши палестины? спросилъ дядя Онуфрій.

— Изъ Красной Рамени, молвилъ Патапъ Максимычъ.

— А путь куда держите? продолжалъ спрашивать старшо́й артели.

— На Ветлугу пробираемся, отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.—Думали на Ялокшинскій зимнякъ свернуть, да оплошали. Теперь не знаемъ куда и заѣхали.

— Ялокшинскій зимнякъ отсель рукой подать, молвилъ дядя Онуфрій, — какихъ-нибудь верстъ десятокъ и того не будетъ пожалуй. Только доро́га не приведи Господи. Вы поди на саняхъ?

— Въ пошевняхъ, отвѣтилъ Патапъ Максимычъ...

— А пошевни-то небойсь большія да широкія... Еще

поди съ волочками? * продолжалъ свои разспросы дядя Онуфрій.

— Да, съ волчками, сказалъ Патапъ Максимычъ...—А что̀?...

— А то что съ волчками отсель на Ялокшу вамъ не проѣхать. Лѣса густые, лапы на просѣкѣ рублены не высо́ко, волочки-то пожалуй не пролѣзутъ, говорилъ дядя Онуфрій.

— Какъ же быть? въ раздумьѣ спрашивалъ Патапъ Максимычъ.

— Да въ кое мѣсто вамъ на Ветлугу-то? молвилъ дядя Онуфрій, оглядывая лёзу топора.

— Ѣзда намъ не близкая, отвѣтилъ Патапъ Максимычъ.— За Усту́ надо къ Уреню, коли слыхалъ.

— Какъ не слыхать, молвилъ дядя Онуфрій.—Сами въ Урени не разъ бывали.... За хлѣбомъ ѣздимъ.... Такъ вѣдь вамъ напередъ надо въ Нижне Воскресенье, а тамъ ужь вплоть до Уреня́ пойдетъ большая дорога....

— Ровная, гладкая, хоть кубаремъ катись, въ одинъ голосъ заговорили лѣсники....

— За Воскресеньемъ слѣпой съ пути не собьется....

— По Ветлугѣ до самаго Варнавина степь пойдетъ, а за Варнавиномъ какъ рѣку переѣдете—опять лѣса,—тамъ ужь и скончанья лѣсамъ не будетъ....

— Это мы, почтенный, и безъ тебя, знаемъ, а вотъ вы научите насъ какъ до Воскресенья-то намъ добраться? сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Развѣ къ нашимъ дворамъ, на Лыковщину отсель свернете, отвѣчалъ дядя Онуфрій.—Отъ насъ до Воскре-

---

* Волочёкъ или волчёкъ—верхъ повозки или кибитки, обитый циновкой. Иначе: лучокъ.

сенья путь торный, просѣка широкая, только крюку дадите: верстъ сорокъ коли не всѣ пятьдесятъ.

— Эко горе какое! молвилъ Патапъ Максимычъ.—Вечоръ цѣлый день плутали, цѣлу ночь не знай куда ѣхали, а тутъ еще пятьдесятъ верстъ крюку!... Вѣдь это лишнихъ полтора сутокъ наберется.

— А вамъ нешто къ спѣху? спросилъ дядя Онуфрій.

— Къ спѣху не къ спѣху, а не охота по вашимъ лѣсамъ безъ пути блудить, отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.

— Да вы коли изъ Красной-то Рамени поѣхали? спросилъ дядя Онуфрій.

— На разсвѣтѣ. Теперь вотъ цѣлы сутки маемся, отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.

— Гляди-ка, дѣло какое! говорилъ, качая головой, дядя Онуфрій.—Видно впервóй въ лѣсахъ-то?

— То-то и есть что допрежь николи не бывали. Ну ужь и лѣса ваши—нечего сказать! Провалиться бъ имъ проклятымъ совсѣмъ! съ досадой примолвилъ Патапъ Максимычъ.

— Лѣса наши хорошіе, перебилъ его дядя Онуфрій.

Обидно стало ему что невѣдомо какой человѣкъ такъ объ лѣсахъ отзывается. Какъ морякъ любитъ море, такъ коренной лѣсникъ любитъ родные лѣса, не въ примѣръ горячѣй чѣмъ пахарь пашню свою.

— Лѣса наши хорошіе, хмурясь и понуривъ голову, продолжалъ дядя Онуфрій.—Наши поильцы-кормильцы.... Самъ Господь выростилъ лѣса на пользу человѣка, Самъ Владыка свой садъ разсадилъ.... Здѣсь каждо дерево Божье, зачѣмъ же лѣсамъ проваливаться?... И кѣмъ они кляты?... Это ты не хорошее, черное слово молвилъ, господинъ купецъ.... Не погнѣвайся, имени, отчества твоего не знаю, а лѣса бранить не годится—потому они Божьи.

— Дерево-то пускай его Божье, а волки-то чьи? воз—

разилъ Патапъ Максимычъ.—Какъ мы заночевали въ лѣсу, набѣжало проклятаго звѣрья видимо не видимо—чуть не сожрали; каленый ножъ имъ въ бокъ. Только огнемъ и оборонились.

— Да, волки теперь гуляютъ—ихня пора, молвилъ дядя Онуфрій,—Господь имъ эту пору указалъ.... Не однимъ людямъ, а всякой твари сказалъ Онъ: „раститеся и множитесь". Да.... ихня пора.... И потомъ немного помолчавъ прибавилъ: Значитъ вы не въ коренномъ лѣсу заночевали, а гдѣ-нибудь на рамени́. Сѣрый въ теперешню пору въ лѣсахъ не держится, больше въ поле норовитъ, теперь ему въ лѣсу голодно. Безпремѣнно на рамени́ ночевали, недалече отъ селенья. Къ намъ-то съ какой стороны подъѣхали?

— Да мы все на сиверъ держали, сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Кажись бы такъ не надо, молвилъ дядя Онуфрій.— Какъ же такъ на сиверъ? Къ зимницѣ-то, говорю, съ коей стороны подъѣхали?

— Съ правой.

— Такъ какой же тутъ сиверъ? Ѣхали вы ста́ло быть на осенникъ, сказалъ дядя Онуфрій.

— Какже ты вечоръ говорилъ что мы ѣдемъ на сиверъ? обратился Патапъ Максимычъ къ Стуколову.

— Такъ по маткѣ выходило, насупивъ брови и глядя изъ подлобья отозвался паломникъ.

— Вотъ тебѣ и матка! крикнулъ Патапъ Максимычъ.— Пятьдесятъ верстъ крюку, да на придачу волки чуть не распластали!... Эхъ ты голова, Якимъ Прохорычъ, право голова!...

— Чѣмъ же матка-то тутъ виновата? оправдывался Стуколовъ.—Развѣ по ней ѣхали; вѣдь я глядѣлъ въ нее когда ужь съ пути сбились.

— Не сговоришь съ тобой, горячился Патапъ Максимычъ:—Хоть колъ ему теши на лысинѣ: упрямъ какъ чортъ карамышевскій, прости Господи!...

— Ой, ваше степенство, больно ты охочъ *его* поминать! вступился дядя Онуфрій.—Здѣсь вѣдь лѣсъ, зимница.... У насъ *его* не поминаютъ! Не хорошо!... чернаго слова не говори.... Неровенъ часъ—пожалуй недоброе чтò случится... А про каку это матку вы поминаете? прибавилъ онъ.

— Да вонъ у товарища моего матка какая-то есть... Шутъ ее знаетъ!... досадливо отозвался Патапъ Максимычъ, указывая на Стуколова. — Всякія дороги слышь знаетъ. Коробочка, а въ ней какъ въ часахъ стрѣлка ходитъ, пояснялъ онъ дядѣ Онуфрію...—Такъ пустое дѣло одно.

— Знаемъ и мы эту матку, отвѣтилъ дядя Онуфрій, снимая съ полки крашеный ставешокъ и вынимая оттуда компасъ.—Какъ намъ лѣсникамъ матки не знать? Безъ нея ину пору можно пропасть.... Такая что ли? спросилъ онъ, показывая свой компасъ Патапу Максимычу.

Диву дался Патапъ Максимычъ. Столько лѣтъ на свѣтѣ живетъ, книги тоже читаетъ, съ хорошими людьми водится, а досель не слыхалъ, не вѣдалъ про такую штуку.... Думалось ему что паломникъ изъ-зá моря вывезъ свою матку, а тутъ закоптѣлый лѣсникъ, послѣдній можетъ быть человѣкъ, у себя въ зимницѣ такую же вещь держитъ.

— Въ лѣсахъ матка вещь самая пользительная, продолжалъ дядя Онуфрій.—Безъ нея какъ разъ заблýдишься, коли пойдешь по незнаемымъ мѣстамъ. Дорогáя по нашимъ промысла́мъ эта штука.... Зайдешь ину пору далёко, лѣсъ-отъ густой, частый, да рослый—въ небо дыра. Ни солнышка, ни звѣздъ не видать, опознаться на мѣстѣ нечѣмъ. А съ маткой не пропадешь: отколь хошь на волю выведетъ.

— Значитъ твоя матка попортилась, Якимъ Прохорычъ, сказалъ Патапъ Максимычъ Стуколову.

— Отчего ей попортиться? Коли стрѣлка ходитъ, значитъ не попортилась, отвѣчалъ тотъ.

— Да слышишь ты аль нѣтъ, что вечоръ ей надо было на осенникъ казать, а она на сиверъ тянула, сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Покажь-ка, ваше степенство, твою матку, молвилъ дядя Онуфрій, обращаясь къ Стуколову.

Паломникъ вынулъ компасъ. Дядя Онуфрій положилъ оба на столъ.

— Ничѣмъ не попорчена, сказалъ онъ, разсматривая ихъ.—Да и портиться тутъ нечему, потому что въ стрѣлкѣ не пружина, какая, а одна только Божія сила.... Видишь въ одну сторону обѣ стрѣлки тянутъ.... Вотъ сиверъ, тутъ будетъ полдень, тутъ закатъ, а тутъ встокъ, говорилъ дядя Онуфрій, показывая рукой страны свѣта по направленію магнитной стрѣлки.

— Отчего жь она давича не на осенникъ, а на сиверъ тянула? спросилъ у паломника Патапъ Максимычъ, разглядывая компасы.

— Не знаю, отвѣчалъ Стуколовъ.

— А я такъ знаю, молвилъ дядя Онуфрій, обращаясь къ паломнику.—Знаю отчего вечо̀ръ твоя матка на́ сторону воротила.... Коли хочешь скажу, чтобы могъ ты понимать тайную силу Божію.... Когда смотрѣлъ въ матку-то, въ которомъ часу?

— Съ вечера, отвѣчалъ Стуколовъ.

— Такъ и есть, молвилъ дядя Онуфрій. — А на́ небо въ ту пору глядѣлъ?

— На́ небо? Какъ на́ небо?... спросилъ удивленный паломникъ.—Не помню.... Кажись не глядѣлъ.

— И никто изъ васъ не видалъ что̀ на̀ небѣ въ ту пору дѣялось? спросилъ дядя Онуфрій.

— Чему нà небѣ дѣяться? молвилъ Патапъ Максимычъ.—Ничего не дѣялось—небо какъ небо.

— То-то и есть чтò дѣялось, сказалъ дядя Онуфрій.—Мы видѣли чтò нá небѣ передъ пóлночью было. — Тутъ-то вотъ и премудрая, тайная сила Творца Небеснаго.... И про ту силу великую не то что мы, люди старые, подростки у насъ знаютъ, Петряйко! Чтò вечоръ на небѣ дѣялось? спросилъ онъ племянника.

— Пáзори играли, бойко тряхнувъ бѣлокурыми кудрями, отвѣтилъ Петряй. — Вечóръ какъ намъ съ лѣсованья ѣхать, óтбѣль по небу пошла, а тамъ и зóри заиграли, лучи засвѣтили, столбы задышали, багрецами налились и заходили пó небу. Сполòхи даже били какъ мы ужинать сѣли: ровно громъ по лѣсу-то такъ и загудѣли.... Оттого матка и дурила что *. пáзори въ небѣ играли.

---

* *Пáзори*—сѣверное сіяніе. Слова „сѣверное сіяніе“ народъ не знаетъ. Это слово дѣланное, искусственное, придуманное въ кабинетѣ, едва ли не Ломоносовымъ, а ему, какъ Холмогорцу, не могло быть чуждымъ настоящее русское слово пазори. Сѣверное сіяніе—буквальный переводъ нѣмецкаго *Nordlicht*. У насъ каждый переходъ столь обычнаго на Руси небеснаго явленія означается особымъ мѣткимъ словомъ. Такъ, начало пазорей, когда на сѣверной сторонѣ неба начинаетъ какъ бы разливаться блѣдный бѣлый свѣтъ, подобный млечному пути, зовется *отбѣлью* или *бѣлью*. Слѣдующій затѣмъ переходъ, когда отбѣль сначала принимая розовый оттѣнокъ, потомъ постепенно багровѣетъ, называется зорями (*зóри*, *зóрники*). Послѣ зорей начинаютъ обыкновенно раскидываться по небу млечныя полосы. Это называютъ *лучами*. Если явленіе продолжается *лучи* багровѣютъ и постепенно превращаются въ яркіе, красные и другихъ цвѣтовъ радуги, *столбы*. Эти столбы краснѣютъ болѣе и болѣе, что называется *багрецы наливаются*. Столбы сходятся и расходятся—объ этомъ говорится *столбы играютъ*. Когда сильно играющіе столбы сопровождаются перекатнымъ трескомъ и какъ бы громомъ—это называется *сполòхами*. Если во время сѣвернаго сіянія зори или столбы мерцаютъ, то-есть дѣлаются то свѣтлѣй, то блѣднѣй,

— Значитъ не въ ту сторону показывала, пояснилъ дядя Онуфрій.—Это завсегда такъ бываетъ: еще отбѣлей не видать, а ужь стрѣлка вздрагивать зачнетъ, а потомъ и пойдетъ то туда, то сюда воротить.... Видишь ли, какая тайная Божія сила тутъ совершается? Слыхалъ, поди, какъ за всенощной-то поютъ: „вся премудростію сотворилъ еси"!... Вотъ она премудрость-то!... Это завсегда надо крещеному человѣку въ понятіи содержать.... Да, ваше степенство: „вся премудростію сотворилъ еси!"... Кажись вотъ хоть бы эта самая матка—что̀ такое?—Ребячья игрушка слѣпой человѣкъ подумаетъ! Анъ нѣтъ, тутъ премудрость Господня, тайная Божія сила... Да.

„Экой дошлый народецъ въ эти лѣса забился", самъ про себя думалъ Патапъ Максимычъ. „Мальчишка, материно молоко на губахъ не обсохло, и тотъ премудрость понимаетъ, а старый отъ писанья такой гораздый, что пожалуй Манеѳѣ такъ въ пору."

— Отъ кого это ты, малецъ, научился? спросилъ онъ Петряя.

— Дядя училъ, дядя Онуфрій, бойко отвѣтилъ подсыпка, указывая на дядю.

— А тебя кто научилъ? обратился Патапъ Максимычъ къ Онуфрію.

тогда говорится: „зори или столбы *дышатъ*". Наши лѣсники, равно какъ и Поморы, обращающіеся съ компасомъ, давнымъ-давно знаютъ что „на пазоряхъ матка дуритъ", то-есть магнитная стрѣлка дѣлаетъ уклоненія. Случается, что небо заволочено тучами, стоитъ непогодь, либо мятель мятетъ, и вдругъ „матка задуритъ". Лѣсники тогда знаютъ, что на небѣ пазори заиграли, но за тучами ихъ не видать. Замѣчательно что какъ у Поморовъ, такъ и у лѣсниковъ нѣтъ повѣрья будто сѣверное сіяніе предвѣщаетъ войну либо моръ. Свойство магнитной стрѣлки и вліяніе на нее сѣвернаго сіянія они называютъ „тайной Божьей силой".

— Отъ отцовъ, отъ дѣдовъ научены; они тоже вѣкъ свой лѣсовали, отвѣтилъ дядя Онуфрій.

— Мудрости Господни! молвилъ въ раздумьѣ Патапъ Максимычъ.

Проговоривъ это, вдругъ увидѣлъ онъ, что лѣсникъ Артемій, присѣвъ на корточки передъ тепленкой и вынувъ уголекъ, положилъ его въ носогрѣйку *, и закурилъ свой тютюнъ. За нимъ Захаръ, потомъ другіе, и вотъ всѣ лѣсники, кромѣ Онуфрія да Петряя, усѣвшись вкругъ огонька, задымили трубки.

Стуколова инда передернуло. За Волгой-то, въ семъ искони древлеблагочестивомъ краѣ, въ семъ Аѳонѣ старообрядства, да еще въ самой-то глуши, въ лѣсахъ, курильщики треклятаго зелья объявились.... Отсторонился паломникъ отъ тепленки, и сѣвъ въ углу зимницы, повернулъ лицо въ сторону.

— Поганитесь? съ легкой усмѣшкой спросилъ Патапъ Максимычъ, кивая дядѣ Онуфрію на курильщиковъ.

— А какое жь тутъ поганство? отвѣчалъ дядя Онуфрій.— Никакого поганства нѣтъ. Сказано: „всякъ злакъ на службу человѣкомъ“. — Чего жь тебѣ еще?... И табакъ Божья трава, и ее Господь создалъ на пользу, какъ и всѣ иные древа, цвѣты и травы....

— Такъ нéшто про табашное зелье это слово сказано въ писаніи? досадливо вмѣшался насупившійся Стуколовъ.—Аль не слыхалъ чтò такое есть „корень горести въ выспрь прозябаяй?“ Не слыхивалъ откуда табакъ-отъ выросъ?

— Это чтò келейницы-то толкуютъ? со смѣхомъ ото-

* Трубка, большею частію корневая, выложенная внутри жестью, на коротенькомъ деревянномъ чубучкѣ.

звался Захаръ.—Врутъ онѣ смóтницы *, пустое плетутъ.... Мы вѣдь не староверы, въ бабьё не вѣруемъ.

— Нешто церковники? спросилъ Патапъ Максимычъ дядю Онуфрія.

— Всѣ по церкви, отвѣчалъ дядя Онуфрій.—У насъ по всей Лыковщинѣ старовѣровъ споконъ вѣку не живалось. И дѣды, и прадѣды, всѣ при церкви были. Потому люди мы бѣдные, работные, достатковъ у насъ нѣтъ такихъ чтобъ старовѣрничать. Вонъ по раменя́мъ и въ Черной Рамени, и въ Красной, и по Волгѣ, тамъ почитай всѣ старой вѣры держатся.... Потому — богачество.... А мы чтò?... Люди маленькіе, худые, бѣдные.... Мы по церкви!

— А моли́тесь какъ? спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Кто въ два перста, кто щепотью, кто какъ сызмала обыкъ такъ и молится.... У насъ этого въ важность не ставятъ, сказалъ дядя Онуфрій.

— И табашничаете всѣ? продолжалъ спрашивать Патапъ Максимычъ.

— Всѣ почитай веселой травки держимся, отвѣчалъ улыбаясь дядя Онуфрій, и самъ сталъ набивать трубку.—Намъ, ваше степенство, безъ табаку нельзя. Потому лѣтомъ пойдешь въ лѣсъ—столько тамъ этого гаду: оводу, слѣпней, мошекъ и всякой комариной силы—только табачнымъ дымомъ себя и полегчишь, не то съѣдятъ, пусто бъ имъ было. По нашимъ промысламъ безъ курева обойтись никакъ невозможно—всю кровь высосутъ, окаянные. Оно, конечно, и лѣсники не сплошь табачничаютъ, есть тоже старовѣры по инымъ лѣснымъ деревнямъ, за то ужь и маются же сердечные. Посмотрѣлъ бы ты на нихъ какъ они послѣ соку ** домой приволокутся. Узнать человѣка нельзя,

* Смотникъ, смотница — то же чтò сплетникъ, а также человѣкъ всякій вздоръ говорящій.

** Послѣ драньи мочала, луба и бересты.

ровно стѣнь ходитъ. Борóнятся и они отъ комариной силы: смолой, дегтемъ мажутся, да не больно это мазанье помогаетъ. Нѣтъ, по нашимъ промысламъ безъ табашнаго курева никакъ нельзя. А побывали бы вы, господа купцы, въ Ветлужскихъ верхотинахъ у Верхняго Воскресенья? * Тамъ и въ городу и вкругъ города по деревнямъ такіе ли еще табашники какъ у насъ: спятъ даже съ трубкой. Маленькій парнишка, отъ земли его не видать, а ужь дымитъ изъ тятькиной трубчонки.... Въ гостяхъ, на свадьбѣ, аль на крестинахъ, въ праздники тоже храмовые, у людей первымъ дѣломъ брага да сусло.... а тамъ горшки съ табакомъ гостямъ на столъ — горшокъ молотаго, да горшокъ крошенаго.... Надымятъ въ избѣ, инда у самихъ глаза выѣстъ.... Вотъ это настоящіе табашники, заправскіе, а мы чтò — помаленьку балуемся.

— Отъ того Ветлугу-то и зовутъ „поганой стороной", скрививъ лицо язвительной усмѣшкой, молвилъ Стуколовъ.

— Да вѣдь это же келейницы дурнымъ словомъ обзываютъ ветлужску сторону, а глядя на нихъ и старовѣры, отвѣчалъ дядя Онуфрій.—Только вѣдь это однѣ пустыя рѣчи.... Какую онѣ тамъ погань нашли? Таки же крещены какъ и вездѣ....

— Въ церковь-то часто ли ходите? спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Какъ же въ церковь не ходить?... Чать мы крещеные. Безъ церкви прожить нельзя, отвѣчалъ дядя Онуф-

---

* Въ Ветлужскомъ краѣ, городъ Ветлугу до сихъ поръ зовутъ Верхнимъ Воскресеньемъ, какъ назывался онъ до 1778 года, когда былъ обращенъ въ уѣздный городъ... Нижнее Воскресенье—большое село на Ветлугѣ въ Макарьевскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи. Иначе—Воскресенское. Это два главные торговые пункта по Ветлугѣ.

рій.—Кое время дома живемъ, храмъ Божій не забываемъ, оно пожалуй хоть не каждо воскресенье ходимъ, потому приходъ далеко, а все жь церкви не чуждаемся. Вотъ здѣсь, въ лѣсахъ, праздниковъ ужь нѣтъ. Съ топоромъ не до моленья, особливо въ такой годъ какъ нонѣшній.... Зима-то нонѣ стала поздняя, только за два дня до Николы лѣсовать выѣхали.... Много ль тутъ времени на работу-то останется, много ль наработаешь?... Тутъ и праздники забудешь какіе они у Бога есть, и день и ночь только и думы какъ бы побольше деревъ сронить. Да вѣдь и то надо сказать, ваше степенство, примолвилъ лукаво улыбаясь дядя Онуфрій,—часто въ церковь-то ходить нашему брату накладно. Это вонъ келейницамъ хорошо на всемъ на готовомъ Богу молиться, а по нашимъ достаткамъ того не приходится. Вѣдь повадишься къ вечернѣ, все едино что̀ въ харчевню: нонѣ свѣча, завтра свѣча—глядишь анъ шуба съ плеча. Съ нашего брата Господь не взыщетъ—потому недостатки.... Мы вѣдь люди простые, а простыхъ и Богъ проститъ.... Одначе закалякался я съ вами, господа купцы... Ребятушки, ладь дровни, проворь лошадей.... Лѣсовать пора!... громко крикнулъ дядя Онуфрій.

Лѣсники одинъ за другимъ полѣзли вонъ.

Дядя Онуфрій, оставшись съ гостями въ зимницѣ, помогалъ Петряю прибирать посуду, заливать очагъ и приводить ночной притонъ въ нѣкоторый порядокъ.

— Сами-то отколь будете? спросилъ онъ Патапа Максимыча.

Патапъ Максимычъ назвалъ себя и не мало подивился, что старый лѣсникъ доселѣ не слыхалъ его имени, столь громкаго за Волгой, а кажись чуть не шабры.

— Нешто про насъ не слыхалъ? спросилъ онъ дядю Онуфрія.

— Не доводилось, ваше степенство, отвѣчалъ лѣсникъ.—

Вѣдь мы „раменскихъ-то“ * мало знаемъ—больше все съ лысковскими да съ ветлужскими купцами хороводимся, съ понизовыми тоже.

— Экая однако глушь по вашимъ мѣстамъ, сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Глухая сторона, ваше степенство, это твоя правда, какъ есть глушь, отвѣчалъ дядя Онуфрій.—Мы и въ своемъ-то городу только раза по два на году бываемъ, подушны казначею свезти, да билетъ у лѣснаго выправить. Особнякомъ живемъ, ровно отрѣзанные, а все жь не промѣняемъ своей глуши на чужу сторону. Хоть и бѣдны наши деревни, не то чтò на Волгѣ аль можетъ и по вашимъ раменя́мъ, однакожь свою сторону ни на каку не смѣняемъ.... У васъ хоть и веселье, хоть житье и привольное, да чужое, а у насъ по лѣсамъ хоть и горе да свое.... Пускай у насъ глушь, да не пошто намъ далеко, и здѣсь хорошо.

— Да, отвѣтилъ Патапъ Максимычъ,—всякому своя сторона мила.... Только какъ же у насъ будетъ, почтенный?... Ужь вы какъ-нибудь выведите насъ на свѣтъ Божій, покажьте дорогу какъ на Ялокшу выѣхать.

— По́што не указать—укажемъ, сказалъ дядя Онуфрій,—только не знаю какъ съ волочками-то вы сладите. Не пролѣзть съ ними сквозь лѣсину.... Опять же поди дорогу-то теперь перемело; на Масляницѣ все вѣтрà дули, деревья-то чай обтрясло, снѣгу навалило.... Да постойте, господа честные, вотъ я молодца одного кликну—онъ ту дорогу лучше всѣхъ насъ знаетъ.... Артемушка! крикнулъ дядя Онуфрій изъ зимницы,—Артемъ!... погляди-ка на сани-то. Проѣдутъ на Ялокшу аль нѣтъ, да слѣзь, родной, ко мнѣ не на долгое время....

* Раменскими лѣсники зовутъ жителей Черной и Красной Рамени.

Артемій слѣзъ и объявилъ что санямъ надо бы пройти, потому отводы не великіе, а волочки непремѣнно надо долой.

— Ну долой такъ долой, рѣшилъ Патапъ Максимычъ,— положимъ ихъ въ сани, а не то и здѣсь покинемъ. У Воскресенья новы можно купить.

— У Воскресенья этого добра вволю, сказалъ дядя Онуфрій,—завтра же вы туда какъ разъ къ базару попадете. Вы не по хлѣбной ли части ѣдете?

— Нѣтъ, ѣдемъ по своему дѣлу, къ пріятелямъ въ гости, молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Такъ, проговорилъ дядя Онуфрій.—Инъ велите своимъ парня́мъ волочки снимать—вмѣстѣ и поѣдемъ, намъ въ ту же сторону версты двѣ либо три ѣхать.

— Ну вотъ и ладно. Оттоль значитъ верстъ съ восемь до зимняка-то останется, молвилъ Патапъ Максимычъ и послалъ работниковъ отвязывать волочки.

— Верстъ восемь, можетъ и десять, а пожалуй и больше наберется, отвѣчалъ дядя Онуфрій.—Какія здѣсь версты! Дороги не мѣрены: гдѣ мужикъ по первопуткѣ проѣхалъ— тутъ на всю зиму и дорога.

— А какъ намъ разставанье придетъ, вы ужь, братцы, кто-нибудь, проводите насъ до зимняка-то, сказалъ Патапъ Максимычъ.

— На этомъ не погнѣвись, господинъ купецъ. По нашимъ порядкамъ этого нельзя—потому артель, сказалъ дядя Онуфрій.

— Что̀ жь артель?... Отчего нельзя?... съ недоумѣньемъ спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Да какъ же? поѣдетъ который съ тобой, кто за него работа̀ть станетъ?... Тѣмъ артель и крѣпка что у всѣхъ работа въ ровень держится, одинъ передъ другимъ ни на макову росинку не должонъ передѣлать, аль не додѣ-

лать.... А какъ ты говоришь, чтобъ изъ артели кого въ вожатые дать, того никоимъ образомъ нельзя.... Тотъ же прогулъ выйдетъ, а у насъ прогуловъ нѣтъ, такъ и сговариваемся на суймѣ * чтобъ прогуловъ во всю зиму не было.

— Да мы заплатимъ что̀ слѣдуетъ, сказалъ Патапъ Максимычъ.

— А кому заплатишь-то?... Платить-то некому!... отвѣчалъ дядя Онуфрій.—Развѣ возможно артельному лѣснику съ чужанина хоть малость какую принять?...—Развѣ артель спуститъ ему хошь одну копейку взять со стороны?...Да вотъ я старшо́й у нихъ, „хозяинъ“ называюсь, а возьми-ка я съ вашего степенства хоть мѣдну полушку, ребята не поглядятъ что я у нихъ голова, что борода у меня сѣда, разложатъ да таку вспарку зададутъ, что и-и... У насъ на̀ это строго.

— Мы всей артели заплатимъ, сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Это ужь не мое дѣло, съ артелью толкуй. Какъ она захочетъ, такъ и прикажетъ, я тутъ не при чемъ, отвѣтилъ дядя Онуфрій.

— Коли такъ, сбирай артель, потолкуемъ, молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Скликнуть артель не мудрое дѣло, только не знаю какъ это сдѣлать, потому что такого дѣла у насъ николи не бывало. Болѣ тридцати годовъ съ топоромъ хожу, а никогда того не бывало чтобъ изъ артели кого на сторону брали, разсуждалъ дядя Онуфрій.

— Да ты только позови, можетъ сойдемся какъ-нибудь, сказалъ Патапъ Максимычъ.

---

* Суймъ или суемъ (однородно со словами сонмъ и сеймъ)—мірской сходъ, совѣщанье о дѣлахъ.

— Позвать отчего не позвать! Позову—это можно, говорилъ дядя Онуфрій, — только у насъ николи такъ не водилось.... и обратясь къ Петряю, все еще перемывавшему въ грязной водѣ чашки и ложки, сказалъ:—Кликни ребятъ, Петряюшка, всѣ, молъ, идите до единаго.

Артель собралась. Спросила дядю Онуфрія за чѣмъ звалъ, тотъ не отвѣчалъ, а молча показалъ на Патапа Максимыча.

— Что̀ требуется, господинъ купецъ?... спросили лѣсники, оглядывая его съ недоумѣньемъ.

— Да видите ли, братцы, хочу я просить вашу артель дать намъ проводника до Ялокшинскаго зимняка, началъ Патапъ Максимычъ.

Артель загалдѣла, а Захаръ даже захохоталъ, глядя прямо въ глаза Патапу Максимычу.

— Въ умѣ ль ты, ваше степенство?... Какъ же возможно изъ артели работника брать?... Гдѣ это слыхано?... Да кто пойдетъ провожать тебя?... Никто не пойдетъ.... Экъ что̀ вздумалъ!.. Чудакъ же ты право, господинъ купецъ!... кричали лѣсники, перебивая другъ дружку.

Насилу втолковалъ имъ Патапъ Максимычъ, что артели ущерба не будетъ, что онъ заплатитъ цѣну работы за весь день.

— Да какъ ты учтешь чего сто́итъ работа въ день?... Этого учесть нельзя, говорили лѣсники.

— Какъ не учесть, учтемъ, сказалъ Патапъ Максимычъ.— Сколько васъ въ артели-то?

— Одиннадцать человѣкъ, Петряй двѣнадцатый.

— А много ль денъ въ зиму работать?

— Смекай: выѣхали за два дня до Николы, уйдемъ на Плющиху, сказалъ Захаръ.

Посчиталъ Патапъ Максимычъ—восемьдесятъ семь дней выходило.

— Ты, ваше степенство, недѣлями считай, мы вѣдь люди не грамотные—считать по днямъ не горазды, говорила артель.

— Двѣнадцать недѣль съ половиной, сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Ну это такъ, загалдѣли лѣсники.... — Намедни мы считали, то же выходило.

— Ну ладно, хорошо.... Теперь сказывайте много ль за́ зиму на каждаго человѣка заработка причтется? спросилъ Патапъ Максимычъ.

— А кто его знаетъ! отвѣчали лѣсники.—Вотъ къ Святой сочтемся, такъ будемъ знать.

Безпорядицы и безтолочи въ переговорахъ было вдоволь. Считали барыши прошлой зимы, выходило безъ гривны полтора рубля на ассигнаціи въ день человѣку. Но этотъ счетъ въ толкъ не пошелъ, потому, говорилъ Захаръ, что зимушняя зима была сиротская, хвилеватая *, а нонѣшная морозная да вѣтряная. Сулилъ артели Патапъ Максимычъ цѣлковый за проводника,—и слушать не хотѣли. Какъ дескать наобумъ можно ладиться. Надо, говорятъ, всякое дѣло по чести дѣлать, потому—артель. А дядя Онуфрій туритъ да туритъ кончать скорѣй переговоры, на всю зимницу кричитъ, что заря совсѣмъ занялась—нечего пустяки городить—лѣсовать пора...

Потерялъ терпѣнье Патапъ Максимычъ. Такъ и подмываетъ его обойтись съ лѣсниками по-свойски, какъ въ Осиповкѣ середь своихъ токарей навыкъ.... Да во̀время вспомнилъ, что въ лѣсахъ этимъ ничего не возьмешь, пожалуй еще хуже выйдетъ. Не такой народъ, окрикомъ его не проймешь... Однакожъ не вытерпѣлъ—крикнулъ.

— Да берите, дьяволы, сколько хотите.... Сказывай

* Хвилеватая мокрая, дождливая и вьюжная.

сколько надо?.... За деньгами не стоимъ.... Хотите три цѣлковыхъ получать?...

— Сказано тебѣ, въ зимницѣ *его* не поминать, строго, притопнувъ даже ногой, крикнулъ на Патапа Максимыча дядя Онуфрій.... Такъ въ лѣсахъ не водится!... А ты еще *его* чернымъ именемъ крещеный народъ обзываешь.... Есть на тебѣ крестъ-отъ аль нѣтъ?... Хочешь ругаться да вражье имя поминать, убирайся покамѣсть цѣлъ по-добру по-здорову.

— Народецъ! съ досадой молвилъ Патапъ Максимычъ, обращаясь къ Стуколову.—Чтò тутъ станешь дѣлать?

Не отвѣчалъ паломникъ.

— Говорите же сколько надо вамъ за проводника? Три цѣлковыхъ хотите? сказалъ Патапъ Максимычъ, обращаясь къ лѣсникамъ.

Зачала артель галанить пуще прежняго. Спорамъ, крикамъ, безтолочи ни конца ни середки.... Видя что толку не добиться, Патапъ Максимычъ хотѣлъ уже бросить дѣло и ѣхать на авось, но Захаръ, что-то считавшій все время по пальцамъ, спросилъ его:

— Безъ двугривеннаго пять цѣлковыхъ дашь?

— За чтò жь это пять цѣлковыхъ? возразилъ Патапъ Максимычъ. — Сами говорите, что въ прошлу зиму безъ гривны полтора рубли на монету каждому топору пришлось.

— Такъ и считано, молвилъ Захаръ. — Въ артели двѣнадцать человѣкъ, по рублю — двѣнадцать рублей, по четыре гривны—четыре рубля восемь гривенъ—всего, значитъ, шестнадцать рублей восемь гривенъ по старому счету. Оно и выходитъ безъ двугривеннаго пять цѣлковыхъ.

— Да вѣдь ты на всю артель считаешь, а поѣдетъ съ нами одинъ, возразилъ Патапъ Максимычъ.

— Одинъ ли вся ли артель, это для насъ все единственно, отвѣтилъ Захаръ.—Ты вѣдь съ артелью рядишься, потому артельну плату и давай.... а не хочешь, вотъ тѣ Богъ, а вотъ и порогъ. Толковать намъ недосужно—лѣсовать пора.

— Да вѣдь не вся жь артель провожать поѣдетъ? сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Это ужь твое дѣло.... Хочешь всю артель бери— слова не молвимъ—всѣ до единаго поѣдемъ, заголосили лѣсники.—Да зачѣмъ тебѣ сустолько народу?... И одинъ дорогу знаетъ.... Не мудрость какая!

— А вы скорѣй, скорѣй, ребятушки,—день на дворѣ, лѣсовать пора, торопилъ дядя Онуфрій.

— Кто дорогу укажетъ тому и заплатимъ, молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Этого нельзя, заголосили лѣсники.—Деньги при всѣхъ подавай, вотъ дядѣ Онуфрію зá руки.

Дѣлать было нечего, пришлось согласиться. Патапъ Максимычъ отсчиталъ деньги и подалъ ихъ дядѣ Онуфрію.

— Стой, погоди, еще не совсѣмъ въ разчетѣ, сказалъ дядя Онуфрій, не принимая денегъ.—Волочки-тоздѣсь покинете, аль съ собой захватите?

— Куда съ собой брать!... Покинуть надо, отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.

— Такъ ихъ надо долой скостить.... Лишняго намъ не надо, молвилъ дядя Онуфрій.—Ребята видѣли волочки-то?

— Глядѣли, заговорили лѣсники. — Волочки — ничего, гожіе, циновкой крыты, кошмой подбиты—рубля три на монету каждый стóитъ.... Пожалуй и больше.... Клади по три рубля съ тремя пятаками.

— Чтó вы, ребята? Да я за нихъ по пяти цѣлковыхъ платилъ, сказалъ Патапъ Максимычъ.

— На базарѣ? спросилъ Захаръ.

— Извѣстно на базарѣ.

— На базарѣ дешевле не купишь, а въ лѣсу какая имъ цѣна? подхватили лѣсники. — Здѣсь этого добра у насъ вдоволь.... Хочешь, господинъ купецъ, скинемъ за волочки для твоей милости шесть рублевъ три гривны.... Какъ разъ три цѣлковыхъ выйдетъ.

Патапъ Максимычъ согласился и отдалъ зеле́ну бумажку да семь гривенъ на серебро дядѣ Онуфрію. Тотъ поглядѣлъ бумажку на свѣтъ, показалъ ее каждому лѣснику, даже Петряйкѣ. Каждый пощупалъ ее, потеръ руками и посмотрѣлъ на свѣтъ.

— Чего разглядываешь? Не бойсь, справская, сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Видимъ что справская, настоящая государева, отвѣчалъ дядя Онуфрій.—А оглядѣть все-таки надо—безъ того нельзя, потому—артель, надо чтобъ всѣ видѣли.... Нонѣ же этихъ проклятыхъ красноярокъ * больно много развелось... Не поскорби, ваше степенство, не погнѣвайся... Безъ того чтобъ бумажку не оглядѣть въ артели нельзя.

— О чемъ же спорили вы да суты́рили ** столько времени? сказалъ Патапъ Максимычъ, обращаясь къ артели.— Сулилъ я вамъ три цѣлковыхъ, объ волочка́хъ и помину не было, у васъ же бы остались. Теперь тѣ же самыя деньги берете. Изъ-за чего жь мы время-то съ вами попусту теряли?

— А чтобъ никому обиды не было, рѣшилъ дядя Онуфрій.—Теперича, какъ до истиннаго конца дотолковались, оно и свято дѣло, и думы нѣтъ ни тебѣ, ни намъ, и сомнѣнья промежъ насъ никакого не будетъ. А не разберись мы до послѣдней нитки, свара пожалуй въ артели

* Въ Поволжскомъ краю такъ зовутъ фальшивыя ассигнаціи....

** Сутырить, сутырничать—спорить, вздорить, придираться, а также кляузничать. Сутырь—безтолковый споръ.

пошла бы, а это ужь послѣднее дѣло... У насъ все на согласѣ, все на порядкахъ... Потому артель.

Патапу Максимычу ничего больше не доводилось, какъ замолчать передъ доводами дяди Онуфрія.

— Тайную силу въ маткѣ да въ пáзоряхъ знають, а безтолочи середь ихъ не оберешься, сказалъ онъ полушепотомъ, наклонясь къ Стуколову.

— Табачники.... еретики!.... сквозь зубы процѣдилъ паломникъ.

Патапъ Максимычъ, выйдя на середку зимницы, спросилъ обращаясь къ артели:

— Кто жь изъ васъ лучше другихъ дорогу на Ялокшу знаетъ?

— Всѣ хорошо дорогу знають, отвѣчалъ дядя Онуфрій.—А вотъ Артемій, я тебѣ, ваше степенство, и давѣ сказывалъ, лучше другихъ знаетъ, потому что недавно тутъ проѣзжалъ.

— Такъ пущай Артемій съ нами и поѣдетъ, рѣшилъ Патапъ Максимычъ.

— Этого нельзя, ваше степенство, отвѣчалъ тряхнувъ головой дядя Онуфрій.

— Отчего же нельзя? спросилъ удивленный Патапъ Максимычъ.

— Потому нельзя что артель, молвилъ дядя Онуфрій.

— Какъ такъ?.. возразилъ Патапъ Максимычъ.—Да сами же вы сказали что, заплативши деньги на всѣхъ, могу я хоть всю артель тащить...

— Можешь всю артель тащить... Слово скажи—всѣ до единаго поѣдемъ, отвѣчалъ дядя Онуфрій.

— Такъ вѣдь и Артемій тутъ же будетъ? съ досадой спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Извѣстно, тутъ же будетъ, отвѣчалъ дядя Онуфрій.— Изъ артели парня не выкинешь?

— Артемья одного и беру, а другихъ мнѣ и не надо, горячился Патапъ Максимычъ.

— Этого нельзя, спокойно отвѣчалъ дядя Онуфрій.

— Почему же нельзя?... Чтȯ за безтолочь у васъ такая!... Господи Царь Небесный!... Вотъ народецъ-отъ!... восклицалъ, хлопая ȯ полы руками, Патапъ Максимычъ.

— А отъ того и нельзя что артель, отвѣчалъ дядя Онуфрій.—Кому жеребій выпадетъ, тотъ и поѣдетъ. Кусай гроши ребята.

Вынулъ каждый лѣсникъ изъ зѐпи * по грошу. На одномъ Захаръ накусалъ мѣтку. Дядя Онуфрій взялъ шапку, и каждый парень кинулъ туда свой грошъ. Потрясъ старшȯй шапкой, и лѣсники одинъ за другимъ стали вынимать по грошу.

Кусаный грошъ достался Артемью.

— Экой ты удатной какой, господинъ купецъ, молвилъ дядя Онуфрій.—Кого облюбовалъ тотъ тебѣ и достался... Ну, ваше степенство, съ твоимъ бы счастьемъ да по грибы ходить... Чтȯ жь одного Артемья берешь, аль еще конаться ** велишь? прибавилъ онъ, обращаясь къ Патапу Максимычу.

— Лишній человѣкъ не мѣшаетъ, отвѣтилъ Патапъ Максимычъ.—Въ пути всяко случиться можетъ: сани въ снѣгу загрузнутъ, аль чтȯ другое.

— Дѣло говоришь, замѣтилъ дядя Онуфрій,—лишній человѣкъ въ пути не помѣха. Кидай, ребята! примолвилъ онъ, обращаясь къ лѣсникамъ, снова принимаясь за шапку.

Жребій выпалъ Петряю.

---

* Зепь — кожаная, иногда холщевая мошна привѣсная, а если носится за пазухой, то прикрѣпленная къ зипуну тесемкой иль ремешкомъ. Въ зепи держатъ деньги и паспортъ.

** Конаться—жеребій метать.

— Ишь ты дѣло-то какое! съ досадой молвилъ дядя Онуфрій, почесывая затылокъ.—Петряйкѣ досталось! Эко дѣло-то какое!... Смотри же, парень, поспѣвай къ вечеру безпремѣнно, чтобы намъ безъ тебя не лечь спать голоднымъ.

Патапъ Максимычъ, посмотрѣвъ на Петряя, подумалъ что отъ подростка въ пути большаго проку не будетъ. Замѣтивъ что не только дядя Онуфрій, но вся артель недовольна, что подсыпкѣ ѣхать досталось, сказалъ, обращаясь къ лѣсникамъ:

— Коли Петряй вамъ нуженъ, пожалуй иного выбирайте, мнѣ все едино....

— Нельзя, ваше степенство, возразилъ дядя Онуфрій.— Никакъ невозможно, потому артель. Вынулся кусаный грошъ Петряйкѣ, значитъ ему и ѣхать.

— Да не все ль ровно что одинъ что другой? сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Оно конечно все едино, да ужъ такіе у насъ порядки, говорилъ дядя Онуфрій.—Супротивъ нашихъ порядковъ идти нельзя, потому что артель ими держится. Я бы самъ съ великой радостью замѣсто мальца поѣхалъ, да и всякій бы за него поѣхалъ, таково онъ нуженъ намъ; только этому быть не можно, потому что жеребій ему достался.

— Коли на то пошло, конайте третьяго, сказалъ Патапъ Максимычъ. — Отъ мальчугана пособи не много будетъ коли въ дорогѣ что̀ приключится.

— Третьяго бери, четвертаго бери, хочешь всю артель за собой волочи—твое дѣло, отвѣчалъ дядя Онуфрій.—А чтобъ Петряйкѣ не ѣхать—нельзя.

— Чудаки вы, право, чудаки, молвилъ Патапъ Максимычъ.—Эки порядки уставили!... Ну конайте живѣй.

Третьимъ ѣхать вышло самому дядѣ Онуфрію.

Но тѣмъ дѣло не кончилось: надо было теперь старшо́го выбирать на мѣсто уѣзжавшаго Онуфрія. Тутъ ужь такой шумъ да гамъ поднялись, что хоть вонъ бѣги, хоть святыхъ выноси.

— Да ты замѣсто себя кого бы нибудь самъ выбралъ, тутъ бы и дѣлу конецъ, а то галдятъ, галдятъ, а толку нѣтъ какъ нѣтъ, молвилъ Патапъ Максимычъ дядѣ Онуфрію, не принимавшему участія въ разговорѣ лѣсниковъ. Артемья и Петряя тоже тутъ не было, они ушли ладить дровешки себѣ и дядѣ Онуфрію.

— Нельзя мнѣ вступаться теперь, отвѣчалъ дядя Онуфрій.

— Отчего жь?

— Оттого что на седнешній день я не въ артели. Какъ знаютъ, такъ и рѣшатъ, а мое дѣло сторона, отвѣчалъ дядя Онуфрій, одѣваясь въ путь.

Не скоро сговорились лѣсники. Снова пришлось гроши въ шапку кидать. Достался жеребій краснощекому, коренастому парню, Архипомъ звали. Только ему кусаный грошъ достался, онъ, дотолѣ стоявшій какъ нѣмой, живо зачалъ командовать.

— Проворь, ребята, проворь лошадей! закричалъ онъ на всю зимницу.— И то гляди-ка сколько времени проваландались. Чтобъ у меня все живой рукой!... Ну!..

Лѣсники засуетились. Пяти минутъ не прошло, какъ всѣ ужь ѣхали другъ за дружкой по узкой лѣсной тропѣ.

— Ну ужь артель, будь они прокляты, съ досадой молвилъ Стуколову Патапъ Максимычъ, садясь въ сани. — Такой су́толочи, такой безтолочи сродясь не видывалъ.

— Извѣстно, табашники, церковники! Чего путна́го ждать?... Бѣсъ мутитъ,—доступны они дьяволу, отозвался паломникъ.

— Ваше степенство! крикнулъ со своихъ дровешекъ

дядя Онуфрій. — Ужь ты сдѣлай милость, языкъ-отъ укороти, да и другимъ закажи... Въ лѣсахъ — не слѣдъ *его* поминать.

— Слышишь: не велятъ поминать, тихонько сказалъ Патапъ Максимычъ сѣвшему рядомъ съ нимъ паломнику.

— Это такъ по ихней жидовской вѣрѣ, шепталъ Стуколовъ.—Когда я по турецкимъ землямъ странствовалъ, а тамъ Жидовъ что̀ твоя Польша, видимо-невидимо, такъ отъ достовѣрныхъ людей тамъ я слыхалъ, что Жиды своего Бога по-имени никогда не зовутъ, а все *онъ* да *онъ*.... Вотъ и табашники по ихнему подобію.... Едина вѣра!... Нехристь!... Вынеси только Господи поскорѣй отселѣ!... Не въ примѣръ лучше по вечерошнему съ волками ночевать, чѣмъ быть на совѣтѣ нечестивыхъ.... Паче змія губительнаго, паче льва стрегущаго и гласомъ веліимъ рыкающа, страшны сѣдалища злочестивыхъ, сказалъ въ заключеніе паломникъ и съ головой завернулся въ шубу.

„Такъ вотъ она какова артель-то у нихъ“, разсуждалъ Патапъ Максимычъ, лежа въ саняхъ рядомъ съ паломникомъ. „Межь себя дѣло честно ведутъ, а попадись посторонній, обдерутъ какъ липку.... Ай да лѣсники!... А безтолочи-то, что̀ галденья-то!... Съ часъ мѣста по̀ пусту проваландали, а кончили тѣмъ же, чѣмъ я зачалъ.... Правда, что артели думой не владати.... На работѣ артель золото, на сходкѣ хуже казацкой сумятицы!...“

Дорога шла узенькая, легкія дровешки лѣсниковъ бойко катились впереди, но запряженныя гусемъ пошевни то-и-дѣло завязали межь раскидистыхъ еловыхъ лапъ, какъ бѣлымъ руномъ покрытыхъ пушистымъ снѣгомъ. Въ иныхъ мѣстахъ приходилось ихъ прорубать, чтобъ сдѣлать просѣку для проѣзда. Не покинь Патапъ Максимычъ высокіе волочки́, пошевнямъ не проѣхать бы по густо-разросшемуся краснолѣсью. Сначала дорога шла одна; но не успѣли

полверсты проѣхать, какъ пошли отъ нея и вправо, и влѣво частые поверты и узенькія тропы. По нимъ лѣсники бревна изъ чащи вывозятъ. Безъ вожака небывалый какъ разъ заплутался бы межъ ними и лыжными ма́ликами *, которыхъ сразу отъ саннаго слѣда и не различишь. А попробуй-ка пустись по ма́лику, такъ и наткнешься либо на медвѣжью берлогу, либо на пу́тикъ ставленный для лосинаго лова **.

Доѣхавъ до своей повертки, передніе лѣсники стали. За ними остановился и весь поѣздъ. Собралась артель въ кучу, опять голдовня зачалась.... Судили-рядили не лучше ль вожакамъ одну только подводу съ собой брать, а двѣ отдать артели на перевозку бревенъ. Поспорили, покричали, наконецъ рѣшили—быть дѣлу такъ.

Своротили лѣсники. Долго они аукались и перекликались съ Артемьемъ и Петряемъ. Впереди Патапа Максимыча ѣхалъ на дровешкахъ дядя Онуфрій, Петряй присосѣдился къ храпѣвшему во всю ивановскую Дюкову, Артемій примостился на облучкѣ пошевней, въ которыхъ лежалъ Патапъ Максимычъ, и спалъ повидимому богатырскимъ сномъ паломникъ Стуколовъ.

— Эка, парень, безтолочь-то какая у васъ, заговорилъ Патапъ Максимычъ съ Артемьемъ.—Неужель у васъ завсегда такое галдѣнье бываетъ?

— Артель! молвилъ Артемій.—Безъ того нельзя чтобъ не погалдѣть.... Сколько головъ, столько умовъ.... Да еще каждый наровитъ по-своему. Какъ же не галдѣть-то?

---

* Слѣдъ на снѣгу отъ лыжъ.

** Пу́тикъ—прямая длинная городьба изъ пряселъ. По обоимъ концамъ путика вырываютъ ямы и прикрываютъ ихъ хворостомъ либо еловыми лапами. Лось или олень, подойдя къ путику, никогда не перескочитъ черезъ него, но непремѣнно пойдетъ вдоль, ища проходу. Такимъ образомъ звѣрь и попадаетъ въ яму.

— Да вы бы одному дали волю всяко дѣло рѣшать, хоть бы старшому.

— Нельзя того, господинъ купецъ, отвѣчалъ Артемій.— Другимъ станетъ обидно. Вѣдь это пожалуй на ту же стать пойдетъ какъ по другимъ мѣстамъ гдѣ на хозяевъ изъ-за ряженной платы работáютъ....

— Ну да, отвѣтилъ Патапъ Максимычъ. — Толку тутъ больше бы было.

— Обидно этакъ-то, господинъ купецъ, отвѣчалъ Артемій.—Пожалуй вотъ хоть нашего дядю Онуфрія взять.... Такого артельнаго хозяина днемъ съ огнемъ не сыскать... Обо всемъ старанье держитъ, обо всякой малости печется, душа человѣкъ: прямой, правдивый и по всему надежный. А дай-ка ты ему волю, тóтчасъ величаться зачнетъ, потому—человѣкъ, не ангелъ. Да хоша и по правдѣ станетъ поступать, все ужь ему такой вѣры не будетъ и слушаться его какъ теперь не станутъ. Нельзя, потому что артель суймомъ держится.

— А въ деревнѣ какъ у васъ? спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Въ деревнѣ свои порядки, артель только въ лѣсахъ, отвѣчалъ Артемій.

— Какъ же она у васъ собирается? спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Извѣстно какъ. Придетъ осень, зачнемъ сговариваться какъ лѣсовать зимой, какъ артель сбирать. Соберется десять либо двадцать топоровъ,—больше не бываетъ. Наберутся скоро, потому что всякому лѣсовать надо, безъ этого деньгу не добудешь.... Ну соберутся, зачнутъ другъ у друга спрашивать кому въ хозяевахъ сидѣть. Одинъ на того мекаетъ, другой на другаго.... Такъ и толкуемъ день, два, ину пору и въ недѣлю не сговоримся.... Тутъ-то вотъ галдѣнья-то послушалъ бы ты.... Тогда вѣдь

вино да хмѣльное сусло пьютъ, народъ-отъ въ задорѣ, рѣдко безъ драки обходится.... Положатъ наконецъ: идти кланяться такому-то—вотъ хоть бы дядѣ Онуфрію. Ну и пойдемъ, придемъ въ избу, а онъ сидитъ, ровно ничего не знаетъ: „Что̀, говоритъ, скажете, ребятушки? Какая вамъ до меня треба?“ А ему въ отвѣтъ: такъ молъ и такъ, столько-то насъ человѣкъ въ артель собралось, будь у насъ за хозяина. Тотъ, извѣстно дѣло, зачнетъ ломаться, безъ этого ужь нельзя: „и ума-то, говоритъ, у меня на такое дѣло не хватитъ, и старъ-отъ я сталъ, и топоръ-отъ у меня изъ рукъ валится“, ну и все такое. А мы стоимъ да кланяемся, покамѣсть не уломаемъ его. Какъ согласился, тотчасъ складчину по рублю аль по два—значитъ у лѣсничаго билеты править да попенныя платить. А которы на купцовъ работа́ютъ тѣ старшо́го въ Лысково посылаютъ рядиться. Это ужь его дѣло. Оттого и выбираютъ человѣка ловкаго, бывалаго, чтобъ въ городѣ не запропалъ и чтобъ въ Лысковѣ купцы его не больно обошли, потому что эти Лысковцы народъ дошлый, всячески норовятъ нашего брата огрѣть.. Ну выправитъ старшо́й билеты, отводное мѣсто намъ укажутъ. Тутъ, собравшись, и ждемъ первопутки. Только снѣгъ выпадетъ, мы въ лѣсъ.... Тутъ и зачинается артель.... Какъ выѣхали изъ деревни за околицу, старшой и сталъ всему дѣлу голова: что̀ велитъ то и дѣлай. А коли какое стороннее дѣло подойдетъ, вотъ хоть бы ваше, тутъ ужь онъ не при чемъ, тутъ ужь артель что̀ хочетъ то и дѣлаетъ.

— А разсчеты когда? спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Послѣ Евдокіи-Плющихи, какъ домой воротимся, отвѣчалъ Артемій.—У хозяина кажда малость на счету.... Оттого и выбираемъ грамотнаго, чтобъ умѣлъ счетъ записать.... Да вотъ бѣда—грамотныхъ-то маловато у насъ, зачастую такого выбираемъ чтобъ хоть бирки-то умѣлъ

хорошо рѣзать. По этимъ биркамъ, аль по записямъ и живетъ у насъ разсчетъ. Сколько кто харчей и́зъ дома за̀ зиму привезъ, сколько кто овса на лошадей, другаго прочаго—все ставимъ въ цѣну. Получимъ за̀работки, поровну дѣлимъ. На Страшной и деньги по рукамъ.

— А безъ артелей въ лѣсахъ работа́ютъ? спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Мало, отвѣчалъ Артемій.—Тамъ ужь не такая работа. Почитай и выгоды нѣтъ никакой.... Какъ можно съ артелью сравнять! Въ артели всѣмъ лучше: и сытнѣй, и теплѣй, и прибыльнѣй. Опять же завсегда на́-людахъ.... Артелью лѣсовать не въ примѣръ веселѣй, чѣмъ бродить одиночкой аль въ двойникахъ.

— А лѣтней порой ходите въ лѣсъ? спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Какъ не ходить? И лѣтомъ ходимъ, отвѣчалъ Артемій.—Вдаль однако не пускаемся, все больше по раменямъ.... Бересту деремъ, лубъ. Да ужь это иная работа; тутъ жизнь бѣдовая, комары больно одолѣваютъ.

— Самъ-отъ ты ходишь ли по лѣтамъ? спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Я-то?... Какъ же?... Иной годъ въ лѣса̀ хожу, а иной на плотахъ до Астрахани и на самое Каспійское море сплываю. Чеге́нь туда да дрючки гоняемъ.... А въ лѣса больше на рябка да на тетерю хожу.... Ружьишко есть у меня немудрящее, грѣшнымъ дѣломъ похлопываю. Только по нынѣшнимъ годамъ эту охоту бросать приходится; порохъ вздорожалъ, а дичины стало меньше. Вотъ въ оси́лье да въ пленку * птицу ловить еще туда-

* *Осилье*, затяжной узелъ, куда птица попадаетъ ногой. *Пленка* тоже, но узелъ дѣлается изъ свитаго вдвое или втрое конскаго волоса. Осилья или пленки ставятся по одной на колышкахъ либо на лубочкѣ, на который посыпается приманка.

сюда.... Такъ и тутъ отъ звѣрья большая обида бываетъ: придешь, силки спущены, а отъ рябковъ только перышки остались, подлая лиса, либо куница прежде тебя успѣла убрать.... Нѣтъ, кака нонѣ охота!... Само послѣднее дѣло!... А то ходятъ еще лѣтней порой въ лѣса̀ золото копатъ, прибавилъ Артемій.

— Какъ золото?... быстро привскочивъ въ саняхъ, спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Такъ же.... Золота да серебра по нашимъ лѣсамъ много лежитъ, отвѣчалъ Артемій.—Записи такія есть гдѣ надо искать.... Хаживалъ и я.

— Что̀ же? съ нетерпѣньемъ спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Не дается, отвѣчалъ Артемій.

— Какъ не дается?

— Такъ же и не дается. Слова такого не знаю.... Вѣщбы * не знаю, отвѣчалъ Артемій.

— Да ты про что̀ сказываешь? Говори толковѣй, молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Про клады̀ говорю, отвѣчалъ Артемій.—По нашимъ лѣсамъ кладовъ много зарыто. Издалека люди приходятъ клады копать....

— Клады!.. проговорилъ Патапъ Максимычъ и спокойно развалился на перинѣ, разостланной въ саняхъ.

— Ну, разсказывай какіе у ва̀съ тутъ клады, черезъ нѣсколько времени сказалъ онъ, обращаясь къ Артемью.

— Всякіе клады тутъ лежатъ, отвѣчалъ Артемій.

— Какъ же такъ? спросилъ Патапъ Максимычъ.—Развѣ клады розные бываютъ?

— А какъ же отвѣчалъ Артемій.—Есть клады самимъ

* Вѣщба—тайное слово и тайный обрядъ употребляемые при заговорахъ, рытьѣ кладовъ, ворожбѣ и т. п.

Господомъ положонные—тѣ даются человѣку кого Богъ благословитъ.... А гдѣ, въ которомъ мѣстѣ тѣ Божьи клады положены никому невѣдомо. Кому Господь захочетъ богатство даровать, тому тайну свою и откроетъ.... А иные клады людьми положены и къ нимъ приставлена темная сила. Объ этихъ кладахъ записи есть: тамъ прописано гдѣ кладъ зарытъ, какимъ видомъ является и съ какимъ зарокомъ положонъ.... Эти клады страшные....

— Отчего? спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Кровь на нихъ, отвѣчалъ Артемій. — Съ бою богатство было брато, кровью омыто, много душъ христіанскихъ за ту казну въ стары годы загублено.

— Когда жь это было? спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Давно.... сказалъ Артемій.—Еще въ тѣ поры какъ купцами да боярами посконна рубаха владала.

— Когда жь это было? При царѣ Горохѣ, какъ грузди съ опенками воевали?... смѣялся Патапъ Максимычъ.

— Въ казачьи времена, степенно отвѣтилъ Артемій.

— Чтò за казачьи времена такія? спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Развѣ не слыхивалъ? сказалъ Артемій.—Вѣдь въ стары-то годы по всей Волгѣ народъ казачилъ.... Было время, господинъ купецъ, золотое было времечко да по грѣхамъ нашимъ миновало оно.... Сѣрые люди жили на всей вольной волюшкѣ, ѣли сладко, пили пьяно, цвѣтно платье носили—житье было разудалое, развеселое.... Вонъ теперь по Волгѣ пароходы взадъ и впередъ снуютъ, ладьи да барки ходятъ, плоты плывутъ.... Чьи пароходы, чьи плоты да барки? Купецкіе все. Завладала ваша братья купцы Волгой-матушкой.... А въ стары казачьи годы не купецкіе люди волжскимъ раздольемъ владали, а наша братья, голытьба.

— Чтò ты за чуху несешь? молвилъ Патапъ Макси-

мычъ.—Никогда не бывало чтобъ Волга у голытьбы въ рукахъ была.

— Была, господинъ купецъ. Не спорь—правду сказываю, отвѣчалъ Артемій.

— Стара баба съ похмѣлья на печкѣ валялась, да во снѣ твою правду видѣла, а ты зря тѣ бабьи сказки и мелешь, сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Вранью да небылицамъ короткій вѣкъ, а эта правда отъ старинныхъ людей до насъ дошла. Отцы, дѣды про нее намъ сказывали и пѣсни такія про нее поются у насъ.... Значитъ правда истинная.

— Мало ли что̀ въ пѣсняхъ поютъ? Развѣ можно деревенской пѣсни вѣру дать? молвилъ Патапъ Максимычъ

— Можно, господинъ купецъ, потому что: „сказка складка, а пѣсня—быль“, отвѣтилъ Артемій.—А ты слушай что̀ я про здѣшню старину тебѣ разсказывать стану: занятное дѣло, коли не знаешь.

— Ну, говори, разсказывай, молвилъ Патапъ Максимычъ.—Смолоду охотникъ я до сказокъ бывалъ.... Отчего на досугѣ да на старости лѣтъ и не послушать вашихъ розсказней.

— Голытьба въ стары годы по лѣсамъ жила, жила голытьба и промежъ полей, началъ Артемій. — Кормиться стало нечѣмъ: хлѣба недороды, подати большія, отъ бояръ, отъ приказныхъ людей утѣсненье.... Хоть въ землю зарывайся, хоть заживо въ гробъ ложись.... И побѣжала голытьба врозь, и стала она вольными казаками.... Тутъ и зачинались казачьи времена.... Котора голытьба на Украйну пошла — та Ляховъ да бусурмановъ побивала, свою казацкую кровь за Христову вѣру проливала.... Котора голытьба въ Сибирь махнула—та сибирскія мѣста полонила и великому государю Сибирскимъ царствомъ поклонилась.... А на Волгу на матушку посыпала что̀ ни

на есть сама послѣдняя голытьба. На своей-то сторонѣ у ней не было ни кола ни двора, ни угла ни притýла; * одно только и оставалось за душой богачество: наготы да босоты изувѣшаны шесты, холоду да голоду анбары полны.... Вотъ, ладно, хорошо—высыпала та голытьба на Волгу, казаками назвалась.... Атаманы да есаулы снаряжали легки лодочки косныя и на тѣхъ на лодочкахъ пошли по матушкѣ по Волгѣ разгуливать.... Не попадай на встрѣчу суда купецкія, не попадайся бояре да приказные: людей въ воду, казну на себя!... Весломъ махнутъ—корали возьмутъ, кистенемъ махнутъ—караванъ разобьютъ.... Вотъ каковы бывали удальцы казаки поволжскіе....

— Это ты про разбойниковъ? молвилъ Патапъ Максимычъ.

— По вашему разбойники, по нашему есаулы-молодцы а вольные казаки, бойко отвѣтилъ Артемій, съ удальствомъ тряхнувъ головой и сверкнувъ черными глазами.— Спѣть что ли, господинъ купецъ? спросилъ Артемій.—Словами не разкажешь.

— Пой пожалуй, сказалъ Патапъ Максимычъ.

Запѣлъ Артемій одну изъ Разинскихъ пѣсенъ, ихъ такъ много сохраняется въ Поволжьи:

Какъ повыше было села Лыскова,
Какъ пониже было села Юркина,
Супротúвъ села Богомолова:
Въ луговой было во сторонушкѣ,
Протекала тутъ рѣчка быстрая,
Рѣчка быстрая омутистая,
Омутистая Лѣва Керженка. **

* Притулъ или притулье—пріютъ, убѣжище, кровъ, происходитъ отъ глагола „притулять“, имѣющаго три значенія; прислонить или приставить, прикрыть и пріютить.

** Юркино, Богомолово, Лысково—села на правомъ, возвышенномъ берегу Волги. Противъ нихъ впадаетъ въ Волгу съ лѣвой стороны

— Наша рѣченька голубушка! съ любовью молвилъ Артемій, перервавъ пѣсню.—Въ стары годы и наша Лѣва Керженка славной рѣкой слыла, суда ходили по ней, косныя плавали.... Въ казачьи времена атаманы, да есаулы въ нашу родну рѣченьку зимовать заходили, тутъ они и дуванъ дуванили, нажитое на Волгѣ добро, значитъ, дѣлили.... А теперь и званья нашей рѣки не стало: завалило ее голубушку каршáми, занесло замоинами, * пошли по ней мели да перекаты.... Такъ и пропала прежняя слава Керженца.

Громче прежняго свистнулъ Артемій, и тряхнувъ головою, запѣлъ:

Выплывала легка лодочка,
Легка лодочка атаманская,
Атамана Стеньки Разина.
Еще всѣмъ лодка изукрашена,
Казаками изусажена,
На ней парусы шелкóвые,
А веселки позолочены.
На кормѣ сидитъ атаманъ съ ружьемъ.
На носу стоитъ есаулъ съ багромъ,
Посередь лодки парчевȍй шатеръ.
Какъ во томъ парчевȍмъ шатрѣ,
Лежатъ бочки золотой казны.
На казнѣ сидитъ красна дѣвица—
Атаманова полюбовница,
Есаулова сестра рóдная,

Керженецъ. Эту рѣку мѣстные жители зовутъ иногда „Лѣвой Керженкой“, то-есть впадающей въ Волгу съ лѣвой стороны. Въ пѣсняхъ тоже придается ей названье лѣвой. Замѣчательно что по-мордовски *керже, кержень* значитъ лѣвый. Въ глубокую старину по всему Поволжью отъ Оки до Суры жила Мордва. Отъ нея и пошло названіе Керженца.

* Замоина—лежащее въ руслѣ подъ пескомъ затонувшее дерево; корша, или корча то же самое, но поверхъ песку.

Казакамъ-гребцамъ—тетушка.
Сидитъ дѣвка призадумалась,
Посидѣвши стала сказывать:
„Вы послушайте, добры молодцы,
Вы послушайте, милы племяннички,
Ужь какъ мнѣ младой мало спалося,
Мало спалося, много видѣлось,
Не корыстенъ же мнѣ сонъ привидѣлся:
Атаману-то быть разстрѣлену,
Есаулу-то быть повѣшену,
Казакамъ-гребцамъ по тюрьмамъ сидѣть,
А мнѣ вашей родной тетушкѣ
Потонуть въ Волгѣ-матушкѣ.“

— Вишь и дѣвки въ тѣ поры пророчили! сказалъ Артемій, оборотясь къ Патапу Максимычу.—Атаманова полюбовница вѣщій сонъ провидѣла.... Вѣщая дѣвка была.... Сказываютъ Соломонидой звали ее, а родомъ была отъ Стараго Макарья, купецкая дочь.... И все сбылось по слову ея, какъ видѣла во снѣ, такъ все и сталось.... Съ ней самой атаманъ тутъ же порѣшилъ—матушкѣ-Волгѣ ее пожертвовалъ. „Тридцать лѣтъ, говоритъ, съ годикомъ гулялъ я по Волгѣ-матушкѣ, тридцать лѣтъ съ годикомъ тѣшилъ душу свою молодецкую, и ничѣмъ еще поилицу нашу кормилицу я не жаловалъ. Не пожалую, говоритъ, Волгу-матушку ни казной золотой, ни дорогимъ перекатнымъ жемчугомъ, пожалую тѣмъ чего на свѣтѣ краше нѣтъ, что̀ намъ, есаулы-молодцы, дороже всего.“ Да съ этимъ словомъ хвать Соломониду поперекъ живота, да со всего розмаху какъ метнетъ ее въ Волгу-матушку.... Вотъ каковъ былъ удалой атаманъ Стенька Разинъ по прозванью, Тимоѳеевичъ!...

— Разбойникъ, такъ разбойникъ и есть, сухо промолвилъ Патапъ Максимычъ. — За̀даромъ погубилъ христіанскую душу.... Изъ озорства да изъ непутной похвальбы....

Какъ есть разбойникъ—не даромъ его на семи соборахъ проклинали....

Тутъ пошевни заѣхали въ такую чащу, что ни въ бокъ, ни впередъ. Мигомъ выскочили лѣсники и работники и въ пять топоровъ стали тяпать еловые сучья и лапы. Съ полчаса провозились покамѣсть не прорубили свободной просѣки. Артемій опять присѣлъ на облучкѣ саней Патапа Максимыча.

— А что̀ жь ты про клады-то хотѣлъ разсказать? молвилъ ему Патапъ Максимычъ.—Заговорилъ про Стеньку Разина, да и забылъ.

— Про клады-то! отозвался Артемій.—А вотъ слушай.... Когда голытьба Волгой владала, атаманы съ есаулами каждо лѣто на косныхъ разъѣзжали, боярски да купечески суда очищали. И не только суда они грабили, доставалось городамъ и большимъ селамъ, деревень только да приселковъ не трогали, потому что тамъ голытьба свой вѣкъ коротала. Церквамъ Божьимъ да монастырямъ тоже спуску не было: не любили есаулы монаховъ, особенно „посельскихъ старцовъ“, что̀ монастырскими крестьянами правили... Вотъ нашъ Макарьевъ монастырь, сказываютъ, отъ нихъ отборонился; брали его огненнымъ боемъ, да крѣпокъ — устоялъ.... Ну, вотъ есаулы-молодцы лѣто по Волгѣ гуляютъ, а осенью на Ке́рженецъ въ лѣса зимовать. И теперь по здѣшнимъ мѣста̀мъ ихнія землянки знать.... Такія же были какъ наши. Въ тѣхъ самыхъ зимницахъ, а не то въ лѣсу на примѣтномъ мѣстѣ нажитое добро въ землю они и закапывали. Отъ того и клады.

— Гдѣ жь эти землянки? спросилъ Патапъ Максимычъ.

— По разнымъ мѣстамъ, отвѣчалъ Артемій.—Много ихъ тутъ по лѣсамъ-то. Вонъ хоть между Дорогу́чей да Пе́р-

шей * два дикихъ камня изъ земли торчатъ, одинъ побо-лѣ, другой поменѣ, оба съ виду на кóней похожи. Такъ и зовутъ ихъ Конь да Жеребенокъ. Промежъ тѣхъ камней казацки зимницы бывали, тутъ и клады зарыты.... А то еще озёра тутъ по лѣсу есть, Нестіàръ да Култàй, да Пекшеяръ прозываются, вкругъ нихъ тоже казацки зимницы и тоже клады въ нихъ зарыты.... И по Ялокшѣ тоже, и по нашей лыковской рѣчонкѣ, Вишней прозывается.... Между Конемъ и Жеребенкомъ большая зимница была, срубы до сей поры знать.... Грѣшнымъ дѣломъ, и я тутъ копалъ.

— Чтò жь, дорылся до чего? спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Гдѣ дорыться!... Есаулы-то вѣдь съ зарокомъ казну хоронили, отвѣчалъ Артемій. — Надо слово знать, вѣщбý такую.... Кто вѣщбý знаетъ, молви только ее, кладъ-отъ самъ выйдетъ наружу.... А въ томъ мѣстѣ важный кладъ положöнъ. Еслибъ достался, внукамъ бы, правнукамъ не прожить.... Двѣнадцать бочекъ золотой казны на серебряныхъ цѣпяхъ да пушка золотая.

— Какъ пушка золотая? съ удивленьемъ спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Такъ же золотая, изъ чистаго золота литà... И ядра при ней золотыя лежатъ, и жеребьи золотые, которыми Стенька Разинъ по бусурманамъ стрѣлялъ.... Вѣдь онъ Персіянское царство заполонилъ. Ты это слыхалъ ли?

— Нестаточное дѣло вору царство полонить, хоша бы и бусурманское, молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Вѣрно тебѣ говорю, рѣшительно сказалъ Артемій.— Кого хочешь спрошай, всякъ тебѣ скажетъ. Видишь ли какъ дѣло-то было. Волга-матушка въ Каспійское море пала, самъ я на то море не разъ съ чегенникомъ да съ дрючками

---

* Лѣсныя рѣки, впадающія въ Ветлугу.

хаживалъ. По сю сторону того моря сторона русская, крещеная, по ту бусурманская, персіянская. Услыхалъ Стенька Разинъ, что за́ моремъ у бусурмановъ много тысячей крещенаго народа въ полону́ живетъ. Собираетъ онъ казачій кругъ, говоритъ казакамъ такую рѣчь: „Такъ и такъ, атаманы-молодцы, такъ и такъ, братцы-товарищи: пали до меня слухи, что за моремъ у Персіяновъ много тысячей крещенаго народу живетъ въ полону въ тяжкой работѣ, въ великой нуждѣ и горькой неволѣ; надо бы намъ, братцы, не полѣниться, за море съѣздить потрудиться, ихъ сердечныхъ изъ той неволи выручить!“ Есаулы-молодцы и всѣ казаки въ одинъ голосъ гаркнули: „Веди насъ, батька, въ бусурманское царство, русскій полонъ выручать!...“ Стенька Разинъ радъ тому радешенекъ, а самъ первымъ дѣломъ къ колдуну. Спрашиваетъ какъ ему русскій полонъ изъ бусурманской неволи выручить. Колдунъ говоритъ ему: „За великое ты дѣло, Стенька, принимаешься; бусурманское царство осилить—не мутовку облизать. Одной силой храбростью тутъ не возьмешь, надо вѣщбу́ знать....“—„А какая же на то вѣщба́ есть?“ спросилъ у колдуна Стенька Разинъ. Тотъ ему тайное слово сказалъ, да примолвилъ: „И съ вѣщбо́й далеко не уѣдешь, а вылей ты золоту пушку, къ ней золоты ядра да золотые жеребья, да чтобъ золото было все церковное, а и лучше того монастырское.... И какъ станешь палить, вѣщбу́ говори, тутъ и заберешь въ свои руки царство бусурманское.“ Стенька Разинъ такъ все и сдѣлалъ какъ ему колдуномъ было наказано.

— Что̀ жь потомъ? спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Извѣстно что̀, отвѣчалъ Артемій.—Зачалъ изъ золотой пушки палить да вѣщбу́ говорить—бусурманское царство ему и покорилось. Молодцы есаулы крещеный полонъ на Русь вывезли, а всякаго добра бусурманскаго

столько набрали, что въ лодкахъ и положить было некуда: много въ воду его пометали. Самого царя бусурманскаго Стенька Разинъ на̀ колъ посадилъ, а дочь его царевну въ полюбовницы взялъ. Дошлый казакъ былъ, до дѣвокъ охочъ....

— Эту самую пушку ты и копалъ? спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Эту самую, сказалъ Артемій.—Когда атаманъ воротился на Русскую землю, привезъ онъ ту пушку съ жеребьями да съ ядрами въ наши лѣса и зарылъ ее въ большой зимницѣ межъ Коня и Жеребенка. Записи такія есть.

— Какъ же это до сихъ поръ никто той пушки не вынулъ? Вѣдь всѣ знаютъ, въ какомъ мѣстѣ она закопана, сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Экой ты, господинъ купецъ! отвѣчалъ Артемій.— Мало знать гдѣ кладъ положо́нъ, надо знать какъ взять его.... Да какъ и владать-то имъ тоже надо знать....

— А какъ же кладомъ владать? спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Это дѣло мудренѣе чѣмъ кладъ достать, отвѣчалъ Артемій.—Сколько ни было счастливыхъ, которымъ клады доставались, всѣмъ почитай богатство не въ пользу пошло: тотъ сгорѣлъ, другой всѣхъ дѣтей схоронилъ, третій самъ прогорѣлъ да съ кругу спился, а иной до палачовыхъ рукъ дошелъ.... Прахомъ больше такія деньги иду́тъ.... Счастливаго человѣка, что̀ вынулъ кладъ, врагъ день и ночь караулитъ и на всякое худое дѣло наталкиваетъ.... Знамо хочется окаянному душой его завладать, чтобъ душой своей расплатился онъ за богатство. Потому какъ только ты вырылъ кладъ, поповъ позови, молебенъ отпой, на церкву Божію вклады не пожалѣй, бѣднымъ половину денегъ раздай, и какого человѣка въ нуждѣ ни встрѣтишь,

всякому помоги. Коли такъ поступишь — недобрая сила тебя не коснется, и богатство твое какъ вешня вода на поёмахъ каждый день, кажду ночь зачнетъ у тебя прибывать. Сколько денегъ нищимъ ты ни раздашь, а ихъ опять какъ снѣгу въ степи къ тебѣ въ домъ нанесетъ. Такъ и въ старинныхъ записяхъ писано: „А вынутый кладъ въ прокъ бы пошелъ, ино церковь Божью не забыть, нищей братьѣ расточить, вдову-сироту призрѣть, страннаго удоволить, алчнаго напитать, хладнаго обогрѣть“. Такъ и про золоту пушку писано *. Хоша бы тотъ кладъ и лихимъ человѣкомъ былъ положонъ на чью голову — заклятье его не подѣйствуетъ, а вынутый кладъ вмѣнится тебѣ за кладъ самимъ Богомъ на счастье твое положенный.

— Развѣ Богъ-отъ кладетъ клады? съ усмѣшкой молвилъ Патапъ Максимычъ.—Эка что городишь!

— Какъ же не кладетъ? возразилъ Артемій. — Зарываетъ!... Господь въ землю и золото и серебро и всяки дорогіе камни тайной силой своей зарываетъ. То и есть Божій кладъ.... Золото вѣдь изъ земли же роютъ—а кто его туда положилъ?... Вѣстимо Богъ.

Патапъ Максимычъ насторожилъ уши, не перебивая Артемьева разсказа. Привсталъ съ перины, и склонивъ къ Артемью голову, ухватился руками за облучекъ.

— Когда Господь повóлитъ мать-сыру землю наградить, продолжалъ Артемій,—пошлетъ Онъ ангела небеснаго на солнце и велитъ ему ѝверень ** отъ солнца отщербить *** и вложить его въ громовую тучу.... И Господнею силой тотъ солнечный ѝверень разольется въ тучѣ чистымъ зо-

* Взято буквально изъ записи кладовъ.

** Иверень—осколокъ, черепокъ, небольшая отбитая часть отъ какой-нибудь вещи.

*** Отщербить — отбить, отломить, говоря о посудѣ и вообще о хрупкой вещи.

лотомъ. И по Божьему велѣнью пойдетъ та туча надъ землею и въ молоньяхъ золото на землю посыплетъ. Какъ только та молонья ударитъ, такъ золото и польется на землю и въ ней пескомъ разсыплется.... Это и есть Божій кладъ.... А серебро ангелъ Господень съ яснаго мѣсяца беретъ, а камни самоцвѣтные со звѣздъ небесныхъ.... Вотъ каково чудна сила Божія...

— Да вѣдь грозы-то вездѣ бываютъ, — отчего жь не вездѣ роютъ золото? спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Не во всяку тучу Богомъ золото кладется, отвѣтилъ Артемій, — а только въ ту, въ котору Его святой волѣ угодно. Въ обиходной молоньѣ не золото, не серебро, а стрѣлка громовая кладется.... Видалъ что ли? Еще въ пескѣ находятъ, воду съ той стрѣлки пьютъ отъ рѣзи въ животѣ... А въ солнечной тучѣ стрѣлки нѣтъ, одно золото разсыпчатое. Молонья молоньѣ рознь. Солнечная молонья разсыпается по небу ровно огненными волосами, бьетъ по землѣ не шибко, а ровно манна небесная сходитъ, и громъ отъ нея совсѣмъ другой... Тутъ не громъ гремитъ, а Господни ангелы воспѣваютъ славу Божію....

— А можно ль узнать такое мѣсто гдѣ золотая молонья пала? сказалъ Патапъ Максимычъ.

При этомъ вопросѣ спавшій Стуколовъ потянулся и раскрывъ воротникъ шубы, захрапѣлъ пуще прежняго.

— Господь да небесные ангелы знаютъ гдѣ она выпала. И люди, которымъ Богъ благословитъ, находятъ такія мѣста. По тѣмъ мѣстамъ и роютъ золото, отвѣчалъ Артемій. — Въ Сибири, сказываютъ, много такихъ мѣстовъ....

— А ты бывалъ нешто въ Сибири-то? спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Самому быть не доводилось, отвѣчалъ Артемій, — а слыхать слыхалъ: у одного изъ нашихъ деревенскихъ

сродники на Горахъ живутъ *, наши шабры ** дѣвку отт оль брали. Каждый годъ ходятъ въ Сибирь на золоты прiиски, такъ они сказывали, что золото только въ лѣсахъ тамъ находятъ.... На всемъ бѣломъ свѣтѣ золото только въ лѣсахъ.

— Въ лѣсахъ? переспросилъ Патапъ Максимычъ.

— Въ лѣсахъ, подтвердилъ Артемiй. — Никогда Господь солнечную молонью близко отъ жи́ла не пуститъ.... Людей Ему жалко, чтобъ ихъ не загубить.

— Чѣмъ же загубить? спросилъ Патапъ Максимычъ.

— А какъ же? молвилъ Артемiй. — Вѣдь солночна-то молонья не простой чета. Хлыщетъ не шибко, а на которо мѣсто падетъ, отъ того мѣста верстъ на десятокъ кругомъ живой души не остается....

— Отчего жь такъ? спросилъ Патапъ Максимычъ.

— У Бога спроси!... Его тайна,—намъ грѣшнымъ разумѣть ее не́ дано?... отвѣчалъ Артемiй. — Грозна вѣдь тайна-то сила Божiя.

— А по здѣшнимъ лѣсамъ такая молонья выпадала? послѣ нѣкотораго молчанья, спросилъ Патапъ Максимычъ.

Паломникъ опять шевельнулся во снѣ.

— По нашимъ мѣстамъ не слыхать, отозвался Артемiй.—А тамъ на сиверъ, въ Ветлужскихъ верхотинахъ, сказываютъ, бывало Божiе проявленье. Хвастать не стану, самъ не видалъ, а слыхать слыхалъ, что по тамошнимъ лѣсамъ Божьихъ кладовъ довольно.

— И золотой песокъ? торопливо спросилъ Патапъ Макси́мычъ.

— Есть и пески золотые, отвѣчалъ Артемiй.

— Которо мѣсто? съ нетерпѣньемъ спросилъ Патапъ Максимычъ.

---

* То-есть на правой сторонѣ Волги.

** Сосѣди.

Спавшій Стуколовъ вздрогнулъ и пересталъ всхрапывать.

— Доподлинно сказать тебѣ не могу, потому что тамошнихъ лѣсовъ хорошо не знаю, сказалъ Артемій. — Всего раза два въ ту сторону ѣздилъ, и то дальше Уреня̀ не бывалъ. Доѣдешь, Богъ дастъ, поспрошай тамъ у мужиковъ—скажутъ.

— Донесъ Богъ!... Вотъ и зимнякъ!... Ялокша!... крикнулъ дядя Онуфрій, сворачивая въ сторону, чтобы дать дорогу пошевня̀мъ.

На разставаньи Патапъ Максимычъ за сказки, за пѣсни а больше за добрыя вѣсти, хотѣлъ подарить Артемью цѣлковый. Тотъ не взялъ.

— Спасибо на ласкѣ, господинъ купецъ, молвилъ онъ,— а денегъ твоихъ не возьму.

— Экой парень, чуднд̀й ты какой, говорилъ ему Патапъ Максимычъ.—Бери коли даютъ. — На дорогѣ не поднимешь, пригодится.

— Какъ не пригодиться? сказалъ Артемій, — Только брать твои деньги мнѣ не приходится, потому артель....

— Нельзя Артемію съ тебя малу росинку взять, подтвердилъ дядя Онуфрій.—Онъ въ артели.

— Ну на артель примите, сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Артель лишку не беретъ, сказалъ дядя Онуфрій, отстраняя руку Патапа Максимыча.—Чтд̀ слѣдовало взято, лишняго не надо.... Счастливо оставаться, ваше степенство!... Путь вамъ чистый, дорога скатертью!.... Да вотъ еще что я скажу тебѣ, господинъ купецъ, послушай ты меня, старика: пока лѣсами ѣдешь, не говори ты черняго слова. Въ степи какъ хочешь, а въ лѣсу не поминай его. До бѣды недалече.... Даромъ что зима теперь, даромъ что темная сила спитъ теперь подъ землей... На это не надѣйся!... Хитеръ вѣдь *онъ!*...

———

Распрощались. Пошевни взяли вправо по Ялокшинскому зимняку, и путники засвѣтло добрались до Нижняго Воскресенья.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

На постояломъ дворѣ, на одной изъ широкихъ улицъ большаго, торговаго села Воскресенскаго, въ задней, чисто прибранной горенкѣ за огромнымъ самоваромъ сидѣлъ Патапъ Максимычъ съ паломникомъ и молчаливымъ купцомъ Дюковымъ. Рѣшили они заночевать у Воскресенья, чтобъ дать роздыхъ лошадямъ, вдосталь измученнымъ отъ непривычной ѣзды по зимнякамъ и лѣснымъ тропамъ.

— Горазды жь вы оба спать-то, молвилъ Патапъ Максимычъ, допивая пятый либо шестой стаканъ чаю.—Вѣдь ты отъ зимницы до Ялокши глазъ не раскрылъ, Якимъ Прохорычъ, да и послѣ того спалъ вплоть до Воскресенья.

— Сонъ что богатство, отвѣтилъ паломникъ,— больше спишь, больше хочется.

— А со мной все время лѣсникъ калякалъ, продолжалъ Патапъ Максимычъ.—И пѣсни пѣлъ, и сказки сказывалъ— затѣйный парень, молодецъ на всѣ руки.

— Слава тѣ Господи, что сонъ меня одолѣлъ, отозвался Стуколовъ. — Не сквернились по крайней мѣрѣ уши мои, не слыхали бѣсовскихъ пѣсенъ и нечестивыхъ рѣчей треклятаго табашника.

— Пошелъ расписывать! молвилъ Патапъ Максимычъ.— Вездѣ-то у него грѣхи да ереси, шагу ты не ступишь не осудивши кого.... Чтó за бѣда что они церковники? И между церковниками зачастую попадаютъ хорошіе лю-

ди, за то и межъ старовѣрами такіе есть, что снаружи то „Блаженъ мужъ“, а внутри „Вскуе шаташася“.

— Правая вѣра все покрываетъ, сказалъ паломникъ,— а общеніе съ еретикомъ въ погибель вѣчную ведетъ..... Не смотрѣли бы глаза мои на лица враговъ Божіихъ.

— Нашему брату этого нельзя, молвилъ Патапъ Максимычъ. — Живемъ въ міру, со всякимъ народомъ дѣла бываютъ у насъ; не токма съ церковниками, съ Татарами иной разъ хороводимся.... И то мнѣ думается, что хорошій человѣкъ завсегда хорошъ, въ какую бы вѣру онъ ни вѣровалъ.. . Вѣдь Господь повелѣлъ каждаго человѣка возлюбить.

— Да не еретика, подхватилъ Стуколовъ.—Не слыхалъ развѣ что въ писаніи про нихъ сказано: „и тати, и разбойницы, и волхвы, и человѣкоубійцы, и всякіе другіе грѣшники внидутъ въ царство небесное, только еретикамъ, врагамъ Божіимъ, нѣсть мѣста въ горнихъ обителяхъ“...

— Надоѣлъ ты мнѣ, Якимъ Прохорычъ, пуще горькой рѣдьки такими разговорами, съ недовольствомъ промолвилъ Патапъ Максимычъ.

— Обміршился ты весь, обміршился съ головы до ногъ, обошли тебя еретики, совсѣмъ обошли, горячо отвѣчалъ на то Стуколовъ.—Подумай о души спасеніи. Годы твои не молодые, пора о Богѣ помышлять.

— Береги свои рѣчи про другихъ, мнѣ онѣ не пригожи, съ сердцемъ отвѣтилъ Патапъ Максимычъ. — Хочешь на обратномъ пути въ Комаровъ завернемъ? Толкуй тамъ съ матерью Манееой.... Ты съ ней какъ разъ споешься: что ты, что она — одного сукна епанча, одного лѣсу кочерга.

Стуколовъ нѣсколько смутился.

— А знаешь ли, что пѣсенникъ-отъ сказывалъ? спросилъ послѣ недолгаго молчанія Патапъ Максимычъ.

— Почемъ я знаю? У сонного нѣтъ ушей, отвѣчалъ Стуколовъ.

— Про Стеньку Разина сказки разсказывалъ, про клады́ по лѣсамъ зарытые, а потомъ на земляное масло свелъ, сказалъ Патапъ Максимычъ.

Сонный Дюковъ вспрянулъ, уставивъ удивленные глаза на Патапа Максимыча. А Стуколовъ преспокойно студилъ вылитый на блюдечко чай.

— Слышишь? обратился къ нему Патапъ Максимычъ.— Про золотой песокъ парень-отъ сказывалъ. На Ветлугѣ дескать подлинно есть такія мѣста.

— И безъ него знаемъ, безучастно промолвилъ Стуколовъ.

— Въ лѣсахъ, говоритъ, золото лежитъ, ото всякаго жила далече, а которо мѣсто оно въ землѣ лежитъ, того не знаетъ, продолжалъ Патапъ Максимычъ.

— Хоть и зналъ бы, такъ не сказалъ, замѣтилъ Стуколовъ.—Про такія дѣла со всякимъ встрѣчнымъ не болтаютъ.

— Сказалъ же про клады́ гдѣ зарыты, и въ какомъ мѣстѣ золотая пушка лежитъ. Вотъ бы вырыть то, Якимъ Прохорычъ, пожалуй бы лучше пріисковъ дѣло-то выгорѣло.

— Пустое городишь, Патапъ Максимычъ, сказалъ паломникъ.—Мало ль чего народъ не вретъ? За вѣтромъ въ полѣ не угоняешься, такъ и людскихъ рѣчей не переслушаешь. Да хоть бы то и правда была, развѣ намъ слѣдъ за клады́ приниматься. Тутъ врагъ рода человѣческаго дѣйствуетъ, самъ треклятый сатана.... Душу свою что ли губить!.... Клады́ — приманка діавольская; золотая розсыпь — Божій даръ.

— Въ одно слово съ лѣсникомъ! вскликнулъ Патапъ Максимычъ.—То же самое и онъ говорилъ.

— Правдой значитъ обмолвился злочестивый языкъ еретика, врага Божія, сказалъ Стукeловъ.—Ину пору и это бываетъ. Самъ бѣсъ, когда захочетъ человѣка въ сѣти уловить, праведное слово иной разъ молвитъ. И корчится самъ и въ три погибели отъ правды-то его гнетъ, а все-таки ее вымолвитъ. И трепещетъ, а сказываетъ. Таковъ ужь проклятый ихъ родъ!...

— Да полно ль тебѣ, Якимъ Прохорычъ! вставая съ лавки, съ досадой промолвилъ Патапъ Максимычъ.—О чемъ съ тобой ни заговори, все то ты на дьявола своротишь.... Ишь какъ бѣсу-то полюбилось на твоемъ языкѣ сидѣть, сойти долой окаянному не хочется.

Паломникъ плюнулъ, и сердито взглянувъ на Патапа Максимыча, пробормоталъ какую-то молитву, глядя на иконы.

— Вѣсть Господь пути праведныхъ, путь же нечестивыхъ погибнетъ!... сказалъ онъ потомъ громкимъ голосомъ.

— Нѣтъ, Якимъ Прохорычъ, съ тобой толковать надо поѣвши, молвилъ Патапъ Максимычъ.—Да кстати и объ ужинѣ не мѣшаетъ подумать.... Здѣсь, у Воскресенья, стерляди первый сортъ, не хуже васильсурскихъ. Спосылать что ли къ ловцамъ на Лёвиху. *

— Въ Великій-отъ постъ? испуганно вскликнулъ Стуколовъ.

— Въ пути сущимъ постъ разрѣшается, сказалъ Патапъ Макеимычъ.

— Поганься коли Бога забылъ, а мы и хлѣбца пожуемъ, молвилъ паломникъ сдержаннымъ голосомъ, не глядя на Патапа Максимыча.

— Эхъ, вы постники безгрѣшные!... Знавалъ я на своемъ

* Деревня въ верстѣ отъ Воскресенья на Ветлугѣ, гдѣ ловятъ лучшихъ стерлядей.

вѣку такихъ, шутилъ Патапъ Максимычъ.—Есть такія спасеныя души, чтò не только въ середу, въ понедѣльникъ даже молоко не хлебнетъ, а молочницѣ и въ велику пятницу спуску не дастъ.

Плюнулъ съ досады Стуколовъ.

— Какъ же будетъ у насъ? продолжалъ Патапъ Максимычъ. — Благословляй что ли, святъ мужъ, къ ловцамъ посылать?... Рыбешка здѣсь рѣдкостная, янтарь янтаремъ.... Ну, Якимъ Прохорычъ, такъ ужь и быть, опоганимся, да вплоть до Святой и закаемся.... Право же говорю, дорожнымъ людямъ постъ разрѣшается.... Хоть Манеѳу спроси.... На чтò мастерица посты разбирать, и та въ пути разрѣшаетъ.

— Отстань отъ меня ради Господа, молвилъ Стуколовъ.—Дѣлай какъ знаешь, а другихъ во грѣхъ не вводи.

Патапъ Максимычъ махнулъ рукой и вышелъ къ хозяевамъ въ переднюю горницу, чтобъ спосылать ихъ къ ловцамъ за рыбой.

Только-что вышелъ онъ, Дюковъ торопливо сказалъ паломнику:

— Про мѣста разспрашивалъ!

— Не спознаетъ и не спознаетъ, рѣшительно отвѣтилъ Стуколовъ.—Я все слышалъ чтò лѣсникъ разсказывалъ...

— То-то, чтобъ намъ въ дуракахъ не остаться, сказалъ Дюковъ.

— Будь покоенъ: попалъ карась въ неретò * не выскочетъ.

—

Патапъ Максимычъ запоздалъ на Ветлугѣ. Проѣхали путники въ Урень, подъ видомъ закупки дешеваго яран-

* Нерето, рыболовный снарядъ сплетенный изъ сѣти на обручахъ въ видѣ воронки.

скаго хлѣба. И въ самомъ дѣлѣ Патапъ Максимычъ сдѣлалъ тамъ небольшую закупку. Потомъ отправились въ лѣсную деревушку, къ знакомому Якима Прохорыча, оттуда въ другую, Лукерьиной прозывается, къ зажиточному баклушнику * Силантью. Оба знакомца Стуколова завѣряли Патапа Максимыча что по ихнимъ лѣсамъ въ правду золотой песокъ водится. Силантій показалъ даже стеклянный пузырекъ съ такимъ добромъ. На видъ песокъ ни дать ни взять такой же какъ Стуколовскій.

— Пробовали плавить его, сказывалъ Силантій,—топили въ горну на кузницѣ, однако толку не вышло, гарь одна остается.

Къ великой досадѣ паломника, разболтавшійся Силантій показалъ Патапу Максимычу и гарь, вовсе не похожую на золото.

Какъ ни старался Стуколовъ замять Силантьевы рѣчи, на Патапа Максимыча напало сомнѣнье въ добротности ветлужскаго песка.... Онъ купилъ у Силантья пузырекъ, а на придачу и гарь взялъ.

Когда совершалась эта покупка, Стуколовъ съ досадой всталъ съ мѣста и, походивъ по избѣ спѣшными шагами, вышелъ въ сѣни. Дюковъ осовѣлъ, сидя на мѣстѣ.

На другой день рано по утру, Патапъ Максимычъ случайно подслушалъ какъ паломникъ съ Дюковымъ ругательски ругали Силантья за „лишнія слова"…. Это навело на него еще больше сомнѣнья, и, сидя со спутниками и хозяиномъ дома за утреннимъ самоваромъ, онъ сказалъ, что ветлужскій песокъ ему что-то сумнителенъ.

— У меня въ городу́ дружокъ есть, баринъ, по всякой наукѣ человѣкъ дошлый, сказалъ онъ. — Семъ-ка я

* Тотъ что̀ баклуши дѣлаетъ. Баклуши—чурки для токарной выдѣлки ложекъ и деревянной посуды.

съѣзжу къ нему съ этимъ пескомъ да покучусь ему испробовать, можно ль изъ него золото сдѣлать.... Если выйдетъ изъ него заправское золото — ничего не пожалѣю, чтò есть добра все въ оборотъ пущу... А до той поры, нѣвись не гнѣвись, Якимъ Прохорычъ, къ вашему дѣлу не приступлю, потому что оно покамѣсть для меня потемки.... Да!

— Съѣзди пожалуй къ своему барину.... молвилъ паломникъ.—Только не проболтайся ради Бога гдѣ эта благодать родится. А то разнесутся вѣсти, узнаетъ начальство, тогда намъ за наши хлопоты шишъ и покажутъ.... Самъ знаешь, земля вѣдь не наша.

— Купимъ ее, сказалъ Патапъ Максимычъ.—Зѐмли здѣсь не дòроги.

— Легко сказать купимъ, перервалъ Стуколовъ.—Ежели бы земли-то здѣшнія были барскія, нечего бы и толковать, купилъ и шабашъ, а тутъ вѣдь казна. Годы пройдутъ, пока разрѣшатъ продажу. По здѣшнимъ мѣстамъ казенныхъ земель споконъ вѣку никто не покупывалъ, такъ....

— Не казенна здѣсь земля, удѣльная, перебилъ Силантій.

Стуколовъ искоса взглянулъ на него: „Не суйся дескать куда не спрашиваютъ", и продолжалъ, обращаясь къ Патапу Максимычу:

— Съ удѣльной и того хуже. Удѣлъ земель не продаетъ. Да чтò объ этомъ толковать прежде времени? Коли дѣло пойдетъ какъ уговорились, въ Питерѣ отхлопочемъ за себя пріиски, а коли ты, Патапъ Максимычъ, на попятный, такъ послѣ пеняй на себя....

— Кто на попятный? вскрикнулъ Патапъ Максимычъ.— Никогда я на попятный ни въ какомъ дѣлѣ не поворочивалъ, не таковъ я человѣкъ, чтобъ на попятный идти. Мнѣ бы только увѣриться.... Обожди маленько, окажется дѣло

вѣрное, то́тчасъ подпишу условіе и деньги тебѣ въ руки. А до тѣхъ поръ я несогласенъ.

— Да ты не всякому пузырекъ-отъ показывай, сказалъ паломникъ.—А то могутъ заподозрѣть, что это золото изъ Сибири краденое. Насчетъ этого теперь строго, — какъ разъ въ острогъ.

— Малаго ребенка что ли вздумалъ учить? вспыхнулъ Патапъ Максимычъ. — Развѣ мы этого не понимаемъ?.. Баринъ вѣрный. Дружокъ мнѣ—не выдастъ. Отсюда прямо въ городъ къ нему.

— А вотъ что̀, Патапъ Максимычъ, сказалъ паломникъ.—Городъ городомъ, и ученый твой баринъ пущай его смотритъ; а вотъ я что̀ еще придумалъ. Торопиться тебѣ вѣдь некуда. Съѣздили бы мы съ тобой въ Красноярскій скитъ къ отцу Михаилу. Отсель рукой подать, двадцати верстъ не будетъ. Не хотѣлъ я прежде про него говорить, — а вѣдь онъ у насъ въ долѣ, — съѣдзимъ къ нему на денекъ, ради увѣренья....

— По мнѣ пожалуй—дляче не съѣздить, сказалъ Патапъ Максимычъ.—Да что̀ это за отецъ Михаилъ?

— Игуменъ Красноярскаго скита, отвѣтилъ Стуколовъ.— Увидишь что̀ за человѣкъ—поискать такихъ старцевъ!..

По совѣту Стуколова, уговорились ѣхать въ скитъ пообѣдавши. Передъ самымъ обѣдомъ паломникъ ушелъ въ заднюю, написалъ тамъ письмецо и отдалъ его Силантью. Черезъ полчаса какіе-нибудь хозяйскій сынъ верхомъ на лошади съѣхалъ со двора задними воротами и скорой рысью погналъ къ Красноярскому скиту.

—

Совсѣмъ уже стемнѣло, когда путники добрались до скита Красноярскаго. Стоялъ онъ въ лѣсной глуши,

на берегу Усты, а кругомъ обнесенъ былъ высокимъ деревяннымъ частоколомъ. Посрединѣ часовня стояла, вокругъ нея кельи, совсѣмъ непохожія на кельи Каменнаго Вражка и другихъ чернораменскихъ женскихъ скитовъ. Все здѣсь было построено шире, выше, суразнѣе и просторнѣй, кельи другъ отъ дружки стояли подальше; не было на нихъ ни теремковъ, ни свѣтелокъ, ни вышекъ, ни смотриленъ. Не будь середь обители высокой часовни, да вкругъ нея намогильныхъ голубцовъ, Красноярскій скитъ больше бы походилъ на острогъ, чѣмъ на монастырь. Такой же высокій частоколъ вокругъ, такія же большія ворота, мѣстами обитыя желѣзомъ, такія же длинныя, высокія, однообразныя кельи съ маленькими окнами и вставленными въ нихъ желѣзными рѣшетками. Внѣ ограды хоть бы какой клѣвушекъ.

Подъѣхавъ къ скиту, путники остановились у воротъ и дернули висѣвшую у калитки веревку. Вдали послышался звонъ колокола; залаяли собаки, и черезъ нѣсколько времени чей-то голосъ сталъ изнутри опрашивать:

— Кого Господь да́руетъ?

— Люди знакомые, отецъ вра́тарь, отозвался паломникъ. Стуколовъ Якимъ съ дорогими гостями. Доложись отцу игумну, Якимъ молъ Прохорычъ гостей привезъ.

— Отецъ игуменъ повечеріе правитъ. Обождите малехонько, схожу благословлюсь... отвѣтилъ за воротами привратникъ.

— Да ты поскорѣй, отецъ вра́тарь, мы вѣдь издалёка. Кони пріустали, да и самимъ отдохнуть охота, сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Ладно, поспѣшу, отвѣчалъ голосъ за воро́тами. — А много ль васъ народу-то?

- Пятеро, сказалъ Стуколовъ,—ты молви только отцу

игумну: Якимъ дескать Прохорычъ Стуколовъ съ гостями пріѣхалъ.

— Ладно, ладно, скажу.

Привратникъ ушелъ, и долго не возвращался. Набѣжавшіе къ воротамъ псы такъ и заливались свирѣпымъ лаемъ внутри монастыря. Тутъ были слышны и сиплый, глухой лай какого-то стариннаго стража Красноярской обители, и тявканье задорной шавки, и завыванье озлившагося волкопеса, и звонкій лай выжлятника... Все сливалось въ одинъ оглушительный содомъ, а вдали слышались ржанье стоялыхъ коней, мычанье коровъ и какія-то не вразумительныя, людскія рѣчи.

— Ну, братъ, въ этотъ скитъ, какъ въ царство небесное, сразу не попадешь, сказалъ Патапъ Максимычъ паломнику.

— Нельзя въ лѣсахъ иначе жить, отвѣчалъ Стуколовъ.— Съ большой опаской здѣсь надо жить.... потому глушь; верстъ на десять кругомъ никакого жилья нѣтъ. А недобрыхъ людей не мало, — какъ разъ пограбятъ.... Старцы же здѣшніе—народъ пуганый.

— А что̀? спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Мучили ихъ. Забрались одинова разбойники — грабили.

— Какъ такъ? спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Такъ же, отвѣчалъ паломникъ. — Пошла слава про монастырь что богатъ больно, а богатъ-то онъ точно богатъ, отъ того самого дѣла — смекаешь.... Вотъ погоди, самъ своими глазами увидишь.... Годовъ десять тому и польстись на Красноярскую обитель невѣдомо какіе злодѣи, задумали старцевъ пограбить... Сговорились съ бѣльцомъ ихняго же монастыря, тотъ у привратника ключи укралъ и впустилъ ночью разбойниковъ. Человѣкъ пятнадцать ихъ было, народъ молодой, здоровенный... Которыхъ

старцевъ въ кельяхъ заперли, которыхъ по рукамъ, по ногамъ перевязали, да этакъ распорядившись, зачали по своему хозяйничать... Часовню разбили, образа ободрали, къ игумну пришли. Всѣ мышиныя норки у него перерыли, а денегъ два съ полтиной только нашли. Принялись за отца Михаила, говорятъ, подавай деньги.... Тотъ уперся... Никакихъ, говоритъ, денегъ у меня нѣтъ опричь тѣхъ, что̀ вы отобрали. Разбойники его пытать—ужь чего, они надъ нимъ не творили: и били-то его всячески и арапникомъ-то стегали, и подошвы-то на берестѣ палили, и гвозди-то подъ ногти забивали.... Вытерпѣлъ старецъ—слова не проронилъ, только молитву читалъ, какъ они его мучили. За́мертво бросили въ чуланъ, думали нѐ живъ. Но помиловалъ Богъ—отдышался. За келейника игуменскаго принялись. Тотъ, не стерпя мукъ, можетъ-статься и сказалъ бы, да Богу благодаренье, самъ не зналъ куда игуменъ деньги запряталъ. Такъ и не покорыствовались.... Разыскали послѣ разбойниковъ, сослали....

— Этакъ пожалуй старцы насъ и не пустятъ, подумаютъ опять разбойники нагрянули, сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Пустятъ, какъ не пустить. Меня знаютъ, отвѣчалъ Стуколовъ.

Прошло не мало времени, какъ въ монастырѣ снова послышались людскіе голоса.

— Отецъ вра́тарь, скоро ли ты? Отпирай! крикнулъ Стуколовъ.

— Да вотъ отецъ казначей пришелъ поспрошать что̀ за̀ люди, послышалось изъ-за ограды.

— Ты что ль будешь отецъ Михей? крикнулъ Стуколовъ.

— Я грѣшный инокъ Михей, отвѣчалъ казначей. — А вы кто такіе?

— Да вѣдь сказано было вра̀тарю, что Стуколовъ Якимъ гостей привезъ.... Сказывали отцу игумну аль нѣтъ еще?

— Отецъ Михаилъ повечеріе править—нельзя съ нимъ теперь разговаривать, отвѣчалъ привратникъ.—Потому я отцу казначею и доложился.

— Аль меня по̀ голосу-то не признаёшь, отецъ Михей? спросилъ паломникъ.

— Какъ черезъ воро́та человѣка признать по̀ голосу? Я же и на ухо крѣпонекъ.

— Ахъ вы, старцы Божьи!... крикнулъ Стуколовъ.—Не воры къ вамъ пріѣхали, свои люди знакомые. Благослови, отецъ Михей, ворота̀ отворить.

— Да гости-то кто такіе съ тобой? спросилъ казначей.

— Дюковъ Сампсонъ Михайлычъ, дружокъ отцу-то Михаилу, сказалъ Стуколовъ,—да еще Патапъ Максимычъ Чапуринъ изъ Осиповки.

— Не братецъ ли матушки Манеѳы комаровской? спросилъ отецъ Михей.

— Онъ самый, отвѣчалъ Стуколовъ.

— Инъ обождите маленько, пойду благословлюсь у отца игумна, сказалъ казначей, и вскорѣ послышались шаги удалявшихся внутрь монастыря. Притихшій собачій лай поднялся пуще прежняго.

Изъ себя вышелъ Патапъ Максимычъ, браниться зачалъ. Бранилъ игумна, бранилъ казначея. бранилъ вра́таря, бранилъ собакъ и всю красноярскую братію. Пуще всего доставалось Стуколову.

— Къ какому ты лѣшему завезъ меня! кричалъ онъ на весь лѣсъ.—Понесла же меня нелегкая въ это гнѣздо проклятое.... Чтобъ ихъ всѣхъ тамъ свело да скорчило!... Ночевать что ли тутъ въ лѣсу-то?... Шайтанъ бы побралъ ихъ, этихъ чернецовъ окаянныхъ!... Что они морозить насъ

вздумали?... Аль деревенскихъ дѣвокъ прячутъ по подпольямъ?...

— Не грѣши празднымъ словомъ на Божьихъ старцевъ, уговаривалъ его паломникъ.—Потерпи маленько. Иначе нельзя —на то уставъ..... Опять же народъ пуганый—недобрыхъ людей опасаются. Самъ знаешь: кого медвѣдь дралъ, тотъ и пенька въ лѣсу боится.

Не внималъ уговорамъ Патапъ Максимычъ, ругани его конца не видѣлось. До того дошло, что онъ, харкнувъ на ворóта и обозвавъ весь монастырь нехорошими словами, хотѣлъ садиться въ сани чтобъ ѣхать назадъ, но въ это время забрякали ключами, и продрогшихъ путниковъ впустили въ монастырскую ограду. Тамъ встрѣтили ихъ четверо монаховъ съ фонарями.

До десятка собакъ съ разнообразнымъ лаемъ, ворчаньемъ и хрипѣньемъ бросилось на вошедшихъ. Псы были здоровенные, жирные и презлые. Кромѣ маленькой шавки, съ визгливымъ лаемъ задорно бросавшейся гостямъ подъ ноги, каждая собака въ одиночку на волка ходила.

— Лыска!... Орелка!... Жучка!... По мѣстамъ проклятыя!... Цыма, Шарикъ!.... Что подъ ноги-то кидаешься?.... По мѣстамъ!... кричали на собакъ монахи и насилу-насилу успѣли ихъ разогнать.

— Чего съ такой псарней разбою бояться, ворчалъ не уходившійся еще Патапъ Максимычъ.—Эти псы цѣлый станъ разбойниковъ перегрызутъ.

— Повечеріе на отходѣ, чуть не до земли кланяясь Патапу Максимычу, сказалъ отецъ Спиридоній, монастырскій гостиникъ, здоровенный старецъ, съ лукавыми, хитрыми и быстро какъ мыши бѣгающими по сторонамъ глазками.—Какъ угодно вамъ будетъ, гости дорогіе—въ часовню прежде, аль на гостиный дворъ, али къ батюшкѣ

отцу Михаилу въ келью? Получасу не пройдетъ какъ онъ со службой управится.

— По мнѣ все едино, сухо отвѣтилъ Патапъ Максимычъ.—Въ часовню такъ въ часовню, въ келью такъ въ келью.

— Такъ ужь лучше въ часовню пожалуйте, сказалъ отецъ Михей.—Посмотрите какъ мы убогіе Божію службу по силѣ возможности справляемъ.... А пожитки ваши мы въ гостиницу внесемъ, коней уберемъ.... Пожалуйте, милости просимъ.

И казначей отецъ Михей повелъ гостей по расчищенной между сугробами гладкой, широкой, усыпанной краснымъ пескомъ дорожкѣ, межь тѣмъ какъ отецъ гостиникъ съ повозками и работниками отправился на стоявшій отдѣльно въ углу монастыря большой, ставленный на высокихъ подклѣтахъ, гостиный домъ, для богомольцевъ и пріѣзжавшихъ въ скитъ по разнымъ дѣламъ.

Войдя въ часовню, Патапъ Максимычъ пораженъ былъ благолѣпіемъ убранства и стройнымъ чиномъ службы. Старинный ярко раззолоченный иконостасъ возвышался подъ самый потолокъ. Передъ мѣстными въ золоченыхъ ризахъ иконами горѣли ослопныя свѣчи, всѣ паникадила были зажжены, и синеватый клубъ ладана носился между ними. Старцы стояли рядами, всѣ въ соборныхъ мантіяхъ съ длинными хвостами, всѣ въ опущенныхъ низко на самые глаза камилавкахъ и ка́фтыряхъ. За ними ряды по́слушниковъ и трудниковъ изъ мірянъ; всѣ въ черныхъ суконныхъ подрясникахъ съ широкими черными усменными * поясами. На обоихъ клиросахъ стояли пѣвцы; славились они не только по окрестнымъ мѣстамъ, но даже въ Москвѣ и на Иргизѣ. Середи часовни, предъ аналогіемъ,

---

* *Усма*—выдѣланная кожа, *усменный*—кожаный.

въ соборной мантіи, стоялъ высокій, широкій въ плечахъ, съ длинными сѣдыми волосами и большою окладистой, какъ серебро бѣлой бородой, старецъ, и густымъ голосомъ дѣлалъ возгласы. Это былъ самъ игуменъ—отецъ Михаилъ.

Служба шла такъ чинно, такъ благоговѣйно, что сердце Патапа Максимыча, до страсти любившаго церковное благолѣпіе, разомъ смягчилось. Забылъ что его чуть не битыхъ полчаса заставили простоять на морозѣ. Съ сіявшимъ на лицѣ довольствомъ, разсматривалъ онъ Красноярскую часовню.

„Вотъ это служба такъ служба“, думалъ, оглядываясь на всѣ стороны, Патапъ Максимычъ. „Мастера Богу молиться, нечего сказать.... Эко благолѣпіе-то какое!... Рогожскому мало чѣмъ уступитъ.... А нашей Городецкой часовнѣ—куда! тѣхъ же щей да пожиже влей.... Божье-то милосердіе какое, иконы-то святыя!... Просто заглядѣнье, а служба-то, служба-то—первый сортъ!... Въ Иргизѣ такой службы не видывалъ!...“

Наружность игумна тоже понравилась Патапу Максимычу. Еще не сказавъ съ нимъ ни слова, полюбилъ ужь онъ старца за порядки. Прежней досады какъ не бывало.

„Эка здоровенный игуменъ-отъ какой, ровно изъ матёраго дуба вытесанъ... думалъ глядя на него Патапъ Максимычъ. Ему бы не лѣстовку въ руку, а пудовый молотъ... Чудное дѣло какъ это онъ съ разбойниками-то не справился... Да этакому старцу хоть на пару медвѣдей въ одиночку идти.... Лапища-то какая!... А молодецъ Богу молиться!... Какъ это все у него стройно да чинно выходитъ....“

Кончилось повечеріе. Проговорилъ отпустъ отецъ Михаилъ и обратился къ старцамъ.

— Отцы и братіе и служебницы сея честныя обители!... Возвѣщаю вамъ радость велію: убогое жительство наше посѣтили благочестивые христолюбцы, крѣпкіе ревнители

святоотеческой вѣры нашея древляго благочестія. Чѣмъ воздадимъ за таковую милость къ намъ бывшую? Помолимся убо о здравіи ихъ и спасеніи и воспоемъ Господу Богу молебное пѣніе за милости творящихъ и заповѣдавшихъ намъ недостойнымъ молиться о нихъ.

Братія, обернувшись, зáразъ, чуть не до земли поклонились гостямъ, а отецъ Михаилъ замолитвовалъ канонъ о здравіи и спасеніи. Головщикъ праваго клироса звонкимъ голосомъ поаминилъ, и дробно началъ чтеніе канона.

Тутъ ужь совсѣмъ растаялъ Патапъ Максимычъ. Любилъ почетъ, особенно почетъ церковный. Пуще всего дорожилъ онъ тѣмъ, что съ самой кончины родителя, многіе годы бывшаго попечителемъ Городецкой часовни, самъ постоянно былъ выбираемъ въ эту должность. Льстило его самолюбію, когда, бывая въ той часовнѣ за службой, становился онъ впереди всѣхъ, первый подходилъ къ цѣлованію Евангелія или креста, получалъ отъ бѣглаго попа въ Крещенскій Сочельникъ первый кувшинъ богоявленской воды, въ Вербну заутреню первую вербу, въ Свѣтло Воскресенье перву свѣчу.... Но такого почета какой былъ оказанъ ему въ Красноярскомъ скиту никогда ему и во снѣ не грезилось. Какъ было не растопиться сердцу, какъ не забыть досады, чтò взяла было его у воротъ монастырскихъ? Слеза даже прошибла Патапа Максимыча.

„Сторублевой мало“! подумалъ онъ: „Игуменъ человѣкъ понимающій. Покрайности сторублевую съ двумя четвертными надо вкладу положить“.

Слушаетъ, а отецъ Михаитъ поминаетъ о здравіи и спасеніи рабовъ Божіихъ Патапія, Ксеніи, дѣвицы Анастасіи, дѣвицы Параскевы, инокини Манеѳы, рабы Божіей Агрипины.

„Глядь-ка, глядь-ка, удивлялся Патапъ Максимычъ.— Всѣхъ по именамъ такъ и валяетъ.... И Груню не забылъ...

Отъ кого это провѣдалъ онъ про моихъ сродниковъ?.. Двѣ сотенныхъ надо, да къ Христову празднику муки съ масломъ на братію послать.“

Когда же наконецъ сталъ отецъ Михаилъ поминать усопшихъ родителей Чапурина и перебралъ ихъ чуть не до седьмаго колѣна, Патапъ Максимычъ какъ баба расплакался и рѣшилъ на обитель три сотни серебромъ дать и каждый годъ мукой съ краснораменскихъ мельницъ снабжать ее.

Такимъ раемъ, такимъ богоблагодатнымъ жительствомъ показался Красноярскій скитъ ему, что не будь жены да дочерей, такъ хоть вѣкъ бы свѣковать у отца Михаила. „Нѣтъ, думалъ Патапъ Максимычъ, не чета здѣсь Городцу, не чета и бабьимъ скитамъ!... Съ Рогожскимъ потягается!... Вотъ благочестіе-то!.. Вотъ они земные ангелы, небесные же человѣки.... А я-то окаянный еще выругалъ ихъ непригожими словами!... Прости Господи великое мое согрѣшеніе!“

—

Послѣ службы, игуменъ, подойдя къ Патапу Максимычу, познакомился съ нимъ.

— Любезненькой ты мой! Касатикъ ты мой! привѣтствовалъ онъ, ликуясь съ гостемъ.—Давно была охота повидаться съ тобой. Давно наслышанъ, много про тебя наслышанъ, вотъ и привелъ Господь свидѣться.

— Случая до сей поры не выдавалось, отецъ Михаилъ, отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.—Рѣдко бываю въ здѣшнихъ мѣстахъ, а на Устѣ совсѣмъ впервóй.

— Ну, спаси тебя Господи, что надумалъ насъ убогихъ посѣтить, говорилъ игуменъ.—Матушка-то Манеѳа Комаровская по плоти сестрица тебѣ будетъ?

— Сестра рóдная, отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.

— Дивная старица! сказалъ отецъ Михаилъ.—Духовной жизни, опять же отъ Писанія какая начетчица, а ужь домостроительница какая!... Поискать другой такой старицы, во всемъ христіанствѣ не найдешь!... Ну, гости дорогіе, въ трáпезу не угодно ли?... Сегодня день недѣльный, а ради праздника Сорока Мучениковъ поліелей — по уставу вечерняя трапéза полагается: разрѣшеніе елея. А въ прочіе дни святыя Четыредесятницы ядимъ единожды въ день.

Пошли въ келарню игуменъ, братія, служебницы, работные трудники и гости. Войдя въ трáпезу, всѣ разомъ положили уставные поклоны передъ иконами и сѣли по мѣстамъ. Патапа Максимыча игуменъ посадилъ на почетное мѣсто, рядомъ съ собой. Между соборными старцами усѣлись Стуколовъ и Дюковъ. За особымъ столомъ съ бѣльцами и трудниками сѣли работники Патапа Максимыча.

Трáпеза совершалась по чину. Чередовой чтецъ заунывнымъ голосомъ протяжно нараспѣвъ читалъ „Синаксарь“. Келарь, подойдя къ игумену, благословился первую яству ставить братіи, отецъ чашникъ благословился квасъ разливать, отецъ будильникъ на разносномъ блюдѣ принялъ пять деревянныхъ ставцевъ съ гороховой лапшой, келарь взялъ съ блюда ставецъ и съ поклономъ поставилъ его передъ игуменомъ. Отецъ Михаилъ и тутъ воздалъ почетъ Патапу Максимычу: ставецъ передъ нимъ поставилъ, себѣ взялъ другой. Также и чашу съ квасомъ, и кашу соковую, поданную келаремъ, все отъ себя переставлялъ гостю.

Когда Патапъ Максимычъ, проголодавшись дорогой, принялся было уписывать гороховую лапшу, игуменъ наклонился къ нему и сказалъ потихоньку:

— Ты, любезненькой мой, на лапшицу-то не больно налегай. Въ гостиницѣ наказалъ я самоварчикъ изготовить да закусочку ради гостей дорогихъ.

— Зачѣмъ это, отче? отозвался Патапъ Максимычъ.—

Были бы сыты и за тра́пезой, ишь какая лапша-то у васъ вкусная. Напрасно безпокоился.

— Нѣтъ, касатикъ, ужь прости меня Христа ради, а у насъ ужь такой уставъ: мірскимъ гостямъ учреждать особную трапе́зу во утѣшеніе.... Вы же путники, а въ пути и постъ разрѣшается.... Рыбки не припасти ли?

— Нѣтъ, отецъ Михаилъ, не надо — постъ, сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Въ пути и въ морскомъ плаваніи святые отцы постъ разрѣшали, молвилъ игуменъ.—Благослови рыбку приготовить, прибавилъ онъ, понизивъ голосъ.—А рыбка по милости Господней хорошая: осетринки найдется и бѣлужинки.

— Нѣтъ, нѣтъ, отецъ Михаилъ, продолжалъ отнѣкиваться Патапъ Максимычъ,—и въ грѣхъ не вводи.

— Говорю тебѣ, что святые отцы въ пути сущимъ и въ морѣ плавающимъ постъ разрѣшали, настаивалъ игуменъ.—Хочешь въ книгахъ покажу?... Да чтò тутъ толковать, касатикъ ты мой, со своимъ уставомъ въ чужой монастырь не ходятъ.... Твори, брате, послушаніе!

— Охъ ты, отецъ Михаилъ!... Какой ты, право!... сказалъ Патапъ Максимычъ, сдаваясь на слова игумна и рѣшаясь по его велѣнью сотворить послушаніе. — Нечего дѣлать, прибавилъ онъ улыбаясь,—послушаніе паче поста и молитвы. Такъ что ли писано, отче?

— Ахъ, ты касатикъ мой! охъ, ты мой любезненькой!... молвилъ игуменъ, и подозвавъ отца Спиридонія, велѣлъ ему шепнуть Стуколову и Дюкову, чтобъ и они не очень налегали на лапшу да на кашу.

Трапе́за кончилась, отецъ будильникъ съ отцомъ чашникомъ собрали посуду, оставшіеся куски хлѣба и соль. Игуменъ ударилъ въ кандію, всѣ встали и стоя на мѣстахъ гдѣ кто сидѣлъ, въ безмолвіи прослушали благодарныя молитвы, прочитанныя канонархомъ. Отецъ Михаилъ бла-

гословилъ братію, и всѣ попарно тихими стопами пошли вонъ изъ келарни.

— Ну, гости дорогіе, любезненькіе вы мои, сказалъ отецъ Михаилъ, оставшись съ ними въ опустѣвшей келарнѣ,—теперь я васъ до гостинаго двора провожу, тамъ и упокоитесь.... А ты, отецъ будильникъ, гостямъ-то баньку истопи, съ дороги-то пускай завтра попарятся.... Да пожарче смотри топи, чтобъ и воды горячей и щелоку было довольно, а вѣники въ квасу распарь съ мяткой, а въ воду и въ квасъ, что̀ на каменку поддавать, тоже мятки положь да калуферцу... Чтобъ все у меня было хорошо.... Не осрами, отче, передъ дорогими гостями, порадѣй чтобъ возлюбили убогую нашу обитель.

— Въ исправности будетъ, отче святый, смиренно отвѣчалъ будильникъ, низко кланяясь.—Постараюсь гостямъ угодить.

— Ко́нямъ-то засыпалъ ли овсеца-то, отецъ казначей? спрашивалъ игуменъ, переходя изъ келарни въ гостиницу.— Засыпа́лъ бы безъ мѣры, сколько съѣдятъ.... Да молви не забудь отцу Спиридонію пріѣзжихъ-то работниковъ хорошенько бы упокоилъ.... Ахъ, вы мои любезненькіе! ахъ, вы касатики мои!... Какихъ гостей-то мнѣ Богъ даровалъ!... Бѣги-ка а ты, Трофимушка, молвилъ игуменъ проходившему мимо бѣльцу,—бѣги въ гостиницу, поставь фонарь на лѣстницѣ, да молви самоваръ бы на столъ ставили, да отецъ келарь медку бы сотоваго прислалъ, да клюковки, да яблочковъ что ли моченыхъ... Ненарокомъ пріѣхали-то вы ко мнѣ, гости любезные, — не взыщите.... Не изготовился принять васъ какъ надобно.

Въ гостиницѣ, въ углу большой, не богато, но опрятно убранной горницы, поставленъ былъ столъ, и на немъ кипѣлъ ярко вычищенный самоваръ. На другомъ столѣ отецъ гостиникъ Спиридоній разставлялъ тарелки съ груз-

дами, мелкими рыжиками, волнухами и вареными въ уксусѣ бѣлыми грибами, тутъ же явились и сотовый медъ и моченая брусника и клюква съ медомъ, моченыя яблоки, пряники, финики, изюмъ и разные орѣхи. Середи этихъ закусокъ и заѣдокъ стояло нѣсколько графиновъ съ настойками и наливками, бутылка рому, другая съ мадерой ярославской работы.

— Садитесь, гости дорогіе, садитесь къ столику-то, любезненькіе мои, хлопоталъ отецъ Михаилъ, усаживая Патапа Максимыча въ широкое мягкое кресло обитое черною юфтью, изукрашенное гвоздиками съ круглыми мѣдными шляпками. — Разливай, отецъ Спиридоній.... Да что̀ это лампадки-то не зажгли передъ иконами?.... Малéцъ, крикнулъ игуменъ молоденькому бѣльцу, съ подобострастнымъ видомъ стоявшему въ передней, — затепли лампадки-то да и въ боковушахъ у гостей тоже затепли.... Передъ чайкомъ-то настоечки, Патапъ Максимычъ, прибавилъ онъ наливая рюмку.—Ахъ, ты мой любезненькой!

— Да не хлопочи, отецъ Михаилъ, говорилъ Патапъ Максимычъ.—Напрасно.

— Какъ же это возможно не угощать мнѣ такихъ гостей? отвѣчалъ игуменъ.—Только ужь не погнѣвитесь, ради Христа, дорогіе мои, не взыщите у старца въ кельѣ— не больно-то мы запасливы.... Время не такое—пріѣхали на хрѣнъ да на рѣдьку.... Отецъ Спиридоній, слетай-ка, родименькой, къ отцу Михею, молви ему тихонько—гости молъ утрудились, они же дескать люди въ пути сущіе, а отцы святые таковымъ постъ разрѣшаютъ, прислалъ бы сюда икорки, да балычка, да селедочекъ копченыхъ, да провѣсной бѣлорыбицы. Да взялъ бы звено осетринки, что̀ къ Масляной изъ Сибири привезли, да бѣлужинки малосольной, да севрюжки что ли разварилъ бы еще.

Отецъ Спиридоній низко поклонился и пошелъ исполнить игуменское повелѣніе.

— Что̀ же настоечки-то?.. Передъ чайкомъ-то?.. Вотъ звѣробойная, а вотъ зорная, а эта на трефоли настояна.... А не то сладенькой не изволишь ли?... Якимъ Прохорычъ, ты любезненькой мой человѣкъ знакомый, и ты тоже, Сампсонъ Михайловичъ, васъ подчивать много не стану.— Кушайте, касатики, сдѣлайте Божескую милость.

Выпили по рюмочкѣ, закусили сочными яранскими груздями и мелкими вятскими рыжиками, что̀ зовутся „бисерными"....

— Отецъ Михаилъ, да самъ-то ты что̀ же? спросилъ Патапъ Максимычъ, замѣтивъ что игуменъ не выпилъ водки.

— Наше дѣло иноческое, любезненькой ты мой Патапъ Максимычъ, а сегодня разрѣшенія на вино по уставу нѣтъ, отвѣчалъ онъ.—Вамъ, мірянамъ, да еще въ пути сущимъ, разрѣшеніе на вся, а намъ грѣшнымъ не подобаетъ.

— Говорится же, что гостей ради постъ разрѣшается? сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Ахъ ты любезненькой мой, ахъ ты касатикъ мой! подхватилъ отецъ Михаилъ.—Оно точно что говорится. И въ уставахъ въ иныхъ написано... Много вѣдь уставовъ-то иноческаго житія: Соловецкій, Студійскій, Аѳонскія горы, Синайскій — да мало ли ихъ—мы больше все по Соловецкому.

— Ну и выкушалъ бы съ нами чару Соловецкую, шутя сказалъ Патапъ Максимычъ.

Ахъ ты любезненькой мой!... Какой ты право!... Грѣха только не будетъ ли?... Какъ думаешь, Якимъ Прохорычъ? говорилъ игуменъ.

— Маленькую можно, сухо проговорилъ паломникъ.

— Охъ ты касатикъ мой! вскликнулъ игуменъ, обнявъ паломника, потомъ налилъ рюмку настойки, перекрестился широкимъ, размашистымъ крестомъ и молодецки выпилъ.

„Должно-быть и выпить не дуракъ, подумалъ Патапъ Максимычъ, глядя на отца игумна.—Какъ есть молодецъ на всѣ руки.“

Воротился отецъ Спиридоній, доложилъ что передалъ игуменскій приказъ казначею.

— Отецъ Михей говоритъ что есть у него малая толика живенькихъ окуньковъ да язей, да линь съ двумя щучками, такъ онъ хотѣлъ еще уху гостямъ сготовить, сказалъ отецъ Спиридоній.

— Ну, Богъ его спасетъ что догадался, а мнѣ старому и не въ домекъ, сказалъ отецъ Михаилъ.—Это хорошо съ дороги-то ушки горяченькой похлебать.... Ну, Богъ тебя благословитъ отецъ Спиридоній!... Выкушай рюмочку.

— Не подобаетъ, отче, смиренно проговорилъ гостиникъ, а глаза такъ и прыгаютъ по графинамъ.

— Э-эхъ! всѣ мы грѣшники передъ Господомъ! наклоняя голову, сказалъ игуменъ. — Охъ, охъ, охъ — грѣхи наши тяжкіе!.. Согрѣшилъ и я окаянный—разрѣшилъ!... Чтò станешь дѣлать?... Благослови и ты, отецъ Спиридоній, на рюмочку—ради дорогихъ гостей Господь проститъ....

Отецъ гостиникъ не заставилъ себя уговаривать. Безпрекословно исполнилъ онъ желаніе отца игумна.

Выпили по чашкѣ чаю, налили по другой. Передъ второй выпили и закусили принесенными отцомъ Михеемъ рыбными снѣдями. И чтò это были за снѣди! Только въ скитахъ и можно такими полакомиться. Мѣшечная осетровая икра точно изъ черныхъ шерловъ была сдѣлана, такъ и блеститъ жиромъ, а зернистая троичная * какъ слив-

* Бѣлужью зернистую икру лучшаго сорта до желѣзныхъ дорогъ отвозили въ Москву и другія мѣста на почтовыхъ тройкахъ тотчасъ послѣ посóлу. Оттого и звали ее „троичной“.

ки—сама во рту таетъ, балыкъ величины непомѣрной, жирный, сочный, такой что самому донскому архіерею не часто на столѣ подаютъ, а бѣлорыбица присланная изъ Елабуги бѣла и глянцовита какъ атласъ. Хорошо ѣдятъ скитскіе старцы, а лучше того угощаютъ нужнаго человѣка, коли Богъ въ обитель его принесетъ. Мѣдной копѣйки не тратитъ обитель на эти „утѣшенія" — все усердное даяніе христолюбцевъ.

Живетъ христолюбецъ, вѣкъ свой рабочихъ на пятаки, покупателей на рубли обсчитываетъ. Случится къ казнѣ подъѣхать, и казну не помилуетъ, сумѣетъ и съ нея золотую щетинку сорвать. Плачутся на христолюбца обиженные, а ему и дѣла мало, сколачиваетъ денежку на черный день, подъ конецъ жизни сотнями тысячъ начнетъ ворочать, да разика два обанкрутится, по гривнѣ за рубль заплатитъ, и наживетъ милліонъ.... Приблизится смертный часъ, толстосумъ сробѣетъ, проситъ, молитъ наслѣдниковъ: „устройте душу мою грѣшную, не быть бы ей во тмѣ кромѣшной, не кипѣть бы мнѣ въ смолѣ горючей, не мучиться бы въ жупелѣ огненномъ". И начнутъ поминать христолюбца наслѣдники: сгромоздятъ колокольню въ семь ярусовъ, выльютъ въ тысячу пудовъ колоколъ, чтобы до третіяго небеси слышно было, какъ тотъ колоколъ будетъ вызванивать изъ ада душу христолюбца мощенника. Ризъ нашьютъ дородоровыхъ съ жемчугами да съ дорогими каменьями, такихъ что попу не въ моготу и носить ихъ, да и страшно — поручь одна какая-нибудь впятеро дороже всего поповскаго достоянья. Сотни рублей платятъ наслѣдники христолюбца голосистому протодьякону, чтобы такую „вѣчную память" съоралъ онъ по тятенькѣ, отъ какой бы и во адѣ всѣмъ чертямъ стало тошнехонько. И вызвонятъ, и вырevутъ такимъ способомъ грѣшную душу изъ вѣчныя муки....

Раскольникамъ такъ спасать родителей не доводится —

колокола, ризы и громогласные протодьяконы у нихъ возбраняются. Какъ же, чѣмъ же имъ сердечнымъ спасать душу тятенькину?.... Ну и спасаютъ ее отъ муки вѣчныя икрой да балыками, жертвуютъ всѣмъ что̀ есть на потребу бездоннаго иноческаго стомаха.... Посылай неоскудно скитскимъ отцамъ-матерямъ осетрину да севрюжину— несомнѣнно получитъ тятенька во всѣхъ плутовствахъ милосердное прощеніе. Вѣдь старцы да старицы мастера Бога молить: только деньги подавай да кормы посылай, любаго грѣшника изъ ада вымолятъ.... Оттого и не скудѣетъ въ скитахъ милостыня. Ѣлъ бы жирнѣй, да пилъ бы пьянѣй освященный чинъ—спасенье всякаго мошенника несомнѣнно.

Откушалъ Патапъ Максимычъ икорки да балычка, селедокъ переславскихъ, елабужской бѣлорыбицы. Вкусно—нахвалиться не можетъ, а игуменъ радъ-радехонекъ, что удалось почествовать гостя дорогаго. Дюковъ долго глядѣлъ на толстое звено балыка, крѣпился, взглядывая на паломника,—прорвало-таки, забылъ Великій Постъ, согрѣшилъ—оскоромился. Врагу дѣйствующу согрѣшили и старцы честные. Первымъ согрѣшилъ самъ игуменъ, глядя на него Михей со Спиридоніемъ. Паломникъ укрѣпился, не осквернилъ устъ своихъ рыбнымъ яденіемъ.

Покончивъ съ рыбными снѣдями, принялись за чай съ постнымъ молокомъ, то-есть съ ромомъ. Тутъ старцы отъ міранъ не отстали, воздержнѣй другихъ оказался тотъ же паломникъ.

Поразвеселились, языки развязались, пошла бесѣда откровенная, даже Дюковъ помаленьку зачалъ разговаривать.

— Что̀, отецъ Михаилъ, скучно чай въ лѣсу-то жить? спросилъ Патапъ Максимычъ у игумна.

— Распрелюбезное дѣло, касатикъ ты мой, отвѣчалъ

онъ. — Какъ бы отъ недобрыхъ людей не было опаски, лучше бы лѣснаго житья во всемъ свѣтѣ кажись не сыскать.... Злодѣи-то вотъ только шатаются иной разъ по здѣшнимъ мѣстамъ.... Десять годовъ тому какъ они гостить пріѣзжали къ намъ.... Памятки отъ тѣхъ гостинъ до сей поры у меня знать.... Погляди-ка вотъ ухо-то какъ было разсѣчено, прибавилъ онъ, снимая камилавку и приподнимая сѣдые волосы. А вотъ еще ихняя памятка, продолжалъ игуменъ, распахивая грудь и указывая на оставшіеся послѣ ожога бѣлые рубцы, — да вотъ еще перстами не двигаю съ тѣхъ поръ какъ они гвоздочки подъ ноготки забивали мнѣ.

И показалъ Патапу Максимычу два сведенные въ суставахъ пальца лѣвой руки.

— Какъ бы не страхъ отъ этихъ людей, какой бы еще жизни! продолжалъ отецъ Михаилъ.—Придетъ лѣто, птичекъ Божьихъ налетитъ видимо-невидимо, отъ зари до зари распѣваютъ онѣ на разные гласы, прославляютъ Царя Небеснаго.... Въ воздухѣ таково легко да пріятно, благоуханіе несказанное, цвѣточки цвѣтутъ, травки растутъ, звѣрки бѣгаютъ.... А выйдешь на Усту́, бредень закинешь, окуньковъ наловишь, линей, щучекъ, налимъ иной разъ въ вершу попадетъ.... Какого еще житья?... Зимней порой поскучнѣе, а все же нашего лѣснаго житья не промѣнять на ваше городское.... Вѣдь я, любезненькой мой, пятьдесятъ годовъ въ здѣшнихъ-то лѣсахъ живу. Четырнадцати лѣтъ въ пустыню пришелъ; неразумный еще былъ, голоусый, грамотѣ не зналъ.... Такъ промежъ людей въ міру-то болтался: бѣдность, нужда, нищета, выросъ сиротой, самый послѣдній былъ человѣкъ, а привелъ же вотъ Богъ обителью править: бéзъ году двадцать лѣтъ игуменствую, а допрежъ того въ келаряхъ десять лѣтъ высидѣлъ.... Какъ

же не любить мнѣ лѣсовъ, болѣзный ты мой, какъ мнѣ не любить ихъ?... Вѣдь они родные мои.

— Конечно, привычка, замѣтилъ Патапъ Максимычъ.

— Да, касатикъ мой, истинное слово ты молвилъ, отвѣчалъ отецъ Михаилъ. — Это, какъ у васъ въ мірѣ говорится: „привычка не рукавичка, на спичку ее не повѣсишь“. Всякому свое, до чего ни доведись.... Въ книзѣ животнѣй, яже на небеси, овому писано грады обладати, овому рать строити, овому въ корабляхъ моря преплывати, овому же куплю дѣяти, а наше дѣло о имени Христовѣ подаяніемъ христолюбцовъ питаться и о всѣхъ истинныхъ христіанахъ древляго благочестія молитвы приносити. Свѣтъ истинный вездѣ, и въ морѣ далече, и во градахъ и въ весяхъ, а нѣтъ мѣста ближе ко Христу-Свѣту какъ въ лѣсахъ да въ пустыняхъ, въ вертепахъ и пропастяхъ земныхъ. Такъ-то, касатикъ, такъ-то, родненькій!...

— Такъ у васъ въ обители, говоришь, Соловецкій чинъ содержится? спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Чинъ Соловецкій, любезненькій ты мой, а также и по духовной грамотѣ преподобнаго Іосифа Волоцкаго. Прежде всего о томъ тщаніе имѣемъ како бы во обители все было благообразно и по чину.... А ты, миленькій отецъ Спиридоній, налей-ка гостямъ еще по чашечкѣ, да ромку-то не жалѣй, старче!... Ну опять же, касатикъ ты мой, Патапъ Максимычъ, блюдемъ мы опасно дабы въ трапезѣ всѣ сидѣли со благоговѣніемъ и въ молчаніи.... Вѣдь святые-то отцы что̀ написали о монастырской трапéзѣ? „Яко, глаголютъ, святый жертвенникъ, тако и братская трапéза во время обѣда—равны суть“.... Да ты что осовѣлъ, отецъ Спиридоній, подливай гостямъ-то, не жалѣй обительскаго добра.... Ахъ ты, любезненькій мой Патапъ Максимычъ!... Вотъ принесъ Христосъ гостя нежданнаго да желаннаго!... А ужъ сколько заботъ да хлопотъ

о потребахъ монастырскихъ, и разсказать всего невозможно. И о пищѣ-то попекись и о питіи, объ одеждѣ и обущи, * и о монастырскомъ строеніи, и о кбняхъ и о скотномъ дворѣ, обо всемъ... А братіей-то править, думаешь легкое дѣло?... О-охъ, любезненькій ты мой, какъ бы зналъ ты нашу монастырскую жизнь.... Грѣхи, грѣхи наши!... Потчуй а ты, отецъ Спиридоній!... Да что же ушицу-то, ушицу?... Отецъ Михей, давай скорѣе, торопи на поварнѣ-то, гости-молъ ужинать хотятъ.

Минутъ черезъ пять казначей воротился, и за нимъ принесли уху изъ свѣжей рыбы, паровую севрюгу, осетрину съ хрѣномъ и кислую капусту съ квасомъ и свѣжепросольной бѣлужиной. Ужинъ пожалуй хоть не у старца въ кельѣ Великимъ Постомъ.

И старцы и гости, кромѣ паломника, всѣ согрѣшили— оскоромились. И вина разрѣшили во утѣшеніе довольно. Кончивъ трапезу, отецъ Михей да отецъ Спиридоній начали носомъ окуней ловить. Сильно разбирала ихъ дремота.

— Ты бы, отче, благословилъ отцамъ-то успокоиться, смотри глаза-то у нихъ совсѣмъ слипаются, молвилъ Стуколовъ, быстро взглянувъ на игумна.

— Инъ подите въ самомъ дѣлѣ, отцы, успокойтесь, Богъ благословитъ, молвилъ игуменъ.

Положивъ уставные поклоны и простившись съ игумномъ и гостями, пошли отцы вонъ изъ кельи. Только-что удалились они, Стуколовъ на лѣса свелъ рѣчь. Словоохотливый игуменъ разсказывалъ какое въ нихъ всему изобиліе: и грибовъ-то какъ много, и ягодъ-то всякихъ, помянулъ и про дрова, и про лыки, а потомъ тихонько, вкрадчивымъ голосомъ молвилъ:

---

* Обувь.

— А посмотрѣлъ бы ты, касатикъ мой Патапъ Максимычъ, чтò въ нѣдрахъ-то земныхъ сокрыто, отдалъ бы похвалу нашимъ палестинамъ.

— А чтò такое? спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Отъ другихъ потаю, отъ тебя не скрою, любезненькій ты мой, отвѣчалъ игуменъ. — Опять же у васъ съ Якимомъ Прохорычемъ, какъ вижу, дѣла-то одни.... Золото водится по нашимъ лѣсамъ—брать только надо умѣючи.

— Слыхалъ я про ваше ветлужское золото, сказалъ Патапъ Максимычъ,—только вѣры что-то нейметcя, отче святый....—Пробовали, слышь, топить его, одна гарь выходитъ.

— Это ему вечоръ Силантій насудачилъ, вступился Стуколовъ.

— Какой Силантій? спросилъ игуменъ.

— Да въ деревнѣ Лукерьинѣ Силантья Петрова развѣ не знаешь? молвилъ паломникъ.

— А, лукерьинскій!... Коротенька-Ножка?... Какъ не знать! отозвался игуменъ.—Да чего жь онъ въ этомъ дѣлѣ смыслитъ! Навалилъ, поди, песку въ горшокъ, да и ну калить.... Извѣстно этакъ окромѣ гари не выйдетъ ничего.... Тутъ, любезненькій мой, Патапъ Максимычъ, науку надо знать. Кого Богъ наукой умудрилъ, тотъ и можетъ за это дѣло браться, а темному человѣку, невѣгласу оно никогда не дается.... Читалъ ли „Шестодневъ" Василья Великаго? Тамъ о премудрыхъ-то хитрецахъ чтò сказано? „Тайны Господни имъ вѣдомы, еже въ пучинахъ морскихъ, еже въ нѣдрахъ земныхъ".

— Это такъ, отче, это ты вѣрно говоришь, сказалъ Патапъ Максимычъ. — Ну, такъ какъ же изъ того песку золото дѣлать?

— Не умудрилъ меня Господь наукой, касатикъ ты мой....

Куда мнѣ темному человѣку! Говорилъ вѣдь я тебѣ что и грамотѣ-то здѣсь въ лѣсу научился. Кой-какъ бреду. Писаніе читать могу, а насчетъ граматическаго да философскаго ученія тутъ ужь, разлюбезный ты мой, я ни при чемъ.... Да признаться и не разумѣю чтò такое за граматическое ученье, чтò за философія такая. Читалъ прò нихъ и въ книгѣ „Вѣрѣ“ и въ „Максимѣ Грекѣ,“ а что такое оно обозначаетъ, прости Христа ради, не знаю.

— Почему жь ты знаешь, отче, что изъ того песку можно золото дѣлать? спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Ахъ ты любезненькой мой!... Ахъ ты касатикъ!... восклицалъ отецъ Михаилъ.—А вотъ я тебѣ все пò ряду скажу. Ты вотъ у насъ въ часовнѣ-то за службой былъ, святыя иконы видѣлъ?

— Видѣлъ, отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.

— Хороши? спросилъ игуменъ.

— Нечего и толковать, отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.— Такого благолѣпія сроду не видалъ. У насъ, въ Городецкой часовнѣ супротивъ вашей—плевое дѣло.

— То-то же, сказалъ игуменъ.—А чѣмъ наши иконы позолочены? Все своимъ ветлужскимъ золотомъ. Погоди, вотъ завтра покажу тебѣ ризницу, увидишь и кресты золотые, и чаши, и оклады на Евангеліяхъ, все нашего ветлужскаго золота. Знамо дѣло такую вещь надо въ тайнѣ держать, сказываемъ, что все это приношеніе благодѣтелей.... А какіе тутъ благодѣтели?—Свое золото, доморощенное.

— Такъ неужель у тебя въ скиту про это дѣло вся братія знаетъ? сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Какъ возможно, любезненькій ты мой!... Какъ возможно, чтобы весь монастырь про такую вещь зналъ?... отвѣчалъ отецъ Михаилъ.— Въ огласку такихъ дѣловъ пускать не годится.... Слухъ-отъ по скиту ходитъ, много

болтаютъ, да пустыя рѣчи пустыми завсегда и остаются.— Видятъ песокъ, а силы его не знаютъ, не умѣютъ какъ за него взяться.... Пробовали, какъ Силантій же, въ горшкѣ топить, ну извѣстно ничего не вышло, послѣ того сами же нá смѣхъ стали поднимать кто пó лѣсу золотой песокъ сбираетъ.

— Какъ же, честный отче, сами-то вы съ нимъ справляетесь? спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Охъ ты любезненькій мой, охъ ты касатикъ мой!... Чтò мнѣ сказать-то ужь я, право, и не знаю, заминаясь отвѣчалъ отецъ Михаилъ, поглядывая то на паломника, то на Дюкова.

— Сказывай какъ есть, молвилъ Стуколовъ. — Таиться нечего, Патапъ Максимычъ въ долѣ по этому дѣлу.

— По золотому? спросилъ игуменъ, кидая смутный взглядъ на паломника.

— А по какому же еще? быстро подхватилъ Стуколовъ и слегка нахмурясь строго взглянулъ на отца Михаила.— Какія еще дѣла могутъ у тебя съ Патапомъ Максимычемъ быть? Не службу у тебя въ часовнѣ будетъ онъ править.... Другихъ дѣловъ съ нимъ нѣтъ и быть не должно.

— А я думалъ, что ты, любезненькой мой, съ Патапомъ Максимычемъ по всѣмъ дѣламъ заодно, пѣсколько смутившись молвилъ игуменъ.

Быстро Стуколовъ съ мѣста всталъ и торопливыми шагами прошелся по кельѣ. Незамѣтно для Патапа Максимыча легонько толкнулъ онъ игумна.

— Разкажи ему, отче, какъ вы съ пескомъ тѣмъ справляетесь, сказалъ онъ потомъ мягкимъ голосомъ.

— Да, ужь пожалуста повѣдай мнѣ, молвилъ Патапъ Максимычъ.—Богъ дастъ, заодно станемъ работàть.... Пріиски откроемъ.

— Ахъ ты любезненькій мой, ахъ ты касатикъ!...

всклекнулъ отецъ Михаилъ, обнимая Патапа Максимыча.— А ты вотъ облѣпихи-то рюмочку выкушай.—Изъ Сибири прислали благодѣтели, хорошая наливочка, попробуй... Расчудесная!

Патапъ Максимычъ выпилъ облѣпихи. Наливка оказалась въ самомъ дѣлѣ расчудесною.

— Ну такъ какъ же, отче?.. сказалъ онъ.—Какъ у насъ песокъ-отъ въ золото передѣлываютъ?

— Теперь у насъ такого знатока нѣтъ, отвѣчалъ игуменъ.—Былъ, да годовъ съ десятокъ померъ. — А нонѣ, любезненькой ты мой Патапъ Максимычъ, вотъ какъ мы дѣлаемъ. Я, грѣшный, да еще двое изъ братіи только и знаемъ про это дѣло. Лѣтней порой, тайкомъ отъ другихъ, мы и сбираемъ сколько Богъ приведетъ песочку, да по зимѣ въ Москву его и справляемъ.... А на Москвѣ есть у насъ други пріятели, въ этомъ дѣлѣ силу они разумѣютъ. Господь ихъ вѣдаетъ какою хитростью дѣлаютъ они изъ нашего песку золото, а на нашу долю сколько его причтется, деньгами высылаютъ... По наукѣ, касатикъ ты мой, по наукѣ, до этого доходятъ, а мы чтò? Люди слѣпые, темные, куда намъ разумѣть такую силу!...

Задумался Чапуринъ.... Обращаясь къ отцу Михаилу, сказалъ онъ:

— Вотъ и я тоже говорю Якиму Прохорычу: прежде испытать надо, а потомъ за дѣло браться.

— Справедлива рѣчь твоя, любезненькой ты мой, отвѣчалъ игуменъ,—справедливая рѣчь!... „Искуси и познай“, въ Писаніи сказано. Безъ испытанія нельзя.

— Вотъ и думаю я съѣздить въ городъ, сказалъ Патапъ Максимычъ,—тамъ дружокъ у меня есть, по эвтой самой наукѣ доточный. На царскихъ золотыхъ промыслахъ служилъ.... Дамъ ему песочку, чтобъ испробовалъ можно ль изъ него золото дѣлать.

— Чтò жь, съѣзди, съѣзди, любезненькой ты мой!.... Увѣрься!... Не соваться же и въ самомъ дѣлѣ въ воду, не спросясь броду? говорилъ игуменъ.

Паломникъ съ досады опять вскочилъ, пройдясь раза два по кельѣ, сердито онъ взглянулъ на отца Михаила и вышелъ.

— А много ль примѣрно каждый годъ наберете вы этого песку? спросилъ Патапъ Максимычъ игумна.

— Да чтò наше дѣло! Совсѣмъ пустое, отвѣчалъ отецъ Михаилъ.—Ино лѣто чуть не полпуда наберешь, а пользы всего цѣлковыхъ на сто, либо на полтораста получишь....

— Чтò такъ мало? спросилъ Патапъ Максимычъ. — Вѣдь золота пудъ на плохой конецъ двѣнадцать тысячъ цѣлковыхъ.

— Ахъ, ты любезненькой мой!... Чтò же намъ дѣлать-то? отвѣчалъ игуменъ. — Дѣло наше заглазное. Кто знаетъ много ль у нихъ золота изъ пуда выходитъ?... Какъ повѣрить?... Чтò дадутъ, и за то спаси ихъ Христосъ Царь Небесный.... А вотъ какъ бы намъ съ тобой да настоящіе промыслà завести, да дѣло-то бы дѣлать не тайкомъ, а съ вѣдома начальства, куда бы много пользы получили.... Можетъ-статься не одну бы сотню пудовъ чистаго золота каждый годъ получали....

Смолкъ Патапъ Максимычъ. Погрузился онъ въ разсчеты. Между тѣмъ вошелъ Стуколовъ и еще суровѣй взглянулъ на отца Михаила. Тотъ вздохнулъ тяжело, опустилъ на лобъ камилавку и потупилъ глаза.

— Чтò же? Какое теперь будетъ твое рѣшенье? спросилъ у Патапа Максимыча Стуколовъ.

— Да я не прочь, только напередъ съѣзжу увѣриться, отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.

— Когда поѣдешь? спросилъ паломникъ.

— Отсюда прямо, отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.

Пѣтухи запѣли, отецъ Михаилъ съ мѣста поднялся.

— Ахти, закалякался я съ тобой, разлюбезной ты мой Патапъ Максимычъ, сказалъ онъ.—Слышь вторы кочета поютъ, а мнѣ къ утрени надо вставать.... Простите, гости дорогіе, усните, успокойтесь.... Отецъ Спиридоній все изготовилъ про васъ: тебѣ, любезненькой мой Патапъ Максимычъ вотъ въ этой келійкѣ постлано, а здѣсь налѣво Якиму Прохорычу съ Самсономъ Михайлычемъ. Усни во здравіе, касатикъ мой, а завтра съ утра въ баньку пожалуй.... А что̀, на сонъ-отъ грядущій, мадерцы рюмочку не искушаешь ли?

Патапъ Максимычъ съ Дюковымъ выпили по рюмкѣ, выпилъ и гостепріимный хозяинъ. Паломникъ мрачно простился съ отцомъ Михаиломъ.

—

Крѣпко полюбился игуменъ Патапу Максимычу. Больно по нраву пришлись и его простодушное добросердечіе, его на каждомъ шагу замѣтная домовитость и умѣнье вести хозяйство, а пуще всего то что умѣетъ людей отличать и почетъ воздавать кому слѣдуетъ. „На все гораздъ, думалъ онъ, укладываясь спать на высоко взбитой перинѣ: молебенъ ли справить, за чарочкой ли побесѣдовать.... Постоянный старецъ!... Надо наградить его хорошенько!“

Увѣренія игумна насчетъ золота пошатнули нѣсколько въ Патапѣ Максимычѣ сомнѣнье, возбужденное разговорами Силантья. „Не станетъ же врать старецъ Божій, не станетъ же душу свою ломать—не таковъ онъ человѣкъ“, думалъ про себя Чапуринъ и рѣшилъ непремѣнно приняться за золотое дѣло, только испробуетъ купленый песокъ. „Самъ игуменъ совѣтуетъ, а онъ человѣкъ обсто-

ятельный, не то что̀ Яким торопыга. Ему бы все то̀тчасъ вынь да положь".

Въ думахъ о ветлужскихъ сокровищахъ сладко заснулъ Патапъ Максимычъ, богатырскій храпъ его скоро раздался по гостиницѣ. Паломникъ и Дюковъ еще не спали, и заслышавъ храпъ сосѣда, тихонько межъ собой заговорили.

— Экъ его стараго хрѣна дернуло! шепталъ паломникъ.— Чѣмъ бы завѣрять да уговаривать, а онъ въ городъ совѣтуетъ: „Поѣзжай, увѣрься!" Кажется все толкомъ писалъ къ нему съ Силантьевымъ сыномъ—такъ вотъ поди же ты съ нимъ.... Совсѣмъ изъ ума выступилъ!

— Что̀ жь, пущай его съѣздить, молвилъ Дюковъ.

— Пущай съѣздитъ! передразнилъ паломникъ пріятеля.—А что Силантій-отъ продалъ ему? Какой у него песокъ-отъ?

— Мяконькой? улыбнувшись спросилъ Дюковъ.

— То-то и есть, отвѣтилъ Якимъ Прохорычъ. — Надо дѣло поправлять.

— Надо, согласился Дюковъ.

— Ты вотъ что̀ сдѣлай, говорилъ паломникъ.—Въ баню съ нимъ вмѣстѣ ступай, подольше его задерживай, я управлюсь тѣмъ временемъ. Смекаешь?

— Ладно, сказалъ Дюковъ.

— Сибирскимъ подмѣню, настоящимъ.

— Понимаю.

— Цѣлковыхъ на триста отсыпать придется, ворчалъ Стуколовъ.—Ишь оно пустое-то мелево чего сто̀итъ!... Триста цѣлковыхъ не щепки.... Поди-ка выручай потомъ.

— Выручишь! сказалъ Дюковъ.

— Выручимъ ли съ Патапа, нѣтъ ли, а завтра же я триста цѣлковыхъ со стараго болтуна справлю... Эка языкъ-отъ не держится.... Слышалъ?... Вѣдь онъ чуть-чуть про картинки не брякнулъ....

— Да.... Я, признаться, струхнулъ, молвилъ Дюковъ.

— Писано было ему, старому псу, подробно все писано: и какъ у воротъ подольше держать, и какую службу справить, и какъ принять, и чтò говорить, и про рыбную пищу писано и про баню, про все. Прямехонько писано, чтобъ окромѣ золотаго песку никакихъ рѣчей не заводилъ.—А онъ гляди-ка ты!

— Да, согласился Дюковъ.

— Хоть бы тысченокъ десять съ Патапа слупить, молвилъ паломникъ.—И за то бы можно было благодарить Создателя.... Ну, да утро вечера мудренѣе—прощай, Самсонъ Михайлычъ.

— Спокойной ночи, отвѣчалъ зѣвая полусонный Дюковъ и повернувшись нà бокъ заснулъ.

Но паломникъ еще долго ворочался на тюфякѣ—жаль было ему разставаться съ сибирскимъ пескомъ.

Поднялись ранехонько, на зарѣ, часу въ шестомъ. Только узналъ игуменъ что гости поднимаются, самъ поспѣшилъ въ гостиницу, а тамъ отецъ Спиридоній ужь возится вкругъ самовара.

— Чтò, гости дорогіе, каково спали-ночевали, весело ль вставали? радушно улыбаясь привѣтствовалъ Патапа Максимыча съ товарищами отецъ Михаилъ.

— Важно спали, честный отче! отвѣтилъ Патапъ Максимычъ.—Ужь такъ ты насъ упокоилъ, такъ уважилъ что вó-вѣки не забуду.

— Ахъ, ты любезненькой мой!... говорилъ игуменъ, обнимая Патапа Максимыча.—Касатикъ ты мой!... Клопы-то не искусали ли?... Давно гостей-то не бывало, поди гóлодны, собаки.... Да не мало ль у васъ сугрѣву въ кельѣ-то было?... Никакъ студено?... Отецъ Спиридоній, вели-ка мальцу печи поскорѣе вытопить, да чтобы скуталъ ихъ вó-время, угару не напустилъ бы.

Молча поклонился гостиникъ и поспѣшилъ исполнить велѣніе настоятеля.

— А въ баньку-то? спросилъ игуменъ Патапа Максимыча.—Ужь опарили.... Коли жарко любишь, теперь бы шелъ. Мы грѣшные за часы пойдемъ, а ты тѣмъ временемъ попарься.

По строгому монастырскому уставу, чтò содержится въ скитахъ, баня не дозволяется. Мыться въ банѣ, купаться въ рѣкѣ, обнажать свое тѣло — великій грѣхъ; а ходить вѣкъ свой въ грязи и всякой нечистотѣ—богоугодный подвигъ, подъятый ради умерщвленія плоти. Возненавидь тѣло свое, смиряй его постомъ, бдѣніемъ, безчетными земными поклонами, наложи на себя тяжелыя вериги, веселись о каждой ранѣ, о каждой болѣзни, держи себя въ грязи и съ радостью отдавай тѣло на кормленіе насѣкомымъ—вотъ завѣтъ византійскихъ монаховъ, перенесенный святошами и въ нашу страну. Но не весь этотъ завѣтъ исполняется. Старые народные обычаи крѣпко держатся, и баня съ вѣниками, которымъ, говорятъ, еще апостолъ Андрей дивовался на Ильмени, удержалась и въ пустыняхъ, и въ монастыряхъ, несмотря на греческія проклятья. Не ходятъ въ баню лишь тѣ скитскіе жители, чтò самое подвижное житіе провождаютъ, да и тѣ ину пору не могутъ устоять противъ „демонскаго стрѣлянія“ — парятся.

Въ Красноярскомъ скиту отъ бани никто не отрекался, а самъ игуменъ ждетъ бывало не дождется субботы, чтобъ хорошенько пропарить грѣшную плоть свою. Отъ того банька и была у него построена на славу: большая, свѣтлая, просторная, съ липовыми полкáми и лавками, мѣнявшимися чуть не каждый годъ.

Узнавъ изъ письма присланнаго паломникомъ изъ Лукерьина, что Патапа Максимыча хоть обѣдомъ не корми, только выпарь хорошенько, отецъ Михаилъ тóтчасъ по-

слалъ въ баню троихъ трудниковъ съ скобелями и рубанками, и велѣлъ имъ какъ можно чище и глаже выстрогать всю баню—и полки́, и лавки, и полъ, и стѣны, чтобы вся была какъ новая. Чуть не съ по́лночи жарили баню, варили щелоки, кипятили квасъ съ мятой для распариванья вѣниковъ и поддаванья на каменку.

Диву дался Патапъ Максимычъ войдя въ баню, уваженіе его къ отцу Михаилу удвоилось. Такой баней сроду никто не угощалъ его. Въ передбанникѣ на лавкахъ высоко́, въ нѣсколько рядовъ, наложены были кошмы, покрытыя бѣлыми простынями, весь полъ устланъ войлоками, а на нихъ раскидано пахучее сѣно, крытое тоже простынями. Въ банѣ на полкахъ и на лавкахъ настланы были обданные кипяткомъ калуферъ, мята, чаберъ, донникъ * и другія пахучія травы. На лавкахъ лежали вѣники, стояли мѣдные луженые тазы со щелокомъ и взбитымъ мыломъ, а рядомъ съ ними большіе туеса̀, ** налитые подогрѣтымъ на мятѣ квасомъ для окачиванія передъ тѣмъ какъ лѣзть на полокъ. На особомъ, крытомъ скатертью столикѣ разложены были суконки, мелко расчесанныя вехо́тки *** и куски казанскаго яичнаго мыла.

— Сумѣлъ банькой употчивать отецъ игуменъ, молвилъ Патапъ Максимычъ дюжимъ бѣльцамъ, посланнымъ его парить.—Вотъ баня такъ баня, хоть царю въ такой париться. Ай да отецъ Михаилъ!

Двѣ пары вѣниковъ охлыстали бѣльцы о Патапа Максимыча, а онъ таялъ въ восторгѣ да покрикивалъ:

---

* Калуферъ или кануферъ—*balsamita vulgaris*; чаберъ—*satureia hortensis*; донникъ—*melilolus officinalis*.

** Буракъ сдѣланный изъ бересты съ тугою деревянною крышкой.

*** Вехотка—пучокъ расчесаннаго мочала. Суконка—лоскутъ сукна или байки, которымъ мылятся.

— Поддавай, поддавай еще!... Прибавь парку, миленькіе!... У, жарко!... Поддавай, а ты поддавай!...

И дюжіе бѣльцы, не жалѣя мятнаго квасу, плескали на спорникъ * ту́есъ за ту́есомъ, и не жалѣя Патапа Максимыча, изо всей силы хлыстали его какъ огонь жаркими вѣниками.

Вдругъ Патапъ Максимычъ прыгнулъ съ полка и стремглавъ кинулся къ дверямъ. Распахнувъ ихъ, вылетѣлъ вонъ изъ бани и бросился въ сугробъ. Снѣгъ обжегъ раскаленное тѣло, и съ громкимъ гоготаньемъ началъ Чапуринъ валяться по сугробу. Минуты черезъ двѣ вбѣжалъ назадъ и прямо на полóкъ.

— Хлыщи жарче, ребятушки!... Поддавай, поддавай, миленькіе!... кричалъ онъ во всю мочь, и бѣльцы принялись хлыстать его пуще прежняго.

Три раза валялся въ сугробѣ Патапъ Максимычъ, дюжину вѣниковъ охлыстали объ него здоровенные бѣльцы, цѣлый жбанъ холоднаго квасу выпилъ онъ, запивая банный паръ, насилу-то насилу отпарился.

И когда легъ въ передбанникѣ на разостланныя кошмы, совсѣмъ умилился душой, вспоминая гостепріимнаго игумна.

— На все гораздъ отецъ Михаилъ, говорилъ онъ Дюкову,—а ужь насчетъ бани, просто сказать, первый человѣкъ на свѣтѣ.

— Старецъ хорошій, чуть слышно промычалъ Дюковъ и задремалъ на кошмѣ. Онъ тоже упарился.

Между тѣмъ какъ Патапъ Максимычъ наслаждался въ банѣ, паломникъ, разсчитавъ время, тихими стопами вышелъ изъ часовни и отправился въ гостиницу. Тамъ за-

* Крупный булыжникъ въ банной каменкѣ; мелкій зовется „конопляникомъ“.

перся изнутри и вошелъ въ келью гдѣ ночевалъ Патапъ Максимычъ. Порывшись въ его пожиткахъ, скоро нашелъ пузырекъ взятый у Силантья. Стуколовъ поспѣшно его опорожнилъ и насыпалъ своимъ пескомъ. Положивъ пузырекъ на прежнее мѣсто, паломникъ преспокойно отправился въ часовню и тамъ усердно сталъ перебирать лѣстовку, искоса взглядывая на игумна. Взоры ихъ наконецъ встрѣтились. Смутившійся игуменъ возвелъ очи горѣ.

Въ келарнѣ потрапезовали, когда Патапъ Максимычъ съ Дюковымъ воротились изъ бани. Игуменъ поспѣшилъ въ гостиницу.

— Ну, банька же у тебя, отче!... сказалъ Патапъ Максимычъ, низко кланяясь отцу Михаилу.—Спасибо.... Вотъ уважилъ, такъ уважилъ!...

— Ахъ, ты любезненькой мой! Ахъ, ты касатикъ мой! восклицалъ игуменъ, обнимая Патапа Максимыча. — Уже не взыщи Христа ради на убогихъ нашихъ недостаткахъ... Мы ото всей души, родненькой.... Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.

— Не ложно скажу тебѣ, отче, сроду такъ не паривался. Ужь такая у тебя банька, такая банька, что разсказать невозможно... говорилъ Патапъ Максимычъ.

— Послѣ баньки-то выкушать надо, молвилъ игуменъ, наливая рюмку сорокотравчатой,—да и за столъ милости просимъ. Не взыщи только, любезненькой ты мой Патапъ Максимычъ.

Обѣдъ былъ поданъ обильный, кушаньямъ счету не было. На первую перемѣну поставили разные пироги постные и рыбные. Была кулебяка съ пшеномъ и грибами, была другая съ визигой, жирами, молоками и сибирской осетриной. Кругомъ ихъ, ровно малыя дѣтки вкругъ родителей, стояли блюдца съ разными пирогами и пряженцами. Какихъ тутъ не было!... И кислые подовые на орѣховомъ маслѣ, и пряженцы съ семгой, и ватрушки съ грибами,

и оладьи съ зернистой икрой, и пироги съ тѣльнымъ изъ щуки. Управились гости съ первой перемѣной, за вторую принялись: для постника Стуколова поставлены были лапша соковая да щи съ грибами, а разрѣшившимъ постъ уха изъ жирныхъ ветлужскихъ стерлядей.

— Покушай ушицы-то, любезненькой ты мой, угощалъ отецъ Михаилъ Патапа Максимыча,—стерлядки кажись ничего себѣ, подходящія, говорилъ онъ, кладя въ тарелку дорогому гостю два огромныя звена янтарной стерляди и налимьи печенки. За ночь нарочно гонялъ на Ветлугу къ ловцамъ. Отъ насъ вѣдь рукой подать, верстъ двадцать. Заходятъ и въ нашу Усту стерлядки, да не часто.... Растегайчиковъ къ ушицѣ-то!... Кушайте, гости дорогіе.

Отработалъ Патапъ Максимычъ и ветлужскую уху и растегайчики. Потрудились и сотрапезники, не успѣли оглянуться какъ блюдо растегаевъ исчезло, а въ мискѣ на донышкѣ лежали однѣ стерляжьи головки.

— Винца-то, любезненькой ты мой, винца-то благослови, подчивалъ игуменъ, наливая рюмки портвейна. — Толку-то я мало въ заморскихъ винахъ понимаю, а люди пили да похваливали.

Портвейнъ оказался въ самомъ дѣлѣ хорошимъ, Патапъ Максимычъ не заставилъ гостепріимнаго хозяина много просить себя.

Новая перемѣна явилась на столъ—блюда россольныя.... Тутъ опять явились стерляди разварныя съ солеными огурцами, да морковью, кромѣ того поставлены были осетрина холодная съ хрѣномъ, да бѣлужья тёшка съ квасомъ и капустой, тавранчукъ осетрій, щука подъ чеснокомъ и хрѣномъ, нельма съ солеными подновскими огурцами, а постнику грибы разварные съ хрѣномъ, да тертый горохъ съ орѣховымъ масломъ, да каша соковая съ маковымъ масломъ.

За россольной перемѣной были поданы жареная осетрина, лещи начиненные грибами и непомѣрной величины караси. Затѣмъ сладкій пирогъ съ вареньемъ, левашники, оладьи съ сотовымъ медомъ, сладкіе кисели, кіевское варенье, ржевская пастила, и отваренные въ патокѣ дыни, арбузы, груши и яблоки.

Такой обѣдъ закатилъ отецъ Михаилъ.. А приготовлено все было хоть бы Никитишнѣ въ пору. А наливки одна другой лучше: и вишневка, и ананасная, поляниковка, и морошка, и царица всѣхъ наливокъ, благовонная сибирская облепиха. * А какое пиво монастырское, какіе меда ставленные—чудо. Таково было „учрежденіе“ гостямъ въ Красноярскомъ скиту.

Насилу перетащились отъ стола до постелей, Патапъ Максимычъ какъ завелъ глаза такъ и пустилъ храпъ и свистъ на всю гостиницу. Отецъ Михей да отецъ Спиридоній едва въ силу убрались по кельямъ, возсылая хвалу Создателю за дарованіе гостя, ради коего разрѣшили они надокучившее сухоядѣніе, смѣнили гороховую лапшу на диковинныя стерляди и другія лакомыя яства. Отецъ Михаилъ, угощая другихъ, и себя не забывалъ. Не пошелъ онъ къ себѣ въ келью, а кой-какъ дотащившись до постели паломника, заснулъ богатырскимъ сномъ, поохавъ передъ тѣмъ маленько и сотворивъ не одинъ разъ молитву: „согрѣшихъ предъ Тобою Господи чревоугодіемъ, піанственнаго питія вкушеніемъ, объяденіемъ, невоздержаніемъ“....

Дюковъ тоже завалился на боковую. Одинъ только постникъ Стуколовъ остался свѣжимъ и бодрымъ.... Когда сотрапезники потащились къ постелямъ, презрительно

---

* Поляника или княженика—*rubus arcticus;* облепиха—*huppophea rhamnoides,* растетъ только за Уральскими горами.

поглядѣлъ онъ на объѣвшихся, сѣлъ за столъ и принялся письма писать.

Часа черезъ полтора игуменъ и гости проснулись. Отецъ Спиридоній притащилъ огромный мѣдный кунганъ съ холоднымъ игристымъ малиновымъ медомъ, его не замедлили опорожнить. Послѣ того отецъ Михаилъ сталъ показывать Патапу Максимычу скитъ свой....

И братскія кельи, и хозяйственныя постройки срублены были изъ толстаго кондоваго лѣса, а часовня, келарня и настоятельская „стая" изъ такой лиственницы, что ее облюбовалъ бы каждый строитель корабля. Все было пригнано въ плотную, ничего не покосилось, ничего не выдалось ни впередъ, ни назадъ. Не было на кельяхъ ни вышекъ, ни теремковъ, никакихъ другихъ украшеній, за то глядѣли онѣ богатырскими покоями. Внутри келій не было такъ приглядно и нарядно какъ въ женскихъ скитахъ: большіе, тяжелые столы, широкія лавки на толстыхъ, въ цѣлое бревно ножкахъ, изразцовыя печи и деревянныя столярной работы божницы въ углахъ, вотъ и все внутреннее убранство. Ни зеркальца, ни картинки на стѣнѣ, ни занавѣски, ни горшковъ съ бальзаминомъ и розанелью на окнахъ, столь обычныхъ въ Комаровѣ и другихъ Чернораменскихъ обителяхъ, въ заводѣ не было у красноярской братіи. Только и было сходства съ женскими скитами въ опрятности и удушливомъ запахѣ ладана и восковыхъ свѣчъ. Въ сѣняхъ между кельями понастроено было несчетное число чулановъ, отдѣлявшихся не жиденькими перегородками, а толстыми мшенными срубами. И вездѣ такъ широко и просторно. Не то что̀ въ кельѣ, въ каждомъ чуланѣ съ привольемъ могла бы помѣститься любая крестьянская семья изъ степныхъ, безлѣсныхъ нашихъ губерній.

У отца Михаила заведенъ былъ особый порядокъ: об-

щежитіе шло на ряду съ собственнымъ хозяйствомъ старцевъ. И монахи, и бѣльцы получали отъ обители пищу и одежду, но каждый имѣлъ и свои деньги. На эти деньги и ѣли послаще въ своихъ кельяхъ и платье носили получше того какое каждый годъ раздавалъ имъ казначей. Большею частью старцы Божьи изводили свои денежки на „утѣшеніе“, то-есть на чай да на хмѣльное и разныя къ нему закуски. Рѣдкій день бывало пройдетъ чтобъ честные отцы не сбирались у кого-нибудь вкупѣ: чайку попить, пображничать, да отъ Писанія побесѣдовать; а праздникъ придетъ, у игумна утѣшаются, либо у казначея. Такъ и коротали дни свои небесные ангелы, земные же человѣки, проводя время то на молитвѣ, то на работѣ, то за утѣшеніемъ. Монастырь былъ богатый, и братія весело поживала во всякомъ довольствѣ и даже избыткѣ.

На конный дворъ пошли, тамъ стояли лошади рослыя, жирныя, откормленныя, шерсть на нихъ такъ и лоснится. Сыплютъ имъ овса, задаютъ сѣна безъ счету, безъ мѣры, за то и кони были не чета деревенскимъ, мужичьимъ клячамъ, слоны слонами. На что хороши разгонныя лошади у Патапа Максимыча, да нѣтъ, далеко имъ до игуменскихъ. Заглянули въ сараи, тамъ телѣги здоровенныя, кибитки съ кожаными верхами и юфтовыми за́понами, казанскіе тарантасы, и все это на желѣзныхъ осяхъ съ шинами въ два пальца толщиной, все таково крѣпко да плотно сработано и все такое новое, ровно сегодня изъ мастерской.... Отправились на скотный дворъ, тамъ десятка четыре рослыхъ, жирныхъ холмогорскихъ коровъ, любо дорого посмотрѣть, каждая корова Тамбовской барыней смотритъ. А на птичномъ дворѣ куры всѣхъ возможныхъ породъ, отъ великановъ голландокъ до крошекъ шпанокъ. Въ особомъ помѣщеньи содержались гуси, утки,

индѣйки, цесарки, это ужь такъ для охоты, и ради „утѣшенья“ мірскихъ гостей, посѣщавшихъ честную обитель во время мясоѣдовъ.

Въ работныя кельи зашли, тамъ на монастырскій обиходъ всякое дѣло дѣлаютъ: въ одной кельѣ столярничаютъ и точатъ, въ другой бондарь работаетъ, въ третьей слесарня устроена, въ четвертой иконописцы пишутъ, а тамъ пекарня, за ней квасная. Въ сторонѣ кузница поставлена. И вездѣ кипитъ безустанная работа на обительскую потребу, а иное чтò и на продажу.... Еще была мастерская у отца Михаила, только онъ ея не показалъ.

— Домовитый же ты хозяинъ, отецъ Михаилъ, сказалъ Патапъ Максимычъ, возвращаясь въ гостинницу. — Къ тебѣ учиться ѣздить нашему брату.

— Охъ, ты любезненькой мой! восклицалъ игуменъ.— Какой ты, право! Ужь куда тебѣ у нашего брата, убогаго чернца, учиться. Это ты такъ, только ради любви говоришь... Конечно, живемъ подъ святымъ покровомъ Владычицы, нужды по милости христолюбцевъ, нашихъ благодѣтелей, не терпимъ, а чтобъ учиться тебѣ у насъ хозяйствовать, это ты напрасное слово молвилъ.

— Не обыкъ я, зря, съ вѣтру говорить, отецъ Михаилъ, рѣзко подхватилъ Патапъ Максимычъ.—Коли говорю, значитъ дѣло говорю.

— Ну, ну, касатикъ ты мой! ублажалъ его игуменъ, замѣтивъ подавленную вспышку недовольства. —Ну, Христосъ съ тобой... На утѣшительномъ словѣ благодаримъ.

И низко, пренизко поклонился Патапу Максимычу.

— Живетъ у меня молодой парень, на всѣ дѣла руки у него золотыя, спокойнымъ голосомъ продолжалъ Патапъ Максимычъ — Прикащикомъ его сдѣлалъ по токарнямъ, отчасти по хозяйству. Больно приглянулся онъ мнѣ—башка разумная. А я старъ становлюсь, сыновьями

Господь не благословилъ, помощниковъ нѣтъ, вотъ я хочу я этому самому прикащику не вдругъ, а такъ, знаешь исподоволь, помаленьку домовое хозяйство на руки сдать... А тамъ чтд Богъ дастъ....

— Чтд жь, дѣло доброе, коли человѣкъ надежный. Облегченіе отъ трудовъ получишь, болѣзный ты мой, говорилъ отецъ Михаилъ.

— Надежный человѣкъ, молвилъ Патапъ Максимычъ.— А говорю это тебѣ, отче, къ тому, что если Богъ дастъ, увѣрюсь я въ нашемъ дѣлѣ, такъ я этого самаго Алексѣя къ тебѣ съ извѣстьемъ пришлю. Онъ про это дѣло знаетъ, передъ нимъ не таись. А какъ будетъ онъ у тебя въ монастырѣ, покажи ты ему все свое хозяйство, поучи парня-то... И ему пригодится, и мнѣ на пользу будетъ.

— Ладно, хорошо, любезненькой ты мой, все покажу, обо всякомъ дѣлѣ разскажу, отвѣчалъ игуменъ.—Чтд жь какъ ты располагаешься?.... Въ городъ отсюда?

— Сегодня же въ городъ, сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Погости у насъ убогихъ, гость нежданный да желанный, побудь съ нами денекъ-другой, дай наглядѣться на себя, любезненькой ты мой, уговаривалъ отецъ Михаилъ.

Но Патапъ Максимычъ не внималъ уговорамъ и велѣлъ запрягать лошадей.

На разставаньи, написалъ онъ записочку и подалъ ее отцу Михаилу.

— Пошли ты, отче, съ этой запиской работника ко мнѣ въ Красную Рамень на мельницу, сказалъ онъ,—тамъ ему отпустятъ десять мѣшковъ крупчатки... Это честнѝй братіи ко Христову дню на куличи, а вотъ это на сыръ да на красны яица.

И вручилъ отцу Михаилу четыре сотенныхъ.

— Ахъ, ты любезненькой мой!... Ахъ, ты кормилецъ нашъ! восклицалъ отецъ Михаилъ, обнимая Патапа Ма-

ксимыча и цѣлуя его въ плечи.—Пошли тебѣ Господи добраго здоровья и успѣха во всѣхъ дѣлахъ твоихъ за то что памятуешь сира и убога.... Ахъ, ты касатикъ мой!.... Да что̀ это право мало ты погостилъ у насъ. Проглянулъ какъ молодой мѣсяцъ, глядь, анъ ужь и нѣтъ его....

— Нельзя, отче, нельзя, пора мнѣ, и то замѣшкался... Дома есть нужныя дѣла, отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.

— Не забудь же насъ, убогихъ, не покинь святую обитель.... Охъ, ты любезненькой мой!... Постой-ка, я на дорогу бутылочку тебѣ въ сани-то положу... Эй, отецъ Спиридоній!... Положи-ка въ кулечекъ облепихи бутылочки двѣ, либо три, полюбилась давеча она благодѣтелю-то, да поляниковки положь да морошки.

— Напрасно, отче, право напрасно, отговаривался Патапъ Максимычъ, но долженъ былъ принять напутственные дары отца игумна.

Паломникъ съ утра еще жаловался что ему не здоровится. За обѣдомъ почти ничего не ѣлъ и вовсе не пилъ. Когда отецъ Михаилъ водилъ Патапа Максимыча по скиту, онъ прилегъ, а теперь слабымъ, едва слышнымъ голосомъ увѣрялъ Патапа Максимыча, что совсѣмъ разнемогся: головы не можетъ поднять.

— Поѣзжай ты въ городъ съ Самсонъ Михайлычемъ, говорилъ онъ,—а я здѣсь, Богъ дастъ, пообмогусь какънибудь.... Авось эта хворь не къ великой болѣзни.

— Да какъ же мы безъ тебя, Якимъ Прохорычъ?... заговорилъ было Патапъ Максимычъ.—Съ тобой-то бы лучше, ты бы и самъ увѣрился.... Дѣло-то было тогда безъ всякаго сумнѣнія.

— И теперь знаю что оно безо всякаго сумнѣнія, ты вѣдь только Ѳома невѣрный, сказалъ Стуколовъ.—Нѣтъ, не поѣду.... не смогу ѣхать, головушки не поднять.... Охъ!...

Такъ и горитъ на сердцѣ, а въ голову ровно молотомъ бьетъ....

— Когда жь свидимся? спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Да ужь видно надо будетъ въ Осиповку пріѣхать къ тебѣ, со стонами отвѣчалъ Стуколовъ.—Коли Господь подниметъ, праздникъ-отъ я у отца Михаила возьму.... Охъ!... Господи помилуй!... Стрѣльба-то какая!... Хворому человѣку какъ теперь по распутицѣ ѣхать?.., Охъ.... Заступнице усердная!... А тамъ на Ѳоминой къ тебѣ буду..., Охъ!... Уксусу бы мнѣ что ли къ головѣ-то, либо капустки кочанной?...

Отецъ Спиридоній и уксусу и кочанной капусты принесъ. Стуколову обложили голову, но онъ начиналъ бредить, заговорилъ объ Опоньскомъ царствѣ, объ Египтѣ, о Бѣлой-Криницѣ.

— Эка бѣдняга! какъ его размочалило. Глядика-сь! тужилъ стоя Патапъ Максимычъ.

Дѣлать нечего, поѣхалъ съ однимъ Дюковымъ.

Отецъ игуменъ со всею братіей соборнѣ провожалъ новаго монастырскаго благодѣтеля. Сначала въ часовню пошли, тамъ канонъ въ путь шествующихъ справили, а оттуда до воротъ шли пѣши. За воротами еще разъ перепрощался Патапъ Максимычъ съ отцомъ Михаиломъ и со старшими иноками. Напутствуемый громкими благословеньями старцевъ и громкимъ лаемъ бросавшихся за повозками монастырскихъ псовъ, рѣзво покатилъ онъ по знакомой уже дорожкѣ.

—

Проводивъ гостя, отецъ Михаилъ пошелъ въ гостиницу къ разболѣвшемуся паломнику.

— Ахъ ты старый дуракъ! вскричалъ больной, вскочивъ съ мѣста и швырнувъ съ головы капусту.—И рѣчью гово-

рено тебѣ и на письмѣ тебѣ писано, а ты, кисельная твоя голова, чтò надѣлалъ?... А?...

— Чтò жь я такого надѣлалъ, Якимушка?... Кажись дѣло-то клеится, трусливо говорилъ отецъ Михаилъ.

— Клеится! передразнилъ игумна Стуколовъ.—Клеится! Шайтанъ что ли тебѣ въ уши-то дунулъ уговаривать его въ городъ ѣхать? Для того развѣ я привозилъ его? Ахъ ты безумный, безумный, шитая твоя рожа, вязаный носъ!

— Да чтò жь ты ругаешься, Якимушка?... Вѣдь онъ и безъ того хотѣлъ въ городъ ѣхать, оправдывался игуменъ.—Какъ же бы я перечить-то сталъ ему, самъ разсуди.

— Твое дѣло было увѣрять его, тебѣ надо было говорить, что въ городъ нé по что ѣздить.... А ты чтò понесъ?... Эхъ ты, фофанъ, въ землю вкопанъ!... Ну еслибъ онъ сунулся въ городъ съ Силантьевскимъ-то пескомъ?... Самъ знаешь каковъ онъ.... Пропали бъ тогда всѣ мои труды и хлопоты.

— Прости Христа ради, отвѣчалъ отецъ Михаилъ.— Признаться, этого мнѣ и на умъ не вспадало.

— То-то и есть. На умъ ему не вспадало!... Эхъ ты сосновая голова, а еще игуменъ!... Поглядѣть на тебя, съ бороды какъ есть Авраамъ, а на дѣлѣ сосновый чурбанъ, продолжалъ браниться паломникъ.—Знаешь ли ты, старый хрычъ, что твоя болтовня, худо, худо, мнѣ въ триста серебромъ обошлась?... Да эти деньги у меня, братъ, не пропащія, ты мнѣ ихъ вынь да положь.... Много ли далъ Патапъ на яица?... Подавай сюда....

— Да ты постой, погоди, не сбивай меня съ толку, молилъ отецъ Михаилъ, отмахиваясь рукою.—Скажи путемъ про какія ты деньги поминаешь?...

— Какъ бы ему не совѣтовалъ въ городъ ѣхать, онъ бы не вздумалъ этого, сказалъ Стуколовъ. — Чапуринъ совсѣмъ въ тебѣ увѣрился, стоило тебѣ слово сказать, ни

за что̀ бы онъ не поѣхалъ.... А ты околесную понесъ.... Да чуть было и про то дѣло не проболтался.... Не толкни я тебя, ты бы такъ все ему и выложилъ.... Эхъ ты, ворона!...

Творя шепотомъ молитву и перебирая лѣстовку, смиренно слушалъ отецъ Михаилъ брань и попреки паломника. По всему видно было, что онъ ужь не хозяинъ, а безотвѣтный рабъ Стуколова.

— Про какія же деньги ты спрашиваешь, Якимушка? робко спросилъ онъ.—Кажись мы съ тобою въ разсчетѣ....

— Силантьевъ песокъ подмѣнить надо было... Понялъ?... Покамѣсть Чапуринъ парился, я ему сибирскаго на триста цѣлковыхъ засыпалъ.

— Ловко же спроворилъ ты, Якимушка, съ довольной улыбкой отвѣтилъ игуменъ.—Подай тебѣ Господи добраго здоровья....

— Деньги подай, протягивая руку, сказалъ Стуколовъ.— Для того и хворымъ прикинулся я, для того и остался здѣсь, чтобы кровныя денежки мои не пропали.... Триста цѣлковыхъ!...

— Да какъ же это, Якимушка?... За что̀ жь мнѣ платить, касатикъ?... Полно̀, любезненькій мой, лебезилъ передъ паломникомъ отецъ Михаилъ....

— Жалкихъ рѣчей на меня не трать, сухо отвѣтилъ ему Стуколовъ.—Слава Богу не вечоръ другъ дружку спознали... Деньги давай!... Ты наболталъ, ты и въ отвѣтѣ.

— Ну, такъ и быть, грѣхъ пополамъ—бери полтораста, Якимушка, сказалъ отецъ Михаилъ.

— А ты узоровъ-то не разводи!... Самъ знаешь цѣну сибирскаго песку. Сказано триста, и дѣло съ концомъ, рѣшительно отвѣчалъ Стуколовъ. — Спорить со мной не годится.

— Да уступи сколько-нибудь, возьми хоть двѣ сотенныхъ, торговался игуменъ.

— Деньги! крикнулъ паломникъ, схвативъ его за руку.

— Ну, двѣсти пятьдесятъ, молилъ игуменъ, жалобно глядя на Стуколова.

— Говорятъ тебѣ—деньги! на всю гостиницу крикнулъ паломникъ.

Дрогнулъ отецъ Михаилъ, отсчиталъ изъ денегъ, данныхъ Патапомъ Максимычемъ, триста цѣлковыхъ и подалъ ихъ Стуколову. Тотъ не торопясь вынулъ изъ кармана истасканный, кожаный бумажникъ и спряталъ ихъ туда.

— Теперь о дѣлѣ потолкуемъ, сказалъ онъ спокойнымъ голосомъ, садясь на кресло.—Садись, отче!

Игуменъ сѣлъ и опустилъ голову.

— Съ моимъ пескомъ Чапуринъ увѣрится, началъ паломникъ. — Этотъ песокъ хоть на монетный дворъ — настоящій. Увѣрившись, Чапуринъ бумагу подпишетъ, три тысячи на ассигнаціи выдастъ мнѣ. Недѣли черезъ три послѣ того надо ему тысячъ на шесть ассигнаціями настоящаго песку показать,—вотъ молъ на твою долю сколько выручено. Тогда онъ пятидесяти тысячъ цѣлковыхъ не пожалѣетъ.... Понялъ?

— Дальше-то чтò же? спросилъ игуменъ.

— Чать не впервôй, отвѣтилъ паломникъ.

— Опасно, Якимушка, боязно.—Чапуринъ не кто другой. Со всякимъ начальствомъ знакомъ, къ губернатору вхожъ.... Не погубить бы намъ себя, говорилъ игуменъ.

— Обработаемъ—Богъ милостивъ, сказалъ на то Стуколовъ.

— Развѣ насчетъ картинокъ? * Тутъ бы смирно сидѣлъ? прищурясь молвилъ игуменъ.

---

* Фальшивыя ассигнаціи.

— На картинки не пойдетъ. Объ этомъ и поминать нечего, отвѣчалъ рѣшительно Стуколовъ.—Много ль у тебя землянаго-то масла?

— Не много наберется, отвѣчалъ игуменъ.—Къ Масляницѣ осетровъ привезли—полуфунта не нашлось.

— Ожидаешь еще?

— Къ празднику обѣщались.

— Сколько?

— Вѣрно сказать не могу, отвѣчалъ игуменъ.—Съ Сибиряками-то въ послѣдній разъ я еще у Макарья видѣлся, обѣщали зà зиму фунтовъ пятокъ переслать, да вотъ что-то не шлютъ.

— По крайности шесть фунтовъ надо Чапурину предоставить, раздумывалъ Стуколовъ.

— У Дюкова можетъ есть?... сказалъ отецъ Михаилъ.

— Ни зернышка, отвѣчалъ паломникъ.

— Здѣшнимъ досыпать?

— Чтò пустяки-то городить!... Хлопочи на Ѳоминой бы шесть фунтовъ сибирскаго было.... А теперь ступай.— Къ вечеру подводу наряди....

— Куда жь ты? спросилъ игуменъ.

— А тебѣ чтò за дѣло? сказалъ паломникъ. — Ступай съ Богомъ, не мѣшай... Мнѣ надо еще письмо дописать.

Отецъ Михаилъ помолился на иконы, низко поклонился сидѣвшему паломнику и пошелъ было изъ гостиной кельи. Стуколовъ воротилъ его съ полдороги.

— Картинокъ много? спросилъ онъ.

— Есть, шепотомъ отвѣтилъ отецъ Михаилъ.

— Много ль?

— Синихъ на двѣ тысячи, красныхъ на три съ половиной....

— Чтò лѣниво сталъ работàть? слегка усмѣхнувшись молвилъ паломникъ.

— Боязно, Якимушка, прошепталъ игуменъ, наклонясь къ самому уху Стуколова.—Наѣзды пошли частые: намедни исправникъ двое сутокъ выжилъ, становой пріѣзжалъ.... Долго ль до бѣды?...

— Чать не каждый день наѣзжаютъ, а запоры у тебя крѣпкіе, собаки злыя—больно-то трусить, кажись бы, нечего.... Давай красныхъ, за кажду сотню по двадцати рублевъ „романовскими“. *

— По тридцати намедни платили, молвилъ игуменъ.

— Была цѣна, стала другая. Неси скорѣй, получай семьсотъ рублей государевыхъ, сказалъ Стуколовъ.

— Обидно будетъ, Якимъ Прохорычъ, право обидно. Никогда такой цѣны не бывало.

— Мало ль чего прежде не бывало, подхватилъ Стуколовъ.—Прежде въ монастыряхъ и картинокъ не писали, а нонѣ вотъ пишутъ. Всякому дневи довлѣетъ злоба его.

— Прикинь хошь пять рубликовъ, жалобно просилъ отецъ Михаилъ.

— Сказано двадцать, копѣйки не прикину.

— Ну, три рублевика!

— Ахъ, отче, отче, покачивая головой, сказалъ отцу Михаилу паломникъ.—Люди говорятъ—человѣкъ ты умный, на свѣтѣ живешь довольно, а того не разумѣешь, что на твоемъ товарѣ торговаться тебѣ не приходится. Ну, не возьму я твоихъ картинокъ, кому сбудешь?... Не на базаръ везти!... Бери, да не хнычь.... По рублику пристегну беззубому на орѣхи.... Неси скорѣе.

— По два бы прибавилъ, касатикъ, клянчилъ игуменъ.— Любезненькой ты мой!... Право обидно!

— Не ври, отче, надоѣлъ—неси скорѣе.

* Такъ фальшивые монетчики зовутъ настоящія ассигнаціи, по родовой фамиліи Государя.

— А синихъ не надо? спросилъ отецъ Михаилъ.

— Синихъ не надо.

— Чтò такъ? Взялъ бы ужь заодно.

— Синихъ не надо, стоялъ на своемъ паломникъ.

— Не все ль одно? Взялъ бы ужь и синія. Я бы по двадцати отдалъ.

— Копѣйки не дамъ, рѣшительно сказалъ Стуколовъ.

— Да чѣмъ же онѣ тебѣ стали противны? Кажись картинки хорошія, уговаривалъ игуменъ.

— То-то и есть что не хорошія, подхватилъ Стуколовъ.—Слѣпой увидитъ какого завода. Тебѣ бы лучше ихъ вовсе не тяпать. Не ровенъ часъ, влопаешься.

— Сбывали же прежде, Якимушка, молвилъ игуменъ.— Авось Богъ милостивъ и теперь сбудемъ.... Дай хоть по восьмнадцати.

— И въ руки такую дрянь не возьму, отвѣчалъ паломникъ.—Погляди-ка на орла-то—хорошъ вышелъ, нечего сказать!... Курица, не орелъ, да еще одно крыло меньше другаго.... Мой совѣтъ: спусти-ка ты до грѣха весь пятирублевый струментъ въ Усту́, кое мѣсто поглубже. Право....

— Пожалуй что и такъ, согласился игуменъ.... А послѣдышки-то взялъ бы, родной, право.... Не обидь старика, Якимушка.... Такъ ужь и быть, бери по пятнадцати романовскихъ.

— Не надо.... Неси красныя....

Замялся игуменъ на мѣстѣ, но Стуколовъ такъ на него крикнулъ, что тотъ почти бѣгомъ побѣжалъ изъ гостиницы.

Минутъ черезъ пять отецъ Михаилъ принесъ красныя картинки и получилъ отъ паломника семьсотъ рублей. Долго опытный глазъ игумна разсматривалъ на свѣтъ каждую бумашку, мялъ между пальцами и оглядывалъ со всѣхъ сторонъ.

—

Яким Прохорычъ усѣлся дописывать письмо.

Переглядѣвъ бумажки, игуменъ заговорилъ было съ паломникомъ, называлъ его и любезненькимъ, и касатикомъ, но касатикъ, не поднимая головы, махнулъ рукой, и среброкудрый Михаилъ побрелъ изъ кельи на цыпочкахъ, а въ сѣняхъ строго на̀-строго наказалъ отцу Спиридонію самому не входить и никого не пускать въ гостиную келью, не помѣшать бы Якиму Прохорычу.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Пріятель, къ которому изъ Красноярскаго скита проѣхалъ Патапъ Максимычъ-былъ отставной горный чиновникъ Колышкина. Громко и честно держалось на Волгѣ имя его. Два парохода у него бѣгало, съ Низу пшеницу до Рыбинска возили. Славно бѣгали, а лучше того зарабатывали. Не то что какіе-нибудь одиночные пароходчики, общества, компаніи завидовали дѣламъ Сергѣя Андреича. Тѣ сердечные бывало бьются на пристаняхъ чуть не до водополи, закликáютъ кладчиковъ, задаютъ пшеничникамъ дорогіе обѣды, дюжинами ставятъ передъ ними отборныя вина, проигрываютъ имъ въ трынку, да въ горку, а Сергѣй Андреичъ лежитъ себѣ на диванѣ, да сигаркой попыхиваетъ. Еще съ середки зимы у него ни заботъ, ни хлопотъ, на всѣ путины клади готовы и условія подписаны. Какъ же пароходчикамъ не завидовать Колышкину, какъ не стараться ему ножку подставить?... Дѣло извѣстное: счáстливымъ быть—всѣмъ досадить.... А Сергѣй Андреичъ будто не замѣчаетъ, что глядятъ на него не дружески, смѣшками да шутками ото всякаго наровитъ отойти... А чтобъ кто Сергѣю Андреичу повредилъ хоть ка-

кою малостью, того не случалось. Охота вредить была, да спорыньи не было....

Душевный человѣкъ былъ этотъ Сергѣй Андреичъ. Гдѣ онъ—тамъ и смѣхъ и веселье; вонъ изъ бесѣды — хмара на всѣхъ.... — Любилъ шутку сшутить, людей посмѣшить, себя позабавить. А кто людей веселитъ, за того свѣтъ стоитъ... И любили его, особливо простой народъ.

Съ рабочими былъ строгъ: всяко лыко у него въ строку. Зорко на дѣло глядѣлъ: малости не спускалъ. Ни прогула, ни безпорядка бывало не проститъ, за то ко всѣмъ справедливъ былъ. И рвались же къ нему на службу, а кто попалъ, тотъ за хозяина и за его добро радъ бывалъ и въ огонь и въ воду. Тѣмъ любъ былъ простонародью Сергѣй Андреичъ, что не было въ немъ ни спѣси, ни чванства, ни гордости.... Другой, наживя богатство, вздуется какъ тѣсто на опарѣ.... близко не подходи: шагаетъ журавлемъ, глядитъ козыремъ, и кромѣ своего же брата богатея знать никого не хочетъ. Сергѣй Андреичъ былъ не таковъ.... Приди къ нему въ обѣденный часъ хоть самый послѣдній кочегаръ—честь ему и мѣсто, хоть тутъ губернаторъ сиди. Говорили Колышкину пріятели: зачѣмъ такъ дѣлаетъ, хорошихъ людей обижаетъ, сажая за одинъ столъ со всякою чернотой да мелкотой. „Дὸ Бога намъ далеко, отвѣтитъ бывало Сергѣй Андреичъ. Верстаться съ Господомъ персти земной не приходится, а у Него Свѣта за небесной трапезой иной нищій выше царей сидитъ.... А я-то чтὸ?.. Знатнѣй Бога-то что ли?.. Аль родомъ-породой выше Его?.. Нѣтъ, братцы, самъ я не княжой, не дворянской крови, самъ изъ мужиковъ.... Родитель мой на заводѣ въ засыпкахъ * жилъ, такъ мнѣ гордиться чѣмъ

* Засыпкой на горныхъ заводахъ зовется рабочій, чтὸ въ доменную печь „товаръ“ (уголь, флюсъ, руду и толченый доменный сокъ) засыпаетъ.

статѣ“? Дивовались Сергѣю Андреичу, за угломъ подсмѣивались, въ глаза никогда.... Да и совѣстно было смѣяться глядя на его голубые, лучистые глаза, чтò искрились умомъ горѣли добромъ и сіяли Божьею правдой....

Родомъ съ Урала былъ. На одномъ изъ тамошнихъ горныхъ заводовъ родитель его крѣпостнымъ мастеромъ значился. Сызмала дò смерти кержачилъ онъ *. Человѣкъ былъ домовитый, залежна копѣйка у него водилась, хоть и не гораздо большая. Была у Андрея Колышкина жена добрая, смиренная, по хозяйству заботная, — Анной звали, былъ сынъ Сергѣй, да дочка Маринушка.... Жили себѣ Колышкины тихо да ладно, Бога хваля, ближняго любя. И промаячили бы вѣкъ свой на заводѣ, еслибъ юркость да затѣйность Сережи не повернули вверхъ дномъ всю ихнюю жизнь.

Шустрый мальчёнокъ росъ, смѣтливый, догадливый, развеселый такой. Десяти лѣтъ ему не минуло, а онъ ужь всѣ заводскія пѣсни зналъ наизустъ, такъ и заливается бывало звонкимъ голоскомъ на запòльныхъ ** хороводахъ. Сережѣ семь лѣтъ минуло, и отецъ, помолясь пророку Науму, чтобъ отрока Сергѣя на умъ наставилъ, далъ ему въ руки букварь да указку и принялся учить его грамотѣ. По вечерамъ, какъ родитель бывало съ домны аль съ вагранки *** домой воротится, долбитъ передъ нимъ Сережа:

---

* Кержачить—въ Пермской губерніи значитъ раскольничать, кержакъ—раскольникъ. Это слово произошло отъ того что первые раскольники поселившіеся на Уралѣ (въ дачахъ Демидовскихъ заводовъ) въ первыхъ годахъ XVIII вѣка пришли съ Керженца.

** Запольными хороводами зовутся тѣ, чтò бываютъ внѣ завода (селенія при заводахъ зовутся заводами же). Запольемъ зовется на Уралѣ недальнее поле....

*** Домна—большая чугунно-плавильная печь. Вагранкой—называется малая чугунно-литейная печь.

„Азъ, ангелъ, ангельскій, архангелъ, архангельскій", а утромъ тихонько отъ матери бѣжитъ въ заводское училище, куда родители его не пускали, потому что кержачили.... и думали, что училище то бусурманское. Тамъ де учатъ бритоусы, да еще по гражданской грамотѣ, а гражданская грамота святыми отцами не благословленная, пошла въ міръ отъ Антихриста. Опять же въ заводскомъ училищѣ цифирной мудрости учатъ, а цифирь—наука богоотводная... Такъ судили-рядили Сережины отецъ съ матерью, а онъ бѣгаетъ себѣ да бѣгаетъ въ училище, а чему тамъ учится, отъ родителей держитъ въ тайнѣ....

Не дошелъ старикъ Колышкинъ съ сыномъ до „Святъ, святитель", а тотъ ужь по тȯлкамъ и по титламъ читаетъ. Засадилъ за Часословъ, а онъ перву каѳизму такъ и рѣжетъ.... Диву засыпка дался, чтȯ за сынъ такой у него уродился!.. Десяти годовъ нѣтъ, а онъ Псалтырь такъ и деретъ, хоть по мертвымъ читать посылай. „Малъ малышȯкъ—а мудрые пути въ себѣ кажетъ".... думаетъ отецъ. Далъ ему Минею мѣсячную, далъ Минею цвѣтную — Сережѣ все ни почемъ.... Чему еще учить?... Одиннадцати годовъ нѣтъ, а мальчуганъ всю кержацкую мудрость произошелъ.... И учиться больше нечему.... „И откуда мнѣ сіе? раздумываетъ старикъ. Ужь не въ семъ ли отрочати чаяніе нашей благочестной вѣры лежитъ?... Не отъ моего ль рожденія гласъ вѣщанія произыдетъ, не отъ него ль послѣдуетъ утвержденіе старой вѣры отцовъ нашихъ?"

А между тѣмъ Сережа, играючи съ ребятами, то меленку-вѣтрянку изъ лутошекъ состроитъ, то круподерку либо толчею сладитъ, и все какъ надо быть: и меленка у него мелетъ, круподерка зерно деретъ, толчея сѣмя на сбойну бьетъ. Сводилъ его отецъ въ шахту *, онъ и шахту сталъ на завалинкѣ рыть.

* Колодезь для добыванія рудъ.

Въ то время изъ чужихъ краевъ пріѣзжалъ на заводъ его владѣлецъ. Лѣтнимъ вечеромъ, проходя мимо дома Колышкиныхъ, замѣтилъ онъ мальчугана копавшагося подъ окнами. Это Сережа шахту закладывалъ. Полюбилось это барину, понравилась и юркость мальчика, его свѣтлый, умный взоръ. Разговорился онъ съ Сережей, и вспало на мысль ему, что изъ засыпкина сына можетъ онъ сдѣлать знаменитаго человѣка, другаго Ломоносова — сто́итъ только наукамъ его обучить. На утро старика Колышкина въ контору позвали, вольную для сына выдали и приказъ объявили: снаряжать его для отправки въ Питеръ съ золотухой *.

День-деньской безъ шапки, мрачно понуривъ голову, простоялъ засыпка подъ барскими окнами, съ утра до̀ вечера возлѣ него выла и голосила Анна, Сережина мать.— Баринъ остался непреклоннымъ. Завидѣвъ его, Анна ринулась ницъ, и судорожно охвативъ за̀ ноги барина, зачала причитать отчаяннымъ, нечеловѣческимъ голосомъ. Баринъ очень удивился, но не могъ понять материнскаго вопля; по-русски небольно гораздъ былъ.... А мать молила его, заклинала всѣми святыми не басурманить ея рожденія, не поганить безгрѣшную душу непорочнаго отрока нечестивымъ ученьемъ, что̀ отъ Бога отводитъ, къ бѣсомъ же на пагубу приводитъ.... Насилу оттащили.... Не обошлось безъ пинковъ и потасовки, а когда старикъ хотѣлъ отнять жену у десятскихъ и ему велѣно было десятка два засыпать.... Столь горячо радѣлъ заводскій баринъ о насажденіи наукъ въ Россіи.... Взглядывая на озлобленные глаза засыпки, на раскосмаченную Анну и плакавшаго навзрыдъ Сережу, утѣшалъ онъ мальчика сладкими рѣчами, подарилъ ему

* Обозъ (транспортъ) съ золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями, отправляемый раза по два въ годъ.

парижскихъ конфетъ и мнилъ о себѣ, что самому Петру Великому будетъ онъ въ вёрсту, что онъ прямой продолжатель славныхъ его дѣяній—ввожу дескать разума свѣтъ въ темный, дикій народъ.

Раннимъ утромъ другаго дня тронулась съ завода золотуха. Сережу увезли. Къ вечеру старикъ Колышкинъ съ женой и четырнадцатилѣтнею Маринушкой безъ вѣсти пропали....

Межъ тѣмъ заводскій баринъ, убоясь русской стужи, убрался въ чужіе края, на теплыя воды, забывъ про петровскую свою работу и про маленькаго Колышкина. Забылъ бы и Русь, да не могъ: изъ нѣдръ ея зябкій баринъ получалъ свои доходы.

Попавъ на дорогу, Сережа съ пути не свернулъ. Вышелъ изъ него человѣкъ умный, сильный духомъ, работящій. Кончивъ ученье, поступилъ онъ на службу на сибирскіе казенные заводы, а потомъ работалъ на золотыхъ промыслахъ одной богатой компаніи.

Проѣзжая въ Сибирь, цѣлый мѣсяцъ Сергѣй Андреичъ прожилъ на родномъ Уралѣ... Про отца съ матерью все развѣдывалъ: куда дѣлись, что̀ съ ними сталось.... Но ровно вихремъ снесло съ людей память про Колышкиныхъ.

Потужилъ Сергѣй Андреичъ, что не привелъ его Богъ поклониться сѣдинамъ родительскимъ, поплакать на изсохшей груди матери, привѣтить любовью сестру родимую, и поѣхалъ на старое пепелище, на родной заводъ—хоть взглянуть на мѣста гдѣ протекло дѣтство его....

И на заводѣ про его стариковъ ни слуху ни духу. Не нашелъ Сергѣй Андреичъ и дома, гдѣ родился онъ, гдѣ позналъ первыя ласки матери, гдѣ явилось въ душѣ его первое сознаніе бытія.... На мѣстѣ стараго домика стоялъ высо́кій каменный домъ. Изъ раскрытыхъ оконъ его неслись пѣсни, звуки торбана, дикіе клики пьяной гульбы....

Вверхъ дномъ поворотило душу Сергѣя Андреича, бѣжалъ онъ отъ трактира и тотчасъ же уѣхалъ изъ завода.

Въ Сибири Колышкинъ работалъ умно, неустанно и откладывалъ изъ трудовыхъ денегъ копѣйку на черный день. Но не мимо пословица молвится: „отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ"... Свѣковать бы въ денно-нощныхъ трудахъ Сергѣю Андреичу, еслибъ нежданно-негаданно не повернула его судьба на иной путь. Вспомнили про сынка родители, за гробомъ его вспомнили.

Какъ-то разъ зимнимъ вечеромъ сидѣлъ Колышкинъ одинъ въ своей рабочей комнатѣ, тишина была мертвая, только изъ сосѣдней горницы раздавались мѣрные удары маятника.... Вдругъ кто-то кашлянулъ сзади его. Обернулся Сергѣй Андреичъ—видитъ старика въ длиннополой, осыпанной снѣгомъ сибиркѣ, съ заиндевѣлой отъ мороза густой бородой. У него въ рукахъ сундучокъ тагильскаго дѣла * окованный росписною жестью.

— Чтò тебѣ? съ мѣста вскочивъ, спросилъ старика Колышкинъ.

— До твоей милости, Сергѣй Андреичъ, хриплымъ, едва слышнымъ голосомъ отвѣчалъ старикъ.

— Кто ты, откуда?

— Старикъ о Христѣ Іисусѣ, отозвался невѣдомый гость.—Посылочку принесъ, прибавилъ онъ, ставя передъ Колышкинымъ сундучокъ и кладя возлѣ него ключъ.

— Отъ кого? спросилъ Сергѣй Андреичъ.

— Изъ лѣсовъ, отвѣчалъ странникъ.

---

* Въ Тагилѣ (Верхотурскаго уѣзда) дѣлаютъ желѣзные подносы и сундуки изъ кедроваго дерева, обиваютъ желѣзомъ или жестью, раскрашиваютъ яркими красками и кроютъ прочнымъ лакомъ. Эти произведенія зовутся „тагильскимъ дѣломъ".

— Изъ какихъ лѣсовъ?... Отъ кого?... спрашивалъ Колышкинъ, а самъ наклонясь сталъ разсматривать сундучокъ.

Отвѣта не было. Оглянулся Сергѣй Андреичъ, странника слѣдъ простылъ. Ни на дворѣ, ни на улицѣ не нашли его. Прислуга Колышкина не видала даже ни какъ онъ въ домъ вошелъ, ни какъ вышелъ.

Отперъ сундучокъ Сергѣй Андреичъ. Въ немъ свертокъ и письмо писанное уставомъ.

Сталъ читать:

„Его благородію господину Сергѣю Андреичу Колышкину грѣшнаго инока Серапіона землекасательное поклоненіе съ пожеланіемъ добраго здравія и всякаго земнаго благополучія. За извѣстіе даемъ вашему благородію, что мимошедшаго септемврія въ седьмый день, проживавшій въ нашемъ убогомъ братствѣ болѣе тридцати годовъ инокъ схимникъ Агапитъ отъ сея временныя жизни въ вѣчныя кровы преселися.... А отходя сего свѣта, заповѣдалъ мнѣ, недостойному, молитися о немъ, къ вашему благородію, яко сыну по плоти, справить сію посылку. Засимъ прекратя письмо сіе, остаемся доброжелатели вашего благородія, грѣшный инокъ Серапіонъ съ братіею“.

Ни числа, ни мѣсяца, ни мѣста откуда письмо.

Въ сверткѣ лежало пятнадцать тысячъ рублей. Шесть тысячъ были завернуты въ особую бумажку, съ надписью: „лѣта 7343, іулія въ 21 день преставися инока Агнія.... Лѣта 7345, януарія 15 дня преставися дѣвица Марина“.

Только!... Вотъ и всѣ вѣсти полученныя Сергѣемъ Андреичемъ отъ отца съ матерью, отъ любимой сестры Маринушки. Много воды утекло съ той поры какъ оторвали его отъ родной семьи, лѣтъ пятнадцать и больше не видался онъ со сродниками, давно привыкъ къ одиночеству, но когда прочиталъ письмо Серапіона и записочку

на свертке, въ сердцѣ у него захолонуло и Божій міръ пустымъ показался.... Кровь не вода.

Гдѣ, въ какихъ лѣсахъ, въ какихъ пустыняхъ, дожили свой вѣкъ старики?... Въ какихъ обителяхъ вѣчный сонъ смежилъ ихъ очи? На склонѣ ли Уральскихъ горъ, въ пустыняхъ ли Невьянскихъ и Тагильскихъ, иль между Осинскими сходцами *, иль на славномъ по всему старообрядству Иргизѣ, или въ лѣсахъ Керженскихъ-Чернораменскихъ?... Никому не узнать!.. Далекȯ и въ ширь и въ даль раскинулась земля Святорусская.... Кто изочтетъ въ ней дебри, лѣса и пустыни? Кто извѣдалъ въ ней всѣ „сокровенныя мѣста“, гдѣ живутъ и долго еще будутъ жить „люди подъ скрытіемъ“, кинувшіе постылую родину „сходцы“, доживающіе вѣкъ свой въ незнаемыхъ міру дебряхъ, вдали отъ людей, отъ большихъ городовъ и селеній?... Развѣ вольный вѣтеръ, чтȯ летаетъ ȯтъ моря дȯ моря, да солнце ясное знаютъ про всѣ мѣста сокровенныя!.. Да; они только вѣдали гдѣ кончили жизнь старики Колышкины....

Но отчего жь они, посылая единородному сыну наслѣдство, не послали ему ни привѣтнаго слова, ни родительской ласки, ни даже благословенья?... Понималъ это Сергѣй Андреичъ.... Схимнику Агапиту, инокинѣ Агніи горный чиновникъ былъ чужъ человѣкъ. Не рознь сословія — рознь вѣры разлучила стариковъ съ любимымъ сыномъ.... Суровъ, жестокъ завѣтъ старообрядскій: „не подобаетъ родительское благословеніе преподати сыну никоніанину“. Коротенькой запиской отецъ съ матерью

* Такъ на востокѣ Европейской Россіи и въ Сибири зовутъ выходцевъ изъ разныхъ губерній поселившихся въ обширныхъ, не извѣданныхъ еще лѣсахъ. Они живутъ не только въ разбросанныхъ по лѣсу зимницахъ и кельяхъ, но иногда цѣлыми деревеньками, не зная ни ревизій, ни податей, и никакихъ повинностей.

какъ будто говорили Сергѣю Андреичу: „прими отъ родившихъ тебя тлѣнное земное наслѣдіе, но за гробомъ нѣтъ тебѣ части съ нами.—И блудникъ, и тать, и убійца наслѣдуютъ жизнь вѣчную, еретика же самая кровь мученическая очистить не можетъ. Нѣтъ тебѣ части съ нами.... Кое убо общеніе Христу съ Веліаромъ?“ Такія жестокія понятія казались бы несовмѣстными съ добродушіемъ мягкосердаго, любвеобильнаго нашего народа. Русскому человѣку нѣтъ ничего на свѣтѣ дороже любви родительской, нѣтъ ничего краше семейнаго лада... Откуда жь взялась такая жестокость, столь обычная между старообрядцами?... Изъ чужихъ краевъ она принесена, чуждыми учителями на Русь навѣяна.... Безсердечные Византійцы, суровые слагатели отшельническихъ уставовъ, дышущіе злобой обличители еретичества древнихъ лѣтъ, мертвящими буквами своихъ писаній навѣяли на нашу добрую страну тлетворный духъ ненависти.... Лукавый духъ злобы подъ видомъ свѣтлаго благочестія успѣлъ проникнуть даже въ такую крѣпкую, въ такую твердую и любительную семейную среду, какова русская.... Сильна была Византія коварствомъ, лестью да хитростью... „Суть же Греци льстиви даже до сего дни“—давно сказано и вѣрно сказано первымъ русскимъ писателемъ. Только за то и спасибо Византіи, что по ея милости Русская земля съ римскимъ папой не зналась....

—

Прошелъ годъ-другой, послѣ полученія наслѣдства, Сергѣй Андреичъ живетъ не попрежнему, онъ былъ ужь человѣкъ съ достаткомъ и вошелъ въ паи по золотымъ пріискамъ... Счастье повезло ему... Въ тайгахъ—нашлись богатыя розсыпи, и онъ, какъ участникъ въ дѣлѣ, въ ко-

роткое время сталъ богачомъ.... Его товарищи по золотому дѣлу были все кабацкіе богатыри, набившіе карманы спаиваньемъ народа смѣсью водки съ водой и дурманомъ.... Не лежало къ этимъ людямъ сердце Сергѣя Андреича, сталъ онъ смотрѣть какъ бы подобру поздорову да прочь отъ нихъ.... Раскольничья кровь заговорила.... Извѣстно что во все время винныхъ откуповъ ни одинъ раскольникъ (а между ними много богачей) не осквернилъ рукъ прибыткомъ отъ народной порчи. Былъ одинъ... но того старообрядцы почитали за прокаженнаго.

Женился Сергѣй Андреичъ на дочери кяхтинскаго "компанейщика", и взявъ за женой цѣнное приданое, отошелъ отъ кабацкихъ витязей. Наскучила ему угрюмая Сибирь, выѣхалъ въ Россію, поселился на привольныхъ берегахъ широкой Волги и занялся торговыми дѣлами, больше по казеннымъ подрядамъ.

Къ торговому дѣлу былъ онъ охочъ, да не больно горяздъ. Пріѣхалъ на Волгу добра наживать, пришлось залежныя деньги проживать. Не пошли ему Господь добраго человѣка, ухнули бъ у Сергѣя Андреича и родительское наслѣдство, и трудомъ да удачей нажитыя деньги, и приданое женой принесенное. Все бы въ одну яму.

Тотъ добрый человѣкъ былъ Патапъ Максимычъ Чапуринъ. Спозналъ онъ Сергѣя Андреича, видитъ — человѣкъ хорошій, добрый, да хоть ретивъ и уменъ—а взялся не за свое дѣло, оттого оно у него не клеится, и вонъ изъ рукъ валится. Жалко стало ему безчастнаго Колышкина и вывелъ онъ его изъ темной трущобы на широкую дорогу.

— Наплюй ты, Сергѣй Андреичъ, на эти анаѳемскіе подряды, послушайся меня, стараго торговца, говорилъ Патапъ Максимычъ.—Не ради себя, ради махонькихъ дѣтокъ своихъ послушайся, не пусти ты ихъ съ сумой подъ

ѳ́конья.... Вѣрь моему слову—году не минётъ, какъ взвоетъ у тебя мошна—и вонъ изъ кармана пойдетъ.... Тебѣ ли, другъ, съ казенными подрядами возжаться?... Тутъ, милый человѣкъ, надо плутомъ быть, а коль не быть плутомъ, такъ всякое плутовство знать до ниточки, чтобы самого не оплели, не пустили бы по̀-міру. Кинь, ради Христа, подряды.... Хоть убытки понесешь—наплевать, развяжись только съ этимъ проклятымъ дѣломъ скорѣй... Знаю я его вдоль и поперекъ.... Испробовалъ!... А вотъ построй-ка ты лучше пароводишко, это будетъ тебѣ съ руки, на этомъ дѣлѣ не сорвешься. Право такъ.

Послушался Колышкинъ, бросилъ подряды, купилъ пароходъ. Патапъ Максимычъ на первыхъ порахъ училъ его распорядкамъ, пріискалъ ему хорошаго капитана, прикащиковъ, водоливовъ, лоцмано̀въ, свелъ съ кладчиками; самъ даже давалъ клади на его пароходъ, хоть и было ему на чемъ возить добро свое... Съ легкой руки Чапурина разжился Колышкинъ лучше прежняго. Года черезъ два покрылъ неустойку за неисполненный подрядъ, и воротилъ убытки... Прошло еще три года, у Колышкина по Волгѣ два парохода стало бѣгать.

Толстый, дородный, цвѣтущій здоровьемъ и житейскимъ довольствомъ, Сергѣй Андреичъ сидѣлъ, развалившись въ широкихъ, покойныхъ креслахъ, читая письма пароходныхъ прикащиковъ, когда сказали ему о приходѣ Чапурина. Бросивъ недочитанныя письма, рѣзвымъ ребенкомъ толстякъ кинулся на встрѣчу дорогому госту. Звонко, радостно цѣлуя Патапа Максимыча, кричалъ онъ на весь домъ:

— Крёстный!.. Ты ль, родной?.. Здорово!.. Здорово!.. Что̀ запропалъ?... Видо̀мъ не видать, слыхо̀мъ не слыхать!.. Все ли въ добромъ здоровьѣ?

— Ничего—живемъ да хлѣбъ жуемъ, отвѣчалъ улыбаясь Чапуринъ.—Тебя какъ Господь милуетъ?... Хозяюшка здорова ль?... Дѣточки?

Послѣ обычныхъ привѣтствій и разспросовъ, послѣ длиннаго разговора о кладяхъ на низовыхъ пристаняхъ, о томъ гдѣ больше оказалось пшеницы на свалѣ: въ Баронскѣ аль въ Балаковѣ, о томъ каково будетъ лѣтомъ на Харчевинскомъ перекатѣ да на Телячьемъ бродѣ, о краснораменскихъ мельницахъ и горянщинѣ, послѣ чая и плотной закуски, Патапъ Максимычъ молвилъ Колышкину:

— А вѣдь я къ тебѣ съ докукой, Сергѣй Андреичъ. Нарочно для того и въ городъ меня примчало.

— Приказывай, крёстный, что̀ ни велишь, мигомъ исполнимъ, только бы мочи да умѣнья хватило, отвѣчалъ Колышкинъ.

— Мое дѣло во всей твоей мочи, Сергѣй Андреичъ, сказалъ Патапъ Максимычъ.— Окромѣ тебя по этому дѣлу на всей Волгѣ другаго человѣка пожалуй и нѣтъ. Только ужъ Христа ради не яви въ проносъ тайное мое слово.

— Эка что̀ ляпнулъ! всклекнулъ Колышкинъ.—Не ухороню я тайнаго слова своего крестнаго!... Да не грѣхъ ли тебѣ толстобрюхому такое дѣло помыслить?... Аль забылъ что живу и дышу тобой?.... Теперь мои ребятки бродили бъ подъ оконьемъ какъ бы Господь не послалъ тебя ко мнѣ съ добрымъ словомъ.... Обидно даже, крёстный, такія рѣчи слушать—право.

— Ну, ну, не серчай, говорилъ Патапъ Максимычъ.— Не въ ту силу говорено, что не вѣрю тебѣ.... На всякій случа̀й, опаски ради слово молвилось, потому дѣло такое—проносу не любитъ, надо по тайности.

— Ну, сказывай какое дѣло? молвилъ Колышкинъ.

— Дѣло такое, Сергѣй Андреичъ, что тебѣ, по твоей наукѣ, оно солнца яснѣй, а нашему брату, человѣку слѣпому, неученому— потемки—какъ есть потемки... Научи умуразуму....

— Что̀ жь такое?

— Видишь ли: у насъ въ лѣсахъ, за Волгой, рѣка есть, Ветлугой зовется.... Слыхалъ?

— Знаю, отвѣчалъ Колышкинъ. — Какъ Ветлугу не знать?... Не разъ бывалъ и у Макарья на Притыкѣ, и въ Бакахъ. * И сюда какъ изъ Сибири ѣхали—къ жениной роднѣ на Вятку заѣзжали, а оттоль дорога на Ветлугу....

— Ладно, хорошо, сказалъ Патапъ Максимычъ.—Такъ въ эту самую рѣку Ветлугу пала рѣка Устà.

— И Усту́ знаю, и изъ Усты́ воду пивалъ, отозвался Колышкинъ.

— Такъ вотъ чтò: межь Ветлуги и Усты золото объявилось, золотой песокъ, полушепотомъ молвилъ Патапъ Максимычъ.

Хоть и вѣрилъ онъ Сергѣю Андреичу, хоть не боялся передать ему тайны, а все-таки слово про золото не по маслу съ языка сошло. И когда онъ съ тайной своей распростался, ровно куль у него съ плечъ скатился.... Вздохнулъ даже—до того вдругъ такъ облегчало....

А Колышкинъ такъ и помираетъ сò смѣху. Полныя розовыя щеки дороднаго пароходчика задрожали какъ студень, грудь надрывалась отъ хохота, высокій круглый животъ такъ и подпрыгивалъ. Сергѣй Андреичъ закашлялся даже.

— Ветлужское золото!... Ха, ха, ха!... Розсыпи за Волгой!... Ха, ха, ха!... Не растутъ ли тамъ яблоки на березѣ, груши на соснѣ?... Рѣки молочныя въ кисельныхъ берегахъ не текутъ ли?.... Ахъ ты, крёстный, крестный—уморилъ совсѣмъ!... Ха, ха, ха!....

— Зачѣмъ гоготать? молвилъ нахмурясь Чапуринъ. — Не выспросивъ дѣла путемъ, гогочешь ровно гусь на проталинѣ!... Не слѣдъ такъ, Сергѣй Андреичъ, не ладно.... Ты

---

* Селенія на Ветлугѣ, въ Варнавинскомъ уѣздѣ, Костромской губерніи.

напередъ выспроси, узнай по порядку, вдосталь, да потомъ и гогочи.... А то на-ка поди!.. Не пустыя рѣчи говорю—самъ видѣлъ.....

Видя досаду Чапурина, Колышкинъ сдержалъ свой смѣхъ

— Нестаточное дѣло, Патапъ Максимычъ, молвилъ онъ.—Покажи мнѣ пѣгаго коня чтобъ одной масти былъ, тогда развѣ повѣрю, что на Ветлугѣ нашлось золото.

— А это что̀? рѣзко сказалъ Патапъ Максимычъ, ставя передъ Сергѣемъ Андреичемъ пузырекъ.

Колышкинъ взялъ и только что успѣлъ приподнять, какъ смѣющееся лицо его думой подернулось. Необычный вѣсъ изумилъ его. Попробовавъ песокъ на оселкѣ, пуще задумался.

— Что̀? спросилъ Патапъ Максимычъ.

Колышкинъ ни слова въ отвѣтъ.

Гласъ не спускаетъ съ него Патапъ Максимычъ. Вынулъ Колышкинъ изъ стола вѣски какіе-то, свѣсилъ песокъ, потомъ на тѣхъ же вѣскахъ свѣсилъ его въ водѣ.

— Что̀? спросилъ Патапъ Максимычъ, вставая съ дивана. Колышкинъ опять ни слова.

Видитъ Патапъ Максимычъ—„крестникъ“ взялъ какую-то кострюльку, налилъ въ нее чего-то, песку подсыпалъ, еще что-то подѣлалъ, и отдавая пузырекъ, сказалъ:

— Золото.

Просіялъ Патапъ Максимычъ.

— Видишь! сказалъ онъ.—А гогочешь!... Теперь, баринъ, кому надъ кѣмъ смѣяться-то?... Ась?...

— Гдѣ жь его промывали? спросилъ Колышкинъ.—Промыто хорошо.

— Какъ промывали? молвилъ Патапъ Максимычъ. — Никто не мылъ.... Изъ земли такое берутъ.

— Не можетъ этого быть, рѣшительно сказалъ Сергѣй Андреичъ.

— Какъ не можетъ быть? возразилъ Патапъ Максимычъ.—Я тебѣ говорю, что песокъ изъ земли накопанъ...

— Самъ видѣлъ? спросилъ прищурившись Колышкинъ.

— Хвастать не хочу—самъ не видалъ, отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.

— Значитъ люди сказывали что они такой песокъ прямо изъ земли берутъ? перервалъ его Колышкинъ.

— Такъ говорили, отвѣтилъ Патапъ Максимычъ.

— Такъ-таки и сказывали что въ этомъ самомъ видѣ песокъ изъ земли копанъ? продолжалъ свои спросы Колышкинъ.—Ни про какую промывку не было рѣчи?

— Да, подтвердилъ Патапъ Максимычъ.

— Мошенники это тебѣ говорили—вотъ чтò!... съ сердцемъ крикнулъ Сергѣй Андреичъ.

— Какъ мошенники? вскочивъ съ мѣста, еще громче вскрикнулъ Патапъ Максимычъ.—Развѣ стану я водиться съ мошенниками?

— Не туда, крёстный, гнешь.... молвилъ Колышкинъ.—Не кипятись, слушай чтò скажу. Сдается мнѣ, на плутòвъ ты попалъ.... Денегъ просили?

— Мое дѣло, нехотя отозвался Патапъ Максимычъ.

— Не таи, тебя жь отъ обмана хочу оберечь, говорилъ Колышкинъ.—Много ли далъ?

— За пузырекъ-отъ? послѣ нѣкотораго молчанія спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Ну, да.

— Сорокъ цѣлковыхъ дадено, сквозь зубы процѣдилъ Чапуринъ.

— Съ барышомъ поздравляю! весело усмѣхнувшись молвилъ Колышкинъ.—Пять сѣренькихъ въ карманъ попало!.... Э-эхъ, Патапъ Максимычъ!... Кто таковы знакомцы твои не вѣдаю, а что плуты они, то знаю вѣрно.... И плуты они не простые, а большіе, козырные.... Маленькій плутъ двухсотъ пятидесяти цѣлковыхъ зря не кинетъ.

— Какіе двѣсти пятьдесятъ цѣлковыхъ? спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Да вѣдь въ этой стклянкѣ безъ малаго фунтъ чистаго золота, сказалъ Колышкинъ,—а фунтъ казенна цѣна триста цѣлковыхъ.... Какъ же тебѣ за сорокъ-то его продали?... Смекаешь, каковы подкопы ведутъ подъ тебя?

— Не въ домекъ! почесывая затылокъ, молвилъ Патапъ Максимычъ. — Эка въ самомъ дѣлѣ!... Да нѣтъ, постой, погоди, зря съ толку меня не сшибай. . спохватился онъ.— На Ветлугѣ говорили, что этотъ песокъ не справское золото; изъ него дескать надо еще черезъ огонь топить настоящее-то золото.... Такіе люди въ Москвѣ, слышь, есть. А неумѣлыми руками зачнешь тотъ песокъ перекаливать, одна гарь останется.... Я и гари той добылъ, прибавилъ Патапъ Максимычъ, подавая Колышкину взятую у Силантья изгарь.

Икнулось ли на этотъ разъ Стуколову, нѣтъ ли, зачесалась ли у него лѣвая бровь; загорѣлось ли лѣвое ухо— про то не вѣдаемъ. А подошла такая минута, что Силантьевская гарь повернула затѣи паломника внизъ покрышкой. Не даромъ шарилъ онъ ее въ чемоданѣ, когда Патапъ Максимычъ въ банѣ нѣжился, не даромъ пытался подмѣнить ее кускомъ изгари съ обительской кузницы.... Но нельзя было всѣхъ концовъ въ воду упрятать — Силантьевская гарь у Патапа Максимыча о ту пору въ карманѣ была....

Колышкинъ испробовалъ гарь и сказалъ:

— Не отъ того песку.... Это отъ сѣрнаго колчедана.... Теперь ихнюю плутню насквозь вижу.... Знаешь сѣрный колчеданъ?

— Не знаю что̀ за колчеданъ такой, не слыхивалъ.... отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.

— Дресву знаешь?

— Какъ дресвы не знать! молвилъ Чапуринъ.—По нашимъ мѣстамъ бабы дресвой полы моютъ.

— А какъ ее дѣлаютъ? спрашивалъ Колышкинъ.

— Спорникъ съ каменки * берутъ.... потолкутъ въ ступѣ, вотъ тебѣ и дресва, сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Ладно, а замѣчалъ ты когда, что въ дресвѣ-то ровно золотыя искорки свѣтятся? продолжалъ спрашивать Колышкинъ.

— Какъ не замѣчать!... „Мышинымъ золотомъ" тѣ блестки зовутъ.

— Ну вотъ это „мышиное золото" и есть колчеданъ, сказалъ Колышкинъ. — Ветлужское золото тоже „мышиное".... Понялъ?

— Чуднѐ что-то заговорилъ ты, Сергѣй Андреичъ, молвилъ Патапъ Максимычъ. — Мышино золото искорками живетъ, блесками такими, а это гляди-ка чтѐ.... прибавилъ онъ, указывая на пузырекъ.

— Не про это тебѣ говорю, это золото настоящее и брато не на Ветлугѣ, сказалъ Колышкинъ.—Говорю тебѣ про сѣрный колчеданъ, про тотъ чтѐ у васъ „мышинымъ золотомъ" зовется. Мѣстами онъ гнѣздами въ землѣ лежитъ и съ виду какъ есть золотой песокъ. Только золота изъ него не добудешь, а коли хочешь купоросно масло дѣлать—иная статья—можно выгоду получить... Эта гарь отъ колчедана, а по-вашему отъ мышинаго золота; а песокъ, въ стклянкѣ, не здѣшній. То съ пріисковъ краденое настоящее промытое золото.... Берегись, крёстный, подъ твои кошели подкопы ведутъ....

Задумался Патапъ Максимычъ. Не клеится у него въ головѣ, чтобъ отецъ Михаилъ сталъ обманомъ да плутнями жить, а онъ вѣдь тоже увѣрялъ.... „Ну пущай Дюковъ, пущай Стуколовъ — кто ихъ знаетъ, можетъ и

* Въ банѣ.

впрямь нечистыми дѣлами занимаются, раздумывалъ Патапъ Максимычъ,—а отецъ-отъ Михаилъ?... Нѣтъ, неможно тому быть.... старецъ благочестивый, игуменъ домовитый... Какъ ему на мошенствѣ стоять?....“

— А богатъ человѣкъ что̀ песокъ тебѣ продавалъ? спросилъ Колышкинъ.

— Мужикъ справный, отвѣтилъ Патапъ Максимычъ.

— Какъ однако?

— Денежный человѣкъ, — изба хорошая, кони, коровы, все въ порядкѣ.... Баклушами кормится—баклушникъ.

— Не тысячникъ? спросилъ Колышкинъ.

— Какое тысячникъ! молвилъ Патапъ Максимычъ. — Баклушами въ тысячники не влѣзешь.... Сотъ семь либо восемь—залежныхъ можетъ быть есть, больше наврядъ....

— Двѣсти пятьдесятъ цѣлковыхъ ему деньги?

— Еще бы не деньги!—Да Силантью цѣлый годъ такихъ денегъ не выручить. За сорокъ-то цѣлковыхъ онъ мнѣ кланялся, кланялся.

— А давно ль ты его знаешь? спросилъ Колышкинъ.

— Впервой видѣлъ, отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Ночь у него ночевалъ, пообѣдалъ,вотъ и знакомства всего....

— А въ дѣло тебя звали?... На золото денегъ просили?... приставалъ Колышкинъ.

— Было дѣло, нехотя молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Теперь мнѣ все какъ на ладо̀нкѣ, сказалъ Колышкинъ. — Подумай, Патапъ Максимычъ, статочно ли дѣло, баклушнику бобра замѣсто свиньи продать?... Фунтъ золота за сорокъ цѣлковыхъ!... Самъ посуди!... Заманить тебя хотятъ—вотъ что̀!... Много ль просили?... Сказывай, не таи....

— Да на первый разъ не больно много: три тысячи на монету.

— А потомъ?

— А потомъ, коли дѣло на ладъ пойдетъ, пятьдесятъ

тысячъ цѣлковыхъ обѣщался имъ дать, сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Э!... Народъ тёртый!... На свои руки топора не уронитъ.... молвилъ Колышкинъ.—Сибиряки надо быть?

— Народъ здѣшній, отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.— Одинъ, правда, живалъ въ Сибири и на пріискахъ золотыхъ, сказываетъ, живалъ....

— Такъ и есть, подхватилъ Колышкинъ. — Жилъ въ Сибири, да выѣхалъ въ Россію „землянымъ масломъ" торговать.. Знаю этихъ проходимцевъ!... Не мало народу пò-міру они пустили, не мало и въ острогъ да въ ссылку упрятали.... Нѣтъ, крестный, воля твоя—это дѣло надо бросить.

Задумался Патапъ Максимычъ. Отецъ Михаилъ съ ума нейдетъ... Какъ же это игумну въ плутовскихъ дѣлахъ бывать?

— А ты бы, крестный, разказалъ ужь мнѣ все по порядку, какъ зачиналось дѣло, и какъ шло до сихъ поръ, сказалъ Колышкинъ. — Подумали бы вмѣстѣ — гнилаго совѣта отъ меня не услышишь.

Молчитъ Чапуринъ. Хмурится, кусаетъ нижнюю губу и слегка почесываетъ затылокъ. Начинаетъ понимать что проходимцы его обошли, что онъ, стыдно сказать, ровно малый ребенокъ повѣрилъ розказнямъ паломника.... Но какъ сознаться?... Другъ-пріятель — Колышкинъ, и тому какъ сказать, что плуты стараго воробья на кривыхъ объѣхали? Не три тысячи, тридцать бы въ печку кинулъ, только бъ не сознаться какъ его ровно Филю въ лапти обули.

— Отчего не сказать всего по ряду? приставалъ Колышкинъ.—Вдвоемъ посовѣтуемъ, какъ бы тѣхъ плутовъ изловить?

— А чего ради въ ихнее дѣло обѣщалъ я идти? вдругъ вскрикнулъ Патапъ Максимычъ. — Какъ мнѣ сразу не увидать было ихняго мошенства?... Затѣмъ а на Ветлугу

ѣздилъ, затѣмъ и маяту принималъ.... чтобъ развѣдать про нихъ, чтобъ на чистую воду плутовъ вывести.... А къ тебѣ въ городъ зачѣмъ бы пріѣзжать?... Пò золоту ты человѣкъ знающій, съ кѣмъ же какъ не съ тобой размотать ихнюю плутню.... Думаешь, вѣрилъ имъ?... Держи карманъ!... Нѣтъ, другъ, еще тотъ человѣкъ на свѣтъ не рожденъ чтò проведетъ Патапа Чапурина.

— А я-то про чтò тебѣ говорю? сказалъ Колышкинъ, вдоль и поперегъ знавшій своего крестнаго.—Про чтò толкую?... Съ перваго слова я смекнулъ чтò у тебя на умѣ... Вижу, хочетъ маленько поглумиться, затѣйное дѣло правскимъ показать.... Ну чтò жь, думаю, пущай его потѣшится.... Другому не спущу, а крестному какъ не спустить?...

— А! понялъ же значитъ, что шутку хотѣлъ надъ тобой сшутить! самодовольно улыбаясь молвилъ Патапъ Максимычъ.—Ишь ты!... На саврасой, братъ, тебя не объѣдешь!

— Не сразу, Патапъ Максимычъ, не вдругъ, шутливо отвѣтилъ Колышкинъ.—Сами съ усами, на своемъ вѣку тоже кое-какіе виды видали.

— Да ты у меня умный!.. Золотая головушка!.. сказалъ Патапъ Максимычъ, гладя Сергѣя Андреича по головѣ.—Съ тобой говорить не наскучить.

— Ну ладно, ладно. Будетъ шутку шутить.... Разсказывай какъ въ самомъ-то дѣлѣ ихня затѣя варилась, перервалъ Колышкинъ.—Глазкомъ бы посмотрѣть какъ плуты моего крестнаго оплетать задумали, съ усмѣшкой прибавилъ онъ.—Сидятъ небось важно, глядятъ думчиво, не улыбнутся, толкуютъ чинно, степенно.... А крестный себѣ на умѣ, попираетъ смѣхъ нà сердцѣ, а самъ бровью не моргнетъ: „толкуйте, молъ, голубчики, распоясывайтесь, выкладайте чтò у васъ на умѣ сидитъ, а мнѣ какъ васъ насквозь не видѣть?“... Ха, ха, ха!...

И звонкій хохотъ Колышкина раскатился по высокимъ комнатамъ.

— Экой догадливый! тоже смѣясь молвилъ повеселѣвшій Чапуринъ.—Ровно ты, Сергѣй Андреичъ, ту пору промежь насъ сидѣлъ... Такъ ужь вѣрно ты разказываешь.

— Такъ какъ же, какъ дѣло-то было? спрашивалъ Колышкинъ.

И разсказалъ Патапъ Максимычъ Колышкину какъ пріѣхали къ нему Стуколовъ съ Дюковымъ, какъ паломникъ при всѣхъ гостяхъ, что̀ случились, расписывалъ про дальнія свои странствія, а когда не стало въ горницѣ женскаго духа, вынулъ изъ кармана мѣшокъ и посыпалъ изъ него золотой песокъ....

— И такіе пошелъ онъ моты̀ разматывать, только слушай, говорилъ Патапъ Максимычъ.—И стелетъ и мететъ, и вретъ и плететъ, а самъ глазомъ не смигнётъ, ровно нѣтъ и людей передъ нимъ... Занятно мнѣ стало.... Думаю: „постой ты, баламутъ, точи лясы, морочь людей, вываливай изъ себя все до тла, а затѣекъ твоихъ какъ намъ не видать?..." Сродственникъ на ту пору былъ у меня, да пріятель старинный—удѣльнаго голову Захлыстина Михайлу Васильевича не слыхалъ ли?.... Мы тому проходимцу будто и повѣрили, а онъ и говоритъ: „золотой дескать песокъ неподалеку отъ вашихъ мѣстъ объявился — на Ветлугѣ." И давай насъ умасливать: золоты пріиски заявляйте, компанію заводите, милліоны, говоритъ, наживете. А мы: отчего жь, молъ, не завести компаніи, Якимъ Прохорычъ,—дляче отъ счастья отказываться? Денегъ-то, скажи, много ль потребуется? „На первый разъ, говоритъ, тысячи три бумажками, а станетъ дѣло на своихъ ногахъ, тысячъ пятьдесятъ серебромъ будетъ надобно." Для видимости согласились мы, по рукамъ ударили. А мнѣ о ту пору требовалось на Ветлугѣ побывать. Ѣдемъ, говорю

Стуколову, кажи гдѣ такой песокъ водится. Поѣхали.... Мѣста не показалъ, а на Силантья, баклушника, навелъ.

— Ну? спросилъ Колышкинъ смолкшаго было Патапа Максимыча.

— Силантій и продалъ песокъ, отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.—Въ лѣсу нарылъ, говоритъ.... И другіе завѣряли, что въ лѣсу роютъ.

Кто эти другіе не сказалъ Патапъ Максимычъ. Вертѣлся на губахъ отецъ Михаилъ, но какъ вспомнятся красноярскія стерляди, почетъ возданный въ обители, молебный канонъ, баня липовая съ калуферомъ — языкъ у Патапа Максимыча такъ и заморозитъ.... „Возможно ль такого старца къ пролазу Якимкѣ приравнивать, къ бездѣльнику Дюкову?“ думалъ Патапъ Максимычъ. „Обошли, плутцы, честнаго игумна... Да нѣтъ постой, погоди—выведу я васъ на свѣжую воду!...“

— Всѣ кто тебя ни завѣрялъ,—одна плутовская ватага, сказалъ наконецъ Колышкинъ,—всѣ одной шайки. Знаю я этихъ воровъ — наглядѣлся на нихъ въ Сибири. Ловки добрыхъ людей облапошивать: кого по̀-міру пустятъ, а кого въ поганое свое дѣло до той мѣры затянутъ что пойдетъ послѣ въ казенныхъ рудникахъ копать настоящее золото.

— Изловить бы ихъ, молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Ловить плутовъ—дѣло доброе, замѣтилъ Колышкинъ.—Не одного чай облупили, на твоемъ только кошелѣ пришлось напороться.... Цѣлы теперь не уйдутъ....

— Не уйдутъ!... Нѣтъ, съ моей уды карасямъ не сорваться!... Шалишь, кума,—не съ той ноги плясать пошла, говорилъ Патапъ Максимычъ, ходя по комнатѣ и потирая руки.—Съ меня не разживутся!... Да нѣтъ, ты то посуди, Сергѣй Андреичъ, живу я слава тебѣ Господи и дѣло веду не первый годъ.... А они со мной ровно съ малымъ ребенкомъ вздумали шутки шутить!... Я жь имъ отшучу!...

— А ты, крёстный, виду не подай, что разумѣешь ихнюю

плутню, сказалъ Колышкинъ.—Улещай ихъ да умасливай, а самъ мани какъ пташку на силокъ.—Да смотри—ловкй вѣдь мошенники-то, какъ разъ вьюномъ изъ рукъ выскользнутъ.—Вильнетъ хвостомъ, поминай какъ звали.

— Не сорвутся! молвилъ Патапъ Максимычъ.—Нѣтъ, не сорвутся! А какъ подумаешь про народъ-отъ!... прибавилъ онъ, глубоко вздохнувъ и разваливаясь на диванѣ.—Слабость-то какая пò людямъ пошла!...

— На скорые прибытки стали падки, отвѣтилъ Колышкинъ.—А слышалъ ты какъ ветлужскіе же плуты Максима Алексѣича Зубкова обработали?... Знаешь Зубкова-то?

— Какъ не знать Максима Алексѣича! отвѣтилъ Патапъ Максимычъ.—Ума палата....

— Да денежка щербата, перебилъ Колышкинъ.—Мягкую бумажку возлюбилъ—переводитъ.... И огрѣли жь его ветлужски мастера—въ острогѣ теперь сидитъ.

— Полно! Какъ такъ? съ удивленьемъ спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Приходитъ къ нему какой-то проходимецъ изъ вашего скита—Красноярскій никакъ прозывается?...

— Красноярскій! вскликнулъ Патапъ Максимычъ.—Есть такой.... Знаю тотъ скитъ.... Чтò жь такое? спрашивалъ онъ съ нетерпѣньемъ.

— Приходитъ къ Зубкову изъ того скита молодой парень, продолжалъ Колышкинъ.—О томъ о семъ они покалякали, знамо—темныя дѣла разомъ не дѣлаются. Подъ конецъ парень двѣ сѣренькихъ Максиму Алексѣичу показываетъ: „купите дескать, ваше степенство, дешево уступлю, по пятнадцати цѣлковыхъ казенными“. Разгорѣлись глаза у Максима Алексѣича—взялъ. Сбылъ безъ сумнѣнія. Да только сбылъ, парень опять лѣзетъ съ сѣренькими, только дешевле двадцати пяти за каждую не беретъ. Максимъ Алексѣичъ и эти взялъ—видитъ товаръ хорошій. Да для пущаго увѣренья понесъ одну въ казначейство.... Приняли....

Онъ другую, и ту приняли.... Максимъ Алексѣичъ и остальныя понесъ — всѣ взяли. „Эка работа-то важнецкая“, думаетъ, „да съ такой работой можно поскорости милліонъ зашибить“. Самъ сталъ красноярскаго парня разыскивать, а тотъ какъ листъ передъ травой. „Такія дѣла говоритъ, выпали что надо безпремѣнно на Низъ съѣхать на долгое время, а у меня, говоритъ, на двадцать тысячъ сѣреньвихъ водится—не возьмете ли?“ Максимъ Алексѣичъ радехонекъ, да десять тысячъ настоящими въ замѣнъ и отсчиталъ.... Да на первой же бумажкѣ и попался—всѣ фальшивыя.... Дѣло завязалось — обыскъ.... Красноярскія денежки сыскались у Зубкова въ сундукѣ, а парня и слѣдъ простылъ—ищи его какъ вѣтра въ полѣ.... И сидитъ теперь Максимъ Алексѣичъ въ каменныхъ палатахъ за желѣзными дверями....

— Поди же вотъ тутъ! молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Первы-то бумажки парень давалъ ему настоящія, продолжалъ Колышкинъ,—а какъ увѣрился Зубковъ, онъ и подсунулъ ему самодѣльщины.... Вотъ каковы они, ветлужскіе-то!...

Патапъ Максимычъ задумался. „Какъ же такъ? было у него на умѣ. Стецъ-отъ Михаилъ чего смотритъ?... Морочатъ его, старца Божія!...“

— Да, избáловался народъ, избáловался, сказалъ онъ, покачивая головой.—Слабость да шатость пó людямъ пошла—отца обмануть во грѣхъ не поставятъ.

— Навострились, крёстный, навострились, отозвался съ усмѣшкой Колышкинъ.— Всякъ норовитъ на грошъ пятаковъ намѣнять.

— Ослѣпила корысть, думчиво молвилъ Чапуринъ. — Ослѣпила она всѣхъ отъ большаго до малаго, отъ перваго до послѣдняго. Зависть на чужое добро свѣтъ кольцомъ обвила.... Послѣдни времена!

— Ну! Заговори съ тобой, тотчасъ доберешься до антихриста, сказалъ Колышкинъ.—Каки послѣдни времена?... До насъ люди жили не ангелы, и послѣ насъ не черти будутъ. Правда съ кривдой споконъ вѣка однимъ колесомъ по міру катится.

Замолчалъ Патапъ Максимычъ, а самъ все про отца Михаила размышляетъ. „Неужель и впрямь у него такія дѣла въ скиту дѣлаются"? Но Колышкину даже имени игумна не помянулъ.

Воротясь на квартиру, Патапъ Максимычъ нашелъ Дюкова на боковой. Измаявшись въ дорогѣ, молчаливый купецъ спалъ непробуднымъ сномъ и такіе храпы запускалъ по горницѣ, что сосѣди хотѣли ужь посылать въ полицію.... Нескоро дотолкался его Патапъ Максимычъ. Когда наконецъ Дюковъ проснулся, Чапуринъ объявилъ ему, что песокъ оказался добротнымъ.

— Какъ же теперь дѣло будетъ? спросилъ, зѣвая во весь ротъ, Дюковъ.

— Какъ лажено такъ и будетъ, рѣшилъ Патапъ Максимычъ.—Получай три тысячи. „Куда ни шли три тысячи ассигнаціями, думалъ онъ, а ужь изловлю же я васъ, мошенники!"

— Ладно, отозвался Дюковъ, взялъ деньги, сунулъ въ карманъ и повернувшись на другой бокъ захрапѣлъ пуще прежняго.

Вечеромъ выѣхали изъ города. Отъѣхавъ верстъ двадцать, Патапъ Максимычъ разстался съ Дюковымъ. Молчаливый купецъ поѣхалъ во свояси, а Патапъ Максимычъ поспѣшилъ въ Городецъ на субботній базаръ. Да надо еще было ему хозяйскимъ глазомъ взглянуть какъ готовятъ на пристани къ погрузкѣ „горянщину".

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОПЕЧАТКИ

1-й части.

стр.	*строк.*	*напечатано:*	*должно читать:*
15	18	къ дѣвушками посмѣяться	съ дѣвушками посмѣяться
19	11	пожалуетъ	пріѣдетъ
35	10	смиренняя	смиренная
—	19	щеплетъ	щепаетъ
45	18	грѣхъ-то	грѣхъ отъ
46	16	кякъ	какъ
47	22	падушку	подушку
48	16	„Прологъ-отъ“	„Прологъ“-отъ
50	3	Дуняшу	Варварушку
51	3	Ты же же	Ты же
52	30	подначальныхъ „креетьянъ“	„подначальныхъ крестьянъ“
57	28	и выступила	выступила
59	31	богъ	Богъ
60	7	Съ тѣхъ к кь	Съ тѣхъ поръ какъ
69	19	ея	ее
71	30	сзываютъ	сзываются
75	1	Алѣксѣю	Алексѣю
76	5 и 6	Рукобытью	Рукобитью
79	22	бсзтыдница	безстыдница
87	13	мѣются	смѣются
—	14	умретъ	умрутъ
99	29	починить	починить
100	13	Алексѣюшк,о	Алексѣюшка,
102	7	положилъ потомъ Настѣ,	положилъ, потомъ Настѣ
106	11	рѣшилъ	рѣшили
119	15	спозналъ.	спозналъ,
126	23	жохденье	хожденье
133	20	на обѣдъ-то	на обѣдъ-отъ
136	25	лядящимъ	лядащимъ
147	10	утирала	утирая
152	19	Не единая	Ни единая
160	4	глазъ-то	глазъ-отъ
163	29	молвила	отвѣтила
170	32	Братецъ-то	Братецъ-отъ
172	24	Обѣзумѣлъ	Обезумѣлъ
177	2	Чупуринъ	Чапуринъ
—	9 и 14	Дьяковъ	Дюковъ

185	3	клюкахъ	каюкахъ
—	30	эашитою	зашитою
186	5	и дѣла	а дѣла
188	19	островы	острова
194	11	всѣхъ богаче буду миллiонщиковъ	всѣхъ миллiонщиковъ буду богаче
203	19	самъ-то	самъ-отъ
205	31	Дьяковъ	Дюковъ
206	32	Дьяковымъ	Дюковымъ
222	13	денечка	денечку
225	22	красовата	красовита
—	25	оглоблю	оглобли
229	14	Матрену	Матрону
230	19	преемную	прiемную
253	8 и 13	ея	ее
265	30	*tabunu*	*tabanus*
267	15	вàдьи	вадьѝ
284	7	знаютъ,	знаютъ...
288	19	это же келейницы	это келейницы же
297	6 и 7	бумажку да семь гривенъ на серебро дядѣ Онуфрiю	бумажку дядѣ Онуфрiю
302	22	безтолочи-то, чтò	безтолочи-то что,
303	11	голдовня	галдовня
310	16	а вольные	да вольные
327	5	нѣвись	гнѣвясь
328	17	съѣдзимъ	съѣздимъ
330	26	богатъ то	богатъ-отъ
346	28	Михаитъ	Михаилъ
360	16	уже	ужь
362	31 и 32	*hupporhea*	*hipporhea*
367	28	Дѣло-то было тогда	Дѣло-то было бы тогда
369	31	Какъ бы ему	Какъ бы ты ему
375	25	Колышкина	Колышкинъ
381	24	Старикъ	Странникъ
382	15	тридцати	тринадцати
386	10	пароводишко	пароходишко
389	16	Гласъ	Глазъ
399	5	дѣла говоритъ,	дѣла, говоритъ,

DATE DUE

